Сочиненія

Э. ОРЖЕШКО

0-65Г1855 5805Х
Оржешко, Элиза
Собрание сочинений. Т.3
Меир Эзлфович. 25р.
т.3
1896 г.

184 8/IX
410 24/IX
96 27/XII
282 22/VII
597 20/IX
22 28/III

301 24/VIII

21 26 1/-
4794 9 1/-
871 20 1/-
4892 5 1/-
2916 5 1/-
848 5 1/-
5314 1/-
1150 8 1/-
338 19 1/2

457 5 8 1/-
520 2 8 1/-
681 2 0 1/2

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Томъ третій

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе".
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Съ портретомъ автора, автографомъ, біографіей и вступительной статьей.

Переводъ съ польскаго,

подъ редакціей

С. С. Зелинскаго.

ДМИТРОВСКАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Московской области

Томъ третій.

Меиръ Эзофовичъ.

Библиотека завкома № 91
Катуаровского з-да кислотоупоръ
МПС РСФСР
Инвентарный №
БИБЛИОТЕКА
Инв. №
Наркомата пром. стройматер.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе".
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

Оглавленіе.

	Стр.
Вступленіе	3
Глава I	39
„ II	50
„ III	90
„ IV	112
„ V	134
„ VI	168
„ VII	210
„ VIII	225
„ IX	245
„ X	414

Меиръ Эзофовичъ.

Повѣсть эту посвящаю всѣмъ моимъ соотечественникамъ, съ вѣрой и энергіей стремящимся къ свѣту и миру, гдѣ бы и какъ бы они ни поклонялись Богу.

Авторъ.

Вступленіе.

На высотахъ цивилизаціи сходятся и согласно объединяются различныя вѣтви великаго дерева человѣчества. Просвѣщеніе является лучшимъ апостоломъ всеобщаго братства. Оно сглаживаетъ внѣшнюю шероховатость и уничтожаетъ внутреннія наращенія. Оно даетъ возможность прирожденнымъ особенностямъ разныхъ племенъ развиваться рядомъ другъ возлѣ друга и научаетъ эти племена взаимно другъ друга уважать. Оно очищаетъ даже религіозныя вѣрованія отъ наращеній, созданныхъ перемѣнчивымъ временемъ, сводитъ ихъ къ простѣйшему ихъ выраженію и такимъ образомъ даетъ имъ возможность сталкиваться безъ отвращенія и обоюднаго вреда.

Совершенно иначе происходитъ дѣло въ глубинѣ общественныхъ слоевъ, надъ которыми не свѣтитъ солнце знанія. Тамъ люди до сихъ поръ остаются такими же, какими были въ отдаленные вѣка. Время, выкапывая могилы для предковъ, не похоронило вмѣстѣ съ ними той формы и того содержанія, которое, постоянно возрождаясь, создаетъ поразительные анахронизмы, вызывая изумленіе общества. Тамъ существуютъ особенности, рѣзко отталкивающія все чуждое имъ, тамъ пресмыкается нравственная и физическая нищета, самое имя которой совершенно неизвѣстно тѣмъ, кто стоитъ на вершинѣ. Тамъ собираются темныя личности, мрачнымъ пятномъ

черѣющія на фонѣ остальнаго міра. Тамъ сфинксы съ неопредѣленными очертаніями охраняютъ гробы, и свободно царствуютъ окаменѣлые остатки вѣрований, чувствъ и обычаевъ, какъ бы подтверждая своимъ существованіемъ то положеніе, что геніи многихъ вѣковъ могутъ одновременно властвовать надъ міромъ.

Классы патриціевъ и плебеевъ, съ теченіемъ времени измѣняя свой характеръ и основы своего существованія, обмѣнялись ролями. Первый изъ нихъ сталъ защитникомъ и провозвѣстникомъ идеи равенства, другой упримо держится системы особенностей и различія. Прежде насиліе и гнетъ истекали изъ воли тѣхъ, которые были высоко поставлены, и направлялись на тѣхъ, кто копошился гдѣ-то тамъ въ глубинѣ, — теперь изъ глубины поднимаются нездоровыя испаренія, отравляющія жизнь, и тяжелые камни, тормозящіе путь избранникамъ цивилизаціи.

Подобныя несчастныя и порождающія несчастіе сферы, окруженныя и отдѣленныя отъ всего свѣта широкимъ чернымъ кряжемъ мрака и тумана, существуютъ и въ еврейскомъ обществѣ точно такъ же, какъ во всякомъ другомъ, и даже можно сказать, что ихъ тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Слишкомъ продолжительное существованіе ихъ есть слѣдствіе многихъ историческихъ обстоятельствъ и расовыхъ свойствъ. Въ настоящее время явленіе это привлекаетъ вниманіе мыслителя и художника, благодаря безконечной сферѣ своего вліянія и необычайному колориту, полному таинственнаго мрака и сверкающихъ огней. Несмотря на это, кто же изслѣдуетъ и знаетъ эти явленія? Даже люди, которыхъ, единство крови и преданій должно было бы привлекать къ этимъ сферамъ, затерянымъ въ темнотѣ,

не только не посылаютъ апостоловъ и художниковъ въ эти сферы, но даже нерѣдко отказываются вѣрить въ ихъ существованіе.

Какъ было бы, напримѣръ, удивлено еврейское общество, живущее въ какомъ-либо крупномъ центрѣ страны и состоящее изъ образованныхъ, ученыхъ мужчинъ, занятыхъ либеральными профессіями, стоящихъ въ первыхъ рядахъ развитого человѣчества, и женщинъ, которыя своею прелестью, изяществомъ и остроуміемъ не уступаютъ самымъ выдающимся женщинамъ другихъ обществъ,—какъ было бы удивлено это общество, разодѣтое въ черные фраки и шелковыя платья, если бы кто-нибудь вдругъ сталъ имъ разсказывать о томъ, что такое Шибовъ и что въ немъ происходитъ.

Шибовъ? На какой же планетѣ находится эта мѣстность? А если на нашей, то какое населеніе живетъ въ немъ, бѣлое, черное или краснокожее?

И вотъ, читатель, я берусь познакомить васъ съ этой глубокой, очень глубокой общественной долиной, которая носитъ вышеупомянутое имя. Въ ней недавно разыгралась драма, достойная вашего сочувственнаго взгляда, сердечнаго участія и нѣсколькихъ минутъ печальнаго размышленія. Но такъ какъ для полной рельефности фактовъ и личностей необходимо знать тотъ фонъ, на которомъ они возникли и развились и въ которомъ скрываются элементы, вызвавшіе ихъ, то позвольте мнѣ еще до поднятія занавѣса, который закрываетъ первыя сцены драмы, разсказать вамъ краткую „исторію маленькаго мѣстечка“.

* * *

Далеко, далеко отъ той желѣзнодорожной сѣти, которая пересѣкаетъ Бѣлорусскій край, и на боль-

шомъ разстояніи даже отъ судоходной Двины, въ одномъ изъ самыхъ укромныхъ уголковъ Европы, среди тихихъ, плоскихъ и пространныхъ равнинъ, тамъ, гдѣ сходятся двѣ широкія песчаныя дороги, которыя, выплывая изъ за склоновъ блѣднаго неба, исчезаютъ въ черной глубинѣ лѣса, — сѣрѣетъ нѣсколько сотъ малыхъ и большихъ построекъ, очень близко стоящихъ другъ отъ друга. Когда смотришь на нихъ, невольно приходитъ въ голову, что когда-то они жили въ большомъ страхѣ, а потому сошлись поближе, чтобы имъ легче было обмѣниваться тихими рѣчами и слезами въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ.

Это Шибовъ, маленькое мѣстечко, населенное исключительно евреями. Только одна улица на краю мѣстечка составляетъ незначительное исключеніе. Здѣсь въ нѣсколькихъ домикахъ живутъ бѣдные мѣщане и старые отставные чиновники.

Въ этой одной улицѣ царствуетъ полная тишина, а лѣтомъ цвѣтутъ скромные цвѣты. Въ другихъ улицахъ цвѣтовъ нѣтъ, но зато шумъ и говоръ не прекращаются никогда. Тамъ люди разговариваютъ безконечно, страстно, внутри домовъ и на нѣмыхъ грязныхъ тропинкахъ, носящихъ названіе улицъ, и на круглой обширной площади рынка среди мѣстечка. Вокругъ нея размѣстились низкія двери небольшихъ зловонныхъ лавокъ, а послѣ недѣльнаго торга, который привлекаетъ множество людей изъ окрестнаго населенія, на немъ остается безконечное и неизмѣримое количество грязи и сора. Надъ всѣмъ этимъ возвышается высокая темная молельня очень странной формы.

Постройка эта представляетъ изъ себя одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ еврейской архитектуры.

Художникъ и археологъ могли бы разсматривать ее съ одинаковымъ любопытствомъ. На первый взглядъ можно догадаться, что это храмъ, хотя внѣшній видъ его не имѣетъ ничего общаго съ другими храмами. Четыре толстыя тяжелыя и высокія стѣны ея обрисовываютъ монотонныя линіи огромнаго четыреугольника. Онѣ темно-коричневаго цвѣта, который придаетъ имъ серьезный, старый и печальный видъ. И это, несомнѣнно, очень старыя стѣны: объ этомъ свидѣтельствуютъ проросшія на нихъ продольныя полосы зеленоватаго моха. Вверху стѣны эти прорѣзаны рядомъ глубоко сидящихъ оконъ, которыя формой своей напоминаютъ бойницы укрѣпленныхъ замковъ. Еще выше всю постройку покрываетъ крыша, три тяжелыхъ этажа которой, склоняющихся одинъ надъ другимъ, похожи на три огромныхъ, темныхъ, поросшихъ мохомъ гриба.

Словно подъ охраной темныхъ стѣнъ храма и его грибообразной крыши, здѣсь собралось все, что сохраняетъ болѣе внушительный видъ и служитъ для общей пользы. Вокругъ обширнаго двора его помѣстились пристройки храма, хедеръ, домъ, предназначенный для собранія членовъ кагала. Здѣсь же пріютился низенькій черный домикъ съ двумя окнами, жалкая хижина, въ которой уже нѣсколько вѣковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе живутъ раввины, происходящіе изъ семьи Тодросовъ, извѣстной какъ въ самой общинѣ, такъ и далеко за ея предѣлами. Здѣсь царствуетъ обыкновенно образцовая чистота, и осенью или весной, когда люди повсюду буквально тонутъ въ грязи и задыхаются въ сорѣ, синагогальный дворъ бѣлѣетъ чистыми камнями, на которыхъ трудно найти хотя бы соломинку, потому что, будь она здѣсь, ее тотчасъ поднялъ бы прохожій, ревниво

оберегая чистоту всѣхъ этихъ мѣстъ, близкихъ къ храму.

О томъ, какое значеніе имѣетъ Шибовъ для еврейскаго населенія, живущаго въ Бѣлоруссіи и даже по всей широкой Литвѣ, можно судить по тому неловкому положенію, въ какое попалъ одинъ не столько умный, сколько веселый шляхтичъ, разговаривая съ еврейчикомъ факторомъ, который, однако, отличался не покорностью, а остроумiемъ.

Еврей-факторъ стоялъ у двери барскаго кабинета, слегка изогнувъ по направленію къ пану свою фигуру. Онъ улыбался и всякую минуту былъ готовъ къ стремительному движенію, чтобы услужить своему пану, и къ остроумнымъ рѣчамъ, чтобы вызвать въ немъ хорошее настроеніе.

Панъ былъ въ благодушномъ настроеніи и подшучивалъ надъ евреемъ.

— Хаимъ! — спрашиваетъ онъ.—Былъ ли ты въ Краковѣ?

— Не былъ, ваша милость!

— Ну, такъ больно же ты, Хаимъ, не уменъ!

Хаимъ поклонился.

— Хаимъ, а бывалъ ты въ Римѣ?

— Нѣтъ, ваша милосгь!

— Больно же ты, Хаимъ, не уменъ!

Хаимъ снова поклонился, но вмѣстѣ съ тѣмъ ближе подошелъ къ пану. На лицѣ его заиграла улыбка, свойственная людямъ его племени, улыбка хитрая и тонкая, о которой никогда нельзя съ увѣренностью сказать, выражаетъ ли она покорность, или тайное торжество, лесть или насмѣшку.

— Простите, ваша милость,—сказалъ онъ тихонько, — а были вы въ Шибовѣ?

Шибовъ находился на разстояніи около 20 миль отъ того мѣста, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ. Шляхтичъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Что же теперь будетъ?—еще тише шепнулъ Хаимъ.

Преданіе умалчиваетъ о томъ, какъ отвѣтилъ на этотъ щекотливый вопросъ веселый шляхтичъ. Однако, уже изъ того факта, что Шибовъ послужилъ въ качествѣ аргумента для защиты отъ обиднаго утвержденія или скорѣе для того, чтобы отплатить за него, можно судить, что для Хаима Шибовъ былъ тѣмъ же, чѣмъ для шляхтича были Римъ и Краковъ, т. е. такимъ мѣстомъ, въ которомъ сосредоточивался весь гражданскій и религіозный авторитетъ.

Если бы тогда кто-нибудь спросилъ еврея-фактора, почему онъ придаетъ такое большое значеніе маленькому мѣстечку, затерянному среди молчаливыхъ равнинъ, то онъ, вѣроятно, назвалъ бы только два имени: Эзофовичей и Тодросовъ. Это были фамиліи двухъ семей, издавна обитавшихъ въ Шибовѣ. Между этими семьями было опредѣленное различіе и создалось то ясное раздѣленіе, что Эзофовичи были въ глазахъ евреевъ представителями свѣтскаго блеска высшаго качества, т. е. многочисленности рода, связей, богатства и ловкости въ дѣлахъ и пріобрѣтеніи новаго имущества; семья же Тодросовъ олицетворяла духовные элементы: набожность, религіозную ученость и суровую чистоту жизни, доходящую до аскетизма.

Очень можетъ быть, что Хаимъ, спрошенный о причинахъ значенія, какое онъ приписываетъ маленькому мѣстечку, забылъ бы назвать Эзофовичей. Несмотря на то, что богатствомъ и вліятельностью

этой семьи гордились всѣ евреи на нѣсколько десятковъ миль кругомъ и считали ихъ предметомъ своей народной гордости, однако, этотъ чисто-свѣтскій блескъ угасалъ передъ лучами чисто-духовной святости, ореолъ которой издавна окружалъ старинное имя Тодросовъ.

Все еврейское населеніе Литвы и Бѣлоруссіи издавна признавало Тодросовъ за образецъ и ковчегъ религіозной правовѣрности. Было ли это на самомъ дѣлѣ вѣрно? Можно было найти ученыхъ талмудистовъ, которые при упоминаніи о талмудической правовѣрности Тодросовъ какъ-то странно улыбались и, встрѣтившись другъ съ другомъ, печально шептались о чемъ-то. Большое раздумье вызывала въ ученыхъ талмудистахъ эта прославленная талмудическая правовѣрность Тодросовъ, но что изъ этого: сомнѣвающіеся составляли незначительное меньшинство по сравненію съ вѣрующей толпой. А толпа вѣрила, поклонялась и стремилась въ Шибовъ, какъ въ священную мѣстность, для того, чтобы поклониться, получить наставленіе, совѣтъ, утѣшеніе или лѣкарство.

Однако, Шибовъ не всегда пользовался репутаціей такой правовѣрности! Напротивъ. Первыми основателями его были отщепенцы, караимы, которые въ лонѣ еврейскаго народа были представителями духа оппозиціи и раскола. Когда-то очень давно они обратили въ свою вѣру могущественный народъ, живущій въ богатой млекомъ и медомъ странѣ Херсонесской, и стали его царями. Потомъ съ воспоминаніями объ этомъ единственномъ цареніи и со своей законодательной книгой — Библіей поплыли они дальше въ свѣтъ, дважды изгнанные: изъ Палестины и изъ Крыма. Небольшую часть ихъ пригласилъ въ

Литву великій князь Литовскій Витольдъ, а оттуда они перешли дальше—въ Бѣлоруссію и тамъ поселились въ этой небольшой кучкѣ домиковъ, которую назвали „Шибовъ".

Въ тотъ періодъ времени въ пятничные и субботніе вечера во всемъ мѣстечкѣ царили тишина и темень. Дѣло въ томъ, что караимы, въ противоположность талмудистамъ, встрѣчали субботу не яркимъ освѣщеніемъ и веселыми оживленными пиршествами, а мракомъ, молчаніемъ, печалью и размышленіемъ объ упадкѣ храма и родины. Изъ чернѣющихъ жилищъ черезъ крошечныя окна доносились тихіе протяжные, пѣвучіе и жалобные звуки. Отцы разсказывали своимъ дѣтямъ о пророкахъ, которые сидѣли надъ рѣками Вавилона, разбивали свои арфы и обрѣзывали пальцы на рукахъ, чтобы никто не могъ заставить ихъ пѣть въ неволѣ о благословенной странѣ Хавили, лежащей гдѣ-то на югѣ Аравіи, въ которой жило десять поколѣній Израиля свободно, счастливо и мирно, совершенно не зная, что такое споры или мечъ. Они разбивали свои арфы, чтобы никто не могъ заставить ихъ пѣть о святой рѣкѣ Саббатіонъ, скрывающей бѣглецовъ израильтянъ отъ глазъ ихъ враговъ.

Однако, пришло время, когда въ пятничные вечера окна домовъ стали тамъ и сямъ свѣтить яркимъ свѣтомъ, а улицу стали оглашать шумный говоръ и пѣніе молящихся. Число раввинитовъ увеличивалось.

Съ каждымъ днемъ прибывали почитатели талмудическихъ авторитетовъ, представители слѣпой вѣры въ устныя преданія, собранныя и завѣщанныя Танаитами и Ганами. Они становились все многочисленнѣе и все сильнѣе тѣснили живущую здѣсь горсть еретиковъ. Вслѣдствіе этого нашествія караимская об-

щина таяла съ каждымъ днемъ, послѣдній же ударъ нанесъ ей человѣкъ, извѣстный въ исторіи польскаго Израиля подъ именемъ Михаила Эзофовича Сеніора.

Это былъ первый изъ Эзофовичей, имя котораго выступило изъ мрака неизвѣстности. Семья его, безконечно давно поселившаяся въ Польшѣ, была одной изъ тѣхъ, которыя подъ вліяніемъ просвѣщенія, блескомъ своимъ украшавшаго Польшу въ эпоху Ягеллоновъ, завязали дружественныя сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Званіе Сеніора, или начальника всѣхъ живущихъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи евреевъ, онъ получилъ отъ короля Сигизмунда I на основаніи грамоты, основной пунктъ которой гласилъ:

„Мы, Сигизмундъ, Божіей милостью и проч. и проч. приводимъ въ извѣстность всѣхъ евреевъ, живущихъ въ государствѣ и отечествѣ нашемъ... Принимая во вниманіе вѣрныя къ намъ услуги еврея Михаила Эзофовича и желая, чтобы вы не встрѣчали никакихъ препятствій и задержекъ въ дѣлахъ вашихъ съ нами, справедливо рѣшаемъ: чтобы Михаилъ Эзофовичъ велъ при насъ всѣ ваши дѣла и былъ старшимъ надъ вами, вамъ же вмѣняется въ обязанность обращаться къ намъ черезъ него и во всемъ подчиняться ему. Онъ будетъ судить васъ и управлять вами согласно обычаямъ вашего закона, а виновныхъ будетъ наказывать съ разрѣшенія нашего, каждаго согласно степени его виновности“...

Изъ нѣсколькихъ упоминаній о Сеніорѣ въ исторіи можно вывести заключеніе, что онъ обладалъ силой воли и энергіей. Сильной рукой правилъ онъ ввѣренными ему соотечественниками, а на тѣхъ, которые не хотѣли подчиняться, а именно на караимовъ, онъ наложилъ анаѳему, которая исключала ихъ

изъ еврейскаго общества и отнимала у нихъ право на дружескую помощь соплеменниковъ. Съ этимъ ударомъ существованіе прежнихъ жителей Шибова, которое до сихъ поръ отличалось бездѣятельностью, печалью и бѣдностью, подверглось окончательному разложенію. Потомки властителей Хозарскаго царства, еретики, которые, какъ это всегда бываетъ, составляли незначительное меньшинство въ своемъ обществѣ и были предметомъ недоброжелательства и отвращенія, утомленные и бѣдные, оставили мѣстность, которая служила имъ временнымъ пріютомъ. Со своей упорной и исключительной привязанностью къ Библіи, со своими поэтическими легендами на устахъ, они разошлисъ по широкому и враждебному имъ міру, оставляя за собой единственный слѣдъ въ видѣ группы сѣрыхъ жилищъ, затерянныхъ среди бѣлорусскихъ равнинъ. На мѣстѣ осталось только нѣсколько болѣе упорныхъ семей, страстно привязанныхъ къ старымъ гробамъ, гдѣ покоился прахъ ихъ отцовъ, и къ холму, гдѣ виднѣлись развалины ихъ храма, разрушеннаго восторжествовавшими раввинитами.

Раввиниты забрали Шибовъ въ свое полное обладаніе, и нужно отдать имъ справедливость, что своей дѣятельностью, предусмотрительностью и солидарностью своихъ дѣйствій, сила которыхъ основывалась на безпримѣрной взаимопомощи, сдѣлали изъ старинаго мѣстечка, погруженнаго въ тишину, печаль и убожество, мѣстность, полную шума, движенія и богатства.

Вообще въ тѣ времена евреямъ, находившимся подъ властью Сеніора, жилось хорошо. Кромѣ матеріальнаго преуспѣянія, имъ начала улыбаться надежда на уничтоженіе духовнаго мрака и подъемъ изъ обще-

ственнаго приниженія. Сеніоръ обладалъ, вѣроятно, быстрымъ и живымъ умомъ, если, несмотря на нѣкоторые предразсудки, сумѣлъ понять духъ времени и потребности своего народа. Не изъ религіознаго фанатизма, но скорѣе по административнымъ или общественнымъ побужденіямъ исключилъ онъ караимовъ изъ лона Израиля. Правда, самъ онъ былъ раввинитомъ и вслѣдствіе этого былъ обязанъ безусловно чтить религіозные авторитеты и вѣрить имъ, но скептицизмъ, этотъ лучшій и, быть можетъ, единственный путь къ мудрости, нерѣдко навѣщалъ его умъ. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ королю онъ защищается отъ обвиненій, взводимыхъ на его судебныя дѣйствія, и не безъ ироніи говоритъ:

„Книги наши предписываютъ не одно и то же. Мы нерѣдко не знаемъ, какъ поступить, потому что Гамаліилъ приказываетъ одно, а Эліазаръ другое. Въ Вавилонѣ одна истина, а въ Іерусалимѣ другая [1]. Мы повинуемся второму Моисею [2], а современники называютъ его еретикомъ. Я постоянно совѣтую ученымъ писать такія мудрыя произведенія, чтобы ихъ могли слушать и умные, и глупые“.

Какъ разъ въ это время на западѣ среди евреевъ, поселившихся въ Испаніи и Франціи, возникли споры о томъ, нужно ли запретить свѣтскую науку почитателямъ Библіи и Талмуда. Колебанія продолжались не долго, потому что сторонники безусловнаго отчужденія израильскаго народа отъ умственныхъ стремленій и трудовъ человѣчества составляли огромное большинство. Въ каждомъ обществѣ бываютъ такіе моменты, когда оно погружается въ мракъ.

[1] Два несогласныя между собой изданія Талмуда: Вавилонское и Іерусалимское.

[2] Маймонидесъ.

Это случается чаще всего тогда, когда долгія усилія, пережитыя страданія и потоки пролитой крови истощили жизнеспособность и энергію народа. Такой именно моментъ переживали западные евреи въ XVI вѣкѣ, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ странствованія, послѣ жизни, полной ужасовъ, крови и огня. Уже давно прошли тѣ времена, когда въ ихъ средѣ рождались знаменитые ученые, посвящавшіе себя изученію свѣтскихъ наукъ, возбуждавшіе любовь народовъ и уваженіе королей. Нѣсколько вѣковъ отдѣляло ихъ отъ всеобъемлющей и возвышенной мысли Маймонидеса, который, воздавая надлежащую хвалу израильскому законодателю, почиталъ также и греческихъ мудрецовъ. Онъ старался основать библейское и талмудическое ученіе на математическихъ и астрономическихъ истинахъ. Онъ открыто высказывалъ желаніе заключить 2.500 листовъ Талмуда въ одной ясной, какъ день, главѣ. Онъ полагалъ, что неразумныхъ мнѣній не могутъ оправдать даже религіозныя вѣрованія потому, что „глаза помѣщены въ передней части головы человѣка, а не сзади, для того, чтобы онъ имѣлъ возможность смотрѣть впередъ“. Онъ предсказывалъ вмѣстѣ съ пророкомъ Исаіей, что весь „міръ наполнится нѣкогда знаніемъ такъ, какъ теперь вода наполняетъ глубь морскую“.

Прошло четыре вѣка съ тѣхъ поръ, какъ ушла изъ міра живыхъ симпатичная фигура израильскаго мыслителя, который былъ вообще однимъ изъ наиболѣе глубокихъ мыслителей среднихъ вѣковъ. Великана съ орлинымъ взоромъ и пламеннымъ сердцемъ смѣнили карлики съ сердцемъ усталымъ и преисполненнымъ горечи, со взоромъ, который глядѣлъ на міръ мутно, ограниченно и подозрительно.

„Берегись греческой мудрости, — говорилъ, обращаясь къ сыну, Іосифъ Эзоби, — она подобна Содомскому виноградарику, который наполняетъ голову человѣка пьянствомъ и грѣхомъ“. „Чуждые люди проникаютъ въ ворота Сіона!“—жаловался Аббаари, узнавъ, что еврейская молодежь учится у иновѣрныхъ учителей. А всѣ раввины и начальники еврейскихъ общинъ на западѣ издали распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ заниматься свѣтской наукой до истеченія 30 лѣтъ. „Тотъ только,—говорятъ они,—имѣетъ право согрѣваться у чужого очага, кто наполнилъ свое сердце Библіей и Талмудомъ“.

— „Равви! — отвѣчали ему болѣе отважные, хотя и съ такой же покорностью подчиняющіеся распоряженіямъ своихъ духовныхъ владыкъ, — какъ же можемъ мы изучать свѣтскую науку послѣ 30-лѣтняго возраста, если къ этому времени умъ нашъ отупѣетъ, память утомится, и у насъ уже не будетъ ни пыла, ни силъ, которые были въ молодости?“

Несмотря на это, всѣ подчинились распоряженіямъ. Умъ ихъ отупѣлъ, утомленная память ослабѣла, пылъ и силы молодости покинули ихъ. Безмолвный и неподвижный гробъ Маймонидеса стоялъ среди моря мрака, окружившаго народъ, который онъ велъ къ свѣту. Память его была предана анаѳемѣ, а дерзновенная рука стерла съ его гробницы надпись, полную благодарности и хвалы, и замѣнила ее словами сухими и жестокими, какъ сама тьма и фанатизмъ:

„Здѣсь лежитъ Моисей Маймонидесъ, отлученный еретикъ“.

Точно такіе же споры возникли въ то же самое время среди евреевъ, живущихъ въ Польшѣ. Но здѣсь они не были такъ утомлены гоненіями, кото-

ДМИТРОВСКАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Московской области

рыхъ они испытали несравненно меньше, чѣмъ ихъ братья на западѣ, здѣсь они пользовались большей свободой, права и само существованіе ихъ были болѣе обезпечены, а потому они выражали меньше отвращенія къ чуждымъ очагамъ.

Среди нихъ возникла довольно многочисленная партія, которая громко требовала свѣтской науки, и взывала къ солидарности съ остальнымъ населеніемъ въ его трудахъ и стремленіяхъ. Однимъ изъ главарей этой партіи былъ литовскій Сеніоръ — Эзофовичъ. По его иниціативѣ былъ собранъ еврейскій Синодъ, который обратился ко всѣмъ польскимъ евреямъ съ воззваніемъ слѣдующаго содержанія:

„У Іеговы есть много Сефиротовъ; у Адама было много источниковъ совершенства; точно также и израильтянинъ не долженъ ограничиваться однимъ (т. е. духовной наукой). Священная наука занимаетъ первое мѣсто, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы не должны ѣсть менѣе вкусныхъ яблокъ.... Вѣдь евреи жили и при царскихъ дворахъ; Мордохай былъ ученымъ, Эсѳирь была мудра, Неемія былъ совѣтникомъ персидскаго царя, — и они спасли народъ изъ рабства. Учитесь, будьте полезны королю и вельможамъ, и васъ будутъ уважать. Евреевъ на свѣтѣ такъ много, какъ звѣздъ на небѣ, какъ песчинокъ на днѣ моря, но не свѣтятъ они, какъ звѣзды, а каждый топчетъ ихъ, какъ песокъ... Но вѣдь вѣтеръ приноситъ сѣмена разныхъ деревьевъ, и никто не спрашиваетъ, откуда произошло самое пышное дерево, почему же въ нашей средѣ не могъ бы вырости ливанскій кедръ вмѣсто дерева?“

Вскорѣ человѣку, подъ вліяніемъ котораго было написано воззваніе, совѣтующее польскимъ евреямъ повернуть голову въ ту сторону, откуда приходило

Библиотека Академии Наук СССР
Каталогизация библиотек СССР
МПСИ-СССР

сіяніе будущаго, пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, взоръ котораго былъ устремленъ въ прошедшее и въ тьму.

Это былъ Неемія Тодросъ, недавно прибывшій изъ Испаніи и поселившійся въ Шибовѣ, потомокъ знаменитаго Тодроса Абулаффи Галеви, который нѣкоторое время славился своей талмудической мудростью и правовѣрностью, но впослѣдствіи увлекся мрачными тайнами каббалистики и, подкрѣпляя ее своимъ авторитетомъ, содѣйствовалъ возникновенію въ лонѣ израильскомъ одного изъ опаснѣйшихъ помѣшательствъ, какія вообще могутъ возникнуть. Преданіе говоритъ, что тотъ же Неемія Тодросъ, обладающій княжескимъ титуломъ — Насси, привезъ въ Польшу книгу Зогаръ, которая заключала изложеніе, или, лучше сказать, квинтъ-эссенцію пагубнаго ученія, и что къ этому времени относится смѣшеніе талмудическихъ наукъ съ каббалистикой, которая все болѣе пагубно дѣйствовала на умы и жизнь польскихъ евреевъ, охватывая все болѣе широкія сферы. Исторія не говоритъ намъ ничего о тѣхъ распряхъ и борьбѣ, которыя возникли вслѣдствіе этого нововведенія среди народа, потому что онъ уже успѣлъ вырваться изъ окружающаго его мрака; но преданія, свято сохраняемыя отдѣльными семьями, повѣствуютъ, что въ борьбѣ между Михаиломъ Эзофовичемъ, издавна живущимъ въ Польшѣ, и испанскимъ пришельцемъ Неміей Тодросомъ — первый былъ побѣжденъ. Онъ страдалъ, видя, что народъ его обращается на ложный путь и, преслѣдуемый интригами своего мрачнаго противника, умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Имя его передавалось въ семьѣ Эзофовичей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Всѣ они гордились этимъ воспоминаніемъ, хотя съ

теченіемъ времени все меньше понимали его истинное значеніе.

Съ этого времени начинается періодъ вліянія Тодроса и постепеннаго уменьшенія нравственнаго значенія Эзофовичей въ странѣ. Когда сфера широкой общественной дѣятельности была окончательно закрыта для нихъ, они обратили всѣ свои усилія на преуспѣяніе въ области матеріальныхъ благъ. Судоходныя рѣки ежегодно покрывались судами, принадлежащими имъ и несущими къ большимъ гаванямъ огромное количество всевозможныхъ предметовъ торговли. Домъ ихъ, стоявшій въ жалкомъ мѣстечкѣ, постепенно становился главнымъ средоточіемъ мѣстной промышленности и кредита. Къ нимъ, какъ къ Ротшильдамъ, обращались всѣ тѣ, кто нуждался въ поддержкѣ золота для осуществленія своихъ предпріятій и плановъ.

Эзофовичи гордились пріобрѣтеннымъ денежнымъ могуществомъ и совершенно перестали заботиться о той власти, которая складывается изъ вліянія на умъ и судьбу народа и которой обладалъ ихъ прадѣдъ. Власть эту, повидимому, навсегда отняли у нихъ Тодросы, тѣ самые, которые всегда оставались въ нуждѣ, почти въ нищетѣ, которые жили въ жалкой лачугѣ у подножія храма и пренебрегали всякимъ зяществомъ, красотой и даже удобствомъ, но, несмотря на все это, пользовались извѣстностью въ своей странѣ, и къ нимъ направлялись набожные вздохи, пылкія мечтанья и тоска народа. И только одинъ разъ за промежутокъ двухъ вѣковъ одинъ изъ Эзофовичей сдѣлалъ попытку захватить въ свои руки не матеріальную, а нравственную власть.

Это было въ концѣ XVIII столѣтія. Въ Варшавѣ засѣдалъ великій четырехлѣтній сеймъ. Слухи о

преніяхъ, происходившихъ въ немъ, дошли и до маленькаго Бѣлорусскаго мѣстечка. Населеніе его чутко прислушивалось и ждало. Среди народа ходили слухи, полные надеждъ и тревоги: и о евреяхъ говорятъ тамъ!

Что говорятъ тамъ о насъ, что пишутъ? Такіе вопросы задавали другъ другу на шибовскихъ улицахъ длиннобородые прохожіе, одѣтые въ длинные халаты и большія мѣховыя шапки. Любопытство возросло до такихъ необычайныхъ размѣровъ, что даже затормозило движеніе денежныхъ и торговыхъ дѣлъ. Нѣкоторые изъ обывателей отправились въ самую Варшаву для того, чтобы быть ближе къ источнику, изъ котораго исходили всѣ свѣдѣнія. Очутившись тамъ, они посылали своимъ соплеменникамъ обширныя письма, помятыя и грязныя газеты, листки, вырванные изъ всевозможныхъ книгъ и брошюръ.

Изъ всѣхъ оставшихся въ мѣстечкѣ особенно чутко и тревожно прислушивались ко всѣмъ извѣстіямъ два человѣка: раввинъ Нохимъ Тодросъ и богатый купецъ Гершъ Эзофовичъ.

Въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей чувствовалась глухая, но постоянно кипящая въ ихъ сердцахъ непріязнь. Они не любили другъ друга. Съ внѣшней стороны между ними царствовало полное согласіе, но при каждомъ болѣе крупномъ поводѣ нерѣдко очень бурно прорывался антагонизмъ между внукомъ Михаила Сеніора, послѣдователя Маймонидеса, и потомкомъ фанатическаго каббалиста — Нееміи Тодроса.

Наконецъ, однажды изъ Варшавы былъ полученъ пожелтѣвшій и измятый въ далекомъ пути листокъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее:

„Всѣ различія въ одеждѣ, языкѣ и обычаяхъ между евреями и мѣстнымъ населеніемъ должны быть уничтожены. Все, что касается религіи, должно остаться неприкосновеннымъ. Даже секты должны пользоваться терпимостью, если только не будутъ вредно вліять на нравственность. Не слѣдуетъ допускать къ крещенію евреевъ до истеченія 20 лѣтъ. Евреямъ предоставляется право пріобрѣтать землю, а тѣ изъ нихъ, кто пожелаетъ заняться земледѣліемъ, на пять лѣтъ освобождаются отъ податей и получаютъ инвентарь. Воспрещаются браки мужчинамъ до истеченія 20 лѣтъ и женщинамъ до 18“.

Листокъ носили по улицамъ, площадямъ и домамъ, прочитывали его сотни разъ, потрясали имъ въ воздухѣ, точно знаменемъ тріумфа или траура, пока, наконецъ, пройдя черезъ тысячу жалкихъ и дрожащихъ рукъ, онъ не разлетѣлся въ клочки, разсыпался желтоватой пылью и исчезъ.

Однако, населеніе Шибова не сразу выразило свое мнѣніе о прочитанномъ. Меньшинство обратило вопросительные взгляды на Герша, подавляющее большинство всматривалось въ лицо ребъ Нохима.

Ребъ Нохимъ переступилъ порогъ своей лачуги и, поднявъ надъ сѣдой головой свои худыя руки, выражая этимъ ужасъ и отчаяніе, повторилъ нѣсколько разъ:

— А гзейре! А коре!

— Несчастье! Несчастье! Горе намъ! — повторила за нимъ толпа, наполнявшая въ этотъ день синагогальный дворъ. Но въ тотъ же самый моментъ Гершъ Эзофовичъ, стоявшій у дверей малитвеннаго дома, заложилъ бѣлую руку за широкій поясъ

атласнаго халата, другой повелъ по густой рыжеватой бородѣ, высоко поднялъ голову, покрытую дорогой бобровой шапкой, и такъ же громко, какъ раввинъ, но совершенно инымъ тономъ произнесъ:

— Бытохоу! А трейстъ!

— Надежда! Надежда! Радость,—несмѣло и тихо повторила немногочисленная группа его друзей, искоса поглядывая на раввина.

Но у стараго раввина былъ хорошій слухъ: онъ услыхалъ. Бѣлая борода его затряслась, и черные глаза его метнули молніи по направленію къ Гершу.

— Они прикажутъ намъ брить бороды и носить короткое платье,—закричалъ онъ жалобно и сердито.

— Они удлинятъ нашъ разумъ и расширятъ наше сердце! — послышался отъ дверей громкій голосъ Герша.

— Они запрягутъ насъ въ плуги и прикажутъ намъ воздѣлывать почву этой страны изгнанья, — кричалъ ребъ Нохимъ.

— Они откроютъ передъ нами сокровища земли и прикажутъ ей стать нашимъ отечествомъ!—кричалъ Гершъ.

— Они запретятъ намъ придерживаться кошера, и Израиль изъ кустарника превратится въ ливанскій кедръ!

— Лица сыновъ нашихъ заростутъ бородами прежде, чѣмъ имъ можно будетъ взять себѣ женъ.

— Они возьмутъ себѣ женъ тогда, когда разовьется умъ въ ихъ головахъ и сила въ рукахъ.

— Они прикажутъ намъ согрѣваться у чужихъ очаговъ и пить вино изъ чужого виноградника.

— Они ускорятъ наступленіе Іобель-га-Гадель, праздника радости, когда ягненокъ будетъ лежать рядомъ съ тигромъ.

— Гершъ Эзофовичъ! Гершъ Эзофовичъ! Устами твоими говоритъ душа твоего прадѣда, который хотѣлъ завести всѣхъ евреевъ къ чужимъ очагамъ.

— Ребъ Нохимъ! Ребъ Нохимъ! Глазами твоими смотритъ душа твоего прадѣда, который погрузилъ во мракъ всѣхъ евреевъ!

Такъ разговаривали между собой эти люди, окруженные молчаливой толпой. Голосъ Нохима становился все тоньше и рѣзче, голосъ Герша звучалъ все сильнѣе, все глубже. Желтыя щеки стараго раввина покрылись пятнами темно-краснаго румянца, лицо Эзофовича поблѣднѣло. Раввинъ потрясалъ надъ головой высохшими руками, откидывалъ свою фигуру то назадъ, то впередъ, а серебристая борода его раскинулась по плечамъ. Купецъ стоялъ прямо и неподвижно. Въ глазахъ его сверкала гнѣвная иронія, а рука, вложенная за поясъ, рѣзко выдѣлялась на черномъ фонѣ атласа.

Нѣсколько тысячъ глазъ быстро перебѣгало отъ одного лица къ другому, нѣсколько тысячъ устъ нервно дрожали, но все еще молчали.

Наконецъ, по двору храма пронесся пронзительный, рѣзкій и протяжный крикъ ребъ Нохима:

— А гзейре! А коре!—стоналъ онъ, рыдая и поднимая руки надъ головой.

— Бытохонъ! А трейстъ!—поднимая вверхъ руку, радостнымъ голосомъ закричалъ Гершъ.

Толпа молчала еще съ минуту и стояла непо-движно, потомъ головы стали наклоняться другъ къ другу, какъ волны, идущія въ разныя стороны, и подобно шуму воды зашумѣли уста: внезапно нѣсколько тысячъ рукъ поднялось вверхъ жестомъ тревоги и скорби, и нѣсколько тысячъ голосовъ разразилось огромнымъ согласнымъ восклицаніемъ:

— А гзейре! А коре!

Гершъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Друзья окружали его тѣсной толпой. Они не повторяли криковъ толпы, но—молчали. Головы ихъ были опущены, и взоры потуплены въ землю.

По лицу Герша промелькнула презрительная улыбка. Когда же народъ шумной стонущей волной сталъ тѣсниться къ храму, когда ребъ Нохимъ побѣжалъ впереди толпы, потрясая надъ сѣдой головой желтыми руками, и уже передъ порогомъ храма началъ молитву, которую обыкновенно читали для отвращенія угрожающей опасности; когда, наконецъ, темныя стѣны молитвеннаго дома наполнились громкими рыдающими возгласами: „Боже, спаси народъ твой, спаси отъ погибели остатки Израильскаго народа!“—молодой купецъ долго стоялъ безъ движенія и, глубоко задумавшись, смотрѣлъ въ землю; потомъ онъ медленнымъ шагомъ перешелъ черезъ огромную площадь рынка и исчезъ въ глубинѣ стоящаго тутъ же обширнаго и опрятнаго дома.

Это былъ самый обширный и самый красивый домъ во всемъ мѣстечкѣ. Онъ былъ еще совсѣмъ новый, такъ какъ самъ Гершъ построилъ его, и сверкалъ желтыми стѣнами и свѣтлыми окнами. Внутри его въ большой комнатѣ на простой скамейкѣ долго сидѣлъ Гершъ, мрачно глядя впередъ и оперевъ голову на руки. Потомъ онъ поднялъ голову и позвалъ:

— Фрейда! Фрейда!

При этихъ словахъ двери сосѣдней комнаты отворились и на порогѣ показалась молодая стройная женщина, освѣщенная золотистыми отблесками пылающаго очага. На головѣ ея былъ повязанъ бѣлый тюрбанъ, у шеи, украшенной нитями жемчуга, былъ

пристегнутъ длинный бѣлый фартукъ, спускавшійся до самаго пола. Среди продолговатаго кроткаго лица огромные черные глаза ея свѣтились весельемъ и огнемъ. Она остановилась передъ мужемъ и молча устремила на него вопросительный взоръ.

Гершъ указалъ ей глазами на скамейку, на которой она тотчасъ усѣлась.

— Фрейда,—началъ онъ,—слыхала ли ты, что происходило у насъ сегодня въ мѣстечкѣ.

— Слыхала, — тихо отвѣтила она,—братъ мой Іозе заходилъ ко мнѣ и говорилъ мнѣ, что сегодня ты ссорился съ ребъ Нохимомъ.

— Онъ хочетъ съѣсть меня такъ, какъ прадѣдъ его съѣлъ моего прадѣда.

Въ черныхъ глазахъ Фрейды блеснула тревога.

— Гершъ!—воскликнула она.—Не ссорься ты съ нимъ, — онъ великій и святой, за нимъ пойдутъ всѣ.

— Ну, — послѣ нѣкоторой паузы отвѣчалъ съ улыбкой мужъ,—ужъ ты не безпокойся! Теперь уже приходитъ другое время, онъ не сдѣлаетъ мнѣ ничего. А я не могу закрывать себѣ рта, когда сердце мое громко требуетъ отъ меня, чтобы я говорилъ. Я не могу смотрѣть, какъ человѣкъ этотъ называетъ добро зломъ и какъ глупый народъ, ничего не понимая, смотритъ ему въ глаза и повторяетъ его слова. Ну! Да какъ и можетъ онъ понимать что-нибудь? Развѣ Тодросы учили его когда-нибудь отличать дурное отъ хорошаго и прошедшее отъ будущаго?

Послѣ минутнаго молчанія Гершъ заговорилъ снова:

— Фрейда!

— Что, Гершъ?

— Не забыла ли ты того, что я разсказывалъ тебѣ о Михаилѣ Сеніорѣ?

Женщина съ выраженіемъ благоговѣнія сложила руки.

— Зачѣмъ мнѣ было забывать? Ты разсказывалъ мнѣ о немъ прекрасныя исторіи.

— Это былъ великій, очень великій человѣкъ! Его съѣли Толросы. Если бы они не съѣли его, то онъ много сдѣлалъ бы для евреевъ. Но это ничего не значитъ. Я спрошу его, какъ онъ хотѣлъ сдѣлать это, онъ научитъ меня, и я это сдѣлаю!

Фрейда побѣлѣла.

— Какъ же ты спросишь его,—шепнула она съ тревогой,—если его уже давно нѣтъ въ живыхъ.

Таинственная улыбка промелькнула по тонкимъ губамъ купца.

— Ужъ я знаю какъ. Иногда Богъ устраиваетъ такъ, что и тѣ, кто уже давно умеръ, получаютъ возможность говорить и учить своихъ правнуковъ.

— Фрейда! — началъ онъ немного спустя. — Знаешь ли ты, что сдѣлалъ Сеньоръ Михаилъ, когда онъ почувствовалъ, что Толросы загрызутъ его и что онъ умретъ прежде, чѣмъ придутъ иныя времена?

— Ну! Что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ заперся въ своей комнатѣ и долго сидѣлъ тамъ одинъ. Ничего не ѣлъ, не пилъ и не спалъ, только писалъ. Что же онъ написалъ? Объ этомъ еще никто ничего не знаетъ потому, что онъ гдѣ-то очень далеко запряталъ свое писаніе. Когда же онъ почувствовалъ себя дурно и ему стало ясно, что дни его сочтены, то онъ сказалъ своимъ сыновьямъ: „Я написалъ все, что я зналъ и чувствовалъ и что намѣревался сдѣлать, но и спряталъ отъ

васъ мое писаніе потому, что при такомъ положеніи дѣла изъ него нельзя сдѣлать никакого употребленія. Тодросы царствуютъ и долго еще будутъ царствовать и сумѣютъ устроить такъ, что ни ваши дѣти, ни внуки не пожелаютъ взглянуть на мое писаніе, а если бы и взглянули на него, то разорвали бы его въ клочки, потому что Михаилъ Сеніоръ былъ коферъ (невѣрующій), и прокляли бы его точно такъ же, какъ прокляли второго Моисея. Но придетъ такое время, когда праправнукъ мой захочетъ обладать моимъ завѣщаніемъ, чтобы изъ него узнать, о чемъ слѣдуетъ думать и что нужно дѣлать для того, чтобы освободить евреевъ отъ ига Тодросовъ и довести ихъ до того солнца, которое свѣтитъ для другихъ народовъ. Тотъ праправнукъ мой, который сильно захочетъ этого, найдетъ мое завѣщаніе, а вы должны лишь повторять старшимъ сыновьямъ въ часъ своей кончины, что оно существуетъ и что въ немъ написано много прекраснаго! И пусть будетъ такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ приказываю я вамъ. Помните, чтобы вы были послушны тому, чья душа достойна того, чтобы быть безмертной* [1].

Гершъ замолчалъ. Фрейда сидѣла неподвижно, всматриваясь съ любопытствомъ въ лицо мужа.

— Ты будешь искать это завѣщаніе?—спросила она тихо.

— Я буду искать его,—повторилъ мужъ,—и найду его потому, что я тотъ самый праправнукъ, о которомъ говорилъ, умирая, Михаилъ Сеніоръ.

Женщина выпрямилась, сіяя отъ радости.

---

[1] Ученіе Моисея Маймонидеса о безсмертіи человѣческой души, согласно которому человѣкъ пріобрѣтаетъ безсмертіе путемъ воспитанія ума и нравственнымъ совершенствомъ, а наказаніемъ за злыя дѣла его является небытіе.

— Какой ты добрый, Гершъ, — воскликнула она, — что повѣряешь мнѣ, женщинѣ, такія важныя дѣла и такія великія мысли!

— Почему же мнѣ не повѣрять тебѣ ихъ? Развѣ ты дурно хозяйничаешь въ моемъ домѣ или не хорошо ухаживаешь за моими дѣтьми? Ты все дѣлаешь очень хорошо, Фрейда, и душа твоя такъ же прекрасна, какъ твои глаза!

Лицо молодой еврейки облилось пурпурнымъ румянцемъ. Она опустила глаза, но пунцовыя губы ея тихо шептали какія-то едва слышныя слова — любви или благодарности.

Гершъ всталъ.

— Гдѣ будемъ мы искать это завѣщаніе?—спросилъ онъ задумчиво.

— Гдѣ?—повторила женщина.

— Фрейда!—продолжалъ мужъ.—Сеніоръ Михаилъ не могъ спрятать своего завѣщанія въ землѣ потому, что его съѣли бы черви или оно разлетѣлось бы въ прахъ. Можетъ ли оно быть въ землѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчала женщина,—въ землѣ его нѣтъ

— Онъ не могъ спрятать его и въ стѣнѣ. Онъ вѣдь зналъ, что стѣны скоро истлѣютъ и будутъ замѣнены новыми. Я самъ ставилъ новыя стѣны и старательно искалъ въ старыхъ, но ничего не нашелъ въ нихъ.

— Не нашелъ!—печально повторила Фрейда.

— Онъ не могъ также спрятать его въ крышѣ. Онъ зналъ, что крыша сгніетъ и ее снимутъ для того, чтобы замѣнить новой. Когда я родился, то на нашемъ домѣ была уже вѣроятно десятая крыша, но я думаю, что завѣщаніе это не могло быть въ крышѣ.

— Не могло быть!—повторила женщина.

— Гдѣ же оно можетъ быть?

Оба они задумались. Внезапно, послѣ непродолжительнаго молчанія, женщина воскликнула:

— Гершъ! Я уже знаю, это завѣщаніе находится тамъ!

Мужъ поднялъ голову. Женщина протянула руку и указала на большой шкафъ, стоящій въ углу и наполненный сверху до низу большими книгами въ сѣрыхъ покрытыхъ пылью переплетахъ.

— Тамъ?—переспросилъ Гершъ колеблющимся голосомъ.

— Тамъ!—рѣшительно повторила женщина. — Развѣ ты самъ не говорилъ мнѣ, что это книги Михаила Сеніора, что всѣ Эзофовичи сохраняли ихъ на память о немъ, но что ихъ никто не читалъ потому, что Тодросы запрещаютъ читать такія книги.

Гершъ провелъ рукой по лбу,—женщина продолжала:

— Михаилъ Сеніоръ былъ мудрый человѣкъ, и глаза его видѣли будущее. Онъ зналъ, что книгъ этихъ долго никто не будетъ читать и что только тотъ, кто захочетъ прочесть ихъ, будетъ тѣмъ правнукомъ, который дождется иныхъ временъ и найдетъ его завѣщаніе.

— Фрейда! Фрейда!—воскликнуль Гершъ.—Ты умная женщина.

Черные женскіе глаза подъ бѣлоснѣжнымъ тюрбаномъ скромно потупились въ землю.

— Гершъ! Я пойду посмотрѣть нашихъ дѣтей и убаюкаю самаго младшаго, онъ заплакалъ. Я раздамъ работу нашимъ слугамъ и прикажу потушить огонь, потомъ приду и буду помогать тебѣ въ твоей работѣ.

— Приходи!—сказалъ Гершъ, а когда женщина ушла въ сосѣднюю комнату, изъ которой слышалась болтовня дѣтей и слугъ, онъ повелъ за ней глазами и вполголоса проговорилъ:

— Умная жена дороже золота и жемчуга. Съ ней сердце мужа можетъ быть спокойно.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, заперла двери на запоръ и тихо спросила у мужа:

— А гдѣ же ключъ?

Гершъ отыскалъ ключъ отъ прадѣдовскаго шкафа, и оба они начали снимать съ полокъ большія книги. Потомъ они раскладывали ихъ на землѣ, наклонялись надъ ними и медленно, съ напряженнымъ вниманіемъ, перелистывали одну за другой пожелтѣвшія отъ времени страницы. Облака пыли поднимались отъ бумаги, къ которой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не прикасалась ничья рука, и сѣрымъ слоемъ ложились на бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ Фрейды и посыпали золотистые волосы Герша. Несмотря на это, они продолжали работать неутомимо. На лицахъ ихъ было такое торжественное выраженіе, точно они раскапывали гробъ прадѣда для того, чтобы добыть изъ него похороненныя вмѣстѣ съ нимъ великія мысли его.

День уже приближался къ концу, когда изъ груди Герша вырвалось восклицаніе, подобное тому, какимъ люди встрѣчаютъ счастіе и побѣду. Фрейда не сказала ничего: она поднялась съ земли и движеніемъ, полнымъ благодарности, вытянула надъ головой сплетенныя руки.

Потомъ Гершъ долго и горячо молился у окна, изъ котораго видѣлись первыя вечернія звѣзды. Въ теченіе всей ночи не угасалъ свѣтъ въ этомъ окнѣ. За столомъ, положивъ голову на руки, си-

дѣлъ Гершъ и вчитывался въ какіе-то желтые листы, раскрытые передъ нимъ. На разсвѣтѣ, какъ только восточный край неба началъ алѣть розовой зарей, онъ вышелъ изъ своего дома одѣтый въ дорожный плащъ и большую бобровую шапку, сѣлъ на возъ, выложенный соломой, и уѣхалъ. Уѣзжая, онъ былъ такъ погруженъ въ задумчивость, что не прощался ни съ дѣтьми, ни съ домашними, которые толпились въ сѣняхъ, но только кивнулъ головой Фрейдѣ, которая стояла на крыльцѣ въ своемъ бѣломъ тюрбанѣ, покраснѣвшемъ отъ лучей восходящаго солнца, и черными глазами, полными печали и въ то же время гордости, долго провожала уѣзжающаго мужа.

Куда уѣхалъ Гершъ? Черезъ горы, лѣса и рѣки поѣхалъ онъ въ далекій край, туда, гдѣ среди болотистыхъ равнинъ и чернаго бора плоской земли жилъ краснорѣчивый защитникъ равноправности и просвѣщенія польскихъ евреевъ, членъ сейма Бутримовичъ. Это былъ родовитый шляхтичъ и въ то же время мыслитель. Онъ видѣлъ ясно и далеко. Отъ него не были скрыты многія историческія слѣдствія и причины, скрытыя отъ глаза другихъ людей.

Когда Гершъ вошелъ въ шляхетскій домъ и остановился передъ серьезнымъ лицомъ умнаго депутата, онъ поклонился и началъ свою рѣчь такъ:

— Я Гершъ Эзофовичъ, купецъ изъ Шибова, праправнукъ Михаила Эзофовича, который былъ старшимъ надъ всѣми евреями и по волѣ самого короля носилъ титулъ Сеніора. Я пріѣхалъ издалека. Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? — Для того, чтобы увидѣть великаго депутата и поговорить съ великимъ авторомъ, слова котораго пролили въ мою душу и глаза мои свѣтъ яркій, какъ лучи солнца. Великъ блескъ этотъ, но онъ не ослѣпилъ меня, потому что какъ

травка обвивается вокругъ вѣтвей могучаго дуба, такъ и я хочу, чтобы мысль моя обвилась вокругъ твоей великой мысли и чтобы онѣ обѣ простерлись надъ людьми, какъ радуга, послѣ которой не будетъ на землѣ ни мрака, ни борьбы.

Когда на слова эти депутатъ отвѣчалъ вѣжливымъ и ободряющимъ тономъ, Гершъ продолжалъ:

— Ваша милость сказали, что нужно создать вѣчное согласіе между двумя народами, которые ведутъ постоянную войну, живя въ одной и той же странѣ?

— Да, я сказалъ это!—подтвердилъ депутатъ.

— Ваша милость сказали, что еврей, получивъ права, одинаковыя съ правами христіанъ, перестанетъ быть вреднымъ?

— Я сказалъ это.

— Ваша милость сказали, что вы считаете евреевъ польскими гражданами и что необходимо, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ свѣтскія школы, имѣли право покупать землю и чтобы среди нихъ было уничтожено много такихъ вещей, которыя не хороши и не умны.

— Я сказалъ это!—повторилъ депутатъ.

Тогда высокій, представительный еврей, съ гордымъ лицомъ и умнымъ взглядомъ, быстро наклонился и поцѣловалъ руку депутата прежде, чѣмъ онъ успѣлъ спохватиться и помѣшать этому.

— Я здѣсь пришелецъ, — сказалъ онъ тихо, — гость въ этой странѣ, младшій братъ...

Онъ выпрямился и изъ атласнаго кармана вытащилъ свертокъ пожелтѣвшей бумаги.

— Вотъ что привезъ я вамъ,— сказалъ онъ,—для меня это дороже золота, жемчуга и брилліантовъ...

— Что же это такое?—спросилъ депутатъ.

— Гершъ отвѣтилъ торжественнымъ тономъ:

— Это завѣщаніе предка моего Михаила Эзофовича, Сеніора.

Всю ночь просидѣли они вдвоемъ и читали при свѣтѣ восковыхъ свѣчей. Потомъ они перестали читать и начали разговаривать. Они разговаривали вполголоса, наклонивъ другъ къ другу лица, пылающія отъ волненія. Потомъ, уже на разсвѣтѣ, они поднялись въ одно и то же время и, протянувъ другъ другу руки, соединили ихъ братскимъ пожатіемъ.

О чемъ читали они цѣлую ночь, о чемъ говорили и что порѣшили, какія чувства вызвали въ нихъ одушевленіе и надежду и заставили ихъ руки соединиться въ братскомъ пожатіи?

Обо всемъ этомъ никто не узналъ ничего. Все это погрузилось въ темную ночь историческихъ тайнъ, въ которой скрыты не одно свѣтлое стремленіе и не одна глубокая мысль. Они исчезли подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Исчезли, но не навсегда. Нерѣдко намъ приходится задать себѣ вопросъ: откуда берутся эти проблески мыслей и стремленій, о которыхъ прежде никто ничего не зналъ? И мы не знамъ того, что источникомъ ихъ бываютъ тѣ моменты, которыхъ не записалъ на страницахъ исторіи ни одинъ лѣтописецъ.

На другой день къ крыльцу шляхетскаго дома подъѣхала колымага, запряженная шестерикомъ. Въ нее сѣлъ хозяинъ дома вмѣстѣ со своимъ гостемъ—евреемъ, и они отправились въ далекій путь — въ столицу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гершъ вернулся изъ Варшавы въ Шибовъ. Послѣ возвращенія онъ оживленно суетился по мѣстечку и его окрестностямъ:

говорилъ, разсказывалъ, объяснялъ, убѣждалъ, собиралъ сторонниковъ для готовящихся реформъ и измѣненій въ жизни своего народа. Потомъ онъ уѣзжалъ, снова возвращался и уѣзжалъ... Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ.

Вдругъ изъ послѣдней поѣздки Гершъ вернулся измѣнившійся съ помутнѣвшимъ взоромъ и челомъ, изрытымъ печалью. Онъ вошелъ въ свой домъ, тяжело опустился на скамейку и, положивъ голову на руки, громко вздыхалъ.

Фрейда стояла около него печальная, безпокойная, но тихо и терпѣливо ждала. Она не смѣла спрашивать и ожидала, чтобы мужъ взглядомъ или словами далъ ей понять, въ чемъ дѣло. Наконецъ онъ поднялъ печальные и помутнѣвшіе глаза и сказалъ:

— Все потеряно!

— Почему потеряно?—тихо спросила Фрейда.

Гершъ сдѣлалъ рукой жестъ, какъ бы желая изобразить разрушеніе чего-то великаго.

— Когда какая-нибудь постройка разрушается,— сказалъ онъ,—то обитателямъ ея падаютъ на головы балки, и пыль засыпаетъ глаза...

— Это правда! —подтвердила женщина.

— Одна великая постройка разсыпалась... балки попадали на всѣ крупныя предпріятія и труды наши, а пыль прикрыла ихъ... на долго!

Потомъ онъ поднялся, посмотрѣлъ на Фрейду глазами, полными слезъ, и сказалъ:

— Нужно снова спрятать завѣщаніе Сеніора, потому что теперь уже оно снова не можетъ найти примѣненія. Пойдемъ, Фрейда, спрячемъ его подальше, можетъ быть, какой-нибудь правнукъ нашъ будетъ искать его и найдетъ...

Съ этого дня Герішъ сталъ замѣтно старѣть. Глаза его тускнѣли, спина горбилась. Онъ часто просиживалъ цѣлые часы на скамейкѣ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, громко вздыхая и тихо повторяя: А гзейре! А коре! Горе! Горе! Несчастье! Вокругъ этого печальнаго человѣка тихо и заботливо ходила стройная женщина въ цвѣтномъ платьѣ и бѣломъ тюрбанѣ. Черные глаза ея часто наполнялись слезами, и ходила она такъ осторожно и легко, что даже жемчугъ, украшавшій ея шею, не прерывалъ своимъ звономъ его задумчивости. По временамъ Фрейда съ изумленіемъ смотрѣла на мужа. Горе его вызывало въ ней печаль, но она не вполнѣ понимала его. О чемъ горевалъ онъ? Богатство его не уменьшалось, дѣти вырастали и были совершенно здоровы, однимъ словомъ, все обстояло такъ же, какъ наканунѣ той большой ссоры съ ребъ Нохимомъ, послѣ которой они нашли старыя пожелтѣвшія бумаги! Эта умная и любящая женщина не могла понять, что духъ ея мужа жилъ въ сферѣ великихъ идей и полюбилъ эту сферу, что, изгнанный изъ нея силой враждебныхъ обстоятельствъ, онъ не могъ найти утѣшенія въ печали и тоскѣ по ней. Она не могла понять этого потому, что весь міръ для нея ограничивался стѣнами дома. Она не знала, что на свѣтѣ есть такая тоска и такая печаль, которую вызываетъ не утрата дѣтей, жены, имѣнія или дома, а нѣчто совершенно иное, и что отъ такой тоски труднѣе всего излечиться человѣческому духу, который она навѣстила.

Въ это время въ черной мазанкѣ ребъ Нохима слышались радостныя восклицанія:

— Геуло, геуло! — выкрикивалъ, обращаясь къ народу, старый раввинъ, когда онъ узналъ, что „все

потеряно", т. е. окончательно утратили власть всѣ тѣ, кто собирался приказать евреямъ, чтобы они брили бороды, носили короткое платье, говорили мѣстнымъ языкомъ, учились въ мѣстныхъ школахъ-принимались за земледѣліе и не заключали браковъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

— Геуло, геуло! Спасены бороды и длинныя халаты; спасены кабала, херемы, кошеры; спасены отъ соприкосновенія съ наукой Эдома священныя книги Мишны, Гемары и Зогаръ! Спасены отъ соприкосновенія съ плугомъ руки избраннаго народа! А вмѣстѣ съ тѣмъ спасенъ отъ уничтоженія израильскій народъ!

Тодросъ радовался и призывалъ къ радости свою паству, вѣровавшую въ его мудрость и святость. Торжество его было велико, но онъ хотѣлъ еще большаго. Если бы ему удалось уничтожить Эзофовичей, то это значитъ уничтожить то теченіе, которое стремится впередъ и постоянно борется съ обратнымъ теченіемъ, старающимся превратить все въ ледъ, въ окаменѣлые останки прошлаго. Кто же знаетъ, что можетъ случиться въ будущемъ? Кто знаетъ, не родится ли изъ этого проклятаго рода человѣкъ, который будетъ обладать достаточной силой для того, чтобы уничтожить всю вѣковую работу Тодросовъ? Вѣдь если бы событія приняли другой оборотъ, то все это было бы исполнено руками Герша при помощи могущественныхъ друзей его, Эдомитовъ.

И вотъ на Герша Эзофовича посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія, вражда и всевозможныя противодѣйствія, какъ нѣкогда на предка его Михаила. Въ молитвенномъ домѣ громко обвиняли его въ томъ, что онъ не соблюдаетъ шабаса, входитъ въ пріязнен-

ныя отношенія съ гоями и, садясь за одинъ столъ съ ними, ѣстъ трефное мясо. Обвиняли его и въ томъ, что онъ избѣгаетъ еврейскаго суда въ спорныхъ вопросахъ, а обращается къ мѣстнымъ судамъ, не повинуется распоряженіямъ кагальной власти и нерѣдко порицаетъ ее, что онъ не уважаетъ еврейскихъ сановниковъ, такъ какъ недостаточно почтителенъ съ ребъ Нохимомъ ...

Гершъ гордо защищался, отвергая нѣкоторыя обвиненія, а въ иныхъ сознаваясь, но при этомъ онъ приводилъ въ свое оправданіе такія соображенія, которыхъ не хотѣли признать основательными ни народъ, ни его руководители.

Долго тянулось все это, но наконецъ прекратилось. Обвиненія замолкли, интриги исчезли; замолкъ и тотъ, кто ихъ вызывалъ,— потому что духовно онъ пересталъ существовать. Гершъ преждевременно состарился: душа его наполнилась горечью, безплодная борьба утомила его, и онъ замкнулся въ интересахъ частной жизни, снова сталъ заниматься торговлей и всевозможными дѣлами; но теперь уже все это шло не такъ блестяще, какъ прежде, потому что его соплеменники не питали къ нему симпатіи и лишали его той помощи, какую оказывали другимъ. Онъ никому не повѣрялъ своихъ мыслей и чувствъ, которыя приходили ему въ голову за послѣднее время, и никто не зналъ ничего объ этомъ. Только передъ самой смертью онъ долго говорилъ съ Фрейдой. Дѣти его были слишкомъ молоды для того, чтобы онъ могъ открыть имъ свои обманутыя надежды, напрасныя страданія и подавленную скорбь. Онъ завѣщалъ имъ все это черезъ посредство своей жены. Но неизвѣстно, поняла ли и запомнила ли Фрейда слова умирающаго, хотѣла ли и могла ли

она повторить ихъ потомкамъ. Во всякомъ случаѣ она одна знала то мѣсто, гдѣ было спрятано завѣщаніе Сеніора, тотъ старый манускриптъ, который былъ наслѣдіемъ не только Эзофовичей, но и всего израильскаго народа. Правда, о наслѣдіи этомъ никто не зналъ и не заботился, но кто знаетъ? — быть можетъ въ немъ были сокровища во стократъ болѣе цѣнныя, чѣмъ все содержимое амбаровъ и сундуковъ богатой семьи.

Итакъ, послѣднія стремленія и мысли Сеніора спали гдѣ-то въ тиши, ожидая смѣлой руки какого-нибудь правнука, жаждущаго знанія, который пожелаетъ пробудить ихъ и вынести на свѣтъ. Но въ мѣстечкѣ по смерти Герша не осталось ни одной души, тоскующей за свѣтомъ, ни одного сердца, которое билось бы для чего-нибудь, кромѣ собственной жены, дѣтей и прежде всего собственнаго имущества.

Тамъ царила суета стремленій, направленныхъ исключительно къ денежной выгодѣ, царила тьма, навѣянная мистическими стремленіями и опасеніями, было тяжело и душно отъ неумолимой бездушной мелкой ортодоксальности.

Въ глазахъ соплеменниковъ все населеніе Шибова пріобрѣло славу матеріальнаго и нравственнаго могущества, мудрости, правовѣрности, почти святости...

И надъ всей этой глубокой, заброшенной общественной долиной повисла туча, состоящая изъ самыхъ темныхъ элементовъ, какіе когда-либо существовали среди человѣчества: преклоненіе передъ буквой текста, потерявшаго смыслъ, казуистика, грубое невѣжество, подозрительное и враждебное уклоненіе отъ всего, что приходило изъ широкихъ и свѣтлыхъ, но „чуждыхъ“ горизонтовъ.

Глава I.

Это было три года тому назадъ. Влажный туманъ подымался надъ грязными улицами мѣстечка, омрачая прозрачный сумракъ звѣзднаго вечера. Дыханіе марта вмѣстѣ съ запахомъ свѣже вспаханныхъ полей проносились надъ низкими хижинами, но не могли развѣять нечистыхъ и душныхъ испареній, которыя клубились изъ оконъ и дверей.

Однако, несмотря на мглу и испаренія, наполняющія его, мѣстечко имѣло праздничный и веселый видъ. Изъ-за сѣрыхъ клубящихся тумановъ блестѣли яркимъ свѣтомъ тысячи оконъ, а за ними слышались звуки шумной бесѣды или громкой молитвы. Если бы прохожій заглянулъ черезъ то или другое окно во внутренность этихъ домиковъ, то повсюду увидѣлъ бы оживленныя семейныя сцены. Посреди большихъ и маленькихъ комнатъ были разставлены длинные столы, сервированные по праздничному, вокругъ нихъ хозяйничали женщины въ цвѣтныхъ чепцахъ. Онѣ ежеминутно приносили и устанавливали на столахъ всевозможныя произведенія собственныхъ рукъ, радостно улыбаясь результатамъ своего искусства. Бородатые мужья ихъ держали на рукахъ маленькихъ дѣтей, ежеминутно прикладывая свои губы къ ихъ румянымъ щечкамъ или съ громкимъ причмокиваньемъ подбрасывая ихъ къ низкому потолку, что вызывало большую радость у взрослыхъ членовъ семьи. На скамьяхъ тѣсными кучками сидѣли остальные и, живо жестикулируя, болтали о дѣлахъ прошедшей недѣли. Наконецъ, у оконъ почти повсюду стояло по нѣсколько человѣкъ, повернувшись лицомъ къ стѣнкѣ и быстрыми движеніями

наклоняясь то впередъ, то назадъ, жаркой молитвой готовили себя къ встрѣчѣ священнаго шабаса.

Это было въ пятницу вечеромъ.

И въ цѣломъ мѣстечкѣ было только одно мѣсто, въ которомъ царили мракъ и тишина. Это была маленькая сѣрая избушка, какъ бы прислоненная накренившейся низкой стѣной къ невысокому холму, который поднимался съ одной стороны мѣстечка и являлся единственной выпуклостью на необозримой плоскости равнины. Впрочемъ холмъ этотъ не былъ созданъ природой. Преданіе говорило, что нѣкогда караимы насыпали его собственными руками и на немъ воздвигли свой храмъ. Теперь уже не осталось и слѣда отъ еретическаго храма. Обнаженный песчаный холмъ защищалъ отъ вихрей и снѣжныхъ заносовъ только крошечную мазанку, которая какъ бы съ благоговѣніемъ и благодарностью пріютилась у подножія его. Надъ крышей на склонѣ холма росла большая старая груша. Въ вѣтвяхъ ея тихо шумѣлъ вѣтеръ, а между вѣтвями сверкало нѣсколько звѣздочекъ.

Большое пространство необработанной или вспаханной подъ овощи почвы отдѣляло это мѣсто отъ мѣстечка. Здѣсь царила невозмутимая тишина, и только издали доносились какіе-то нѣжные звуки. Широкія полосы тумана и пара скользили по черным въ темнотѣ межамъ и тяжело плыли отъ мѣстечка къ хижинѣ.

Черезъ два маленькія окна, составленныя изъ маленькихъ кусочковъ стекла, можно было замѣтить, что внутренность хижины чернѣетъ, какъ бездна. Оттуда слышится престарѣлый и дрожащій, но все же мужской голосъ:

— За далекими морями, за высокими горами, — говорилъ въ непроглядной темнотѣ этотъ голосъ, —

течетъ рѣка Самбатіонъ... Но не водой она плыветъ, не молокомъ и не медомъ! Течетъ она желтымъ пескомъ и большими камнями.

Хриплый, дрожащій и престарѣлый голосъ замолкъ, и въ безднѣ, чернѣющей двумя маленькими окнами, нѣкоторое время царствовало глубокое молчаніе. На этотъ разъ его нарушили совершенно иные звуки:

— Зейде! Говори дальше.

Слова эти произнесъ женскій, почти дѣтскій голосъ, звучащій, однако, протяжно и задумчиво.

Зейде (дѣдушка) спросилъ:

— А что не идутъ еще?

— Не слышно! — отвѣтилъ отъ окна женскій голосъ.

Въ глубинѣ черной бездны снова потекли хриплые и дрожащіе звуки разсказа.

— За святой рѣкой Самбатіономъ живутъ четыре израильскія колѣна: Гадъ, Ассуръ, Данъ и Нефтали. Колѣна эти убѣжали туда отъ ужасовъ и преслѣдованій, а Іегова, да будетъ благословенно имя Его, спряталъ ихъ отъ враговъ за рѣкой изъ песку и камней... А песокъ этотъ поднимался такъ высоко, какъ волны огромнаго моря, а камни эти такъ гудятъ и шумятъ, какъ лѣсъ, когда его качаетъ буря... А когда приходитъ день субботній...

Тутъ старческій голосъ опять замолчалъ и немного спустя спросилъ тише:

— Еще не идутъ?

Отвѣта не было долго. Повидимому, другое существо, сидящее внутри хижины, прислушивалось къ чему-то, прежде чѣмъ отвѣчать.

— Идутъ! — послышался отвѣтъ.

Въ черной глубинѣ прозвучалъ тихій протяжный стонъ.

— Зейде, говори дальше! — произнесъ женскій голосъ у окна, такъ же чисто и звучно, какъ прежде, но теперь уже не по дѣтски и съ большей силой.

Зейде не говорилъ ничего.

Со стороны мѣстечка къ мазанкѣ, пріютившейся у подножья холма, летѣлъ и приближался страшный шумъ. Въ немъ слышался топотъ нѣсколькихъ десятковъ человѣческихъ ногъ и тихіе крики и серебристый смѣхъ дѣтей.

Вскорѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины показалось черное подвижное пятно, какъ бы катившееся по поверхности земли. Пятно это приблизилось къ мазанкѣ и разсыпалось на нѣсколько маленькихъ частицъ, которыя съ крикомъ, пискомъ, смѣхомъ и неописуемымъ шумомъ кинулись къ покосившимся стѣнамъ и низкимъ окнамъ.

Это были дѣти, мальчики разнаго возраста. Самому старшему изъ нихъ было лѣтъ четырнадцать, младшему около пяти. Въ темнотѣ нельзя было разглядѣть, какъ они одѣты, но видно было, какъ изъ-подъ маленькихъ шапокъ и спутанныхъ густыхъ волосъ лихорадочно сверкали ихъ глаза, возбужденные шумной проказой или, можетъ быть, какимъ-нибудь другимъ живымъ чувствомъ.

— Гутъ шабасъ, Карайме! — въ одинъ голосъ завопили они, стуча кулаками въ двери, запертыя изнутри, и сильно встряхивая рамами оконъ, въ оправѣ которыхъ зазвенѣли стекла.

— А отчего ты не зажигаешь свѣчъ въ день шабаса? Отчего ты сидишь, какъ чортъ въ черной норѣ? Коферъ! Апикоресъ! Невѣрующій отщепенецъ! — кричали старшіе.

— Батленъ, капцанъ, мишугинеръ! Негодяй! Нищій! Сумашедшій! кричали изо всѣхъ силъ младшіе.

Ругательства, насмѣшки и дерганіе дверей и оконъ усиливалось съ каждой минутой; въ это время внутри мазанки снова послышался голосъ дѣвушки, такой же спокойный, какъ и прежде, но такой сильный, что покрылъ царившій за стѣнами шумъ.

— Зейде, говори дальше!

— Ай! ай! ай! Какъ мнѣ говорить, когда они такъ кричатъ и ругаются, — отвѣчалъ престарѣлый голосъ.

— Зейде, говори дальше!

На этотъ разъ голосъ дѣвушки звучалъ почти повелительно. Это уже былъ совсѣмъ не дѣтскій голосъ. Въ немъ слышалось страданіе, презрѣніе и стремленіе сохранить спокойствіе.

Какъ печальное пѣніе теряется среди рева и гула разыгравшейся стихіи, такъ среди дикаго шума дѣтскихъ голосовъ, ругающихся, мяукающихъ, воющихъ и смѣющихся, послышались дрожащія робкія слова.

— А въ священный день шабаса Іегова, да будетъ прославлено имя Его, даетъ отдыхъ рѣкѣ Самбатіону... песокъ перестаетъ течь, какъ волны морскія, и камни перестаютъ шумѣть, какъ лѣсъ... только съ рѣки, которая стоитъ неподвижно, поднимается огромный туманъ, такой большой, что доходитъ до высокихъ облаковъ и прячетъ отъ враговъ четыре колѣна израильскія: Гадъ, Ассуръ, Данъ и Нефтали...

Но увы! Вокругъ хижины съ покосившимися стѣнами и черной, какъ бездна, внутренностью не текла священная рѣка Самбатіонъ и не охранила ея жителей отъ враговъ!

Враги эти были маленькіе, но ихъ было много. Они сдѣлали послѣднее усиліе: дернули рамы непрочныхъ оконъ, нѣсколько стеколъ зазвенѣло и разсыпалось въ куски, далеко по полю и по пустырямъ пронесся торжествующій крикъ. Черезъ отверстія, открывшіяся въ окнахъ, посыпались во внутренность хижины комья земли и мелкіе камешки ... Старческій голосъ все больше уходилъ въ глубь, — вѣроятно, обладатель его прятался куда-то въ самый отдаленный уголъ. Дрожа и хрипя все больше, онъ кричалъ:

— Ай, ай, ай! Рибоно шель оломъ!..

А женскій голосъ все такъ же звучно повторялъ:

— Зейде, ша! Зейде, не кричи! Зейде, не бойся.

Вдругъ за толпой дѣтей, повисшихъ на дверяхъ, стѣнахъ и окнахъ хижины, послышался громкій повелительный голосъ:

— Штыль, шкоцимъ! А что вы тутъ дѣлаете, негодные мальчишки? Прочь!

Дѣти внезапно умолкли и одинъ за другимъ стали отдѣляться отъ стѣны хижины.

Человѣкъ, повелительный и громкій голосъ котораго возстановилъ тишину, былъ стройный, высокій юноша. Длиннополая одежда его плотно сидѣла на немъ и была украшена дорогимъ мѣхомъ. Лицо его въ темнотѣ казалось бѣлымъ, а глаза его сверкали такимъ огнемъ, какимъ могутъ сверкать только молодые глаза.

— А что вы тутъ дѣлаете? — повторилъ онъ рѣшительнымъ и сердитымъ голосомъ. — Развѣ въ этомъ домикѣ живутъ волки, что вы кричите, ругаетесь и бьете окна?

Мальчики сперва молчали, собравшись въ тѣсную кучку. Однако, минуту спустя одинъ изъ нихъ,

самый большой и, вѣроятно, самый смѣлый, отозвался:

— А отчего они не зажигаютъ свѣчей въ шабасъ?

— А вамъ какое до этого дѣло?

— Ну, а твое какое дѣло? — защищался упрямый мальчикъ. — Мы приходимъ сюда каждую недѣлю и дѣлаемъ то же самое, — такъ что жъ?

— Я знаю, что вы это дѣлаете каждую недѣлю... Я и хотѣлъ подстеречь васъ и поймать... вотъ и подстерегъ ... ну, гей! По домамъ! Живо!

— А отчего же ты, Меиръ, самъ не идешь домой? Твоя бобе и зейде давно уже безъ тебя ѣдятъ рыбу ... отчего же ты гонишь насъ отсюда, а самъ шабаса не соблюдаешь?

Глаза юноши запылали еще сильнѣй. Онъ топнулъ ногой о землю и крикнулъ такимъ сердитымъ голосомъ, что младшія дѣти тотчасъ же разбѣжались во всѣ стороны и только самый старшій, желая выразить полное пренебреженіе къ нравоученіямъ и порицанію, схватилъ комъ земли и собирался бросить его въ хижину.

Но двѣ сильныя руки схватили его за руку и за шиворотъ.

— Ступай, — сказалъ юноша, — я самъ отведу тебя домой.

Мальчикъ сразу крикнулъ и рванулся. Но его держала сильная рука, а могучій, но уже спокойный голосъ заставилъ его замолчать. Онъ умолкъ и, чувствуя, что его все еще держатъ, понурилъ голову.

Вокругъ хижины стало совершенно тихо. Изъ темной внутренности ея слышались хрипящіе вздохи какой-то очень старой груди, а у самаго окна, съ

разбитыми стеклами зазвучалъ тихій голосъ дѣвушки:

— Спасибо!

— Миръ вамъ! — отвѣтилъ юноша и ушелъ, уводя съ собой своего маленькаго плѣнника.

Плѣнникъ и его укротитель въ молчаніи прошли черезъ нѣсколько улицъ мѣстечка, направляясь къ одному изъ строеній.

Это было низкое строеніе съ подъѣздомъ на деревянныхъ столбахъ и съ глубокими сѣнями, которыя тянулись во всю длину дома. Видно было, что это былъ постоялый дворъ. Поэтому-то окна съ той стороны дома, которая была предназначена для гостей, были совершенно темныя. Зато въ другихъ окнахъ, расположенныхъ протихъ жалкихъ неровно побѣленныхъ столбовъ и не больше, какъ на четверть аршина, подымались надъ землей, усыпанной толстымъ слоемъ сѣна, соломы и всякаго сора, мутно сверкали сквозь грязныя стекла шабасовыя свѣчи.

Этотъ постоялый дворъ принадлежалъ Янкелю Каміонкеру, человѣку, занимавшему высокій постъ въ кагальномъ управленіи и пользующемуся глубокимъ почтеніемъ среди мѣстнаго населенія за свою набожность и не меньше за умѣніе, съ которымъ онъ велъ свои дѣла и увеличивалъ богатство.

Мальчикъ, котораго велъ за руку высокій юноша, не только не былъ, повидимому, огорченъ своимъ положеніемъ, но даже время отъ времени радостно прыгалъ и весело напѣвалъ. Они прошли по мягкой почвѣ подъѣзда, эластично подающейся подъ ногами, прошли мимо столбовъ и освѣщенныхъ оконъ и вошли въ глубокія сѣни, гдѣ въ темнотѣ билъ копытомъ о землю конь и громко жевала корова. Юноша ощупью отыскалъ дверь, къ которой нужно

было подняться по тремъ перегнившимъ ступенькамъ, и, отворивши двери, втолкнулъ мальчика внутрь жилища.

Сдѣлавши это, онъ не ушелъ, но заглянулъ черезъ полуоткрытую дверь и сказалъ:

— Ребъ Янкель! Я привелъ тебѣ Менделя. Выбрани его или накажи отеческой рукой. Онъ бродитъ по ночамъ и нападаетъ на ни въ чемъ неповинныхъ людей!

На обращеніе это, произнесенное громкимъ голосомъ, не послѣдовало никакого отвѣта. Изъ глубины доносилось лишь непрерывное бормотаніе человѣка, который вполголоса жарко молился.

Черезъ открытую дверь, въ которой все еще стоялъ высокій юноша, виднѣлась довольно большая комната, съ очень грязными стѣнами и огромной печью, почернѣвшей отъ пыли и сажи. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, накрытый полотномъ сомнительной чистоты, но ярко освѣщенный семью свѣчами свѣшивающагося съ потолка канделябра. Субботняя трапеза еще не началась. Правда, изъ другихъ комнатъ слышался шумный говоръ женскихъ и дѣтскихъ голосовъ, указывающихъ на многочисленность семейства, но въ комнатѣ съ печью и длиннымъ столомъ не было никого, кромѣ человѣка, который стоялъ въ углу, спиной къ сѣнямъ и лицомъ къ стѣнѣ. Это былъ мужчина средняго роста, очень худой и гибкій. Слово „стоялъ“ не точно опредѣляетъ его положеніе, для опредѣленія котораго, впрочемъ, трудно было бы найти подходящій терминъ. Правда, онъ не ходилъ и не прыгалъ, но все же находился въ постоянномъ движеніи. Онъ откидывалъ то впередъ, то назадъ свою голову, покрытую рыжими волосами, наклонялъ свою тонкую

фигуру почти до самой земли и затѣмъ съ необычайной быстротой снова отбрасывалъ ее назадъ. Отъ этихъ стремительныхъ движеній длинная, густая борода его тряслась и разсыпалась по плечамъ. Съ этими стремительными движеніями гармонировали и звуки, выходящіе изъ его груди, которые то тихо шептали, то перерывались страстными восклицаніями, то лились протяжнымъ, жалобнымъ пѣніемъ.

Молодой человѣкъ, стоящій у порога довольно долго смотрѣлъ на эту фигуру, которая молилась всей душой, или, скорѣй, всѣмъ тѣломъ своимъ. Онъ, повидимому, ждалъ перерыва въ молитвѣ или конца ея. Но всякій зналъ, что долго пришлось бы ждать тому, кто захотѣлъ бы ждать конца молитвы ребъ Янкеля, разъ онъ началъ молиться. Ожидающій юноша, вѣроятно, былъ за живое задѣтъ злыми проказами маленькаго Менделя и притомъ уже отъ природы былъ, очевидно, нетерпѣливаго и пылкаго нрава.

— Ребъ Янкель! — сказалъ онъ громко немного спустя.—Сынъ твой бродитъ по ночамъ и нападаетъ на ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Отвѣта не было.

— Ребъ Янкель! Сынъ твой поноситъ ни въ чемъ неповинныхъ людей скверными словами!

Ребъ Янкель продолжалъ молиться съ прежнимъ пыломъ.

— Ребъ Янкель! Твой сынъ разбиваетъ бѣднымъ людямъ бѣдныя маленькія окна.

Ребъ Янкель перевернулъ нѣсколько страницъ большой книги, которую онъ держалъ въ рукахъ, и пѣвучимъ, громкимъ голосомъ заголосилъ:

— Пойте Господу новую пѣсню, ибо Онъ создалъ всѣ чудеса! Пойте! Играйте на арфахъ, играйте и

громко пойте! Заиграйте въ роги и трубы передъ Господомъ, Царемъ!...

При послѣднихъ словахъ двери сѣней затворились. Молодой человѣкъ сбѣжалъ по колыхающимся подъ его ногами ступенькамъ и, пройдя черезъ огромныя темныя сѣни, пошелъ дальше по устланной соромъ землѣ. Когда онъ проходилъ мимо освѣщенныхъ оконъ, до слуха его донеслось тихое пѣніе. Онъ остановился, — то же самое сдѣлалъ бы на его мѣстѣ всякій другой. Это былъ мужской голосъ, молодой и чистый, какъ звонъ жемчужинъ, мягкій, какъ жалоба, полный мольбы, печали и тоски.

Впрочемъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго! Эліазаръ, сынъ Янкеля, былъ кантором Шибова, пѣвцомъ народа и Іеговы.

— Эліазаръ!—шепнулъ за окномъ мягкій, дружескій голосъ.

Пѣвецъ услыхалъ, вѣроятно, этотъ шопотъ, потому что сидѣлъ очень близко у окна, въ которомъ были единичныя стекла. Онъ поднялъ вѣки и повернулъ въ сторону окна голубые, ласковые глаза. Однако, онъ не прервалъ своего пѣнія, а, напротивъ, поднялъ вверхъ обѣ руки, бѣлыя, какъ алебастръ, и съ лицомъ, на которомъ разлилось выраженіе восторженнаго экстаза, запѣлъ еще громче:

— О, народъ мой! Сбрось съ себя пыль тяжкаго пути! Возстань и накинь на себя одѣяніе красоты твоей! О, поспѣши, поспѣши спасти народъ Твой, о Ты, Единый, непонятный Боже отцовъ нашихъ!

— Эліазаръ!—шепнулъ прохожій и остановился у низкаго окна.

Въ окнѣ этомъ стекла были гораздо чище, чѣмъ въ иныхъ окнахъ,—даже совершенно чисты. Черезъ

нихъ виднѣлась крошечная комнатка, въ которой не было ничего, кромѣ стола и шкафа съ книгами. На столѣ горѣла маленькая, желтая свѣча, а за столомъ, положивъ на немъ локти и закрывши лицо руками, сидѣлъ двадцатилѣтній юноша съ очень бѣлымъ продолговатымъ лицомъ. На лицѣ этомъ не было слѣдовъ румянца, но выдающіяся губы его, свободныя отъ всякой растительности, были ярко-краснаго оттѣнка. Изъ этихъ устъ выходило чудное пѣніе, которое могло бы привлечь восторженное вниманіе величайшаго изъ музыкантовъ.

Юноша, стоящій у окна, уже не звалъ пѣвца, молящагося за свой народъ. Онъ отошелъ осторожно и почтительно, стараясь ступать неслышными шагами. Онъ шелъ черезъ пустынную, темную площадь, направляясь къ большому, ярко освѣщенному дому. Онъ смотрѣлъ на звѣзды, блѣдно мерцавшія сквозь душную, сырую мглу и съ тихой задумчивостью напѣвалъ:

— О, поспѣши, поспѣши спасти народъ Твой, Ты, Единый, Непонятный! Боже отцовъ нашихъ!

Глава II.

Большой, ярко освѣщенный домъ, стоявшій противъ сѣраго храма и отдѣлявшійся отъ него всей шириной площади, былъ тѣмъ самымъ, который нѣкогда былъ построенъ Гершомъ Эзофовичемъ и въ которомъ онъ жилъ съ женой своей, прекрасной Фрейдой. Вѣковыя стѣны его уже давно почернѣли отъ пыли и ненастья, но все-таки стояли прямо и царили надъ всѣми другими постройками мѣстечка.

Уже часъ тому назадъ внутри этого дома, въ большой комнатѣ, наполненной старинными и очень простыми столами и скамьями, началось празднованіе священнаго дня.

Среди нѣсколькихъ десятковъ лицъ обоего пола, которыя постепенно прибывали и наполняли комнаты, поднялся хозяинъ дома и глава семьи, Саулъ Эзофовичъ, сынъ Герша, и подошелъ къ огромному столу, надъ которымъ висѣли два тяжелыхъ серебряныхъ семисвѣчныхъ канделябра. Старикъ этотъ, которому по широкой, хотя и нѣсколько сгорбленной, фигурѣ, сморщенному лицу и бѣлой какъ снѣгъ бородѣ можно было дать восемьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ, взялъ изъ руки старшаго своего сына, уже сѣдѣющаго человѣка, длинную палку, на концѣ которой колебалось пламя, и, поднимая его къ свѣчамъ въ канделябрахъ, воскликнулъ сухимъ, но еще сильнымъ голосомъ:

— Да будетъ благословлено имя твое, Боже, Владыко міра, который просвѣтилъ насъ своими заповѣдями и повелѣлъ намъ возжигать свѣтъ въ дни шабаса.

Едва успѣлъ онъ произнести это благословенье, какъ въ канделябрахъ запылало нѣсколько свѣчей и хоръ голосомъ грянулъ возгласомъ:

— Пойдемъ, пойдемъ встрѣчать невѣсту! Встрѣтимъ день субботній!

— Запылай, запылай, царственное пламя! Возстань изъ развалинъ своихъ, столица! Довольно жить тебѣ въ странѣ слезъ!

— О, народъ мой, отряхни съ себя пыль тяжелаго пути! Накинь на себя одѣяніе красоты своей! О, поспѣши спасти народъ твой, Боже отцовъ нашихъ!

— Пойдемъ, пойдемъ встрѣтить невѣсту! Встрѣтимъ привѣтомъ день субботній!

Продолжительный, пѣвучій шумъ жаркихъ молитвъ, смѣняющихъ другъ друга, наполнялъ просторную комнату, потоками выливался черезъ окна и несся по обширной темной площади.

Еще издали услышалъ его юноша, задумчиво идущій по площади, и ускорилъ шаги. Когда онъ прошелъ черезъ крыльцо, подымающееся нѣсколькими ступеньками надъ землей, и черезъ длинный коридоръ, раздѣлявшій весь домъ на двѣ половины, и отворилъ дверь въ комнату, которая вся пылала отъ множества свѣчей, то молитвы уже смѣнились разговоромъ, а собравшееся общество съ слѣдами торжественнаго настроенія, но уже съ веселыми улыбками, стояло около скамеекъ и столовъ вокругъ длиннаго обильно заставленнаго стола.

Общество это состояло изъ разнообразныхъ лицъ и фигуръ. Были тамъ два сына Саула, живущіе при отцѣ: Рафаилъ и Авраамъ, уже сѣдѣющіе, съ черными глазами и строгими задумчивыми лицами; былъ тамъ и зять Саула, Беръ, съ свѣтлыми волосами, блѣднымъ лицомъ и мягкимъ стекляннымъ взглядомъ, дочери, невѣстки и внучки хозяина дома, взрослыя женщины съ роскошно развитыми фигурами и высокими чепцами на старательно причесанныхъ парикахъ, и молодыя дѣвушки со смуглыми лицами и роскошными косами, изъ подъ которыхъ блестѣли молодые глаза, оживленные праздничнымъ настроеніемъ. Нѣсколько молодыхъ людей, членовъ семейства, и дѣти всѣхъ возрастовъ окружали конецъ стола; на первомъ мѣстѣ стоялъ старый Саулъ и съ выраженіемъ ожиданія на лицѣ поглядывалъ на дверь, ведущую въ дальнѣйшіе покои. Минуту спустя въ

дверяхъ этихъ показались двѣ женскія фигуры, — отъ одной изъ нихъ сверкалъ радужный и почти ослѣпительный блескъ.

Это была женщина очень старая, однако, высокая и совершенно не сгорбленная. Напротивъ, она держалась совершенно прямо и производила впечатлѣніе силы. Голова ея была покрыта цвѣтнымъ тюрбаномъ, концы котораго соединялись огромной бриллянтовой пряжкой. Брильянтовая пряжка замыкала также и ожерелье, состоящее изъ множества огромныхъ жемчужинъ и свѣшивающееся вплоть до бѣлаго передника, который закрывалъ часть тяжелой цвѣтной шелковой юбки. Брильянтовыя серьги, такія длинныя, что доходили до плечъ женщины, и такія тяжелыя, что ихъ пришлось поддержать нитками, прикрѣпленными къ тюрбану, сверкали и блистали брильянтами, смарагдами и рубинами и при каждомъ движеніи съ звонкимъ шорохомъ ударялись о жемчугъ и сверкавшую подъ нимъ золотую цѣпь.

Подобнымъ количествомъ дорогихъ и блестящихъ украшеній могутъ блистать на балахъ только женщины княжескаго происхожденія или въ храмахъ мощи святыхъ угодниковъ. Ясно было, что эта столѣтняя еврейская женщина, одѣтая во всѣ драгоцѣнности, собранныя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ ея родѣ, — была для всѣхъ этихъ людей, окружавшихъ ее, священнымъ предметомъ, возбуждающимъ благоговѣніе.

Когда, опираясь на одну изъ своихъ внучекъ, дѣвушку со смуглымъ лицомъ и черными, какъ вороново крыло, волосами, она остановилась у порога комнаты, — всѣ глаза обратились къ ней, всѣ лица улыбнулись и зашептали:

— Бобэ! Эльтеръ-Бобэ! Бабушка, прабабушка!

Большинство произнесло послѣднее слово, потому что здѣсь было больше правнуковъ и праправнуковъ, чѣмъ внуковъ этой высокой старухи. Только глава семьи и хозяинъ дома тихо обратился къ вошедшей женщинѣ со словомъ: „Маме!“

Удивительно нѣжно и торжественно звучало это слово, свойственное дѣтскимъ устамъ, на увядшихъ пожелтѣвшихъ губахъ Саула, поросшихъ бѣлыми какъ снѣгъ волосами. Когда онъ произносилъ это слово, его изрытый морщинами лобъ подъ бѣлыми волосами, прикрытыми бархатной ермолкой, прояснился и сталъ глаже.

Но гдѣ же дѣлось смуглое, гладкое лицо, черные, огненные глаза и стройный станъ Фрейды, тихой, умной жены и подруги Герша Эзофовича? Она пережила ихъ такъ, какъ пережила своего мужа, который былъ ея повелителемъ и въ то же время другомъ. Съ теченіемъ времени станъ ея, нѣкогда тонкій и стройный, разросся, уподобляясь стволу, изъ котораго выросло много сильныхъ и плодовитыхъ побѣговъ. Теперь лицо ея покрылось такимъ множествомъ мелкихъ морщинъ, что среди нихъ нельзя было найти ни одного ровнаго мѣста. Глаза уменьшились, впали и блѣдно-желтыми полинявшими зрачками смотрѣли изъ за безволосыхъ вѣкъ. Но на лицѣ ея, измятомъ рукой времени, царило невозмутимое блаженное спокойствіе. Изъ маленькихъ золотистыхъ зрачковъ смотрѣла улыбающаяся гармонія души, засыпающей среди счастливыхъ звуковъ. Тихая улыбка сладкаго засыпанія окружила желтыя едва обрисовывавшіяся губы, которыя давно уже стали молчать и все рѣже открывались для того, чтобы сказать нѣсколько короткихъ словъ.

Теперь она обняла рукой въ рукавѣ съ широкими буфами шею здоровой и сильной дѣвушки, остановилась около стола, повела мигающимъ отъ яркаго свѣта взоромъ по лицамъ всѣхъ окружающихъ и громкимъ шопотомъ спросила:

— Во изъ Меиръ?

Прабабушка заговорила.

Всѣ пришли въ движеніе отъ ея словъ, точно дерево отъ дуновенія вѣтра. Мужчины, женщины и дѣти оглядывались другъ на друга, и по большой комнатѣ поплылъ всеобщій шопотъ:

— Во изъ Меиръ?

Среди многочисленныхъ членовъ собранной здѣсь семьи отсутствіе одного изъ нихъ не было замѣчено.

Старый Саулъ не повторилъ вопроса матери, но лобъ его нахмурился еще больше, а глаза сурово и сердито смотрѣли на входныя двери.

Въ эту же минуту дверь отворилась. Въ комнату вошелъ высокій и стройный мужчина въ длиннополой одеждѣ, обшитой дорогимъ мѣхомъ. Онъ вошелъ, затворилъ за собою дверь и остановился у порога, какъ бы стыдясь чего-то или оробѣвъ. Онъ замѣтилъ свое опозданіе, понялъ, что общія молитвы были произнесены безъ него, замѣтилъ взоры дѣда Саула, двоихъ дядей и нѣсколькихъ старшихъ женщинъ, которыя глядѣли на него съ суровымъ упрекомъ и пытливымъ вопросомъ.

Только золотистые зрачки прабабушки не блеснули при видѣ входившаго гнѣвомъ и безпокойствомъ, напротивъ, они расширились и блеснули радостью. Даже сморщенныя вѣки ея перестали дрожать и закрываться, а желтыя узкія губы задвигались и проговорили такимъ же, какъ прежде громкимъ, хотя беззвучнымъ шопотомъ:

— Эйныкль! Киндъ-лебенъ! Внучекъ! Дитятко!

Услышавъ этотъ шопотъ, звучащій радостью и лаской, Саулъ, который уже собирался сказать нѣсколько суровыхъ словъ порицанія, умолкъ, вопросительные и сердитые взоры сыновей Саула потупились въ землю. Опоздавшаго встрѣтили общимъ молчаніемъ, которое, однако, нарушила прабабушка, повторяя еще разъ:

— Киндъ-лебенъ!

Саулъ поднялъ руки надъ столомъ и вполголоса спѣлъ присутствующимъ мотивъ молитвы, которую принято было совершать передъ субботнимъ пиромъ.

— Да будетъ благословенъ Господь! — началъ онъ.

— Да будетъ благословенъ . . . — послышался хоръ голосовъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣ стояли вокругъ стола, освящая молитвой стоящія на немъ кушанья и напитки.

Пришедшій юноша не присоединился къ общему хору, но, удалившись въ уголъ комнаты, читалъ пропущенныя имъ молитвы субботняго Кидуша. При этомъ онъ не дѣлалъ тѣломъ никакихъ движеній, руки его были спокойно скрещены на груди, а глаза неподвижно устремлены въ окно, за которымъ разстилалась черная пелена вечера.

Лицо его, длинное и тонко очерченное, было блѣдно, какъ всѣ лица нервныхъ и страстныхъ людей. Густые темнорусые волосы, съ золотымъ отливомъ, падали на его бѣлый лобъ, изъ-подъ котораго задумчиво и печально глядѣли глубоко сидящіе глаза съ большими сѣрыми, блестящими зрачками. Вообще выраженіе лица его представляло смѣсь мрачной печали и какой-то дѣтской робости. Въ чертѣ и глазахъ его чувствовалась какая то тайная,

мучительная и безпокойная мысль, его тонкія губы говорили о мягкой чувствительности и чуть-чуть вздрагивали, какъ бы подъ вліяніемъ тайнаго опасенія. Верхняя губа его и края щекъ были покрыты густымъ золотистымъ пухомъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ достигъ девятнадцати лѣтъ, т. е. того возраста, который даетъ рано созрѣвающимъ еврейскимъ мужчинамъ не только право, но и налагаетъ обязанность сдѣлаться семьяниномъ и заняться собственными житейскими дѣлами. Когда молодой человѣкъ окончилъ свои молитвы и приблизился къ столу, чтобы занять при немъ свое обычное мѣсто, изъ группы присутствующихъ послышался хрипящій голосъ, который тянулъ слова, какъ если бы говорящій не просто говорилъ, а пѣлъ:

— А гдѣ же ты, Меиръ, былъ сегодня такъ долго? Что же ты дѣлалъ въ городѣ въ то время, когда уже начался шабасъ и всѣмъ запрещено дѣлать что бы то ни было? Отчего ты не читалъ субботняго Кидуша вмѣстѣ съ членами своей семьи? Отчего у тебя такое блѣдное лицо и такіе печальные глаза, когда сегодня шабасъ, радостный день, когда на небѣ веселится вся небесная семья, а на землѣ всѣ благочестивые люди должны радоваться и держать души свои въ великой радости?

Все это говорилъ человѣкъ очень странной наружности. Онъ былъ маленькаго роста, худой, сухой, съ большой головой, на которой торчали твердые темные волосы, съ темнымъ круглымъ лицомъ, поросшимъ спутанной растительностью, большой бородой, обнаруживающей смертельное отвращеніе къ щеткѣ и гребенкѣ, и съ круглыми глазами, которые двигались за выпуклыми вѣками съ большой быстро-

той, издавая по временамъ острый блескъ. Худоба и сухость тѣла его бросались въ глаза вслѣдствіе костюма, который былъ еще болѣе странный, чѣмъ онъ самъ. Костюмъ этотъ отличался необычайной простотой: онъ состоялъ изъ одной рубахи, или, лучше сказать, изъ мѣшка, сшитаго изъ сѣраго грубаго полотна, и былъ перевязанъ около шеи и тальи толстой веревкой. Рубаха эта доходила до самой земли и прикрывала темныя совершенно босыя ноги.

Кто же былъ этотъ человѣкъ въ одеждѣ аскета, съ глазами фанатика, съ мистическимъ, глубокимъ, почти пьянымъ восторгомъ на лицѣ? Это былъ ребъ Моше, меламедъ, или преподаватель закона и древне-еврейскаго языка, человѣкъ совершенный и набожный. Въ вихрь, слякоть, морозъ и жару онъ неизмѣнно ходилъ босой, одѣтый въ свой полотняный мѣшокъ. Онъ жилъ, какъ птицы небесныя, неизвѣстно чѣмъ, вѣроятно, какими нибудь зернами, которыя ему бросали то здѣсь, то тамъ. Кромѣ того, онъ былъ правой рукой и правымъ глазомъ великаго Шибовскаго раввина Исаака Тодроса и послѣ него первымъ предметомъ обожанія и удивленія для всѣхъ жителей мѣстечка.

Услышавши эти вопросы, сыплющіеся изъ устъ меламеда и обращенные къ нему, Меиръ Эзофовичъ, правнукъ Герша и внукъ стараго Саула, не сѣлъ за столъ, но, выпрямившись и опустивъ глаза въ землю, отвѣчалъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась робость:

— Ребе! Я не былъ тамъ, гдѣ веселятся, или дѣлаютъ хорошія дѣла. Я былъ тамъ, гдѣ темно и гдѣ въ темнотѣ сидятъ и плачутъ очень бѣдные люди...

— Ну, — воскликнулъ меламедъ, — а гдѣ же сегодня можетъ быть печально? Сегодня шабасъ,

вездѣ свѣтло и весело... гдѣ же сегодня можетъ быть темно?

Нѣсколько старшихъ членовъ семьи подняли головы и хоромъ повторили вопросъ меламеда:

— Гдѣ ты былъ, Меиръ?

Меиръ не отвѣчалъ. На лицѣ его съ опущенными вѣками выражалась робость и колебаніе.

Внезапно одна изъ дѣвушекъ, сидящихъ у противуположнаго конца стола,—та самая дѣвушка, со смуглымъ лицомъ и шаловливыми черными глазами, которая привела сюда старую прабабушку, весело воскликнула, хлопая въ ладоши.

— Я знаю, гдѣ сегодня темно!

Всѣ глаза устремились на нее, и всѣ стали спрашивать:

— Гдѣ?

Замѣтивъ, что на нее обращено всеобщее вниманіе, Лія покраснѣла и отвѣтила нѣсколько тише съ нѣкоторымъ смущеніемъ!

Въ домѣ Авеля караима, что живетъ тамъ, у Караимскаго холма.

— Меиръ! Ты былъ у караимовъ?

Вопросъ этотъ произнесли одновременно нѣсколько голосовъ, но среди нихъ явственно выдѣлялся, заглушая остальныхъ, рѣзкій, крикливый голосъ меламеда.

На робкомъ до того времени лицѣ юноши появились признаки непріятнаго и довольно сердитаго возбужденія.

— Я не былъ у нихъ, — отвѣчалъ онъ громче, чѣмъ прежде, — но я защитилъ ихъ отъ большой напасти.

— Отъ напасти? Отъ какой напасти? Кто же нападалъ на нихъ?—насмѣшливымъ тономъ спрашивалъ меламедъ.

На этотъ разъ Меиръ поднялъ глаза и устремилъ ихъ на лицо меламеда.

— Ребъ Моше,—сказалъ онъ,—ты знаешь, кто нападалъ на нихъ. На нихъ нападали твои ученики... Они дѣлаютъ это каждую пятницу... и почему же имъ не дѣлать этого, когда они знаютъ...

Онъ остановился и опустилъ голову. Видно было, что въ немъ борются боязнь и гнѣвъ.

— Ну! Что же они знаютъ? Отчего ты, Меиръ, не окончилъ? Что они знаютъ? Отчего ты, Меиръ, не окончилъ? Что они знаютъ? — смѣялся ребъ Моше.

— Они знаютъ, ребъ Моше, что ты, ребъ Моше, похвалишь ихъ за это...

Меламедъ поднялся на стулѣ, глаза его сверкнули и широко раскрылись. Онъ протянулъ темную худую руку и хотѣлъ что-то сказать, но на этотъ разъ ему помѣшалъ сильный и красивый голосъ юноши.

— Ребъ Моше! — говорилъ Меиръ, съ видимымъ усиліемъ принуждая свою голову къ покорному поклону,—ребъ Моше, я уважаю тебя... ты училъ меня... я не спрашиваю тебя, отчего ты не запрещаешь своимъ ученикамъ нападать въ потемкахъ на бѣдныхъ людей... но самъ я не могу смотрѣть на это... у меня начинаетъ болѣть сердце, когда я вижу что-нибудь подобное, потому что мнѣ приходитъ въ голову, что изъ такихъ дурныхъ дѣтей выйдутъ дурные люди, что если теперь они стучатъ въ стѣны хижины, принадлежащей бѣдному старику, и бросаютъ въ него камнями, то потомъ они будутъ жечь дома и убивать людей. Да и сегодня они разрушили, а, можетъ быть, даже и убили бы этихъ бѣдныхъ людей, если бы я не пришелъ и не защитилъ ихъ, но я пришелъ и защитилъ...

Съ этими словами Меиръ сѣлъ за столомъ на предназначенномъ ему мѣстѣ. На лицѣ его не осталось слѣдовъ страха или робости. Онъ, очевидно, глубоко чувствовалъ свою правоту, потому что смѣло глядѣлъ кругомъ, и только губы его дрожали, какъ бываетъ обыкновенно съ натурами свѣжими и впечатлительными. Но въ ту же минуту старый Саулъ и два сына его подняли руки и воскликнули:

— Шабасъ!

Голоса ихъ звучали торжественно, а въ ихъ взглядахъ, которые они бросали на Меира, можно было прочесть суровость и почти гнѣвъ.

— Шабасъ! Шабасъ!—подпрыгивая на стулѣ и широко раскидывая руками, повторялъ меламедъ. Ты, Меиръ, вмѣсто того, чтобы въ священный день шабаса читать Кидушъ, наполнять свою душу радостью и отдавать ее въ руки Ангела Мататрона, который защищаетъ племя Якова передъ Богомъ, для того, чтобы онъ передалъ ее въ руки Саръ-Га-Оламу, т. е. Ангелу надъ Ангелами и Князю міра, чтобы Саръ-Га-Оламъ отдалъ ее Сефиротамъ, т. е. великимъ силамъ, создавшимъ міръ, и чтобы черезъ этихъ Сефиротовъ душа твоя проникла до Великаго Трона, на которомъ сидитъ Самъ Энъ-Софъ, и соединилась съ нимъ поцѣлуемъ любви, вмѣсто того, чтобы сдѣлать все это, ты, Меиръ, ходилъ защищать какихъ-то людей отъ какихъ-то нападеній, охранялъ ихъ домъ и оберегалъ ихъ жизнь! Меиръ! Меиръ! Ты нарушилъ шабасъ! Ты долженъ отправиться въ домъ молитвы и тамъ громко покаяться въ томъ, что ты совершилъ большіе грѣхи и вызвалъ большой соблазнъ!

Эта рѣчь меламеда произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Саулъ и сыновья

его приняли грозный видъ; женщины были изумлены и перепуганы; въ черныхъ глазахъ Ліи, которая первая выдала тайну старшаго брата, блестѣли слезы. Только зять Саула, мягкій, голубоглазый Беръ, смотрѣлъ на обвиняемаго какъ бы съ сочувствіемъ, и нѣсколько молодыхъ людей, его ровесниковъ или болѣе юныхъ, пристально всматривались въ его лицо съ любопытствомъ и дружеской заботливостью.

Меиръ отвѣчалъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Въ нашихъ священныхъ книгахъ, ребъ Моше, въ Торѣ и Мишнѣ ничего не сказано и Сефиротахъ и Энъ-Софѣ, но зато тамъ ясно сказано, что Іегова, который самъ повелѣлъ святить день субботній, разрѣшаетъ нарушить его двадцати человѣкамъ для спасенія одного.

Уже самое намѣреніе отвѣчать меламеду, человѣку совершенному и благочестивому, правой рукѣ раввина Тодроса, было неслыханной и удивительной дерзостью. Но въ рѣчахъ юноши было видно, хотя и неясное, отрицаніе его мнѣній. Выпуклые глаза меламеда чуть не выкатились изъ впадинъ, такъ широко раскрылись ихъ зрачки и такимъ раздраженнымъ взглядомъ смѣрили поблѣднѣвшее во время стычки лицо Меира.

— Караимы! —кричалъ онъ, кидаясь на своей скамейкѣ и хватаясь рукой за бороду и волосы.—Ты спасалъ караимовъ, отщепенцевъ, невѣрующихъ, отлученныхъ! Зачѣмъ же спасать ихъ! Отчего же они не жгутъ въ праздники свѣчей и сидятъ въ темнотѣ? Отчего они рѣжутъ животныхъ и птицъ, служащихъ для ѣды, не спереди, а сзади шеи? Отчего они не знаютъ Мишны, Геморы и Зогаръ?

Онъ захлебнулся отъ волненія и замолчалъ; перерывомъ этимъ воспользовался Меиръ.

— Ребе! Они очень бѣдны!

— Энъ-Софъ мстителенъ и неумолимъ!

— Народъ страшно преслѣдуетъ ихъ!

— Непонятный преслѣдуетъ ихъ!

— Предвѣчный не велитъ преслѣдовать. Равви Гуна сказалъ: если преслѣдующій правъ, а преслѣдуемый преступникъ, то все же Предвѣчный становится на сторону преслѣдуемаго.

Огненный румянецъ показался на щекахъ ребъ Моше.

Глаза его просто пожирали блѣдное лицо юноши съ пылающимъ и уже смѣлымъ взоромъ, съ губами, на которыхъ дрожали не высказанныя и насильно удерживаемыя въ груди слова.

Собрашіеся были, повидимому, полны изумленія, страха и печали. Подобный споръ съ меламедомъ въ глазахъ однихъ былъ грѣхомъ, другіе видѣли въ немъ опасность для дерзкаго юноши или даже для всей его семьи.

Поэтому Саулъ устремилъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей грозный взглядъ на лицо внука и протяжно прошипѣлъ:

— Ша-а!

Меиръ наклонилъ голову, выражая покорность и подчиненіе дѣду, а одинъ изъ сыновей Саула, желая смягчить гнѣвъ ребъ Моше, а также для собственнаго поученія спросилъ его, какая разница между авторитетомъ и святостью книгъ Талмуда и Зогаръ и книгами Каббалы, и долженъ ли благочестивый человѣкъ заняться преимущественно изученіемъ первыхъ или вторыхъ.

Выслушавъ этотъ вопросъ, меламедъ широко разставилъ локти на столѣ, неподвижно устремилъ глаза на противоположную стѣну и съ выраженіемъ глу-

бокаго раздумія сталъ говорить медленнымъ, торжественнымъ голосомъ:

— Симеонъ Бенъ Іохаи, великій раввинъ, жившій страшно давно и знавшій все, что происходитъ на землѣ и небѣ, сказалъ: талмудъ — это подлая невольница, а Каббала—это великая королева. Чѣмъ наполненъ талмудъ? Онъ наполненъ ничтожными второстепенными дѣлами. Онъ учитъ, что чистое, а что нечистое, что запрещено, а что дозволено, что скромно и что нескромно. А чѣмъ наполнена Зогаръ, книга сіянія, книга Каббалы? Она наполнена великими ученіями о томъ, что такое Богъ и его Сефироты. Она знаетъ всѣ имена ихъ и учитъ, что они дѣлаютъ и какъ создаютъ міръ. Въ ней написано, что Бога зовутъ Энъ-Софъ, а второе имя его Ноториконъ, а третье его имя Гоматрія, а четвертое Зируфъ. А Сефироты, великія небесныя силы, зовутся такъ: источникъ людской, невѣста, бѣлая голова, большое лицо, маленькое лицо, зерцало, небесная ступень, земная ступень, лилія и яблочный садъ. А Израиль носитъ имя Матрона, а Богъ для Израиля носитъ имя Отецъ. Богъ Энъ-Софъ не создалъ міра, но его создали небесныя силы Сефироты. Первый Сефиротъ породилъ изъ себя божественную силу, второй всѣхъ ангеловъ и тору (библію), изъ третьяго вышли пророки. Четвертый Сефиротъ породилъ божественную любовь, пятый божественную справедливость, а шестой такую силу, которая все рветъ и уничтожаетъ. Отъ седьмого Сефирота родилась красота, восьмой породилъ великолѣпіе, девятый предвѣчную причину, десятый создалъ такой глазъ, который постоянно бодрствуетъ надъ Израилемъ и ходитъ за нимъ по всѣмъ путямъ его и охраняетъ его ноги отъ терніевъ, лежащихъ на пути

и охраняетъ головы сыновъ Израиля отъ великихъ несчастій. Обо всемъ этомъ говоритъ Зогаръ, книга Каббалы, и она учитъ еще, откуда возникли эти Сефироты, какъ они раздѣляются, изъ сколькихъ буквъ состоятъ ихъ имена, она учитъ угадывать всѣ тайны по тѣмъ буквамъ, изъ которыхъ состоитъ имя Бога; это великая наука, самая главная наука для всякаго израильтянина. Я знаю: многіе евреи говорятъ, что талмудъ важнѣе, но всѣ, кто говоритъ такъ, дураки и не знаютъ того, что земля будетъ содрогаться отъ великихъ страданій, и Богъ и Израиль, Отецъ и Матрона не соединятся поцѣлуемъ любви до тѣхъ поръ, пока рабыня не уступитъ королевѣ, талмудъ не уступитъ Каббалѣ. Когда же придетъ это время? Оно придетъ тогда, когда въ мірѣ появится Мессія. Тогда для всѣхъ набожныхъ и ученыхъ людей настанетъ праздникъ большой радости! Тогда Господь Богъ прикажетъ сварить рыбу Левіаѳана, которая такъ велика, что на нее опирается весь свѣтъ, и всѣ сядутъ за столъ и будутъ ѣсть эту рыбу: набожные и ученые будутъ ѣсть съ головы, а простой и неученый народъ съ хвоста.

Меламедъ окончилъ, глубоко вздохнулъ и, опустивши глаза къ землѣ, внезапно свалился съ мистическихъ высотъ на долину реальности. На тарелкѣ передъ нимъ лежалъ, распространяя ароматъ кореньевъ, кусокъ прекрасной рыбы, правда, не Левіаѳана, но все же какого-то очень вкуснаго обитателя водяного царства, а меламедъ, хотя и велъ аскетическій образъ жизни, но любилъ субботній пиръ и наѣдался на нихъ вдоволь, такъ какъ былъ убѣжденъ, что поддержаніе духа и тѣла въ радостномъ настроеніи составляетъ одну изъ обязанностей, связанныхъ съ суб-

ботой точно такъ же, какъ продолжительныя и горячія молитвы. Итакъ, еще со слѣдами мистическаго экстаза въ круглыхъ глазахъ и съ блаженной улыбкой на лицѣ онъ началъ разрывать темными руками и подносить ко рту лежащее передъ нимъ лакомое блюдо. Всѣ собравшіеся долго молчали послѣ его словъ. Мудрая рѣчь меламеда произвела на присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Старикъ Саулъ слушалъ слова его съ выраженіемъ глубочайшаго благоговѣнія на лицѣ. Глубокія морщины, покрывающія его лобъ, дрогнули нѣсколько разъ, какъ бы подъ вліяніемъ тайнаго нервнаго страха. Сыновья его задумчиво уставились глазами въ столъ и погрузились въ размышленіе о мудрыхъ словахъ ребъ Моше, невольно стараясь найти въ этихъ областяхъ неудержимаго воображенія какую-нибудь путеводную нить, которая помогла бы разобраться въ нихъ. Женщины набожно сложили руки на груди, наклоняли изъ стороны въ сторону свои головы, выражая крайнее удивленіе и съ улыбающимися отъ восторга лицами тихонько шептали:

— Ученый человѣкъ! Мудрый человѣкъ! Совершенная набожность! Настоящій ученикъ великаго раввн Исаака.

Однако, если бы кто-нибудь присмотрѣлся въ эту минуту внимательно къ лицамъ всѣхъ сидящихъ за столомъ, то замѣтилъ бы два взгляда, которыми съ быстротой молніи, незамѣтно для всѣхъ присутствующихъ, обмѣнялись во время рѣчи меламеда Беръ и Меиръ. Первый посмотрѣлъ печально, второй отвѣтилъ взглядомъ, въ которомъ чувствовался сдерживаемый гнѣвъ и насмѣшка. Когда меламедъ говорилъ о рыбѣ Левіаѳанѣ, такой большой, что весь міръ опирается на нее, которую, въ день при-

шествія Мессіи ученые будутъ ѣсть съ головы, а неученые съ хвоста, то по тонкимъ умнымъ губамъ Меира проскользнула улыбка. Улыбка эта походила на уколъ кинжала. Она навѣрное уколола того, на чьихъ устахъ появилась, но, вѣроятно, хотѣла бы уколоть и того, кто ее вызвалъ. Беръ отвѣчалъ на улыбку эту вздохомъ. Кромѣ того, ее замѣтило нѣсколько молодыхъ людей, сидѣвшихъ противъ Меира и всматривавшихся въ его лицо глазами, полными вопросительнаго выраженія. Они замѣтили ее, и по лицамъ ихъ промелькнуло какъ бы эхо или отраженіе улыбки Меира. Послѣ минутнаго молчанія, которое прерывалось только звономъ ножей, ударявшихся о тарелки, и громкимъ чавканіемъ меламеда, старый Саулъ заговорилъ такъ:

— Все это великія, мудрыя и страшныя дѣла, о которыхъ намъ говорилъ ребъ Моше, — за что ему большое спасибо! Слушайте ученыхъ мужей, которые своей мудростью поддерживаютъ славу и крѣпость Израиля, ибо сказано есть: „Ученые составляютъ фундаментъ міра“. Кто уважаетъ ихъ и часто спрашиваетъ ихъ о мудрыхъ вещахъ, извѣстныхъ имъ, тому простятся всѣ грѣхи его жизни.

Ребъ Моше поднялъ голову надъ тарелкой и пробормоталъ полнымъ ртомъ:

— Добрыя дѣла человѣка вызываютъ цѣлый потокъ прощенія и милостей. Они открываютъ передъ нимъ тайны неба и земли и относятъ душу его къ Сефиротамъ!

Благоговѣйное молчаніе послѣдовало за этими словами, но нѣсколько минутъ спустя его нарушилъ тонкій юношескій голосъ.

— Ребъ Моше! А что такое доброе дѣло? Что слѣдуетъ дѣлать, чтобы спасти душу отъ грѣха и

привлечь къ себѣ великій потокъ милостей?—громко спросилъ Меиръ.

Меламедъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на спрашивающаго. Бурые глаза его грозно и гнѣвно засверкали; въ сѣрыхъ прозрачныхъ зрачкахъ юноши мелькали серебристыя искры сдерживаемой улыбки.

— Ты, Меиръ, былъ моимъ ученикомъ и еще можешь спрашивать о такихъ вещахъ! Развѣ я не говорилъ и не повторялъ вамъ сотни разъ, что лучшій поступокъ человѣка есть погруженіе въ священную науку? Кто сдѣлаетъ это, тому все будетъ прощено, а кто не сдѣлаетъ этого, тотъ будетъ проклятъ, будетъ отвергнутъ отъ лона Израиля и изгнанъ изъ міра чистыхъ духовъ, хотя бы руки его были чисты, какъ снѣгъ.

Сказавши это, онъ обратился къ Саулу и, указывая темнымъ пальцемъ на Меира, продолжалъ:

— Онъ не знаетъ и не понимаетъ ничего! Онъ забылъ уже все, чему я научилъ его!

Старикъ слегка наклонилъ свой морщинистый лобъ передъ меламедомъ и, дѣлая попытку примиренія, сказалъ:

— Прости ему, ребе! Онъ еще ребенокъ! Когда онъ поумнѣетъ, то увидитъ, что уста его были дерзки, когда онъ смѣлъ спорить съ тобой, и онъ навѣрное будетъ такимъ же ученымъ и набожнымъ, какъ всѣ члены нашего семейства...

Тутъ онъ выпрямился, его помутнѣвшіе отъ старости глаза засвѣтились гордостью.

— Слушайте меня, дѣти мои, внуки и правнуки!— произнесъ онъ.—Наша семья, семья Эзофовичей, не какая-нибудь семья. У насъ, слава Богу,— да будетъ благословенно имя Его,—большія богатства хранятся въ сундукахъ и много плаваетъ по

рѣкамъ нашихъ плотовъ, но у насъ есть еще большія сокровища въ нашемъ прошломъ. Пра-прадѣдъ нашъ былъ Сеніоромъ, старшимъ надъ всѣми евреями, которые жили въ этой странѣ, и его очень любилъ король. Отецъ же мой Гершъ, великій Гершъ былъ въ дружбѣ съ великими вельможами, которые сажали его въ своихъ каретахъ и за его мудрость возили къ королю на сеймъ, который тогда засѣдалъ въ Варшавѣ...

Старикъ умолкъ на минуту и оглядывался по сторонамъ глазами просвѣтлѣвшими отъ чувства гордости и торжества. Присутствующіе, не отрываясь, смотрѣли ему въ глаза; меламедъ сталъ мраченъ и медленно пилъ вино изъ большой рюмки, а старая, дремлющая прабабушка внезапно проснулась и, сверкая желтыми зрачками изъ подъ моргающихъ рѣсницъ, воскликнула громкимъ, но беззвучнымъ голосомъ:

— Гершъ! Гершъ! Мой Гершъ!

Немного спустя Саулъ продолжалъ:

— Въ нашемъ семействѣ есть одно крупное сокровище, такое сокровище, какого нѣтъ во всемъ Израилѣ. Сокровище это — завѣщаніе, которое оставилъ намъ Михаилъ Сеніоръ и въ которомъ написано много великихъ и мудрыхъ вещей... Если бы мы нашли это мудрое завѣщаніе, то мы были бы очень счастливы; въ томъ только бѣда, что неизвѣстно, гдѣ оно...

Какъ только Саулъ заговорилъ о мудромъ завѣщаніи своего дѣда, двѣ пары глазъ засверкали страстными, но совершенно противоположными чувствами. Это были глаза меламеда, который тихо и язвительно посмѣивался, и Меира, который выпрямился на своемъ креслѣ и съ пылкимъ нетерпѣніемъ всматривался въ лицо говорящаго.

— Завѣщаніе это,—продолжалъ Саулъ,—было спрятано въ теченіе двухсотъ лѣтъ, и никто не дотронулся до него. А когда прошло двѣсти лѣтъ, его нашелъ отецъ мой Гершъ. Гдѣ нашелъ онъ его, этого никто не знаетъ, за исключеніемъ этой старой прабабушки.

Тутъ онъ указалъ пальцемъ на свою мать и докончилъ:

— И она одна знаетъ, гдѣ онъ спряталъ опять это завѣщаніе, но она еще никому не сказала этого...

— Отчего же она не сказала никому?—спросилъ меламедъ, тихо и язвительно посмѣиваясь.

Саулъ отвѣчалъ печальнымъ голосомъ:

— Ребъ Нохимъ Тодросъ,—да будетъ благословенна его память,—запретилъ ей говорить объ этомъ.

— А почему вы, ребъ Саулъ, не искали сами этого писанія?

Саулъ отвѣтилъ еще печальнѣе:

— Ребъ Борухъ Тодросъ, сынъ ребъ Нохима, и ребъ Исаакъ,—да здравствуетъ онъ много лѣтъ,—сынъ ребъ Боруха,—запретили мнѣ его искать!

— И пусть никто его не ищетъ!—крикнулъ изо всѣхъ силъ меламедъ, высоко поднимая свою руку, держащую вилку.—Пусть никто не ищетъ этого писанія, потому что оно наполнено великими богохульствами и мерзостью. Ребъ Саулъ! Прикажи ты своимъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, чтобы они не искали этого писанія, а если найдутъ, то чтобы предали сожженію! Потому что кто найдетъ это писаніе и прочтетъ его громко народу, на того падетъ херемъ, тотъ будетъ отвергнутъ отъ лона Израилева. Такъ говорилъ ребъ Нохимъ и ребъ Борухъ,—да будетъ благословенна ихъ память! Такъ

говорилъ ребъ Исаакъ, — да здравствуетъ онъ сто лѣтъ! Это писаніе будетъ проклятіемъ и великимъ несчастіемъ тому, кто его найдетъ.

Глубокое молчаніе наступило послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ меламедомъ съ чрезвычайной запальчивостью, а среди этого молчанія послышался долгій, дрожащій, страстный вздохъ.

Всѣ оглянулись, чтобы узнать, изъ чьей груди вырвался этотъ вздохъ разрывающаго ее желанія; но никто не узналъ этого. Всѣ замѣтили только, что Меиръ, весь выпрямившись, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и пылающими глазами, пристально смотрѣлъ въ лицо прабабки. Она, какъ бы почувствовавъ на себѣ этотъ пронизывающій взглядъ возлюбленнаго дитяти, подняла свои сморщенныя вѣки и проговорила:

— Меиръ?

— Бобе!—отвѣтилъ спрошенный голосомъ, въ которомъ звучала нѣжная ласка.

— Киндъ-лебенъ!—шепнула прабабка и съ блаженной улыбкой уснула снова.

Уже субботнее пиршество близилось къ концу, когда за столомъ произошло нѣчто, что могло показаться очень страннымъ всякому постороннему зрителю, но для собравшихся здѣсь было обыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Ребъ Моше, смуглое лицо котораго все горѣло отъ большого количества выпитыхъ имъ бокаловъ вина, радушно предлагаемаго хозяевами, внезапно вскочилъ со своего мѣста и нѣсколькими широкими прыжками, съ громкимъ крикомъ и съ лицомъ поднятымъ вверхъ, къ потолку, выскочилъ на середину комнаты.

— Шабасъ! Шабасъ! Шабасъ!—кричалъ онъ, неистово потрясая плечами и головой.—А сымхе! А

сымхе! Вся небесная семья радуется и пляшетъ въ небесахъ!

Давидъ плясалъ и прыгалъ передъ скиніей завѣта; почему жъ совершенному и благочестивому человѣку не развеселить своего сердца пляской и прыжками?

И онъ плясалъ и прыгалъ, широкими шагами пробѣгалъ все пространство вокругъ стола, наклонялся, присѣдалъ къ землѣ, а потомъ еще больше поднималъ вверхъ плечи и лицо. Все громче и грузнѣе опускались его тяжелыя босыя ноги, путающіяся въ узкомъ холщевомъ халатѣ, на дрожащій подъ ними полъ.

Каждый постороній зритель съ интересомъ наблюдалъ бы за чувствами, отражавшимися на лицахъ присутствующихъ при этой изступленной пляскѣ. Старый Саулъ и его сыновья смотрѣли на пляшущаго съ чрезвычайной серьезностью и вниманіемъ. Ихъ уста не дрогнули хотя бы въ самой легкой усмѣшкѣ. Казалось, они смотрѣли на бѣшеные прыжки меламеда такъ, какъ смотрятъ благочестивые люди на мистическіе и таинственные, но священные обряды.

Правда, въ помутившихся отъ старости, но еще умныхъ глазахъ Саула вспыхивалъ по временамъ какой-то огонекъ, какъ бы отъ скрываемой непріятной насмѣшливой улыбки, но никто не могъ ея замѣтить, такъ какъ старикъ прикрылъ глаза своими пожелтѣвшими вѣками. Русый Беръ, глаза котораго стали неподвижны и безстрастны, какъ стекло, сидѣлъ выпрямившись и смотрѣлъ такъ же серьезно; но его лобъ сморщился, какъ отъ боли. Меиръ, опершись головой на руки, казалось, не слышалъ и не видѣлъ или старался не видѣть всего, что про-

исходило вокругъ него. Зато женщины очень дивились пляскѣ меламеда, покачивались въ тактъ топанья его босыхъ ногъ, отъ восхищенія причмокивали губами и переглядывались съ удивленіемъ и восхищеніемъ. На другомъ концѣ стола, гдѣ сидѣли самые младшіе, мальчики и румяныя дѣвушки, слышался шопотъ и звуки съ трудомъ подавляемаго смѣха.

Наконецъ, ребъ Моше усталъ, силы его исчерпались, и его тѣло, все вздрагивающее въ изступленіи священнаго рвенія, грузно рухнуло на землю у подножья большой печки изъ зеленаго кирпича. Однако, онъ сейчасъ же поднялся, громко засмѣялся и сталъ вытирать рукавомъ своей грубой и жесткой рубашки крупныя капли пота, выступившія на его лбу и лицѣ.

Тогда изъ-за стола встала Сара, дочь Саула, и стала подавать всѣмъ присутствовавшимъ серебряный кувшинъ съ водою для омовенія рукъ и серебряный тазъ. Шепча благодарственныя молитвы они обливали свои руки водою и вытирали ихъ висѣвшимъ на плечѣ у Сары полотенцемъ, бѣлымъ, какъ снѣгъ, и украшеннымъ вышитыми узорами.

Субботнее пиршество окончилось.

Спустя нѣсколько минутъ были убраны со стола покрывавшіе его приборы. Всѣ присутствовавшіе, раздѣлившись на нѣсколько группъ, наполнили комнаты шумомъ громкихъ и оживленныхъ разговоровъ.

Меиръ нѣсколько минутъ простоялъ, задумчиво вглядываясь въ вечерній мракъ, и потомъ подошелъ къ самой солидной группѣ, состоявшей изъ наиболѣе серьезныхъ старшихъ членовъ семьи, собравшихся въ парадномъ мѣстѣ комнаты, украшенномъ старомод-

нымъ диваномъ съ большой желтой спинкой. Здѣсь Авраамъ и Рафаилъ, сыновья Саула, и Беръ, его зять, давали отцу отчетъ въ своихъ сдѣлкахъ, совершенныхъ въ теченіе недѣли, просили у него помощи и совѣта. Здѣсь слышались названія различныхъ цифръ при подсчитываніи купленныхъ бочекъ зерна и заплаченныхъ за нихъ денегъ, и быстро двигались пальцы нѣсколькихъ паръ рукъ. Здѣсь, при упоминаніи о заграничныхъ портахъ и стоявшихъ въ нихъ цѣнахъ на зерно и лѣсъ, глаза загорались чувствомъ надежды и страха или жаждой наживы. Видно было, что старый Саулъ только теперь очутился въ родной стихіи... Хотя высокія и мудрыя ученія мистическихъ мудрецовъ общины и возбуждали въ немъ уваженіе и страхъ, однако мірскія дѣла, казалось, были для его ума болѣе близкими, жизненными и знакомыми. Въ его глазахъ, въ которыхъ блестѣла энергичная и оживленная мысль, уже не чувствовалось дряхлости, и только его бѣлые волосы и длинная бѣлая борода уподобляли его патріархамъ и старѣйшинамъ, распредѣляющимъ среди членовъ семьи свои совѣты, похвалы и проповѣди.

Меиръ стоялъ нѣсколько минутъ въ кружкѣ этихъ людей, споривщихъ о торговлѣ, барышахъ и убыткахъ, съ равнодушнымъ лицомъ. Видно было, что въ подобныхъ дѣлахъ онъ не принималъ никогда личнаго участія и что его свѣжей натуры еще не коснулась и не тронула сидѣвшая лихорадка наживы. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ онъ на флегматическаго Бера, который въ эту минуту, казалось, превратился въ совсѣмъ другого человѣка. Разсказывая тесто о своихъ торговыхъ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ и убѣждая его въ томъ, что ему необходимо сдѣлать крупный заемъ у братьевъ своей

жены, онъ сталъ краснорѣчивымъ, подвижнымъ, запальчивымъ. Его глаза горѣли, губы двигались съ неимовѣрной быстротой, руки дрожали.

Меиръ отошелъ и остановился возлѣ другой группы.

Въ этой группѣ, собравшейся у другого конца стола, еще застланнаго бѣлой скатерью, царилъ меламедъ. Его окружало около дюжины слушателей, а онъ по своему обыкновенію, широко опираясь локтями на столъ, торжественно и среди сосредоточеннаго вниманія слушающихъ ораторствовалъ:

— Все, что есть на свѣтѣ, каждый человѣкъ и всякая тварь, и всякая трава, и всякій камень имѣютъ корни тамъ, высоко, въ странѣ духовъ. И поэтому весь міръ есть какъ бы огромное дерево, корни котораго находятся между этими духами. И онъ представляетъ изъ себя огромную цѣпь, послѣднія звенья, которой висятъ тамъ, гдѣ живутъ духи! И онъ—какъ огромное море, никогда не высыхающее, потому что въ него стремится нескончаемый потокъ духовъ и постоянно наполняетъ его.

Меиръ отошелъ отъ группы, внимающей меламеду, и приблизился къ окну. Тамъ двое молодыхъ людей, положивъ головы на руки, разсуждали съ глубокой задумчивостью о томъ, гдѣ и какъ написано, что человѣкъ, идущій въ праздничную ночь и не увидѣвшій своей тѣни, умретъ въ томъ же самомъ году.

Меиръ оглядѣлся кругомъ. Въ сосѣдней комнатѣ пожилыя женщины, собравшись тѣснымъ кружкомъ, вели громкій разговоръ о своемъ хозяйствѣ и необыкновенномъ умѣ своихъ дѣтей; молодыя дѣвушки, усѣвшись на корточкахъ въ углу на землѣ, расплетали свои длинныя косы, хихикали и тихо напѣвали.

По лицу Меира было видно, что его не влекло ни къ одной изъ этихъ группъ, наполнявшихъ домъ его дѣда. Здѣсь онъ былъ среди своихъ, среди тѣхъ, съ кѣмъ его связывали самыя тѣсны уязы сердца и крови, а все-таки... Можно было сказать, что онъ находился въ пустынѣ, такъ одиноко стоялъ онъ посреди комнаты и такимъ печальнымъ утомленнымъ взоромъ повелъ онъ кругомъ. Черезъ минуту его уже не было въ комнатѣ. Онъ сошелъ по ступенькамъ крыльца и по темной площади направился къ длинному узкому дому ребъ Янкеля.

* * *

Послѣ богато освѣщенныхъ обширныхъ, опрятныхъ и красивыхъ комнатъ въ домѣ старика Эзофовича домъ ребъ Янкеля, собственника самаго значительнаго въ Шибовѣ постоялаго двора, торговца водкой и члена кагала, долженъ былъ показаться Меиру тѣснымъ, грязнымъ, темнымъ и печальнымъ. Въ то время, когда тамъ у Саула субботнее пиршество едва только окончилось, здѣсь уже давно былъ убранъ съ семейнаго стола скудный ужинъ, прошедшій въ угрюмомъ молчаніи, прерывавшемся только ворчливой бранью и ѣдкими замѣчаніями главы семейства. Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что ребъ Янкель былъ очень скупъ, копилъ деньги, а что касается порядка и домашнихъ удобствъ, то объ этомъ онъ мало заботился, такъ какъ самъ рѣдко бывалъ дома, занимаясь арендами водочныхъ заводовъ и корчемъ въ окрестныхъ деревняхъ и заглядывая въ мѣстечко только тогда, когда этого требовали религіозные обряды и кагальныя дѣла. Жена его Ента и двѣ взрослыхъ дочери вѣдали хозяйство постоялаго двора,

исполняли всѣ обязанности и занимали въ немъ мѣсто главной прислуги.

Шумныя бесѣды, оглашавшія стѣны дома Эзофовичей, были здѣсь неизвѣстны. Достатокъ обнаруживался здѣсь только тогда, когда ребъ Янкель принималъ какихъ-нибудь достойныхъ гостей: свято того раввина, который очень любилъ его, своихъ кагальныхъ товарищей или богатыхъ купцовъ. Опрятность и веселье никогда не заглядывали сюда.

Въ первой комнатѣ, куда Меиръ вошелъ черезъ двери, ведущія изъ темныхъ, подобныхъ безднѣ, сѣней постоялаго двора, догоралъ на столѣ единственный огарокъ желтой свѣчки, вставленный въ засаленный мѣдный подсвѣчникъ. Здѣсь было совсѣмъ тихо и пусто. Зато въ слѣдующей комнатѣ, въ которой уже былъ потушенъ свѣтъ, раздавался громкій храпъ хозяина дома, спавшаго крѣпкимъ сномъ. Въ третьей комнатѣ, такой тѣсной и настолько загроможденной кроватями и сундуками, что только съ трудомъ можно было пробраться между ними, Меиръ замѣтилъ въ темнотѣ при мерцаньи крошечной лампы, поставленной на обвѣшанную тряпками печь, неясный силуэтъ женской фигуры; женщина покачивая ногою колыбель, старалась, тихо попѣвая, убаюкать всхлипывавшаго ребенка. Онъ привѣтствовалъ ее кивкомъ головы и ласковымъ словомъ. Она отвѣтила ему и погрузилась опять въ свое занятіе среди мѣрнаго стука люльки и мѣрнаго храпа нѣсколькихъ человѣкъ, спавшихъ въ этой комнатѣ.

За низкой дверью слышался глухой шумъ мужскихъ голосовъ. Меиръ отворилъ дверь и очутился въ комнатѣ Еліазара кантора, обладавшаго бѣлымъ лицомъ и чуднымъ голосомъ.

Еліазаръ былъ не одинъ. Рядомъ съ нимъ возлѣ стола, на которомъ горѣла желтая свѣча, сидѣло нѣсколько молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ семьѣ Эзофовичей и встрѣчавшихъ субботу вмѣстѣ съ Меиромъ. Меиръ вздохнулъ свободнѣе, быть можетъ, потому, что въ комнаткѣ кантора воздухъ былъ менѣе душный и зловонный, чѣмъ въ другихъ частяхъ квартиры, или потому, что онъ очутился среди людей, на которыхъ любилъ смотрѣть и лица которыхъ также при видѣ его озарились дружественными улыбками. Еліазаръ на пришедшаго поднялъ свои бирюзовые глаза въ то время, какъ тотъ въ молчаніи занялъ мѣсто возлѣ стола.

— Меиръ!—сказалъ онъ мягкимъ голосомъ.

— А что?—спросилъ гость.

— Сегодня ты былъ нетерпѣливъ и наговорилъ ненужныхъ вещей меламеду. Мнѣ они объ этомъ разсказали.

Онъ указалъ на присутствующихъ молодыхъ людей. Меиръ остановилъ на бѣломъ лицѣ пѣвца проницательный и нѣсколько насмѣшливый взоръ.

— Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я сказалъ сегодня меламеду что-то ненужное и нехорошее?—спросилъ онъ его медленно.

Канторъ нагнулъ голову.

— Это было хорошо, — сказалъ онъ, — но ты не долженъ былъ этого говорить, такъ какъ за это тебя могутъ постигнуть большія непріятности.

Молодой человѣкъ засмѣялся какъ-то принужденно и грустно.

— Ну,—сказалъ онъ,—я не могу больше выдержать и молча смотрѣть и слушать, какъ они всѣмъ намъ кружатъ головы.

— Дитя, дитя! А что же ты можешь сдѣлать?— проговорилъ за разговаривающими протяжный и лѣнивый голосъ.

Всѣ оглянулись. Это былъ флегматическій Беръ, который вошелъ черезъ низенькія двери, старательно заперъ ихъ за собою и, отвѣтивъ такимъ образомъ на пылкое восклицаніе юноши, легъ съ лицомъ, обращеннымъ къ потолку, на кровати Еліазара. Присутствующіе очевидно привыкли видѣть его между собою, такъ какъ при видѣ его не выразили ни малѣйшаго неудовольствія, ни замѣшательства, напротивъ, разговоръ продолжался. Одинъ изъ юношей, родственниковъ Меира, наполовину съ недовѣріемъ и смѣхомъ, наполовину съ осторожностью, началъ передавать кантору слова меламеда о Энъ-Софѣ, Сефиротахъ, о днѣ Мессіи и о громадной рыбѣ Левіаѳанѣ, другой спрашивалъ Еліазара: что онъ думаетъ о томъ, довольно ли углубиться въ науку Мишны и Зогара для того, чтобы добиться прощенія всѣхъ своихъ проступковъ.

Еліазаръ опустилъ голову и молча слушалъ. Долго не отвѣчалъ онъ, затѣмъ медленно поднялъ голову и сказалъ:

— Читайте Тору! Тамъ написано: Единъ Богъ, Іегова! Не находитъ Онъ удовлетворенія въ жертвахъ вашихъ, ни въ пѣніяхъ и ѳиміамахъ, но требуетъ отъ васъ, чтобы вы любили истину, защищали угнетенныхъ, учили темныхъ и лечили больныхъ, — вотъ ваши первыя обязанности!

Двое молодыхъ людей широко раскрыли глаза.

— Развѣ меламедъ неправду говорилъ?—воскликнули они одновременно.

Еліазаръ снова долго молчалъ. Видно было, что онъ охотно не отвѣчалъ бы; но молодыя, не-

терпѣливыя руки тянули его за рукавъ, требуя отвѣта.

— Неправду! — робко отвѣтилъ онъ наконецъ.

Въ это время Меиръ положилъ ему руку на плечо.

— Еліазаръ, — сказалъ онъ: — ты мнѣ говорилъ такъ два года тому вазадъ, когда вернулся изъ большого города, гдѣ тебя учили пѣть. Ты тогда открылъ мнѣ глаза, которые начинали уже сами искать свѣта, и ты научилъ меня, что мы не истинные Израильтяне, что вѣра наша уже не та, которая намъ была дана на горѣ Синайской, она помутилась и загрязнилась, какъ вода, когда въ нее бросятъ комъ грязи, и что отъ этой грязи почернѣли наши головы и сердца. Ты мнѣ это сказалъ, Еліазаръ, и я прозрѣлъ. Съ тѣхъ поръ я люблю тебя, какъ родного брата, который помогъ мнѣ выйти изъ темницы, но также съ тѣхъ поръ я чувствую на сердцѣ большую тяжесть и великую грусть.

— Еліазаръ училъ тебя, Меиръ, и Еліазаръ молчитъ, а ты, ученикъ его, начинаешь говорить,—отозвался голосъ Бера, въ лѣнивомъ произношеніи котораго звучала насмѣшка.

— Если бы я умѣлъ говорить!—воскликнулъ молодой человѣкъ. Глаза его заискрились.—О, если-бъ я зналъ, что и какъ дѣлать!

И, немного погодя, онъ прибавилъ значительно тише:

— Но я не умѣю ни говорить, ни дѣйствовать, у меня только въ сердцѣ большая ненависть къ тѣмъ, кто обманываетъ, и великая любовь къ обманутымъ.

— И чрезмѣрная смѣлость,—прибавилъ небрежно лежащій на кровати Беръ.

— Смѣлости до сихъ поръ у меня не было, но... но... если бы я только зналъ, что дѣлать, то она у меня явилась бы. ...

Нѣкоторое время царило молчаніе. Его прервалъ Меиръ.

— Ты счастливъ, Еліазаръ!

— Отчего я счастливъ?

— Ты много всюду бывалъ, видѣлъ множество умныхъ вещей и слышалъ мудрыхъ людей. Ахъ, если бы и мнѣ побывать въ свѣтѣ!

— Еліазаръ, разскажи намъ что-нибудь объ этомъ!—отозвались двое молодыхъ людей. Въ глазахъ ихъ, устремленныхъ въ лицо кантора, выразилось любопытство и удивительная грусть.

Изъ молодежи только одинъ Еліазаръ видѣлъ „свѣтъ“. Причиной этого былъ его чудный голосъ, для развитія котораго онъ былъ высланъ въ большой городъ. Все, что было интереснаго, онъ уже давно разсказалъ своимъ товарищамъ. Впрочемъ, матеріалъ былъ очень невеликъ, но они охотно слушали его, хотя онъ разсказывалъ ежедневно одно и то же. Какой видъ имѣетъ большой городъ? Какъ высоки дома, которые стоятъ на улицахъ, и какъ великолѣпны экипажи, которые ѣздятъ по улицамъ? Какіе богатые, учтивые и ученые люди живутъ въ этихъ домахъ и сколько между ними евреевъ, которые имѣютъ множество денегъ, прекрасные дворцы, богатые наряды и пользуются большимъ уваженіемъ? И почему всѣ ихъ уважаютъ? Потому ли, что они богаты? Нѣтъ; вѣдь и въ Шибовѣ есть богатые купцы, однако пурицы только тогда оказываютъ имъ уваженіе, когда нуждаются въ ихъ деньгахъ, а если не нуждаются, то очень плохо и презрительно говорятъ съ ними и о нихъ. Ихъ уважаютъ потому, что они многому учились и много знаютъ и изучали не только Мишну и Гемару, но и много другихъ прекрасныхъ и полезныхъ наукъ. Почему

же въ Шибовѣ нѣтъ такой школы, въ которой учили бы такимъ наукамъ, и почему Раввинъ Исаакъ и ребъ Моше говорятъ, что эти науки—содомскій виноградникъ и очагъ невѣрныхъ и что каждый истинный еврей долженъ избѣгать ихъ.

— Еліазаръ, какъ это тамъ ѣздятъ по свѣту возы безъ лошадей и кто это такъ хитро изобрѣлъ?

— Еліазаръ, всѣ ли евреи соблюдаютъ тамъ кошеръ?

— А что, Еліазаръ, говорятъ о нашихъ раввинахъ Тодросахъ?

— Плохо говорятъ.

Удивительно! Евреи на широкомъ свѣтѣ плохо говорятъ о Тодросахъ и не вѣрятъ въ Энъ-Софа, ни въ Серафитовъ, ни во всю Каббалу?

— Что же они говорятъ о Талмудѣ?

— О Талмудѣ они говорятъ, что это прекрасная и мудрая книга и что написана она мудрыми и святыми людьми, только, ее нужно сократить и кое-что совсѣмъ изъ нея выбросить, такъ какъ теперь настали иныя времена и многое изъ того, что нѣкогда было полезнымъ, теперь уже вредно и лишь насилуетъ память и разумъ дѣтей.

Опять таки удивительно! Талмудъ нужно сократить, потому что изученіе Гемары очень трудно и убиваетъ въ дѣтяхъ память и умъ.

Правда, они сами помнятъ, съ какимъ трудомъ сопряжено было для нихъ изученіе Гемары и какъ жестоко билъ ихъ меламедъ за то, что оно имъ никакъ не давалось въ такой степени, какъ это ему было желательно, и какъ у нихъ отъ этого слабѣли умственныя способности; вѣдь остался же малый Лейбеле, сынъ бѣднаго портного, отъ этого навсегда придурковатымъ и больнымъ.

— А кто это сократилъ Талмудъ и сдѣлалъ его болѣе легкимъ для изученія?

— Сократилъ его великій и святой мудрецъ Моисей Маймонидесъ, котораго раввины послѣ этого прокляли.

Какъ! Раввины прокляли великаго и святого мудреца! Значитъ, раввины могутъ быть злыми и несправедливыми и не всегда нужно вѣрить тому, что они говорятъ!

— Что же больше написалъ Мойсей Маймонидесъ?

— Онъ написалъ еще Море Небухимъ, путеводитель для заблудшихъ, мудрую и прекрасную книгу чтеніе которой такъ трогаетъ, что хочется плакать и смѣяться отъ радости.

— Есть ли у тебя эта книжка, Еліазаръ!

— Да! Ее далъ мнѣ одинъ мудрый еврей, который тамъ въ большомъ городѣ былъ знаменитымъ адвокатомъ.

— Прочти намъ эту книгу, Еліазаръ!

Такимъ образомъ въ этихъ простыхъ умахъ, безсознательно тоскующихъ по солнцу и по широкому человѣчеству, частично и хаотически отражался міръ явленій и мыслей, кружащихся въ широкомъ пространствѣ. Изъ этого не вырабатывались какія-либо опредѣленныя убѣжденія, не появлялась путеводная нить иной, лучшей жизни, однако, въ совѣсть ихъ вкрадывались сомнѣнія, въ груди ихъ просыпались желанія, и молодые глаза заволакивались пеленою тоски, произошедшей отъ грустной мысли, начинающей чувствовать на себѣ тяжесть оковъ.

Было уже поздно, когда юноши послѣ долгой бесѣды поднялись со своихъ мѣстъ и стояли другъ противъ друга съ поблѣднѣвшими лицами и пылаю-

щими взорами. Послѣ минутнаго молчанія Меиръ проговорилъ:

— Еліазаръ! Развѣ мы никогда не крикнемъ народу громкимъ голосомъ, чтобы онъ оглядѣлся и прозрѣлъ? Будемъ ли мы всегда предаваться гніенію, какъ черви, прикрытые землею, и смотрѣть, какъ весь народъ задыхается и гніетъ?

Еліазаръ опустилъ въ землю свои глаза, затуманенные слезами, и сказалъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Я ежедневно пою и плачу передъ Господомъ за народъ мой!

Меиръ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія; въ то же время Беръ, тяжело поднимаясь съ кровати, засмѣялся низкимъ, печальнымъ смѣхомъ.

— Пой и плачь,—сказалъ онъ Еліазару,—твой строгій отецъ наполнилъ тебя такимъ великимъ страхомъ, что ты никогда не будешь въ состояніи сдѣлать что-нибудь другое.

Затѣмъ онъ положилъ руку на плечо Меира и прибавилъ:

— Только онъ будетъ смѣлымъ и поплыветъ противъ теченія.

Оставляя жилище Янкеля, Меиръ снова увидѣлъ въ одной изъ комнатъ ту же самую женскую фигуру, сидящую надъ колыбелью усыпленнаго ребенка. Она нагнулась и дремала, опершись обѣими руками о край колыбели. Свѣтъ лампочки, горящей на печи, палалъ теперь прямо на нее и освѣщалъ синій изодранный кафтанъ, прикрывавшій лишь спину и грудь, и руки, покрытыя только рукавами толстой рубахи. На головѣ у нея былъ еще праздничный чепецъ съ большимъ смятымъ цвѣткомъ, красный цвѣтъ котораго составлялъ странный контрастъ съ пожелтѣвшей

и сморщенной кожей на лбу и на увядшихъ щекахъ. Женщина эта не была еще очень стара, но только чрезвычайно изнурена. Одного взгляда, брошеннаго на нее, достаточно было, чтобы убѣдиться, что жизнь ея прошла въ трудахъ и униженіяхъ и что никогда не освѣжила ее ни одна капля семейнаго счастья. Смотря на нее, тоже легко было угадать, что не доживетъ она, какъ Фрейда, жена еретика Герша, до своей столѣтней годовщины и что не будетъ она медленно и сладко засыпать передъ вѣчнымъ сномъ, среди пріятной суеты многочисленныхъ внуковъ и правнуковъ. Ента, жена набожнаго ребъ Янкеля, была существомъ, обладавшимъ убитымъ духомъ въ истомленномъ тѣлѣ.

Когда шумъ шаговъ уходившихъ гостей, смѣшивавшійся нѣкоторое время съ храпомъ нѣсколькихъ, крѣпко спавшихъ людей, замолкъ наконецъ, Еліазаръ остановился въ низкихъ дверяхъ своей комнатки и нѣсколько секундъ смотрѣлъ издали на дремлющую женщину.

— Мать,—тихо проговорилъ онъ,—почему ты не идешь спать? Маленькая Хайка уснула уже давно и не будетъ больше плакать. Иди и ты спать, мать... отдохни. ...

Шопотъ сына достигъ слуха дремлющей Енты. Она подняла вѣки, повернула свой печальный взоръ къ стройному юношѣ, тонкое лицо котораго свѣтилось въ полумракѣ бѣлизной алебастра, и—о чудо! ея маленькіе жмурящіеся глаза перестали смыкаться, а въ безцвѣтныхъ зрачкахъ блеснулъ огонекъ радости.

— Еліазаръ, иди сюда!—шепнула она.

Юноша подошелъ и усѣлся на краю кровати.

— Бѣдная моя голова! Какъ же я могу уснуть,—шептали ему увядшія уста женщины.—Хайка больна

и всякую минуту можетъ заплакать, а когда она громко заплачетъ, Янкель проснется и сильно разсердится!

— Спи, мать!—отвѣтилъ шопотомъ сынъ.—Я посижу здѣсь и буду качать Хайку...

Желтое, сморщенное лицо съ большой красной розой надъ лбомъ склонилось и уснуло не на высоко постланныхъ, покрытыхъ грязными наволочками, подушкахъ, а на колѣняхъ сидящаго рядомъ юноши.

Еліазаръ облокотился на край люльки, положилъ на руки голову и погрузился въ думы. Отъ времени до времени онъ покачивалъ люльку ногою и тихо напѣвалъ.

— Ой, бѣдная, бѣдная моя голова! — шептала сквозь сонъ женщина съ желтымъ лицомъ, дремля на колѣняхъ сына.

— Бѣдная твоя голова, о, Израиль! — шептали въ задумчивости розовыя уста юноши, сидящаго надъ люлькой.

* * *

Когда все это происходило въ домѣ ребъ Янкеля, маленькая, юркая человѣческая фигурка быстро двигалась въ темнотѣ по обширному школьному двору, направляясь къ стоявшей возлѣ него низкой лачужкѣ раввина Исаака Тодроса, и исчезла за низкою дверью, закрывшейся вслѣдъ за этимъ съ громкимъ скрипомъ.

На этотъ скрипъ раздался изнутри лачужки мужской голосъ съ чистымъ, но низкимъ басовымъ тембромъ:

— Это ты, Моше?

— Я, Насси, твой вѣрный слуга, жалкое подножье твоихъ ногъ! Да навѣщаютъ твой сонъ ангелы покоя! Да будетъ тебѣ каждое дыханіе твоихъ устъ

пріятно, какъ елей, смѣшанный съ мурроі! А когда уснешь, пусть твоя душа купается съ великою сладостью въ потокѣ духовъ!

Басовой голосъ, исходящій изъ нѣдръ темной комнаты, находящейся за маленькими, тоже темными, сѣнцами, спросилъ:

— А гдѣ ты былъ такъ долго, Моше?

Человѣкъ, стоявшій въ сѣняхъ, отвѣтилъ:

— Я былъ на субботнемъ пиршествѣ въ домѣ Эзофовичей. . . . У Эзофовичей празднуютъ субботніе дни съ большой торжественностью, и я часто хожу къ нимъ по пятницамъ, чтобы держать свою душу въ большой радости.

— Ты хорошо дѣлаешь, Моше, что сохраняешь въ радости свою душу въ субботніе дни. А что тамъ у нихъ слышно?

— Слышно худое, Насси! Между лиліями и розами скрывается тамъ мерзкій червь!

— Какой червь?

— Червь, что подтачиваетъ нашу святую вѣру и можетъ сдѣлать изъ Израиля народъ гоимовъ и хазерниковъ.

— А въ чьемъ сердцѣ укрывается этотъ мерзкій червь?

— Онъ укрывается въ сердцѣ Меира Эзофовича, внука богатаго Саула.

— Моше! Видѣлъ ли ты собственными глазами этого червя и слышалъ ли ты его собственными ушами? Говори, Моше! На моей головѣ лежитъ великое бремя всѣхъ душъ этой общины, и я долженъ знать обо всемъ.

Въ сѣняхъ на минуту воцарилось молчаніе. Человѣкъ, смиренно сидѣвшій тамъ среди глубокаго мрака у запертыхъ дверей святого раввина, очевидно,

собиралъ свои мысли и воспоминанія. Затѣмъ своимъ хриплымъ голосомъ нараспѣвъ онъ сталъ говорить:

— Я видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами. ... Меиръ Эзофовичъ не пѣлъ сегодня субботняго Кидуша въ своей семьѣ, а пришелъ домой, когда уже давно начался субботній день. Я спросилъ его, что онъ дѣлалъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что защищалъ отъ великихъ напастей домъ Авеля караима и его внучки Голды. ...

Онъ замолкъ, а басовой голосъ въ запертой комнатѣ проговорилъ:

— Онъ защищалъ отщепенцевъ и нарушилъ субботній день.

— Онъ не держитъ въ радости своей души въ святой субботній день!

— Пусть будетъ проклято это ученье! Да бѣжитъ его Израиль! Да не проститъ ему Господь!—произнесъ за дверями басовой голосъ.

— Онъ говорилъ, что въ святыхъ книгахъ Израиля ничего не написано объ Энъ-Софѣ, ни о Сефиротахъ, и что Предвѣчный не велитъ преслѣдовать отщепенцевъ.

— Мерзости изливаются изъ устъ этого юноши! Въ его плоть перешла душа его прадѣда Герша Эзофовича.

— Насси! — громче чѣмъ до сихъ поръ позвалъ Моше. Неясное бормотанье за дверью ободрило его въ этомъ начинаніи и онъ продолжалъ:

— Онъ будетъ искать писанія Михаила Эзофовича, Сеніора. — Я это видѣлъ по его глазамъ; и онъ найдетъ это писаніе! А когда онъ его найдетъ и прочтетъ громко народу, духъ Израиля возстанетъ противъ твоихъ поученій.

Продолжительное молчаніе наступило послѣ этихъ словъ, и, наконецъ, снова отозвался басовой голосъ:

— Когда онъ найдетъ это писаніе, на его голову опустится моя тяжелая десница и повергнетъ его въ прахъ. ... Моше! А что онъ дѣлалъ послѣ вечера?

— Онъ пошелъ въ домъ ребъ Янкеля и тамъ долго разговаривалъ съ кантором̀ъ Еліазаром̀ъ; я проходилъ мимо и видѣлъ въ окно.

— Моше! А кто тамъ былъ еще?

— Тамъ были: Хаимъ, Мендель, Аріэль и Беръ, зять Саула.

— А о чемъ они говорили между собою?

— Насси, моя душа вошла въ мое ухо, когда я стоялъ подъ ихъ окномъ. ... Они очень жаловались, что ихъ держатъ въ великой тьмѣ и что истинная вѣра Израиля замутилась, какъ вода, когда въ нее бросятъ комъ грязи. ... А Еліазаръ говорилъ, что онъ возноситъ къ Господу великія жалобы съ пѣніемъ и плачемъ; а Меиръ говорилъ, что недостаточно пѣть и плакать, а нужно крикнуть къ народу громкимъ голосомъ и сдѣлать такъ, чтобы онъ былъ другой, чѣмъ теперь. ...

— Иродово племя! — пробормоталъ голосъ изъ нѣдръ избы.

— Насси! Кто это Иродово племя? — смиренно спросилъ Моше.

Послѣ минутнаго молчанія во мракѣ послышался отвѣтъ:

— Родъ Эзофовичей.

Глава III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Теплый майскій день закончился благоухающимъ тихимъ вечеромъ. Незадолго до заката солнца, краемъ узкой улицы, застроенной самыми жалкими домишками, медленно шли два существа. Одно изъ нихъ была бѣлая, какъ снѣгъ, коза, другое—высокая, худая дѣвушка. Коза шла впереди, ежеминутно подпрыгивая, чтобы достать до вѣтокъ деревьевъ, растущихъ кое-гдѣ по пути. Она казалась проворной, рѣзвой, счастливой. Шедшая за ней дѣвушка была серьезна и задумчива. Было бы трудно опредѣлить ея возрастъ: ей могло быть тринадцать или семнадцать лѣтъ. Хотя она была высокаго роста, но тѣло ея, худенькое и сухое, можетъ быть, задержанное въ своемъ развитіи, казалось дѣтскимъ. Но ея походка и выраженіе лица носили печать серьезности и печали, налагаемую ранней зрѣлостью. На первый взглядъ она казалась некрасивой. Ее совсѣмъ не украшалъ и не увеличивалъ прелестей ея, если онѣ вообще были у нея, бѣдный нарядъ, состоящій изъ слишкомъ широкой кофты и выцвѣтшей ситцевой юбки, изъ-подъ узкихъ фалдъ которой вилиѣлись ступни ногъ, только до половины закрытыя грубой обувью. На шеѣ ея висѣло нѣсколько нитокъ мелкихъ коралловъ. Ея смуглыя худыя и впавшія щеки составляли рѣзкій контрастъ съ этимъ единственнымъ украшеніемъ ея наряда.

Подъ густыми бровями ея большіе, глубоко сидящіе глаза глядѣли черными, какъ бархатъ, зрачками, а надъ узкимъ темнымъ лбомъ вились спутанными кудрями волосы цвѣта воронова крыла. Во всей фигурѣ этого существа, не то ребенка, не то

женщины, было что-то полное благородства и вмѣстѣ съ тѣмъ дикое. Она шла важно, гордо выпрямившись, смѣло глядя куда-то вдаль задумчивыми глазами. Она останавливалась при каждомъ болѣе громкомъ шумѣ людскихъ голосовъ и, прижавшись къ стѣнѣ или забору, опускала глаза не робко, а скорѣе мрачно и враждебно, какъ будто ей была непріятна всякая встрѣча съ людьми... Одна только бѣлая коза не смущала ея своимъ присутствіемъ. Напротивъ, дѣвушка слѣдила за нею зоркимъ взглядомъ и, когда проворное животное слишкомъ удалялось отъ нея, она призывала ее къ себѣ короткими негромкими окриками. Со своей стороны коза, очевидно, хорошо понимала ее и, послушная ея зову, возвращалась къ ней съ какимъ-то вопросительнымъ блеяніемъ. Въ концѣ этой тѣсной бѣдной улицы блеснула свѣжая зелень, покрытая перлами росы и позолоченная солнцемъ. Это былъ небольшой лужокъ, лежащій тутъ же за городомъ, окруженный съ одной стороны березовой рощей, а съ другой открывающій огромную ширь полей, за которыми, въ глубокой дали, синѣла длинная полоса сосновыхъ лѣсовъ.

При видѣ лужка дѣвушка не прибавила шагу, наоборотъ, замедлила его, и спустя минуту, подозвавъ къ себѣ свою козу и держа рукой одинъ изъ ея маленькихъ роговъ, остановилась... остановилась и стала смотрѣть на полную движенія сцену, происходившую на лужкѣ, съ котораго до ея ушей долеталъ смѣшанный шумъ смѣха, криковъ и блеянія животныхъ. Въ первую минуту эта сцена показалась ей быстрымъ хаотическимъ и какъ будто бы безцѣльнымъ мельканіемъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, четвероногихъ и пестрыхъ дѣтскихъ фигуръ на зеленомъ

фонѣ... Только всматриваясь пристальнѣе она могла различить болѣе дюжины маленькихъ дѣвочекъ, сгоняющихъ съ выгона нѣсколько десятковъ козъ...

Шалуньи дѣвочки спѣшили домой, козы упрямились и хотѣли остаться на лужкѣ; между ними завязалась упорная борьба, въ которой чаще всего оставались побѣдителями козы. Онѣ вырывались изъ рукъ дѣвочекъ и бѣжали рѣзвыми прыжками къ растущимъ кое гдѣ на лугу густымъ кустамъ орѣшника, дѣвочки гнались за ними и, догнавъ и схватившись обѣими руками за длинныя космы ихъ жесткой шерсти, не знали, что дѣлать дальше. Однѣ звали на помощь своихъ подругъ, занятыхъ и хлопочущихъ, какъ и онѣ сами; другія забѣгали дорогу своимъ непослушнымъ воспитанницамъ и, ставъ впереди ихъ, вытягивали впередъ обѣ руки какъ бы для защиты; были такія, что хватались обѣими руками за свои густые перепутанные волосы и издавали громкіе крики отчаянія или бросались на землю и, катаясь по мягкой муравѣ, заливались шаловливымъ смѣхомъ. Теплый вѣтеръ, вѣявшій намъ лугомъ, подхватывалъ эти крики, смѣхъ и призывы, смѣшанные съ протяжнымъ блеяніемъ, и несъ ихъ по угрюмымъ улицамъ мѣстечка и на широкія золотыя поля, и далеко вглубь рощи. А въ позолоченномъ воздухѣ мигали и мелькали, внезапно перекрещиваясь и смѣшиваясь, крошечныя ножки, топчущія зеленую траву, маленькія головки, покрытыя волосами всѣхъ оттѣнковъ отъ цвѣта чернаго дерева до ярко-красной мѣди и блѣдной желтизны льна.

Высокая серьезная дѣвушка, шедшая со своей рѣзвой, но послушной козой по тѣсной улицѣ, ведущей къ лугу, смотрѣла равнодушнымъ взоромъ на эту оживленную и шумную сцену. Было видно, что

ее не манила эта шумная радость и не влекло туда любопытство. Она стояла теперь съ такимъ же спокойнымъ и серьезнымъ лицомъ, какъ прежде, когда шла сюда, казалось, ждала чего-то, можетъ быть, того, чтобы съ этого зеленаго пространства исчезли мелькающія тамъ головки и замолкли на немъ звонкіе дѣскіе окрики.

Минуту спустя окрики эти слились въ одинъ общій крикъ. Онъ выражалъ всеобщую радость и торжество. Послѣ продолжительной борьбы, преслѣдованій и усилій дѣвочки сладили, наконецъ, съ козами; уже ни одна изъ послѣднихъ не останавливалась у заманчивыхъ кустовъ орѣшника, но всѣ онѣ оказались во власти своихъ маленькихъ пастушекъ, которыя теперь уже собрались въ тѣсный кружокъ. Однѣ изъ нихъ вели упрямыхъ и всегда готовыхъ къ бунту животныхъ за ихъ короткіе рога и изо всѣхъ силъ тянули ихъ за собой, пригибая ихъ головы чуть ли не къ самой землѣ; другія, обнявъ обѣими руками шеи козъ, торопливо въ припрыжку бѣжали рядомъ съ ними; наконецъ, иныя, самыя сильныя и смѣлыя, взбирались на ихъ спины и, держась стиснутыми кулаками за самыя длинныя космы ихъ шерсти, мчались на этихъ необыкновенныхъ скакунахъ крупной рысью къ мѣстечку. Вся эта крикливая кавалькада толпясь влетѣла въ одну изъ болѣе широкихъ улицъ мѣстечка и исчезла въ облакахъ пыли...

Теперь опустѣлъ и затихъ зеленый лужокъ; только легкій вѣтерокъ шелестилъ въ вѣтвяхъ березъ и орѣшинъ, и отъ заходящаго солнца на него опускалась прозрачная розовая дымка...

Смуглая дѣвушка выпустила изъ рукъ шею козы и пошла уже болѣе спѣшнымъ шагомъ, чѣмъ прежде, и минуту спустя очутилась на краю лужка...

Но здѣсь она остановилась и, вперивъ свой взоръ въ одну точку, внезапно какъ бы замерла отъ радости. Этой точкой былъ толстый березовый пень, поваленный вихрями и находившійся у самой опушки рощи; на немъ сидѣлъ молодой человѣкъ, державшій на колѣняхъ большую раскрытую книгу.

Изумленіе дѣвушки продолжалось недолго. Не сводя глазъ съ лица юноши, склонившагося надъ книгой, прямая и легкая, она прошла всю ширину луга; остановившись тутъ же около пня, на которомъ онъ сидѣлъ, она схватила своими темными руками его руку и поднесла ее къ своимъ устамъ.

Погруженный въ чтеніе молодой человѣкъ быстро поднялъ голову, окинулъ изумленнымъ взглядомъ лицо дѣвушки, стремительно дернулъ свою руку изъ сжимающихъ ее рукъ дѣвушки и вспыхнулъ горячимъ румянцемъ.

— Ты меня не знаешь! — проговорила дѣвушка немного сдавленнымъ, но нисколько не дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— И откуда ты можешь знать меня? Но я знаю тебя. Ты Меиръ Эзофовичъ, внукъ богатаго Саула? Я тебя часто вижу, какъ ты сидишь на крыльцѣ вашего краснваго дома или проходишь съ этой книгой мимо караимской горки.

Все это проговорила она увѣреннымъ голосомъ, выпрямленная и серьезная. На ея лицѣ не было видно слѣда смущенія или робости, на немъ не показалось даже самой слабой тѣни румянца. Только ея черные зрачки какъ бы увеличились и засверкали, а блѣдныя губы ея приняли нѣжное, мягкое выраженіе.

— А ты кто такая? — тихо спросилъ Меиръ.

— Я Голда, внучка Абеля караима, презираемаго и преслѣдуемаго всѣми вашими.

Только теперь дрогнулъ ея голосъ, и въ немъ послышалась мрачная нотка.

— Всѣ ваши преслѣдуютъ караима Абеля и его внучку Голду, а ты защищаешь ихъ. Я давно хотѣла поблагодарить тебя!

Меиръ опустилъ глаза. Его бѣлый лобъ все еще горѣлъ розовой краской румянца.

— Живите въ мирѣ ты и дѣдъ твой Авель, — произнесъ онъ тихимъ голосомъ. — Пусть покроетъ васъ и вашъ домъ десница Предвѣчнаго, возлюбившаго и защищающаго тѣхъ, кто страдаетъ.

— Благодарю тебя за твои добрыя слова, — уже тихо шепнула дѣвушка; вмѣстѣ съ тѣмъ она опустилась на траву у ногъ юноши и, приподнявъ нѣсколько свои сплетенныя руки, продолжала шептать:

— Ты, Меиръ, мудрый, добрый, прекрасный. Твое имя значитъ „свѣтъ“, и предъ моими глазами свѣтлѣетъ всегда, когда я вижу тебя. Я давно хотѣла найти тебя и поговорить съ тобой, и сказать, что хотя ты внукъ богатаго купца, а я внучка бѣднаго караима, плетущаго корзины, но мы оба равны передъ лицомъ Предвѣчнаго, и мнѣ позволено поднять на тебя глаза и быть счастливой, созерцая твой свѣтъ!

И видно было, что она дѣйствительно счастлива. Ея смуглыя, впалыя щеки покрылись заревомъ пламеннаго румянца, уста загорѣлись пурпуромъ и вздрагивали, а въ черныхъ глазахъ, поднятыхъ къ лицу юноши и полныхъ страстнаго обожанія, блестѣли двѣ серебристыя слезинки.

Меиръ слушалъ ее съ опущенными глазами, затѣмъ, когда она умолкла, онъ поднялъ ихъ, посмотрѣлъ на нее одно мгновеніе и тихо шепнулъ:

— Какъ ты умѣешь быть благодарной, Голда, и какъ ты прекрасна...

Первый разъ въ теченіе своего разговора съ Меиромъ Голда опустила глаза и стала безсознательно срывать высокія пушистыя метелки травы, растущей кругомъ...

Меиръ долго глядѣлъ на нее въ молчаніи. Въ этомъ смущеніи, не перестающемъ покрывать румянцемъ его лицо, и въ робкой радости, отъ которой удвоеннымъ блескомъ свѣтились его сѣрые глаза, опущенные въ землю, сказывалась вся удивительная невинность его сердца.

— Сядь здѣсь, около меня, — сказалъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ.

Дѣвушка встала съ земли и усѣлась на указанномъ ей мѣстѣ. Къ ней возвратились ея смѣлость и серьезность; молча глядѣла она на юношу, который не смотрѣлъ на нее. Они долго молчали. Кругомъ тоже царила тишина, и только надъ ихъ головами тихо шептались стройныя березы, а вокругъ близкаго пруда, поросшаго лозою, болотныя птицы изрѣдка перекликались отрывистымъ карканьемъ и свистомъ.

Меиръ заговорилъ первый, продолжая смотрѣть на стелющуюся у его ногъ густую траву.

— Почему ты ведешь такъ поздно свою козу на выгонъ?

Голда отвѣтила:

— Потому, что я не хочу приходить сюда въ то время, когда здѣсь есть другія дѣвушки со своими козами.

— Онѣ тоже преслѣдуютъ тебя?

— Онѣ смѣются, когда увидятъ меня, называютъ меня разными гадкими прозвищами и про-

гоняютъ меня отъ себя, чтобы я не была близко отъ нихъ.

Меиръ поднялъ на дѣвушку глаза, въ которыхъ свѣтилось состраданіе.

— Ты, Голда, боишься этихъ дѣвочекъ?

Голда отрицательно покачала головой и серьезно сказала:

— Я выросла вмѣстѣ со страхомъ,—отвѣтила она,—онъ мой братъ, и я свыклась съ нимъ. Но когда я возвращаюсь домой, старый зейде [1] спрашиваетъ меня:—не встрѣтила ли ты тамъ кого? Не сдѣлали ли тебѣ чего-нибудь худого? Я не могу лгать передъ нимъ, а когда скажу правду, старый зейде очень печалится и плачетъ.....

— Зейде самъ воспиталъ тебя?

Она утвердительно кивнула головой.

— Мой отецъ умеръ, и моя мать умерла, когда я еще не выросла отъ земли даже настолько, какъ выросъ этотъ маленькій кустикъ. Зейде не имѣлъ другихъ дѣтей; онъ взялъ меня къ себѣ и лелѣялъ и укачивалъ меня, когда я была больна, и носилъ меня на рукахъ своихъ по хатѣ и очень цѣловалъ! А когда я подросла, онъ научилъ меня прясть и читать библію, и всѣмъ тѣмъ чуднымъ исторіямъ, которыя караимы принесли съ собою изъ далекихъ странъ. Зейде — добрый... Зейде — милый и такой старый, такой старый... и такой бѣдный. Волосы его отъ старости—какъ снѣгъ, а глаза отъ плача — какъ кораллы. Я часто лежу у его ногъ, когда онъ отдыхаетъ и не плететъ корзины: тогда я кладу свою голову ему на колѣни, а онъ своей старой рукой, которая такъ трясется, гладитъ мои во-

---

[1] Зейде—дѣдушка. Примѣч. редакц.

лосы, вздыхаетъ и говоритъ: Іоссейме! Іоссейме! (сирота).

Разсказывая это, она сидѣла нѣсколько сгорбившись, опершись о колѣни и подперевъ свое лицо ладонями; она, слегка покачиваясь, глядѣла вдаль неподвижнымъ взоромъ...

Меиръ смотрѣлъ на ея лицо, не отрывая глазъ, а когда она проговорила послѣднее слово, онъ повторилъ его за ней мягкимъ полнымъ, состраданія голосомъ:

— Іоссейме!

Въ эту же минуту на нѣкоторомъ разстояніи изъ чащи послышалось нѣсколько разъ блеяніе козы. Меиръ оглянулся.

— Твоя коза не заблудится въ лѣсу? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила спокойно дѣвушка, — она не уйдетъ далеко отъ меня, а вернется, когда я ее позову. Это моя сестра.

— Страхъ твой братъ, а коза твоя сестра, — промолвилъ съ умѣшкой молодой человѣкъ...

Дѣвушка медленно повернула голову въ сторону рощи и позвала козу короткимъ, порывистымъ крикомъ. Тотчасъ же въ чащѣ зашумѣло отъ быстраго бѣга, и между зелеными, переплетенными между собой, вѣтвями березъ показалось молочно-бѣлое, длинношерстое животное. Оно остановилось и посмотрѣло черными глазами на сидящую рядомъ пару людей.

— Иди сюда! — позвала Голда. Коза подошла и остановилась около дѣвушки. Голда провела своей почти оливковой рукой по вытянутой шеѣ животнаго. Меиръ улыбнулся и тоже погладилъ козу, которая издала короткое блеяніе, прыгнула и почти въ одно мгновеніе очутилась у вѣтки широко разросшейся орѣшины.

— Какая она послушная! — сказалъ Меиръ.

— Она меня очень любитъ, — серьезно отвѣтила Голда, — я воспитала ее, какъ зейде воспиталъ меня... Она была маленькой козочкой, когда зейде принесъ ее разъ домой и подарилъ ее мнѣ; а послѣ я носила ее на своихъ рукахъ и кормила изъ моихъ рукъ; а когда она заболѣла, я пѣла такъ же надъ ней, какъ зейде когда-то пѣлъ надо мной.

Говоря это, она улыбалась и имѣла видъ ребенка, и ей нельзя было дать больше четырнадцати лѣтъ...

— А ты хотѣла бы снова имѣть маленькаго козленка? — спросилъ Меиръ.

— Отчего же нѣтъ, — отвѣтила она, — очень хотѣла бы. Когда зейде продастъ много корзинъ, а я напряду много шерсти, мы снова купимъ себѣ на базарѣ такого бѣлаго козленка.

— А кому же ты прядешь шерсть?

— Есть такія добрыя женщины, которыя даютъ мнѣ ее. Гана, жена Витебскаго, и твоя тетка, Меиръ, Сара, жена Бера, даютъ мнѣ прясть шерсть, а послѣ платятъ мнѣ за это мѣдными, а иногда и серебряными деньгами.

— Такъ, значитъ, ты, Голда, приходишь иногда въ нашъ домъ брать шерсть для пряжи отъ Сары, жены Бера?

— Да, прихожу.

— А почему я никогда не видѣлъ тебя?

— Потому что твоя тетка видится со мной и даетъ мнѣ работу, скрывая это отъ всѣхъ. Беръ и его жена — очень сострадательные люди, но они не желаютъ, чтобы кто-нибудь узналъ, что они знакомы со мною и съ зейде и что помогаютъ намъ. Я прихожу къ нимъ, когда нѣтъ никого дома, кромѣ

твоей двоюродной сестры Лійки, и стараюсь такъ пробраться, чтобы меня не замѣтилъ черный человѣкъ...

— Какой черный человѣкъ? Кто этотъ черный человѣкъ? — съ удивленіемъ спросилъ Меиръ.

— Равви Исаакъ Тодросъ,—очень тихимъ, таинственнымъ шопотомъ отвѣтила Голда.

При звукѣ этого имени, произнесеннаго Голдой, просвѣтлѣвшее раньше лицо Меира, проникнутое состраданіемъ и въ то же время горѣвшее отъ волненія, дрогнуло. Онъ внезапно замолчалъ и сталъ всматриваться въ далекую точку пространства глазами, въ которыхъ заигралъ зловѣщій огонекъ. Онъ такъ задумался, что на его бѣломъ лбу появилась глубокая морщина. Казалось, онъ вдругъ забылъ, что былъ не одинъ.

— Меиръ, — послышался у его плеча ласковый шопотъ, — о чемъ ты задумался, и почему твои глаза стали такими грустными. Твое имя значитъ „свѣтъ“. Развѣ тебѣ не свѣтитъ всегда солнце утѣхъ и радости ...

Молодой человѣкъ, не измѣняя направленія своего взгляда, задумчиво и медленно покачалъ головой.

— Нѣтъ, — прошепталъ онъ, — на мое сердце легла большая печаль.

Дѣвушка совсѣмъ близко наклонилась къ нему.

— Откуда у тебя эта большая печаль на сердцѣ? ...

Меиръ молчалъ минуту, а потомъ медленно отвѣтилъ:

— Оттого, что у насъ есть черные люди и что у насъ вездѣ такъ мрачно ... такъ мрачно ...

Дѣвушка опустила лицо на руки и отвѣтила, какъ печальное эхо:

— Ой, мрачно!

Меиръ все смотрѣлъ задумчивымъ взглядомъ въ ту сторону, гдѣ длинная полоса лѣса отдѣляла золотую равнину отъ синяго небосклона.

— Голда! — проговорилъ онъ вполголоса.

— Что, Меиръ?

— Ты никогда не хотѣла знать и видѣть, что тамъ дѣлается за этимъ густымъ и высокимъ лѣсомъ, далеко ... далеко на свѣтѣ?..

Дѣвушка молчала. Ея фигура, вся наклоненная къ нему, и ея горящіе, широко раскрытые глаза ясно говорили, что, когда она смотрѣла на него, она ужъ не хотѣла ничего больше на свѣтѣ.

А Меиръ продолжалъ:

— Я взялъ бы крылья у птицы, чтобы полетѣть туда, за этотъ лѣсъ, далеко ...

— Развѣ тебѣ не милъ домъ, красивый домъ богатаго Саула? Развѣ тебѣ не дороги лица твоихъ братьевъ, родныхъ и друзей, что ты хочешь улетѣть на крыльяхъ птицы? — шептала дѣвушка, подавляя порывъ обиды или страха.

— Мнѣ милъ домъ моего дѣда Саула, мнѣ дороги лица всѣхъ моихъ братьевъ и родныхъ ... Но я хотѣлъ бы улетѣть за этотъ лѣсъ, чтобы все узнать и сдѣлаться очень мудрымъ, а потомъ возвратиться сюда и всѣмъ тѣмъ, которые находятся здѣсь во мракѣ, во тьмѣ, и ходятъ въ оковахъ, сказать, что должны они сдѣлать для того, чтобы выйти изъ тьмы и чтобы сбросить съ себя цѣпи ...

— И я очень любопытенъ, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — я хотѣлъ бы знать, какимъ образомъ ходятъ звѣзды по небу и какъ растетъ изъ земли трава ... какъ живутъ на свѣтѣ всѣ народы и какія у нихъ есть святыя и мудрыя

книги. И я хотѣлъ бы прочесть эти мудрыя книги и познать въ нихъ Божію мысль и человѣческія судьбы, чтобы моя душа наполнилась знаніемъ, какъ полна водою пропасть морей ... Я такъ любопытенъ ... я такъ хотѣлъ бы ...

Онъ вдругъ остановился, потому что вздохъ, вырвавшійся изъ глубины его пламенной груди, проникнутой несказанной тоской и неугасимымъ желаніемъ, прервалъ его голосъ. Минуту спустя онъ прибавилъ уже нѣсколько тише:

— Я хотѣлъ бы быть такимъ счастливымъ, какъ равви Акиба ...

— А кто такой былъ равви Акиба? — робко спросила Голда.

Задумчивые глаза Меира блеснули и засіяли:

— Это былъ великій человѣкъ, Голда! Я часто читаю его исторію и теперь ее читалъ, когда ты пришла ко мнѣ.

— Я тоже знаю много прекрасныхъ исторій, — сказала Голда, — онѣ вырастаютъ въ моей душѣ, какъ пурпурныя, благоухающія розы. Дай мнѣ, Меиръ, еще одну такую розу; пусть цвѣтетъ она передъ моими глазами, когда мнѣ не придется видѣть тебя.

Взоры ихъ встрѣтились, и легкая улыбка появилась на устахъ Меира.

— Знаешь ли ты древне-еврейскій языкъ?

Она быстро кивнула ему утвердительно головой.

— Знаю: зейде научилъ меня.

Меиръ перевернулъ нѣсколько страницъ большой книги, лежавшей у него на колѣняхъ, и началъ громко читать:

„Кольба Сабуа былъ богатый человѣкъ. Дворцы его были высоки, какъ горы, а наряды сверкали зо-

лотомъ; въ его садахъ росли благоухающіе кедры съ широкими листьями и цвѣли ароматныя саронскія розы.

„Но прекраснѣй высокихъ дворцовъ, благоухающихъ кедровъ и алыхъ розъ, прекраснѣй всѣхъ израильскихъ дѣвъ была его дочь, молодая Рахиль.

„Кольба Сабуа имѣлъ столько стадъ, сколько звѣздъ на небѣ. Эти стада пасъ бѣдный юноша, его ростъ былъ равенъ росту молодого кедра, его лицо было блѣдно и печально, какъ у человѣка, который тщетно пытается освободить свою душу изъ темницы. Имя этого юноши было Іосифъ Акиба, и онъ жилъ на высокой горѣ, на которой паслись стада его господина.

„И случилось однажды, что прекрасная Рахиль пришла къ своему отцу, пала передъ нимъ на землю, цѣловала его ноги и съ великимъ плачемъ стала говорить: „Я хочу пойти за Акибой и жить въ низкой, черной хижинѣ, которая стоитъ на вершинѣ горы и въ которой онъ живетъ“.

„Кольба Сабуа былъ человѣкъ гордый и черствaго сердца. Онъ обрушился сильнымъ гнѣвомъ на дочь свою, прекрасную Рахиль, и запретилъ ей думать о юношѣ-пастухѣ.

„Однако прекрасная Рахиль ушла изъ высокаго дворца, не взявши ничего съ собою, кромѣ черныхъ своихъ глазъ, которые сверкали, какъ алмазы, слезами, и кромѣ черныхъ своихъ волосъ, которые подымались надъ ея челомъ, какъ большая корона.

„И она пошла на высокую гору, вошла въ темную хижину и сказала: „Акиба, вотъ твоя жена входитъ въ домъ твой.“

„Акиба былъ преисполненъ радости, онъ выпилъ изъ глазъ Рахили ея алмазныя слезы, а затѣмъ

сталъ говорить ей чудныя слова. Мудрыя слова лились изъ устъ его, какъ медъ, а она все слушала и, исполненная счастья, сказала: „Акиба, ты будешь великой звѣздой, которая засіяетъ надъ путями Израиля!“

„Кольба Сабуа былъ человѣкъ гордый и черствaго сердца. Онъ не послалъ своей дочери на высокую гору ни одного наряда и говорилъ: „Пусть испытываетъ голодъ и узнаетъ нищету“. Прекрасная Рахиль испытала голодъ и узнала нищету. Былъ такой день, что ей нечѣмъ было накормить Акибу, и она задумалась надъ тѣмъ, что ея мужъ голоденъ.

„Однако Акиба сказалъ ей: „Это не важно, что я голоденъ“, и сталъ опять говорить ей мудрыя слова, но она встала, сбѣжала съ большой горы въ мѣстечко и, пришедши туда, воскликнула: „Кто дастъ мнѣ мѣру пшена за эту черную корону, которая у меня на головѣ?“ И дали ей мѣру пшена, а ея черную корону, прекрасиѣе алмазовъ и жемчуговъ, сняли съ ея головы.

„Она вернулась на гору, вошла въ маленькую хижину и сказала: „Уже есть у меня чѣмъ накормить твои уста, но душа твоя голодна и не найду для нея пищи! Иди въ міръ и корми душу свою великой мудростью, которая исходитъ изъ устъ ученыхъ, я же останусь здѣсь и сяду передъ порогомъ твоей хижины, и буду прясти шерсть и стеречь стада, и буду смотрѣть на дорогу, по которой ты вернешься когда-нибудь, какъ возвращается солнце на небо, чтобы разогнать мракъ ночи“. Акиба ушелъ.

Тутъ голосъ читающаго оборвался, и глаза его перестали слѣдить за строками, такъ какъ надъ его плечомъ отозвался удивленный и какъ бы вопросительный шопотъ:

— Акиба ушелъ? — проговорила Голда съ широко раскрытыми глазами и удерживая дыханіе въ груди.

— Акиба ушелъ! — сказалъ Меиръ и продолжалъ читать.

„Прекрасная Рахиль сѣла передъ порогомъ его хижины, пряла шерсть, пасла стада и смотрѣла на ту дорогу, по которой долженъ былъ вернуться онъ, сіяющій великой мудростью.

„Прошло семь лѣтъ. Былъ такой вечеръ, когда луна проливаетъ на землю цѣлое море серебристаго свѣта, а деревья и травы стоятъ тихо и не шелохнутся, будто на нихъ вѣетъ дыханіе Предвѣчнаго, ниспосылающее міру покой и блаженство. Въ этотъ вечеръ изъ за высокой горы показался высокій и блѣдный человѣкъ. Ноги его тряслись, какъ листья, гонимые вѣтромъ, и руки поднимались къ небу. Когда же онъ увидѣлъ маленькую, маленькую бѣдную хижину, изъ глазъ его въ большомъ изобиліи потекли слезы, такъ какъ это былъ Акиба, мужъ прекрасной Рахили. Акиба остановился возлѣ окна своей хижины и прислушивался, какіе это люди ведутъ въ ней разговоръ.

„Разговаривала тамъ его жена Рахиль со своимъ братомъ, котораго прислалъ къ ней ея отецъ.

„Вернись въ домъ Кольбы Сабуа, — говорилъ ей братъ.

„Она же отвѣтила ему: я ожидаю Акибу и стерегу его домъ.

„Тогда сказалъ ей братъ: Акиба никогда ужъ не вернется. Онъ осрамилъ тебя и бросилъ.

„Акиба меня не бросилъ, — отвѣтила она, — я сама послала его къ источнику мудрости, чтобы онъ пилъ изъ него“.

„Онъ пьетъ изъ источника мудрости, а ты тонешь въ слезахъ и тѣло твое сохнетъ отъ нищеты".

„Пусть глаза мои выльются со слезами, и пусть нищета изгложетъ тѣло мое, я все-таки буду стеречь его домъ. И если бы теперь стоялъ предо мною тотъ, къ кому сердце мое пылаетъ любовью, и сказалъ: Рахиль, я вернулся къ тебѣ, чтобы ты не плакала больше, но я еще мало выпилъ изъ источника мудрости, я сказала бы ему: иди и пей еще".

„Блѣдный странникъ, стоявшій у открытаго окна, услышавъ то, что сказала Рахиль, еще болѣе поблѣднѣлъ, затрясся всѣмъ тѣломъ, отошелъ отъ своей маленькой хижины и вернулся туда, откуда пришелъ.

„И снова прошло семь лѣтъ. И наступилъ такой день, когда солнце проливаетъ на землю золотые лучи свѣта, деревья шумятъ и цвѣтутъ цвѣты, люди радуются, какъ если бы на нихъ повѣяло дыханіе Предвѣчнаго, которое несетъ міру жизнь и радость. По дорогѣ, которая вела къ высокой горѣ и низенькой хижинѣ пастуха, шумно подвигалась толпа народа. Среди нея шелъ высокій человѣкъ, лицо его сіяло, какъ солнце, великой мудростью, а изъ устъ его лились слова, сладкія, какъ медъ, и благоухающія, какъ мурро. И народъ низко кланялся передъ нимъ, жадно ловилъ его слова и съ великой любовью восклицалъ: „О, равви".

„Но вотъ сквозь толпу пробралась женщина и, бросившись на землю, обняла колѣни учителя. Она держала въ рукахъ веретено, была одѣта въ отрепья, лицо ея было изнурено, такъ какъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ ее снѣдала нищета, и глаза глу-

боко запали, такъ какъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ изъ нихъ текли слезы.

„Прочь, нищая!“ — крикнула толпа на женщину; но учитель поднялъ ее съ земли и крѣпко прижалъ ее къ своей груди, такъ какъ это былъ Іосифъ Акиба, а женщина эта была — его жена Рахиль.

„Вотъ источникъ, который поилъ мое грустное сердце надеждой, когда голова моя въ печали и неустанномъ трудѣ насыщалась изъ источника мудрости“.

„Такъ говорилъ учитель къ народу и хотѣлъ возложить на голову Рахили вѣнецъ изъ золота и жемчуговъ: „Рахиль, нѣкогда ты сняла со своей головы прекрасные свои волосы, чтобы утолить мой голодъ, а я теперь украшу чело твое богатымъ вѣнцомъ“. Но она остановила его руку и, поднявъ къ нему глаза, которые стали снова прекрасными, какъ много лѣтъ тому назадъ, сказала: „Равви, твоя слава — это мой лучшій вѣнецъ“.

Юноша прекратилъ чтеніе и медленно перевелъ свои взоры на сидящую рядомъ съ нимъ дѣвушку.

Лицо Голды все пылало и было въ слезахъ.

— Не правда ли, прекрасная исторія?—спросилъ Меиръ.

— Прекрасная!—отвѣтила Голда и, опершись лицомъ на руку, она покачивалась минуту своимъ стройнымъ станомъ, какъ бы чѣмъ-то восхищенная и о чемъ-то мечтающая. Вдругъ слезы сошли съ ея глазъ, она поблѣднѣла и выпрямилась.

— Меиръ!—воскликнула она.—Если бы ты былъ Акибой, а я дочерью богатаго Кольбы Сабуа, я бы сдѣлала для тебя то же, что и прекрасная Рахиль.

Медленнымъ движеніемъ она взяла въ обѣ руки свою великолѣпную косу цвѣта чернаго дерева, ко-

торая ложилась въ безпорядкѣ на ея спину, и, окруживъ ею свою голову, она сказала:

— И у меня тоже, какъ у Рахили, есть черная корона!

Затѣмъ она подняла къ Меиру свои глубокіе пламенные глаза и просто, серьезно, безъ улыбки и краски на лицѣ, сказала ему:

— Для тебя, Меиръ, я вырвала бы глаза изъ моей головы! И зачѣмъ мнѣ глаза, если бы я не могла смотрѣть на тебя ...

Сильный румянецъ покрылъ лицо юноши, но это не была краска стыда, а сладостнаго волненія. Дѣвушка была такъ наивна и дика и въ то же время такъ прекрасна со своей распустившейся огромной косой на головѣ и со страстными словами на этихъ смѣлыхъ и серьезныхъ устахъ.

— Голда, я приду когда-нибудь къ вамъ навѣстить твоего стараго дѣда.

— Приходи, — отвѣтила она, — вмѣстѣ съ тобой войдетъ великій свѣтъ въ нашъ домъ!

Солнце уже почти спряталось за высокое пурпурно-фіолетовое облако. Небольшой прудъ сверкалъ вдали изъ-за чащи лозъ своей фіолетовой поверхностью. Въ эту сторону Голда направила свой взоръ и остановила его на водѣ и на растущей кругомъ зеленой чащѣ.

— Зачѣмъ ты, Голда, смотришь такъ на этотъ прудъ? — спросилъ Меиръ, который уже не могъ оторвать отъ ея лица своихъ глазъ.

— Я хотѣла бы нарѣзать много тѣхъ лозъ, что тамъ растутъ, отвѣтила она.

— Зачѣмъ тебѣ эти лозы? Что ты съ ними станешь дѣлать?

— Я понесла бы ихъ домой. Зейде дѣлаетъ изъ нихъ корзины, а потомъ продаетъ ихъ на базарѣ

мужикамъ и покупаетъ за это хлѣбъ, а иногда и рыбу. Теперь уже зейде давно не изъ чего дѣлать корзинъ, и онъ очень печалится.

— Почему же ты не наберешь ихъ себѣ, если онѣ тебѣ нужны?

— Мнѣ нельзя ихъ брать!

— Всѣмъ въ мѣстечкѣ можно здѣсь пасти скотъ и рѣзать лозы. Этотъ лугъ и роща принадлежатъ Шибовской общинѣ.

— Это ничего не значитъ. Мнѣ нельзя. Мы въ талмудъ не вѣримъ, не зажигаемъ свѣта въ субботу... намъ ничего нельзя.

Внезапнымъ движеніемъ Меиръ поднялся со своего мѣста.

— Идемъ!—сказалъ онъ Голдѣ.—Нарѣжь себѣ этой лозы, сколько хочешь, я побуду возлѣ тебя... и ты ужъ ничего не бойся.

Лицо Голды засіяло радостью. Она взяла изъ рукъ Меира складной ножикъ, который онъ передалъ ей, и побѣжала къ пруду. Теперь, когда она почувствовала себя въ безопасности подъ защитой дорогого и сильнаго человѣка, когда ей улыбнулась надежда обрадовать стараго дѣдушку, ея движенія утратили прежнюю серьезность, придававшую ей видъ зрѣлой женщины. Она побѣжала, все оглядываясь на Меира, который шелъ за ней, и призывая свою козу, мчавшуюся къ ней съ противоположнаго конца луга.

Они остановились возлѣ воды. Самыя густыя лозы росли уже въ водѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мокраго берега. Въ одно мгновеніе Голда сбросила съ ногъ свою обувь и, нѣсколько заложивъ свою длинную юбку за поясъ, чтобы немного укоротить ее, вбѣжала въ воду. Меиръ остался на

берегу и смотрѣлъ на дѣвушку. Она, поднимая плечи, быстро срѣзывала гибкія вѣтви. При этомъ она смѣялась. Ея ротъ, раскрываясь, обнаруживалъ рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ. Блескъ яркихъ облаковъ обливалъ ея смуглое лицо розовымъ заревомъ и золотилъ черный вѣнецъ, обвивающій ея голову.

Меиръ не спускалъ съ нея глазъ и тоже улыбался. Вблизи нея, точно такъ же въ зеленыхъ кустахъ, стояла ея бѣлая коза и, вытягивая шею, смотрѣла на свою хозяйку, расхаживающую по фіолетовой водѣ. Вдругъ Голда громко вскрикнула и нагнулась.

— Что тамъ такое?—спросилъ Меиръ.

Изъ зеленой чаши, въ которой совершенно спряталась фигура дѣвушки, раздался веселый голосъ:

— Меиръ, здѣсь есть прекрасные цвѣты!

— Какіе это цвѣты?

Стройный станъ дѣвушки потянулся впередъ къ берегу, и, протягивая свою худую руку, она передала стоящему на берегу мужчинѣ широколистный желтый цвѣтокъ кувшинчика. Меиръ немного наклонился, чтобы достать его, какъ вдругъ рука ея вздрогнула, розовое лицо ея побѣлѣло, и глаза широко раскрылись съ выраженіемъ ужаса.

— Черный человѣкъ! — шепнула она, роняя въ воду цвѣтокъ и причась съ тихимъ крикомъ тревоги въ чашу прибрежныхъ кустовъ.

Меиръ оглянулся. Въ нѣкоторомъ разстояніи за ними изъ лѣсной чащи показалась какая то странная фигура, которая быстро двигалась по лугу. Это былъ человѣкъ средняго роста, очень худой, съ очень темнымъ лицомъ, съ черными, уже нѣсколько

сѣдѣющими волосами и такой же бородой, доходившей ему до пояса. Одѣтъ онъ былъ въ длинное узкое платье, потертое и изъ грубаго сукна, разстегнутый воротъ грубой рубашки открывалъ его желтую шею. Шаги его не производили ни малѣйшаго шелеста, такъ какъ на ногахъ его были поношенныя туфли. Онъ шелъ очень быстро, низко нагнувшись. Въ обѣихъ рукахъ онъ несъ огромныя пестрыя связки лѣсныхъ травъ. Надъ его головой и за нимъ летѣла стая птицъ, которыя, видно, хорошо знали его, потому что пробовали иногда садиться на его черныхъ волосахъ и сгорбленной спинѣ.

Когда этотъ человѣкъ проходилъ въ нѣсколькихъ шагахъ мимо него, юноша безсознательно низко склонилъ передъ нимъ голову въ смиренномъ поклонѣ. Однако, онъ сейчасъ же поднялъ ее. Его лицо было блѣдно, брови его сдвинулись отъ затаенной боли. Сумрачнымъ взглядомъ повелъ онъ за сгорбленной фигурой, безшумно скользившей по лугу, и сквозь стиснутые отъ боли или гнѣва зубы проговорилъ:

— Равви Исаакъ Тодросъ.

Глава IV.

Равви Исаакъ Тодросъ носилъ на своей наружности, а, можетъ быть, и на своемъ нравственномъ укладѣ ясные слѣды многовѣкового пребыванія его предковъ въ палящемъ климатѣ Испаніи.

Этотъ скитальческій народъ, удивительно стойко сохраняющій черты, отличающія его отъ другихъ племенъ, въ силу непреоборимаго вліянія природы,

почерпнулъ все-таки тамъ и сямъ кое-что изъ особенностей тѣхъ различныхъ странъ, по которымъ разсѣяла его судьба.

Здѣсь среди общаго сходства существуютъ важныя отличія: здѣсь вы встрѣтите людей, сравнительно недавно прибывшихъ съ юга или востока,— и такихъ, надъ которыми цѣлые вѣка простирается блѣдное небо и вѣютъ морозные вихри; людей уступчивыхъ и людей страстныхъ; мистически настроенныхъ и поглощенныхъ реальной жизнью; встрѣтите волосы черные, какъ самое черное вороново крыло,— и глаза голубые, какъ ясное небо; лица бѣлыя и смуглыя; организмы сильные и закаленные, и худыя, сухія, нервныя тѣла, страстно взлрагивающія, объятыя мечтами, пожираемыя фантазіей.

Исаакъ Тодросъ обладалъ изъ всѣхъ лицъ самымъ смуглымъ, изъ всѣхъ черныхъ волосъ самыми черными, изъ всѣхъ огненныхъ душъ самой страстной и наиболѣе объятой мечтами.

Какое собственно положеніе занималъ онъ въ своемъ обществѣ и на чемъ оно основывалось? Онъ не былъ священникомъ: раввины не священники, и, быть можетъ, ни одинъ народъ по своей натурѣ не былъ такъ далекъ отъ теократическаго правленія и власти священниковъ, какъ израильскій.

Онъ не былъ также администраторомъ своего общества, потому что гражданскими дѣлами занимались чиновники кагала; раввины же играютъ въ организаціи кагала единственную роль охранителей религіи, ея законовъ и обрядовъ.

Онъ обладалъ, однако, еще болѣе высокимъ саномъ, нежели раввинство: онъ происходилъ изъ стараго княжескаго рода; среди своихъ предковъ онъ

въ отдаленномъ прошломъ насчитывалъ много великихъ мудрецовъ, а въ болѣе близкомъ—многихъ праведныхъ и почитаемыхъ раввиновъ; самъ онъ былъ истинно благочестивымъ человѣкомъ, т. е. цадикомъ и хахамомъ, аскетомъ, чуть не чудотворцемъ, а также необыкновенно глубокимъ ученымъ.

Конечно, это была только религіозная ученость, но въ глазахъ Шибовскаго общества единственно этотъ родъ учености и былъ признаваемъ.

Онъ состоялъ въ необыкновенномъ знаніи святыхъ книгъ: меньше всего торы или библіи, больше талмуда и больше всего каббалы.

Исаакъ Тодросъ былъ самымъ свѣдущимъ каббалистомъ новаго времени, и это составляло краеугольный камень, на которомъ опиралось все зданіе его величія.

Человѣкъ, не имѣющій ни малѣйшаго знакомства съ вѣрой израильскаго плебса, навѣрное подумаетъ, что Шибовское населеніе составляло часть многочисленной мрачной секты хассидовъ, которые ставятъ каббалу во главѣ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ наукъ, какія существуютъ въ мірѣ.

Нѣтъ; жители Шибова не считали себя отщепенцами и, напротивъ, гордились тѣмъ, что они правовѣрные талмудисты и раввиниты. Но они принадлежали къ тѣмъ талмудистамъ, число которыхъ впрочемъ весьма распространено въ низшихъ классахъ общества и которые къ торѣ и талмуду причислили также и каббалу, признали ее святой книгой и страстно полюбили ее, оставляя въ тѣни двѣ первыя книги.

Впрочемъ надъ Шибовскимъ населеніемъ пролетѣлъ также и хассидизмъ, близко столкнулся съ нимъ и оставилъ среди него многочисленные слѣды.

Значительная часть этого населенія была въ дѣйствительности хассидистской, сама не зная объ этомъ; ходилъ слухъ, что дѣдъ Исаака Тодроса, тотъ самый ребъ Нохимъ, который боролся за идею съ Гершемъ Эзофовичемъ, былъ нѣкоторое время ученикомъ Бешта, основателя этой странной секты, часто видѣлся съ нимъ и, хотя не присоединился вполнѣ къ этой сектѣ, однако внесъ въ то общество, духовнымъ главою котораго онъ былъ, многія основныя черты ея.

Черты эти были слѣдующія: безграничное почитаніе каббалы, поклоненіе цаликамъ, доходящее почти до идолопоклонства, и глубокая, непреклонная религіозная ненависть къ эдомитамъ (другимъ народамъ) и ихъ наукамъ.

Эти черты все сильнѣе укрѣплялись и разрастались благодаря усиліямъ сына Нохима — Боруха, а его внукъ Исаакъ получилъ санъ, принадлежавшій его предкамъ въ періодъ ихъ наибольшаго расцвѣта.

Итакъ, религія Шибовскихъ жителей не была ни мозаизмомъ, ни талмудизмомъ, ни хассидизмомъ; она была хаотической смѣсью всего этого, смѣсью, которая господствовала на пространствѣ многихъ десятковъ миль около Шибова, и нашла свое наивысшее выраженіе въ особѣ Шибовскаго раввина.

Равви Исаакъ имѣлъ темный лобъ, весь изрытый глубокими морщинами, которыя становились рѣзче въ тѣ минуты, когда онъ старался напряженной мыслью проникнуть въ тайны неба и земли, при помощи соотвѣтственнаго расположенія буквъ, составляющихъ имена Бога и ангеловъ. Его черные, какъ угли, глаза блестѣли то мрачно, то восторженно, и ярко разгорались, когда онъ размышлялъ объ ужасахъ и

о неописуемыхъ наслажденіяхъ сверхъестественнаго міра.

Его спина сгорбилась отъ постояннаго сидѣнія надъ книгами, руки дрожали отъ постояннаго возбужденія его духа, борющагося съ видѣніями, тѣло высохло, а щеки глубоко впали отъ духовныхъ мукъ и отъ физическихъ лишеній.

На темный ликъ наложили свою печать безбрачіе, постъ и безсонныя ночи, а также и мистическій экстазъ, и тайная, не знающая пощады ненависть ко всему, что жило, вѣрило и думало не такъ, какъ онъ.

Смолоду онъ былъ женатъ; вѣрнѣе—его женили еще тогда, когда на его лицѣ не было ни одного волоска, указывающаго на мужскую зрѣлость. Вскорѣ онъ развелся съ женой, которая своими суетливыми хлопотами нарушала его набожную сосредоточенность или подъемъ духа; трое дѣтей его росли въ домѣ его брата, а онъ самъ, уединясь, какъ пустынникъ, въ своей черной низкой хаткѣ, жилъ напряженной до послѣднихъ предѣловъ жизнью фантазіи, страстныхъ молитвъ и глубокихъ, какъ пропасть, мистическихъ размышленій.

Въ матеріальномъ отношеніи онъ существовалъ дарами, которые присылали ему ревностные почитатели. Эти дары впрочемъ были мелки и состояли изъ предметовъ повседневной необходимости; большихъ цѣнныхъ подарковъ рабби Исаакъ не принималъ и даже не бралъ никакой платы за совѣты, лѣкарства и проповѣди, которыми надѣлялъ прибывающихъ къ нему вѣрующихъ.

Но каждый день передъ восходомъ солнца черезъ школьный дворъ проходили какія-то робкія фигуры и безъ малѣйшаго шума ставили на деревян-

ной скамьѣ, стоящей подъ окнами его хаты, глиняную посуду, наполненную кушаньемъ, и клали куски хлѣба или праздничнаго печенья.

Въ этотъ часъ Рабби произносилъ обыкновенно утреннюю молитву, потому что это былъ тотъ часъ, когда уже можно отличить бѣлый цвѣтъ отъ блѣдно-голубого и когда всякій правовѣрный израильтянинъ долженъ произносить Шемы и Тефили.

Потомъ онъ отворялъ окно и изъ-подъ своихъ желтыхъ вѣкъ долго смотрѣлъ огненными зрачками, свѣтящимися на покраснѣвшихъ отъ труда бѣлкахъ, на розовый блескъ утренней зари. Тамъ, въ той сторонѣ, были далекій востокъ, Іерусалимъ, уже исчезнувшія развалины святыни Соломона, Палестина, плачущая о своихъ сынахъ, и пальмы Сіона, вянущія отъ печали.

Иногда огонь, горящій въ глазахъ раввина, погасалъ отъ слезъ, которыя, катясь по его лицу, охлаждали его сожженныя внутреннимъ огнемъ щеки...

По временамъ ихъ охлаждали также холодные вѣтры и туманы; но ребъ Исаакъ, несмотря на дождь, снѣгъ и туманъ, все же каждое утро смотрѣлъ на востокъ... Потомъ онъ наклонялся и бралъ со скамьи пищу, приготовленную для него набожной рукой.

Онъ никогда не съѣдалъ всего; хлѣбъ и печенье онъ ломалъ на мелкія крошки и полными горстями разсыпалъ ихъ птицамъ, которыя цѣлыми стаями слетались тогда съ сосѣднихъ крышъ, съ улицъ, отовсюду, и прозрачной занавѣской своихъ подвижныхъ крыльевъ заслоняли маленькое открытое окошечко. Нѣкоторыя изъ нихъ хватали крошки и уно-

сили ихъ съ радостнымъ щебетаніемъ въ свои гнѣзда; другія, наѣвшись, влетали въ окошечко и садились на черныя, сгорбленныя плечи своего кормильца. Ласточки, гнѣздившіяся массами подъ низкой крышей хатки, также высовывались изъ своихъ гнѣздъ и, протягивая къ нему свои клювы, смѣло смотрѣли на него.

Тогда мрачное лицо раввина дѣлалось нѣсколько менѣе мрачнымъ и иногда, хотя очень рѣдко, на его сжатыхъ и обросшихъ густыми волосами губахъ появлялась ласковая улыбка.

Его хорошо знали не только тѣ птицы, которыя жили въ мѣстечкѣ, но также и тѣ, которыя наполняли густую березовую рощу.

Исаакъ Тодросъ часто выходилъ въ рощу, а иногда углублялся даже въ сосѣдній съ ней огромный сосновый лѣсъ. Что онъ дѣлалъ тамъ? Кормилъ птицъ, которыя, замѣтивъ его, сейчасъ же слетались со всѣхъ сторонъ и сопровождали его въ теченіе всей его прогулки. Иногда онъ громко молился, поднимая вверхъ свои трясущіяся руки и вызывая цѣлый хоръ лѣсного эха, повторяющаго его страстные крики; кромѣ того, онъ искалъ различныхъ дикихъ травъ и зелій, которыя онъ собиралъ громадными пучками и уносилъ съ собой въ свою хату. Эти растенія обладали цѣлебными свойствами, знаніе которыхъ переходило въ родѣ Тодросовъ отъ отца къ сыну. Всѣ въ этой семьѣ принадлежали къ числу тѣхъ первобытныхъ лѣкарей, которыми полны были средніе вѣка и которые получали искусство лѣченія тѣлесныхъ страданій не въ стѣнахъ какой-нибудь академіи, а изъ рукъ дикой природы, вопрошаемой скорѣе фантастической и любознательной, чѣмъ научной мыслью. Впрочемъ одинъ изъ

отдаленныхъ предковъ Исаака Тодроса былъ знаменитымъ врачемъ въ Испаніи въ то время, когда наступилъ короткій перерывъ несчастій еврейскаго народа и когда ему можно было вмѣстѣ съ другими народами черпать жизненныя блага изъ всѣхъ источниковъ. Это былъ короткій перерывъ, послѣ котораго исчезли славные и дѣйствительно ученые израильскіе врачи; но тотъ изъ нихъ, который носилъ имя Тодроса Галеви, передалъ свои знанія своимъ сыновьямъ, и такъ какъ эти знанія стали переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, преображаясь самыми разнообразными способами, одѣваясь въ различныя фантастическія одѣянія и превращаясь въ странныя чудесныя легенды, героями которыхъ были скромныя растенія со скромными красками и тонкимъ запахомъ, презрительно попираемыя ступнями невнимательныхъ прохожихъ.

Исаакъ Тодросъ усердно искалъ и старательно собиралъ эти драгоцѣнные предметы старой науки и своихъ старыхъ семейныхъ преданій; онъ уносилъ ихъ съ собой и, вернувшись съ свою низкую мазанку, раскладывалъ ихъ тонкими пучками на грязномъ полу тѣсной избы, чтобы рѣдкіе и бѣдные лучи солнца, проникающіе сюда, насквозь пропитали ихъ своей благотворной силой.

Поэтому атмосфера маленькой избушки всегда, и особенно въ лѣтнее и осеннее время, была наполнена сильнымъ и удушливымъ запахомъ сушеныхъ травъ и дикихъ цвѣтовъ. Блѣдныя краски увядшихъ растеній печально свѣтлѣли на фонѣ стѣнъ, сырыхъ отъ пыли, накопившейся за цѣлые десятки лѣтъ и образовавшей толстые слои, а среди сора, наполнявшаго углы и покрывавшаго полъ, имѣли печальный видъ алмазовъ, сорванныхъ въ зеленомъ раю.

Въ остальномъ эта хижина была похожа на суровыя кельи пустынниковъ и анахоретовъ. Въ ней не было ничего, кромѣ низкой твердой кровати, бѣлаго стола, поставленнаго возлѣ одного изъ оконъ, двухъ деревянныхъ табуретовъ и нѣсколькихъ крѣпкихъ досокъ, прикрѣпленныхъ на стѣнѣ и заложенныхъ книгами. Среди этихъ книгъ было двѣнадцать томовъ огромной величины, наполненныхъ древней печатью и переплетенныхъ въ пожелтѣлый пергаментъ. Это былъ талмудъ. Выше лежали: Озорга-кабидъ, произведеніе, написанное однимъ изъ предковъ Исаака, тѣмъ самымъ Тодросомъ Галеви, который былъ первымъ талмудистомъ, вѣрящимъ въ каббалу; Тольдотъ Адамъ, эпопея, воспѣвающая исторію перваго человѣка изгнанника; Сеферъ Езира (книга творенія), апокалиптическое изображеніе сотворенія міра; Кааратъ Кезефъ, въ которой Эзоби предостерегаетъ евреевъ отъ пагубныхъ вліяній всякой свѣтской науки; Шіуръ Кома, пластическое описаніе Бога, просвѣщающее читателей насчетъ Его физическаго вида, громадныхъ размѣровъ Его головы, ногъ, рукъ и особенно бороды, обладающей по словамъ творца этого прозведенія, 10,500 милями длины. На самомъ же высокомъ мѣстѣ лежала наиболѣе истрепанная отъ частаго употребленія книга блеска, Зогаръ, самое обширное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое глубокое сочиненіе о Хохма-Нистажѣ (каббалѣ), которую въ XIII вѣкѣ издалъ Моисей изъ Леона отъ имени жившаго за много вѣковъ раввина Шимона-бенъ-Іохаи.

Такова была библіотека Исаака Тодроса, надъ которой онъ проводилъ безсонныя ночи, черпая изъ нея свою великую ученость и мудрость и затрачивая на постоянное изученіе ея всѣ силы своего тѣла.

Изъ нея-то исходилъ тотъ упоительный ароматъ, который опьянялъ его душу мистическими порывами и наполнялъ её горькимъ, острымъ ядомъ безграничной ненависти ко всему, что было чуждымъ или враждебнымъ тому, полному сверхъестественнаго блеска и тьмы, міру, въ который онъ былъ погруженъ. Надъ ней-то онъ просиживалъ не только обыкновенныя, будничныя, но даже и праздничныя ночи, съ той только разницей, что въ праздничныя ночи онъ не былъ одинъ, а у ногъ его сидѣлъ его ученикъ и любимецъ, меламедъ ребъ Моше, для того, чтобы въ случаѣ надобности обрѣзать черный фитиль желтой сальной свѣчи, такъ какъ отшельнику, который читаетъ святыя книги въ праздничную ночь, нельзя самому оправлять свѣчи и нужно, чтобы возлѣ него въ этотъ часъ находилась заботливая рука, исполняющая это вмѣсто него. Въ праздничныя ночи раввинъ читалъ Шіуръ Комэ и Зогаръ, а сидящій около него маленькій человѣкъ въ грубой рубашкѣ поднимался по временамъ со своего низкаго сидѣнья, оживлялъ темнѣющее пламя желтой свѣчи и снова впивался своими круглыми глазами въ лицо учителя, ожидая, что въ одну прекрасную минуту буквы, составляющія имена Бога, Нотариконъ и Гематрія, которыя чертила и всячески складывала и переставляла рука его учителя, уложатся въ чудесное слово, и это слово будетъ совершать великія чудеса и откроетъ людямъ всѣ тайны земли и неба.

Исаакъ Тодросъ, сейчасъ послѣ захода солнца вернувшись домой съ большимъ пучкомъ дикихъ травъ въ рукахъ, нашелъ своего вѣрнаго почитателя сидящимъ въ углу темныхъ сѣней. Сгорбивъ спину и опираясь головой на обѣ ладони, онъ погрузился въ глубокія размышленія.

— Моше! — позвалъ его раввинъ, быстро и безшумно проходя черезъ сѣни.

— Что прикажешь, Насси? — спросилъ Моше покорнымъ голосомъ.

— Иди, Моше, сейчасъ къ старому Саулу и скажи ему, что раввинъ Исаакъ Тодросъ завтра посѣтитъ его домъ.

Сгорбленная фигура, сѣрѣющая въ углу, вскочила съ земли, какъ пружина, и босыми ногами быстро помчалась черезъ площадь къ высокому дому Саула. Здѣсь, взбѣжавъ на крыльцо и пробѣжавъ длинный коридоръ, меламедъ пріотворилъ дверь и, просунувъ голову въ большую комнату, провозгласилъ громкимъ и торжествующимъ голосомъ:

— Ребе Саулъ! Тебя ожидаетъ великое счастье и великая честь! Раввинъ Исаакъ Тодросъ, самый благочестивый человѣкъ и первый мудрецъ въ мірѣ, завтра навѣститъ твой домъ!

Голосъ, раздавшійся изъ глубины большой гостиной комнаты богатаго купца, сухой отъ старости, но сильный отвѣтилъ:

— Я, Саулъ Эзофовичъ, дѣти, внуки и правнуки мои, будемъ ждать посѣщенія рабби Исаака Тодроса съ большой радостью и съ большимъ нетерпѣніемъ. Пусть онъ живетъ сто лѣтъ!

— Пусть онъ живетъ сто лѣтъ!—повторило просунувшееся въ двери темное лицо съ круглыми глазами и исчезло. Двери заперлись. Старый Саулъ сидѣлъ на диванѣ и читалъ Зогаръ, глубокихъ откровеній котораго, несмотря на чрезвычайныя усилія, не могъ понять его умъ, привыкшій къ свѣтскимъ дѣламъ. Его наморщенный лобъ вдругъ сталъ пасмурнымъ, и въ глазахъ его мелькнула тревога. Онъ обернулся къ старшему изъ своихъ сыновей,

Рафаилу, который, сидя возлѣ сосѣдняго стола, записывалъ въ счетную книгу цыфры доходовъ и расходовъ послѣдняго мѣсяца, и спросилъ.

— Зачѣмъ онъ сюда придетъ?

Рафаилъ недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Развѣ у него есть къ намъ какая-нибудь придирка? — снова спросилъ старикъ.

Рафаилъ, поднявъ голову отъ счетной книги, отвѣтилъ:

— Есть.

Саулъ вздрогнулъ.

— Ну!—воскликнулъ онъ.—А какая же у него можетъ быть придирка? Развѣ кто-нибудь изъ нашей семьи согрѣшилъ?

Рафаилъ отвѣтилъ кратко:

— Меиръ.

Лица отца и сына стали печальными и безпокойными. Исаакъ Тодросъ обыкновенно навѣщалъ членовъ своего общества очень рѣдко и только тогда, когда дѣло шло о какихъ нибудь важныхъ религіозныхъ вопросахъ или чьихъ-либо прегрѣшеніяхъ.

Но и эти рѣдкія посѣщенія выпадали на долю самыхъ достойныхъ и вліятельныхъ членовъ общества. Бѣдный, сѣрый народъ самъ толпился около избушки раввина и на каждое его мановеніе летѣлъ съ невыразимой радостью или тревогой.

* * *

Раввинъ Исаакъ Тодросъ былъ аскетомъ и презиралъ плоть. Однако, онъ не отвергалъ тѣхъ почестей и знаковъ почтенія, которыми его окружали, и люди, посвященные въ глубину его чувствъ и мыслей, знали о томъ, что онъ очень любилъ ихъ и что онъ рѣшительно потребовалъ бы ихъ, если бы кто-

нибудь когда-нибудь подумалъ о томъ, чтобы отказать ему въ нихъ или уменьшить ихъ размѣры. Поэтому весь бѣдный народъ и всѣ тѣ люди, которые особенно хотѣли заслужить его расположеніе, давали ему княжескій титулъ, говоря ему „Насси;“ по той же причинѣ всякое его шествіе черезъ мѣстечко, бывшее всегда для народа настолько же интереснымъ, насколько и торжественнымъ событіемъ, сопровождалось нѣкоторымъ довольно пышнымъ церемоніаломъ.

Было еще часовъ десять утра, когда Саулъ Эзофовичъ, стоя у окна своей гостиной, неспокойнымъ взглядомъ смотрѣлъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей на толпу, медленно движущуюся по площади. На нее смотрѣли также всѣ члены его семьи, невѣстки, сыновья, дочь, зять и старшіе внуки; всѣ они были одѣты по праздничному, и лица ихъ были торжественны; они собрались здѣсь, чтобы на порогѣ своего дома привѣтствовать самое почетное лицо въ общинѣ.

Черезъ площадь отъ синагогальнаго двора къ дому Эзофовичей направлялась небольшая толпа людей, одѣтыхъ въ черное. Посреди этой толпы шелъ Исаакъ Тодросъ своимъ обыкновеннымъ быстрымъ и неслышнымъ шагомъ; его фигура, какъ всегда, была нѣсколько наклонена впередъ, онъ былъ одѣтъ въ свою обычную изношенную одежду и грубую рубаху, открывавшую его длинную желтую шею. По обѣимъ сторонамъ его шли два чиновника кагала, низкій и гибкій ребе Янкель со своимъ бѣлымъ, покрытымъ веснушками лицомъ и рыжей, какъ огонь, бородой, и Давидъ Кальманъ, одинъ изъ уважаемыхъ лицъ въ мѣстечкѣ, Морейне, богатый торговецъ скотомъ; онъ былъ высокъ, держался ровно и степенно, лицо его было бѣло, руки были заложены въ кар-

маны атласнаго халата, а на его пухлыхъ губахъ играла улыбка спокойнаго довольства. За этими тремя людьми и по обѣимъ сторонамъ ихъ тѣснилось еще нѣсколько десятковъ лицъ съ болѣе или менѣе радостнымъ и покорнымъ выраженіемъ. Впереди всей этой толпы шелъ ребъ Моше; онъ двигался лицомъ къ раввину, а спиной къ цѣли своего путешествія; онъ такимъ образомъ не шелъ, а отступалъ, при чемъ подскакивалъ, ударялъ въ ладоши, низко наклонялся къ землѣ, то и дѣло спотыкался своими босыми ногами о встрѣчающіяся на землѣ неровности, снова подпрыгивалъ, поднималъ голову къ небу и издавалъ порывистые крики радости. Наконецъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этой толпы выступала группа, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣтей различныхъ возрастовъ; они съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдили за толпой и, видя танецъ и скачки меламеда, начали подражать ему, также подскакивая, жестикулируя, падая на землю, хлопая въ ладоши и наполняя воздухъ неописуемымъ визгомъ.

Черезъ минуту двери гостиной дома Эзофовичей съ шумомъ растворились, и въ нихъ влетѣлъ меламедъ, запыхавшійся, весь красный, облитый потомъ и сіяющій необыкновенной радостью. Онъ радовался искренно, шумно, страстно... Но чему?... Бѣдный меламедъ!

— Ребе Саулъ!—закричалъ онъ охрипшимъ отъ крика голосомъ.—Встрѣчай великое счастье и великую честь, которыя идутъ къ тебѣ.

По лицу Саула можно было угадать, что въ немъ тайная тревога боролась съ радостью, которую онъ дѣйствительно испытывалъ. Но что касается до его семьи, члены которой жались возлѣ стѣнъ и мебели, то она испытывала явную и очень сильную радость и вся сіяла отъ гордости и довольства, за исключе-

ніемъ Бера, нѣмого и апатичнаго, какъ всегда, когда дѣло не касалось денегъ и торговли.

Старый Саулъ стоялъ возлѣ самаго порога своей гостиной; на порогѣ ребе Янкель и Морейне Кальманъ взяли раввина подъ руки, почти подняли надъ землей его сухую фигуру и, перенеся ее черезъ коридоръ и порогъ, поставили передъ Сауломъ. Потомъ они низко поклонились, вышли изъ дома и сѣли на крыльцѣ, ожидая той минуты, когда имъ нужно будетъ сопровождать обратное шествіе.

Саулъ наклонилъ передъ гостемъ свою сѣдую почтенную голову. То же сдѣлали и всѣ другіе, стоявшіе у стѣны.

— Привѣтствующій мудреца привѣтствуетъ величіе Предвѣчнаго! — произнесъ онъ.

— Привѣтствующій мудреца привѣтсвуетъ... началъ повторять за нимъ хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Но въ эту минуту Исаакъ Тодросъ поднялъ указательный палецъ, бросилъ вокругъ себя молніеносный взглядъ и шикнулъ:

— Шаа!

Въ комнатѣ настала могильная тишина.

Палецъ гостя описалъ широкій кругъ, указывая на весь рядъ людей, стоявшихъ у стѣны.

— Вегъ (прочь)!—вскричалъ онъ громкимъ голосомъ.

Въ комнатѣ зашелестѣли платья и послышались быстрые шаги; замелькали огорченныя и испуганныя лица; всѣ столпились у дверей, ведущихъ во внутреннія комнаты, и исчезли.

Въ совершенно пустой комнатѣ осталось только два человѣка: убѣленный сѣдиной широкоплечій патріархъ и сухой мудрецъ съ огненнымъ взглядомъ. Сѣдыя брови Саула дрогнули и снова на секунду

сдвинулись, когда мудрецъ своимъ короткимъ приказаніемъ и повелительнымъ жестомъ изгонялъ изъ комнаты его семью, его сѣдѣющихъ сыновей, почтенныхъ дочерей и красивыхъ внучекъ. Очевидно, въ немъ была оскорблена отцовская и фамильная гордость.

— Равви,—сказалъ онъ нѣсколько тише и съ меньшимъ низкимъ поклономъ,—соблаговоли занять подъ моей крышей то мѣсто, которое кажется тебѣ самымъ удобнымъ.

Онъ не далъ гостю княжескаго титула, не назвалъ его „Насси!“

Равви Исаакъ угрюмо посмотрѣлъ на него, прошелъ черезъ комнату и сѣлъ на диванъ съ высокой желтой спинкой.

Въ эту минуту онъ не горбился: на оборотъ, онъ сидѣлъ прямо и ровно, неподвижно устремивъ взглядъ въ лицо старика, который занялъ мѣсто противъ него.

— Я ихъ выгналъ!—сказалъ онъ, указывая на двери, черезъ которыя вышла изъ комнаты вся семья.— Зачѣмъ ты ихъ сюда собралъ? Я хочу поговорить только съ тобой!

Саулъ молчалъ.

— Я приношу тебѣ новость,—снова проговорилъ раввинъ быстро и угрюмо. — Внукъ твой, Меиръ, имѣетъ нечистую душу. Онъ коферъ (отступникъ). Саулъ все еще молчалъ, и только его сморщенныя вѣки нервно дрожали надъ выцвѣтшими отъ лѣтъ зрачками.

— Онъ коферъ,—громче повторилъ раввинъ, — онъ произноситъ скверныя слова о нашей религіи, не уважаетъ мудрецовъ, нарушаетъ субботу и водится съ отщепенцами!

— Равви!.. — началъ Саулъ.

— Ты слушай, когда я говорю!—грубо прервалъ его раввинъ.

Губы старика сжались такъ сильно, что совсѣмъ исчезли среди сѣдой растительнасти.

— Я пришелъ сказать тебѣ,—началъ снова Тодросъ,— что ты плохо держишь своего внука и что это твоя вина, если онъ такой. Отчего ты не позволялъ меламеду сѣчь и бить его, когда онъ ходилъ въ хедеръ, не хотѣлъ учить Гемары, а иногда смѣялся надъ рѣчами меламеда и искушалъ другихъ своимъ смѣхомъ? Зачѣмъ ты посылалъ его къ Эдомиту, который живетъ тамъ среди садовъ, чтобы тотъ училъ его читать и писать на языкѣ гоевъ и всякимъ другимъ Эдомитскимъ гадостямъ? Отчего ты не наказалъ его своей отцовской рукой, когда онъ нарушилъ субботу и у тебя за столомъ не послушался меламеда? Зачѣмъ ты портишь его душу своей грѣшной любовью, не склоняешь его къ святымъ наукамъ и такъ смотришь на всѣ его мерзости, какъ будто бы ты ослѣпъ?

Равви усталъ отъ долгой рѣчи и отдыхалъ, громко сопя.

Тогда старый Саулъ сталъ говорить сдержаннымъ голосомъ:

— Равви! Пусть сердце твое не гнѣвается на меня! Я не могъ поступать иначе, чѣмъ я поступалъ. Этотъ ребенокъ—сынъ моего сына, самаго младшаго изъ всѣхъ моихъ дѣтей и слишкомъ скоро скрывшагося изъ глазъ моихъ. Послѣ смерти его отца и матери я взялъ этого ребенка къ себѣ въ домъ и хотѣлъ, чтобы онъ никогда не вспоминалъ о томъ, что онъ сирота. Я уже тогда былъ вдовцомъ и самъ кормилъ его своими руками. Кормила его также его старая прабабка, которая душу свою положила бы передъ Богомъ, лишь бы только для его души купить счастье. Онъ первый брильянтъ въ коронѣ на

ея головѣ, и теперь ея уста не открываются отъ глубокой старости ни для кого, только для него одного. Вотъ, равви, всѣ причины, вслѣдствіе которыхъ я позволялъ ему больше, чѣмъ другимъ моимъ дѣтямъ; вотъ почему я болѣе мягкой рукой держалъ его; вотъ почему у меня болѣла душа, когда меламедъ въ хедерѣ бранилъ и билъ его, какъ другихъ дѣтей. Я согрѣшилъ тогда, какъ сумасшедшій, вбѣжалъ въ хедеръ, наговорилъ скверныхъ словъ меламеду и взялъ съ собой мальчика. Я согрѣшилъ, равви, потому что меламедъ мудрый и святой человѣкъ: но пусть грѣхъ этотъ исчезнетъ изъ глазъ твоихъ, равви; подумай о томъ, что я не могъ смотрѣть на синяки, которые имѣлъ на тѣлѣ сынъ моего сына, и молчать! Когда эти синяки были у дѣтей сына моего Рифаила и сына моего Абрама, и сына моего Ефроима, я молчалъ, потому что отцы ихъ были, слава Богу, живы и сами заботились о своихъ дѣтяхъ; но когда я увидѣлъ ихъ на спинѣ и на плечахъ сироты... Равви, я заплакалъ, я громко закричалъ и согрѣшилъ!

— Это не единственный твой грѣхъ!—произнесъ равви, который слушалъ рѣчь Саула съ неподвижной суровостью и строгостью судьи.—А зачѣмъ ты посылалъ его къ Эдомиту въ науку?

— Равви!—возразилъ Саулъ.—А какъ же онъ могъ бы потомъ жить на свѣтѣ, если бы не понималъ языка, на которомъ говорятъ всѣ люди въ этомъ краю, и не умѣлъ подписать своего имени ни на одномъ контрактѣ или векселѣ? Мои сыновья, равви, и старшіе внуки ведутъ большія дѣла, и онъ будетъ вести ихъ, какъ только женится... Ему принадлежитъ все наслѣдство, оставшееся послѣ его отца. Онъ будетъ богатъ, и ему нужно будетъ раз-

говаривать съ большими панами. А какъ же онъ разговаривалъ бы съ ними, если бы я не посылалъ его въ науку къ эдомиту?

— Пусть пропадетъ Эдомъ со своей поганой наукой и пусть Богъ не проститъ ему!—пробурчалъ раввинъ. Немного погодя онъ прибавилъ:—А зачѣмъ ты не сдѣлалъ своего сына ученымъ, а воспитывалъ изъ него купца?

— Равви, — возразилъ Саулъ, — домъ Эзофовичей — купеческій домъ. Мы купцы отъ отца къ сыну, и такой уже у насъ обычай.

Говоря это, онъ слегка приподнялъ голову, опущенную до тѣхъ поръ. При воспоминаніи о своемъ родѣ онъ почувствовалъ гордость и сталъ смѣлѣе. Но ничто не могло сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ и съ той насмѣшкой, которыя послышались въ голосѣ раввина, когда онъ проговорилъ вслѣдъ за Сауломъ:

— Домъ Эзофовичей!

— Домъ Эзофовичей,—повторилъ онъ громче,—былъ всегда зерномъ перцу не нёбѣ Израиля...

Саулъ быстро поднялъ голову.

— Равви! — воскликнулъ онъ. — Въ немъ были брильянты, смотря на которые сами эдомиты начинали уважать весь Израиль...

Между этими двумя людьми закипѣла старая взаимная ненависть Эзофовичей и Тодросовъ.

— Въ вашей семьѣ,—сказалъ раввинъ,—есть одна нечистая душа, которая переходитъ отъ одного Эзофовича къ другому и не можетъ очиститься. Потому что написано такъ: всѣ души, которыя выплыли изъ Сефиротовъ, какъ вытекаютъ капли воды изъ наклоненной бутылки, отбываютъ Ибуръ-Гильгулъ,—путешествіе по тѣламъ, переходя отъ одного

къ другому, пока не очистятся отъ всѣхъ грѣховъ и не вернутся назадъ къ Сефиротамъ. Если человѣкъ благочестивъ и святъ, то душа его возвращается къ Сефиротамъ, а когда она вернется туда, то вмѣсто нея въ свѣтъ идетъ другая душа и тамъ беретъ себѣ тѣло. Горе, печаль, болѣзнь и грѣхъ будутъ жить на землѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ души, оторванныя отъ Сефиротовъ, не выполнятъ Ибуръ-Гильгулъ и не пройдутъ черезъ тѣла. А какъ всѣ онѣ могутъ пройти черезъ тѣла, если на землѣ будетъ много поганыхъ, нечистыхъ и не уважающихъ святой науки душъ? Эти поганыя души постоянно держатъ для себя какое-либо тѣло, переходя изъ одного въ другое, а тамъ наверху ждутъ другія души, чтобы онѣ освободили тѣла и оставили ихъ для нихъ. Онѣ должны ждать, потому что на свѣтѣ не можетъ жить сразу столько тѣлъ, сколько есть душъ между Сефиротами. И самъ Мессія ждетъ, потому что онъ не придетъ въ міръ прежде, чѣмъ послѣдняя душа не войдетъ въ тѣло и не начнетъ Ибуръ-Гильгулъ. Поганыя, постоянно занимая одно тѣло за другимъ, не допускаютъ къ нимъ ожидающихъ душъ и поэтому отодвигаютъ въ далекое будущее Іобель-га-Годель—день Мессіи—великій праздникъ радости! Въ вашемъ родѣ есть такая поганая душа. Она вступила сначала въ тѣло Михаила Сеніора, потомъ была въ тѣлѣ Герша, а теперь она сидитъ во внукѣ твоемъ Меирѣ! Я эту гордую и мятежную душу узналъ по глазамъ и по лицу твоего внука, и потому мое сердце отвернулось отъ него.

Въ то время, пока Тодросъ излагалъ сидящему противъ него старику доктрину о путешествіи душъ и о его послѣдствіяхъ, въ старикѣ этомъ произошла поразительная перемѣна. Раньше онъ уже значитель-

но ободрился и даже поднялъ голову съ нѣкоторой гордостью и достоинствомъ; теперь онъ снова низко опустилъ ее; печаль и тревога разлились по морщинамъ его лица.

— Равви!—покорно отвѣтилъ онъ,—будь благословенъ за то, что ты открываешь передъ моими глазами твою святую мудрость! Слова твои истинны, а глаза твои умѣютъ узнавать души, которыя живутъ въ людскихъ тѣлахъ. Я тебѣ вотъ что отвѣчу, равви. Когда маленькаго Меира привезъ ко мнѣ сынъ мой Рафаилъ, я взялъ ребенка изъ рукъ его и крѣпко цѣловалъ, потому что мнѣ казалось, что онъ похожъ на моего Веньямина, своего отца; но старая прабабка взяла его отъ меня, поставила его передъ собой на землѣ и начала пристально присматриваться къ нему, а потомъ громкимъ голосомъ крикнула: „Онъ похожъ не на Веньямина, а на моего Герша!“ Слезы текли изъ ея старыхъ глазъ, а губы ея повторяли: „Гершъ, Гершъ, мой Гершъ!“ Она прижала ребенка къ своей груди и сказала: „Это мой самый любимый киндлебенъ! Это глазъ въ моей головѣ и брильянтъ въ той коронѣ, которую образуютъ внуки и правнуки мои, потому что онъ похожъ на моего Герша!“ И она безъ ума любитъ его, а теперь его одного только знаетъ и зоветъ къ себѣ, потому что онъ очень похожъ на ея мужа Герша.

— Душа Михаила вошла въ тѣло Герша, а изъ тѣла Герша перешла къ внуку твоему Меиру, — повторилъ раввинъ и прибавилъ: — это гордая, мятежная душа! Въ ней нѣтъ покорности и спокойствія!

Онъ сталъ видимо ласковѣе, видя покорность Саула и то довѣріе, которое тотъ оказывалъ его словамъ.

— Отчего ты не женишь его, когда у него выросли уже большіе волосы на бородѣ и на лицѣ?— спросилъ онъ.

— Равви! Я хотѣлъ женить его на дочери благочестиваго Янкеля; но дитя лежало у моихъ ногъ и просило, чтобы я не заставлялъ его...

— Отчего ты тогда не поставилъ своей ноги ему на спину и не сдѣлалъ такъ, чтобы онъ былъ послушенъ тебѣ?

Саулъ опустилъ глаза и молчалъ: онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Любовь къ внуку-сиротѣ постоянно толкала его на путь грѣха.

Тодросъ снова началъ говорить:

— Жени ты его какъ можно скорѣй, потому что написано, что когда у молодого человѣка растутъ волосы на бородѣ и на головѣ, а жены у него еще нѣтъ, то душа его впадаетъ въ нечистоту... Душа твоего внука уже впала въ нечистоту... я вчера видѣлъ его наединѣ съ дѣвушкой...

Саулъ съ тревогой поднялъ глаза на говорящаго.

— Я видѣлъ, — продолжалъ раввинъ, — какъ онъ на лугу разговаривалъ съ караимкой.

— Съ караимкой!—повторилъ Саулъ голосомъ полнымъ удивленія и испуга.

— Онъ стоялъ на берегу пруда и бралъ изъ ея рукъ какіе-то цвѣты, а на ихъ лицахъ я читалъ, что души ихъ были объяты нечистымъ огнемъ...

— Съ караимкой!—повторилъ еще разъ Саулъ, словно не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

— Съ еретичкой!—произнесъ раввинъ.

— Съ нищей!—проговорилъ Саулъ и энергично поднялъ голову.

— Равви, — началъ онъ, — я уже теперь буду обходиться съ нимъ иначе! Я не хочу, чтобы на старо-

сти лѣтъ стыдъ выѣлъ мнѣ глаза изъ-за того, что внукъ мой имѣетъ нечистую дружбу съ нищими. Я женю его!

— Ты его скрути! — воскликнулъ раввинъ. — Я пришелъ сюда сказать тебѣ, чтобы ты поставилъ ногу на его спинѣ и согнулъ въ дугу его гордость. Ты его не жалѣй, потому что слабость къ нему будетъ большимъ грѣхомъ, котораго Богъ не проститъ тебѣ. А если ты самъ не скрутишь его, то я наложу свою руку на его голову, и тогда вамъ будетъ великій стыдъ, а ему такое несчастье, что онъ разсыплется въ прахъ, какъ жалкій червь!

При этихъ словахъ, произнесенныхъ громкимъ голосомъ, Саулъ вздрогнулъ. Въ душѣ этого старика все время боролись самыя разнородныя чувства: тайное отвращеніе къ Тодросу и глубокое почтеніе къ его учености, гордость и опасеніе, сильный гнѣвъ на внука и любовь къ нему. Угроза раввина задѣла эту послѣднюю струну.

— Равви, воскликнулъ онъ, — прости ты ему! Онъ еще ребенокъ! Когда онъ женится и начнетъ вести дѣла, онъ станетъ другимъ! Когда онъ родился, отецъ его написалъ ко мнѣ: „Отецъ! Какое имя ты хочешь, чтобы носилъ твой внукъ?“ А я отвѣтилъ: „Пусть имя его будетъ Меиръ, т. е. свѣтъ, чтобы онъ мнѣ и цѣлому Израилю свѣтилъ яркимъ свѣтомъ!“...

Онъ не могъ говорить дальше, потому что волненіе пресѣкло его голосъ и двѣ слезы потекли по его обвисшимъ сморщеннымъ щекамъ.

Раввинъ всталъ съ дивана, поднялъ указательный палецъ и произнесъ:

— Только ты помни о моихъ приказаніяхъ! Я тебѣ говорю, чтобы ты поставилъ ногу на его спинѣ,

и ты повинуйся моему приказанію, потому что написано: „ученые — фундаментъ міра!“

Сказавъ это, онъ направился къ дверямъ, у которыхъ его ожидали ребе Янкель и Морейне Кальманъ: они снова подхватили его подъ оба локтя, перенесли черезъ коридоръ и черезъ порогъ и поставили возлѣ крыльца на землю.

И снова черная толпа пошла черезъ площадь, направляясь къ синагогальному двору; снова меламедъ, пятясь передъ раввиномъ, скакалъ, танцовалъ, ударялъ въ ладоши, кричалъ; и снова толпа дѣтей, сопровождающая шествіе въ нѣкоторомъ отдаленіи, подражала своему учителю. Дѣти подскакивали, кричали и ударяли въ ладоши такъ же, какъ онъ; по временамъ кто-нибудь изъ нихъ падалъ, оглашая воздухъ слезливыми криками. Въ гостиной Эзофовичей старый Саулъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками; вдругъ въ дверяхъ показалась старая Фрейда. Солнечные лучи, проникая черезъ окно, зажигали искры всѣхъ цвѣтовъ радуги на золотѣ и брильянтахъ, которыми она была усыпана; блуждая по комнатѣ своими желтоватыми прищуренными глазами, она произнесла своимъ обычнымъ беззвучнымъ голосомъ:

— Во изъ Меиръ?

Глава V.

Во время посѣщенія раввина Меира не было дома. Выйдя очень рано изъ дому, онъ направился къ самымъ отдаленнымъ отъ центральной площади улицамъ мѣстечка. Здѣсь онъ очутился среди маленькихъ, необыкновенно убогихъ жилищъ, изъ которыхъ каж-

дое имѣло не болѣе двухъ маленькихъ оконъ. У пороговъ этихъ мазанокъ стояли большія, вонючія лужи; вокругъ нихъ царила тяжелая, удушливая атмосфера. Изъ черныхъ трубъ подымались тонкіе клубы дыма, свидѣтельствующіе своей тонкостью о скудности приготовлявшейся тамъ пищи; подгнившіе, ветхіе заборы окружали маленькіе дворики, полные сору; тамъ и сямъ среди нихъ виднѣлись узкія полоски земли, поросшія рѣдкими и чахлыми овощами. Около низкихъ дверей худыя женщины съ темными, болѣзненными лицами, въ синихъ кофтахъ и порыжѣлыхъ парикахъ, стирали въ лоханяхъ сѣрое грубое бѣлье; сгорбленныя и дряхлыя старухи, сидя на скамьяхъ, вязали чулки изъ синей или черной шерсти; дѣвушки молодыя, но сильно загорѣвшія, въ грязной одеждѣ и съ растрепанными волосами, доили худыхъ козъ.

Это была часть мѣстечка, населенная самымъ низшимъ слоемъ Шибовскаго населенія, пріютъ бѣдности, нищеты, грязи и болѣзней.

Дома Эзофовичей, Кальмановъ, Витебскихъ и Каміонкеровъ, стоящіе на центральной площади, могли казаться роскошными дворцами сравнительно съ этими человѣческими жилищами, одинъ внѣшній видъ которыхъ внушалъ мысль о земномъ чистилищѣ.

И неудивительно. Тамъ на площади жили купцы и ученые, а также аристократія всей еврейской общины мѣстечка, а здѣсь гнѣздилось ремесленное и рабочее населеніе, люди, зарабатывающіе свой хлѣбъ трудомъ рукъ, а не головы, люди, изъ которыхъ ни одинъ не могъ указать на свое происхожденіе отъ какого-нибудь стараго рода или похвалиться тѣмъ, что въ его родѣ былъ богачъ или ученый.

Несмотря на то, что было еще раннее утро, ежедневныя работы уже повсюду начались. Сквозь мутныя стекла мелкихъ оконъ виднѣлись мѣрно поднимавшіяся и опускавшіяся руки портныхъ и сапожниковъ. За тонкими стѣнами звенѣли инструменты мѣдниковъ и стучали молотки кузнецовъ; изъ хаты фабриканта сальныхъ свѣчей доносился невыносимый, пропитанный саломъ запахъ. Нѣкоторые изъ обывателей, стремясь насладиться хоть тѣми нѣсколькими лучами восходящаго солнца, которые заглянули въ ихъ узкую улицу, отворили свои окна, и прохожій могъ видѣть черезъ нихъ маленькія комнатки съ черными стѣнами, биткомъ набитыя людьми, которые, копошась, какъ муравьи, почти доставали головами до черныхъ балокъ потолка. Черезъ эти окна доносился также крикливый говоръ молящихся мужскихъ голосовъ, визгливыя женскія ссоры и пронзительный дѣтскій плачъ. Но только самыя маленькія дѣти потрясали своими криками душный воздухъ черныхъ тѣсныхъ избъ; старшія же дѣти, выбѣжавши большой толпой на улицу, съ крикомъ бѣгали среди нея или, запустивъ пальцы въ свои густые локоны, валялись на песчаной почвѣ. Подрастающіе мальчики, одѣтые уже не въ короткіе кафтанчики безъ рукавовъ, какъ младшія дѣти, а въ сѣрую длинную одежду, стояли у пороговъ хатъ, подпирая стѣну; они были блѣдны, худы, имѣли осовѣлый видъ; ихъ рты были широко открыты, какъ будто бы они хотѣли втянуть въ свои исхудалыя, больныя груди рѣдко доходящіе къ нимъ солнечные лучи и струи свѣжаго воздуха.

Къ одному изъ такихъ подростковъ, стоящихъ возлѣ стѣнъ, подошелъ Меиръ.

— Ну, Лейбеле, — сказалъ онъ, — я пришелъ

увидѣть тебя, все ли ты еще такъ боленъ и, словно сова, таращишь глаза?

Было видно, что Лейбеле былъ боленъ; взглядъ его былъ мутенъ несмотря на теплое утро, онъ прятал руки въ рукава своей убогой одежды и, крѣпко прижавъ ихъ къ груди, весь дрожалъ отъ холода; на вопросъ Меира онъ не отвѣтилъ ни слова, только шире открылъ ротъ и безсмысленно устремилъ въ лицо говорящаго свои глаза съ большими черными, мертвыми зрачками.

Меиръ положилъ руку ему на голову.

— Ты былъ вчера въ хедерѣ? — спросилъ онъ.

Мальчикъ сталъ дрожать еще сильнѣе, но отвѣтилъ охрипшимъ голосомъ:

— Ага!

Это былъ утвердительный отвѣтъ.

— И тебя тамъ опять били?

Слезы наполнили мертвые глаза ребенка, все время устремленные на лицо высокаго молодого человѣка.

— Били! — сказалъ онъ.

Грудь его затряслась отъ рыданій подъ сжимавшими ее спрятанными въ рукава руками.

— А ты завтракалъ?

Ребенокъ отрицательно закачалъ головой.

Меиръ взялъ съ ближайшаго убогаго ларя большую халу (булку), бросилъ за нее торговкѣ мѣдную монету и далъ ее ребенку. Лейбеле схватилъ халу обѣими руками и началъ жадно поѣдать ее; въ ту же минуту изъ хатки выскочилъ высокій, худой, гибкій человѣкъ съ густой черной растительностью, съ блѣднымъ изнуреннымъ лицомъ и бросился къ Меиру. Сначала онъ схватилъ его руку и поднесъ къ своимъ губамъ, а потомъ сталъ дѣлать ему упреки.

— Морейне, — вскричалъ онъ, — зачѣмъ ты далъ ему халу? Ты долженъ отвратить отъ него лицо свое! Это такое глупое, скверное дитя: учиться не хочетъ и срамитъ меня! Меламедъ — дай Богъ ему прожить сто лѣтъ — всячески старается просвѣтить его голову; но это такая голова, что ничего не понимаетъ! Меламедъ бьетъ его, и я его бью, чтобы наука лѣзла ему въ голову, — а что это помогаетъ? Совсѣмъ не помогаетъ! Онъ алейдыкъ гейеръ (лѣнтяй), оселъ, негодяй!

Меиръ смотрѣлъ на мальчика, продолжавшаго пожирать булку.

— Шмуль, — сказалъ онъ, — онъ не лѣнтяй и не оселъ, онъ боленъ!

Шмуль съ презрѣніемъ махнулъ рукой.

— Чѣмъ онъ тамъ боленъ? — вскрикнулъ онъ. — Онъ тогда началъ болѣть, когда его погнали къ ученью. Прежде онъ былъ здоровый, веселый и умный! Ахъ! Какое это было красивое и умное дитя! Развѣ я могъ ожидать такого несчастья! Что съ нимъ теперь сдѣлалось!

Меиръ все время гладилъ рукой растрепанные волосы блѣднаго ребенка съ тупымъ, идіотскимъ взглядомъ.

Высокій и тонкій Шмуль снова наклонился и поцѣловалъ его руку.

— Морейне, — сказалъ онъ, — ты очень добрый, если жалѣешь этого глупаго ребенка!

— Зачѣмъ ты, Шмуль, называешь меня Морейне? — началъ Меиръ.

Шмуль быстро прервалъ его:

— Отцы отцовъ твоихъ были Морейнами; твой дѣдъ и твой дядя всѣ Морейне, и ты, Меиръ, скоро будешь Морейне.

Меиръ покачалъ головой съ особенной усмѣшкой.

— Я, Шмуль, никогда не буду Морейне, — сказалъ онъ, — мнѣ не сдѣлаютъ этой чести и я... не хочу ея!

Шмуль остановился и подумалъ съ минуту.

— Я слышалъ! Ты, Меиръ, не живешь въ согласіи съ нашимъ великимъ раввиномъ и съ кагальными!

Меиръ оглянулся кругомъ, какъ будто желая обнять своимъ взглядомъ ту нищету, образы которой окружали его.

— Какіе вы бѣдные!—проговорилъ онъ, не дожидаясь Шмулю непосредственнаго отвѣта.

Эти слова задѣли очень чувствительную струну въ сердцѣ Шмуля; руки его затряслись и глаза заискрились.

— Ахъ, какіе мы бѣдные,—началъ онъ,—но самый бѣдный изъ тѣхъ, кто живетъ на этой уличкѣ, это хаетъ Шмуль! Нужно содержать старую, слѣпую мать и жену, и восемь человѣкъ дѣтей. А чѣмъ я буду ихъ содержать? У меня нѣтъ никакого имущества, кромѣ этихъ двухъ рукъ, которыя шьютъ день и ночь, если есть что шить...

Говоря это, онъ вытянулъ и показалъ Меиру свои руки, истинныя руки бѣдняка: темныя, грязныя, худыя, исколотыя иглой, покрытыя рубцами отъ ножницъ и въ эту минуту дрожащія отъ горести.

— Морейне,—говорилъ онъ все тише и все ближе наклоняясь къ своему слушателю,—намъ тяжело жить, очень тяжело... все у насъ дорого стоитъ, а сколько намъ нужно платить, гвалтъ! Царскіе чиновники берутъ съ насъ подати; за кошерное мясо мы платимъ коробочный сборъ; и за тѣ свѣчи, что мы жжемъ въ шабасъ, платимъ налогъ; и погребаль-

ному братству платимъ; и на кагальныхъ чиновниковъ платимъ; и — на что мы не платимъ? Ой вей! Изъ этихъ нашихъ бѣдныхъ домишекъ текутъ рѣки денегъ... а откуда мы ихъ беремъ? Изъ пота нашего мы ихъ беремъ, изъ крови нашей, изъ внутренностей дѣтей нашихъ, которыя высыхаютъ отъ голоду! Ты недавно спрашивалъ меня, Морейне, отчего моя жена такая худая и старая, и глядитъ куды старше своихъ лѣтъ, и отчего мои дѣти постоянно болѣютъ? Морейне! Кошерное мясо у насъ очень дорого, и мы никогда не ѣдимъ его... ѣдимъ хлѣбъ съ лукомъ и пьемъ козье молоко... на шабасъ у насъ только тогда была рыба, когда ты, Морейне, зашелъ къ намъ и далъ намъ серебряную монету! Мы бѣдны... мы всѣ очень бѣдны на этой улицѣ; но самый бѣдный изъ всѣхъ хаетъ Шмуль со своей слѣпой матерью, со своей худой женою и со своими восемью дѣтьми...

Хаетъ Шмуль жалобно трясъ головой и смотрѣлъ въ лицо Меира своими черными глазами, въ которыхъ выражалось какъ бы изумленіе передъ своей собственной нищетой. Меиръ, по прежнему держа свою руку на головѣ блѣднаго ребенка, догрызавшаго свою булку, внимательно слушалъ рѣчь бѣдняка. Губы его выражали состраданіе, но его сдвинутыя брови и опущенные глаза придавали его лицу выраженіе полной гнѣва задумчивости.

— Шмуль,—сказалъ онъ тихо,—а почему у тебя такъ часто нѣтъ работы?

Шмуль видимо смѣшался и, поднявъ руки къ головѣ, сдвинулъ на бокъ ермолку, покрывающую его черные спутанные волосы.

— Я тебѣ скажу,—тихо продолжалъ Меиръ,—у тебя оттого нѣтъ работы, что ты отрѣзываешь и бе-

решь себѣ большіе куски отъ тѣхъ матерій, изъ которыхъ тебѣ заказываютъ платья...

Шмуль обѣими руками схватился за ермолку.

— Ой, бѣдная моя голова!—застоналъ онъ.—Морейне! Что ты мнѣ сказалъ; губы твои обвиняютъ меня въ очень гадкомъ поступкѣ!

Онъ подскочилъ, потомъ наклонился къ землѣ, снова подскочилъ и воскликнулъ:

— Ну, правда! Морейне! Я открою передъ тобой мое сердце! Я отрѣзывалъ куски матеріи и бралъ себѣ... а почему я это дѣлалъ? Потому что мои дѣти были голы! Я прикрывалъ ихъ наготу, и когда моя слѣпая мать лежала больная, я продалъ эти куски матерій и купилъ для нея кусокъ мяса... Морейне! Пусть твои глаза не смотрятъ на меня съ гнѣвомъ! Если бы я былъ такъ богатъ, какъ ребъ Янкель или Морейне Кальманъ, если бы у меня было столько денегъ, сколько они берутъ отъ трудовъ нашихъ рукъ и отъ пота нашего лица, — я не кралъ бы!

— А зачѣмъ ребъ Янкель и Морейне Кальманъ берутъ себѣ ваши деньги?—задумчиво началъ Меиръ и хотѣлъ говорить дальше, но Шмуль выпрямился и быстро перебилъ его:

— Ну, они имѣютъ право! Они старшіе надъ нами! Что они сдѣлаютъ, то свято! Кто ихъ слушается, тотъ слушается какъ бы самого Бога!

Меиръ печально усмѣхнулся и всунулъ руку въ карманъ. Когда Шмуль увидѣлъ это движеніе, глаза его вдругъ заискрились. Въ нихъ заблестѣла жадность.

Меиръ положилъ на открытое окно низкой хатки двѣ серебряныя монеты; Шмуль бросился къ нему и сталъ цѣловать его руку.

— Ты добрый, Морейне! Ты всегда помогаешь всѣмъ бѣднымъ людямъ! Ты жалѣешь моего бѣднаго ребенка!

Когда порывъ благодарности немного утихъ, онъ выпрямился и началъ шептать на ухо:

— Морейне! Ты добрый человѣкъ и внукъ большого богача, а я бѣдный глупый хаетъ! Но ты какъ медъ на моихъ устахъ, и я долженъ открыть передъ тобой все мое сердце. Ты плохо дѣлаешь, что не живешь въ согласіи съ нашимъ великимъ раввиномъ и съ кагальными! Нашъ раввинъ—это такой великій раввинъ, что другого такого нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ! Ему Богъ открылъ великія тайны; онъ даже Каббалу Массьянтъ понимаетъ. За нимъ всѣ птицы летаютъ, когда онъ позоветъ ихъ, и онъ всѣ болѣзни умѣетъ лечить, и всѣ сердца людскія открываются передъ нимъ! Каждое его дыханіе свято; а когда онъ молится, то душа его цѣлуется съ самимъ Богомъ! А ты, Морейне, отвратилъ отъ себя сердце его!

Бѣднякъ Шмуль говорилъ все это съ величайшей важностью и торжественнымъ жестомъ поднималъ къ небу свой исколотый иглой и почернѣвшій палецъ.

— А кагальные,—продолжалъ онъ,—это очень набожные люди и большіе богачи. Ихъ также надо уважать и слушаться, и если они даже дѣлаютъ что-нибудь дурное, нужно закрывать глаза. Они могутъ обвинить тебя и передъ Богомъ и передъ людьми. Богъ разгнѣвается, когда услышитъ ихъ обвиненіе, и пошлетъ на тебя кару; а люди скажутъ, что ты дерзкій человѣкъ и отвратятъ отъ тебя лицо.

Трудно было бы сказать, какое впечатлѣніе производили на Меира почтительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественныя угрозы Шмуля. Онъ попреж-

нему держалъ руку на головѣ маленькаго Лейбеле и такъ всматривался въ его лицо съ красивыми чертами и огромными черными глазами, словно видѣлъ въ этомъ блѣдномъ, болѣзненномъ, забитомъ и дрожащемъ ребенкѣ воплощеніе той многочисленной толпы израильскаго народа, которую грызли нищета и болѣзни, но которая вѣрила и чтила слѣпо, покорно, боязливо, неутомимо.

Потомъ онъ ласково кивнулъ головой и ушелъ. Шмуль бѣжалъ за нимъ еще нѣсколько шаговъ.

— Морейне,—стоналъ онъ,—не сердись на меня за то, что я открылъ передъ тобой мое сердце! Будь мудрымъ. Пусть ученые и богачи не жалуются на тебя Богу, потому что лучше человѣку лежать подъ землей, чѣмъ быть тѣмъ, на голову котораго они наложатъ свою руку!

Потомъ онъ вернулся и вошелъ въ свою мазанку; онъ не замѣтилъ, что Лейбеле уже не стоитъ у стѣны дома. Какъ только Меиръ ушелъ, блѣдный ребенокъ отдѣлился отъ стѣны и пошелъ за нимъ. Попрежнему пряча руки въ рукава своей жалкой одежды и раскрывъ ротъ, сынъ бѣдняка шагъ за шагомъ шелъ черезъ всю улицу за красивымъ высокимъ молодымъ человѣкомъ, погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Въ концѣ улицы ребенокъ остановился, какъ бы боясь идти дальше, и проговорилъ горловымъ охрипшимъ голосомъ:

— Морейне!

Меиръ оглянулся. Ласковая улыбка освѣтила его лицо, когда онъ увидѣлъ ребенка, который такъ далеко провожалъ его.

Мальчикъ поднялъ черные мертвые глаза къ лицу Меира и высунулъ къ нему изъ сѣраго рукава свою маленькую худую руку.

— Халы!—проговорилъ Лейбеле.

Меиръ началъ искать рундука. Вдоль улицы стояло много убогихъ рундуковъ, возлѣ которыхъ худыя женщины, одѣтыя въ какое-то тряпье, продавали твердыя, какъ камень, булки, мелкія головки луку и какія-то черныя и отвратительныя издѣлія изъ меду и маку.

Изъ бѣлой руки Меира въ черныя, худыя дѣтскія руки опять перешла большая плетеная хала. Лейбеле схватилъ ее, поднесъ ко рту обѣими руками и, повернувшись пошелъ домой, медленно, прямо и важно, идя серединой улицы.

Вскорѣ Меиръ очутился на центральной площади мѣстечка. Ему показалось, что онъ вышелъ изъ пропасти на дневной свѣтъ. Солнечный свѣтъ заливалъ круглую площадь, осушалъ вилнѣющіяся тамъ и сямъ лужи и зажигалъ золотыя искры въ окнахъ домовъ, окружавшихъ базаръ. На дворѣ благочестиваго ребъ Янкеля строилось какое-то новое большое зданіе; рыжій хозяинъ самъ наблюдалъ за рабочими, очевидно радуясь этому увеличенію своего имущества; стукъ топоровъ и скрипъ пилъ наполняли жизнью все пространство кругомъ невысокаго дома, передъ сводчатыми сѣнями котораго стояли двѣ повозки пріѣзжихъ гостей. Нѣсколько дальше, на крыльцѣ своего дома, стоялъ, блистая атласомъ, Морейне Кальманъ; одной рукой онъ подносилъ къ своимъ улыбающимся губамъ сигару, а другой ласкалъ золотистые волосы сидящаго подлѣ него на скамьѣ двухлѣтняго ребенка, который держалъ въ рукахъ обильно намазаный медомъ кусокъ хлѣба и вымазывалъ имъ свое пухлое лицо, улыбающееся величественному отцу.

На дворѣ Эзофовичей было также свѣтло, шумно и весело. Посреди двора два плечистыхъ дровосѣка

пилили дрова, заготовляемыя на зиму; въ мягкихъ деревянныхъ опилкахъ играло нѣсколько чисто одѣтыхъ дѣтей; они украшали свои головы вѣнками изъ стружекъ; возлѣ колодца красивая и веселая служанка брала воду, громко переговариваясь съ дровосѣками; черезъ открытыя окна виднѣлись серьезныя лица Рафаила и Авраама, которые съ большимъ оживленіемъ разговаривали о дѣлахъ, фигура Сары, стоящей у ярко пылающей печи, и красивая Лія, которая заплетала передъ маленькимъ зеркальцемъ свои огромныя косы.

Когда Меиръ вошелъ въ ворота, дровосѣки прервали свою работу, улыбнулись и дружелюбно кивнули ему головами. Они жили на той самой бѣдной и грязной улицѣ, съ которой онъ только что пришелъ, и, очевидно, хорошо знали его.

— Гутъ моргенъ!—сказали они.

— Гутъ йоеръ (добраго года),—весело отвѣтилъ имъ Меиръ.

— Не поможешь ли намъ сегодня въ нашей работѣ?—спросилъ шутливо одинъ изъ работниковъ.

— Отчего же нѣтъ,—отвѣтилъ Меиръ и подошелъ къ работавшимъ. Было видно, что физическій трудъ былъ любимымъ и частымъ занятіемъ Меира и что работники дѣда привыкли къ тому, что онъ дѣлилъ работу съ ними. Одинъ изъ нихъ уже уступилъ было ему свое мѣсто возлѣ деревянной колоды, какъ вдругъ черезъ открытое окно высунулась Лія и, кончивъ заплетать свою черную косу, закричала:

— Меиръ, Меиръ! Гдѣ ты такъ долго былъ? Зейде давно уже звалъ тебя.

Послѣ визита раввина прошло не болѣе четверти часа; Саулъ все еще сидѣлъ, закрывъ лицо руками

въ полупечальномъ, полу-сердитомъ раздумьѣ; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, у окна, выходившаго на площадь, сидѣла старая Фрейда, вся залитая свѣтомъ солнца и блескомъ алмазовъ.

Въ старой, но еще крѣпкой груди Саула происходилъ весьма любопытный духовный процессъ. Въ глубинѣ души онъ не любилъ Исаака Тодроса. Не понимая хорошенько всей глубины смысла дѣятельности и положенія своего предка Михаила и своего отца Герша, онъ, однако, зналъ, что они пользовались широкимъ вліяніемъ среди „своихъ“ и общимъ уваженіемъ значительныхъ, хотя и „чужихъ“ людей; поэтому онъ гордился обоими этими родовыми воспоминаніями, а смутныя свѣдѣнія о тѣхъ обидахъ, которыя наносили этимъ звѣздамъ его рода предки Исаака Тодроса, пробуждали въ немъ глухую неопредѣленную вражду къ этому фанатику. Кромѣ того, будучи самъ богатъ и очень гордясь своимъ богатствомъ, онъ чувствовалъ тайное отвращеніе къ бѣдности или, какъ онъ выражался въ глубинѣ души, неряшеству Тодросовъ. Все это, однако, было ничтожно по сравненію съ благоговѣніемъ передъ святой, мудрой и глубокой наукой, главнымъ представителемъ которой былъ великій раввинъ. Самъ онъ съ жадной набожностью занимался чтеніемъ святыхъ книгъ; но умъ его, долгіе годы занимавшійся совершенно иными вопросами, не привыкъ къ этимъ книгамъ. Онъ читалъ ихъ, но очень мало понималъ ихъ запутанный и тайный смыслъ; и чѣмъ меньше онъ понималъ, тѣмъ больше благоговѣлъ и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ ужасъ и смиреніе. Теперь этотъ ужасъ и смиреніе столкнулись съ истиной, даже трогательной любовью къ сиротѣ внуку и вели борьбу съ ней.

— Что изъ этого выйдетъ? Развѣ ему будетъ отъ этого какая-нибудь польза? — думалъ старый Саулъ и гнѣвнымъ взглядомъ встрѣтилъ входящаго внука.

Меиръ вошелъ въ гостиную несмѣлымъ шагомъ. Онъ зналъ о посѣщеніи раввина и догадывался о его цѣли: онъ боялся гнѣва стараго дѣдушки и еще болѣе боялся огорчить его.

— Ну,—отозвался старикъ, — иди сюда, ближе! Я разскажу тебѣ что-то хорошее, что доставитъ тебѣ большую радость!

Когда Меиръ остановился въ двухъ шагахъ отъ него, онъ вперилъ въ него свои глаза изъ-подъ сдвинутыхъ бровей и сказалъ:

— Я тебя обручаю, и черезъ два мѣсяца ты долженъ жениться!

Меиръ поблѣднѣлъ, но молчалъ.

— Я обручу тебя съ дочерью Янкеля Каміонкера!

Послѣ этихъ словъ царило довольно продолжительное молчаніе. Меиръ первый прервалъ его.

— Зейде, — сказалъ онъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ,—я дочери Каміонкера не возьму себѣ въ жены!

— Почему?—сдерживая гнѣвъ, спросилъ Саулъ.

— Потому, зейде,—становясь все смѣлѣе, отвѣтилъ молодой человѣкъ,—что Каміонкеръ злой и несправедливый человѣкъ, и я не хочу входить съ нимъ ни въ какое родство!

Саулъ вспылилъ и сталъ бранить внука за дерзость его сужденій и хвалить благочестіе ребъ Янкеля.

— Зейде,—прервалъ Меиръ,—онъ обижаетъ бѣдныхъ людей!

— А тебѣ какое дѣло до этого? — крикнулъ дѣдъ.

Глаза молодого человѣка гнѣвно заблестѣли.

— Зейде,—воскликнулъ онъ,—онъ забираетъ въ свои карманы много пота и труда тѣхъ несчастныхъ, которые живутъ тамъ, на концѣ мѣстечка, они изъ за него дѣлаются мошенниками, потому что у нихъ голыя дѣти, а ребъ Янкель зато строитъ себѣ новые дома! Его шинкари спаиваютъ и обманываютъ мужиковъ, а водки онъ гонитъ больше, чѣмъ дозволено... Зейде! Ты смотри не на то, какъ онъ молится, а на то, какъ онъ поступаетъ, потому что написано: „Не нужны мнѣ ни молитвы, ни жертвы ваши! Кто притѣсняетъ бѣднаго, тотъ оскорбляетъ Творца!“

Саулъ былъ сильно разсержекъ, но цитата внука нѣсколько смягчила его, потому что онъ горячо желалъ видѣть Меира ученымъ и начитаннымъ въ святыхъ книгахъ.

— Ну,—заворчалъ онъ сердито, но безъ особой горячности,—что изъ того, что ребъ Янкель поитъ мужиковъ и гонитъ водки больше, чѣмъ дозволено! Ты еще не знаешь, что такое дѣла и какъ они дѣлаются. Когда ты женишься на дочери ребъ Янкеля и онъ введетъ тебя въ свои дѣла, то и ты такъ же будешь гнать и продавать водку.

— Зейде,—быстро возразилъ Меиръ,—я не буду ни гнать, ни продавать водки! У меня къ этому нѣтъ никакой охоты!

— А къ чему у тебя есть охота? У тебя ни къ чему нѣтъ охоты...

Старый Саулъ еще не кончилъ своей фразы, какъ Меиръ вдругъ наклонился къ землѣ, обнялъ его колѣни и, прижимаясь къ нимъ губами, началъ говорить:

— Зейде, пусти меня отсюда! Позволь мнѣ идти въ широкій свѣтъ! Я пойду учиться! Я учиться хочу, а здѣсь моимъ глазамъ темно! Я тебя уже давно, два года тому назадъ, просилъ объ этомъ, но ты разсердился на меня и велѣлъ остаться! Я остался, зейде, потому что я тебя уважаю и твои приказанія для меня святы. Но теперь, зейде, пусти меня! Если я пойду въ свѣтъ съ твоего позволенія и съ твоимъ благословеніемъ, я сдѣлаюсь ученымъ, вернусь сюда и тогда возстану противъ великаго раввина и буду знать, какъ показать ему, что онъ малъ... Теперь...

Саулъ не далъ ему говорить дальше.

— Шаа!—воскликнулъ онъ.

Самая мысль о томъ, что внукъ его можетъ вступить въ борьбу съ великимъ раввиномъ, наполнила его тревогой.

Но Меиръ выпрямился и съ пылающимъ лицомъ и слезами въ глазахъ продолжалъ:

— Зейде, вспомни исторію рабби Елеазара. Когда онъ былъ молодъ, отецъ не хотѣлъ пустить его въ свѣтъ; онъ пахалъ землю и смотрѣлъ на темные лѣса, которые заслоняли отъ него міръ: и тоска и любопытство такъ же грызли его сердце, какъ теперь грызутъ мое... Онъ не вынесъ этой муки и бѣжалъ... Онъ бѣжалъ въ Іерусалимъ. А когда онъ пріѣхалъ туда черезъ нѣсколько лѣтъ, то пошелъ къ мудрецу, который тогда славился на весь свѣтъ, и сказалъ ему: „Я буду твоимъ ученикомъ, а ты будь моимъ учителемъ!“ Какъ онъ сказалъ, такъ и сталось. А когда еще черезъ нѣсколько лѣтъ отецъ его, котораго звали Гирканосъ, пріѣхалъ въ Іерусалимъ, онъ увидѣлъ тамъ красиваго человѣка, который на большой площади съ возвышенія гово-

рилъ народу очень мудрыя рѣчи, а народъ слушалъ его, и душа его таяла, какъ медъ, отъ великаго восторга, и всѣ низко преклоняли головы передъ молодымъ человѣкомъ и восклицали: „Вотъ нашъ учитель!“ Гирканосъ сильно дивился мудрымъ словамъ того, кто стоялъ на возвышеніи, и той любви, которую питалъ къ нему весь народъ. И спросилъ онъ стоящаго возлѣ него человѣка: „Какъ зовутъ этого молодого человѣка, который стоитъ на возвышеніи, и гдѣ живетъ отецъ его? Я хочу пойти и поклониться тому, кто породилъ такого сына. А человѣкъ, котораго онъ такъ спросилъ, отвѣтилъ: „Имя этого человѣка Елеазаръ, звѣзда надъ головой Израиля, а отецъ его зовется Гирканосъ“. Когда Гирканосъ услышалъ это, онъ закричалъ громкимъ голосомъ, подбѣжалъ къ молодому человѣку и открылъ передъ нимъ свои объятія. И была тогда великая радость въ сердцахъ отца и сына, а народъ поклонился Гирканосу за то, что онъ породилъ такого сына...

Саулъ внимательно слушалъ этотъ разсказъ, и лицо его наполовину прояснилось. Ему были дороги отцовскія преданія, и онъ любилъ слушать ихъ изъ устъ самаго любимаго изъ внуковъ; однако, онъ ни секунды не колебался съ отвѣтомъ. Онъ немного прищурилъ глаза, покивалъ головой и сказалъ:

— Если бы въ Іерусалимѣ училъ теперь какой-нибудь великій израильскій мудрецъ, я бы самъ безъ твоей просьбы послалъ тебя къ нему въ науку. Но на Іерусалимъ легла мстительная десница Божія, онъ уже не нашъ... Когда-нибудь онъ снова будетъ нашъ... когда придетъ великій день Мессіи; но теперь Израилю тамъ только умирать хорошо и сладко, а учиться негдѣ и не у кого. А въ чужой міръ, за

чужой наукой я тебя не пошлю... она не нужна еврею. Ты уже научился отъ эдомита столько, сколько нужно, чтобы вести дѣла среди чужихъ. Да и за это, я уже получилъ выговоръ великаго раввина... А для меня его выговоръ большой стыдъ и большая непріятность... потому что, хотя это мудрый и великій раввинъ, но моя душа страдаетъ, когда онъ приходитъ въ мой домъ бранить меня, какъ меламедъ бранитъ малыхъ дѣтей въ хедерѣ...

Говоря это, старикъ нахмурился и мрачно уставился въ землю. Меиръ стоялъ передъ нимъ, какъ окаменѣлый, и только въ его глазахъ, устремленныхъ въ пространство, отражалась цѣлая бездна печали и протеста.

— Зейде, отозвался онъ наконецъ полу-просительнымъ, полу-настойчивымъ голосомъ,—тогда позволь мнѣ быть ремесленникомъ! Я буду жить на одной улицѣ съ бѣдными людьми, вмѣстѣ съ ними работать своими руками и охранять ихъ душу отъ грѣха. А когда они спросятъ меня о чемъ-нибудь, я всегда отвѣчу имъ: такъ или нѣтъ! Когда у нихъ не хватитъ хлѣба, я раздѣлю съ ними весь тотъ хлѣбъ, который будетъ въ моемъ домѣ!

Лицо его опять разгорѣлось, и слезы блеснули на рѣсницахъ. Но Саулъ поднялъ на него остолбенѣвшій отъ изумленія взглядъ и только немного погодя могъ отвѣтить:

— Когда ты будешь на два или на три года старше, чѣмъ теперь, ты поймешь, какъ ты былъ глупъ, когда говорилъ мнѣ такія вещи. Въ родѣ Эзофовичей никогда не было ни одного ремесленника и, благодареніе Богу, никогда не будетъ. Мы купцы изъ рода въ родъ и денегъ у насъ достаточно, а изъ поколѣнія въ поколѣніе становится

все больше. И ты будешь купцомъ, потому что каждый Эзофовичъ долженъ быть купцомъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ рѣшительнымъ голосомъ; черезъ минуту онъ нѣсколько ласковѣе продолжалъ:

— Я хочу оказать тебѣ милость... Если ты не хочешь жениться на дочери ребъ Янкеля, то я тебѣ уже позволю не жениться на ней... Но я обручу тебя съ дочерью Эли Витебскаго, крупнаго куща. Ты скучаешь по наукамъ, ну, вотъ я тебѣ и дамъ образованную жену... Ее родители отдали въ пансіонъ въ Вильно... она умѣетъ говорить по французски, играть на фортепьяно... Ну, если ты такой капризный, то эта дѣвушка будетъ какъ разъ для тебя... Ей шестнадцать лѣтъ. Отецъ дастъ за ней большое приданое и сейчасъ же введетъ тебя въ свои дѣла...

По выраженію лица Меира было видно, что внутри его все кипѣло.

— Я не знаю дочери Витебскаго! Глаза мои никогда не видѣли ея,—проговорилъ онъ угрюмо.

— А зачѣмъ тебѣ ее знать?—крикнулъ Саулъ.— Я даю тебѣ ее! Черезъ мѣсяцъ она вернется изъ Вильно къ родителямъ, и ты женишься на ней черезъ два мѣсяца! Вотъ, что я тебѣ говорю, а ты молчи и повинуйся моимъ приказаніямъ. Я тебѣ до сихъ поръ слишкомъ много позволялъ, но теперь я буду обходиться съ тобой иначе. Исаакъ Тодросъ сказалъ, чтобы я поставилъ ногу на твою спину...

Румянецъ вспыхнулъ на блѣдномъ лицѣ Меира. Глаза его заметали искры.

— Пусть Равви Исаакъ самъ ставитъ свои ноги на спины тѣхъ, кто, какъ псы, лижетъ его ноги!—

вскричалъ онъ.—Я такой же еврей, какъ и онъ... Я не рабъ чей нибудь... я...

Слова замерли на его дрожащихъ губахъ, потому что старый Саулъ всталъ передъ нимъ, выпрямившійся, сильный, весь пылающій гнѣвомъ, и поднималъ на него руку. Но въ ту же секунду между этой старой, сухой, но сильной еще рукой и взволнованнымъ и горячимъ лицомъ молодого человѣка появилась маленькая ручка, высохшая отъ старости, сморщенная и дрожащая, и раздѣлила ихъ. Это была рука Фрейды, которая присутствовала при всемъ разговорѣ дѣда и внука и, казалось, ни къ чему не прислушиваясь, дремала на солнцѣ; но когда въ комнатѣ раздался страстный крикъ Меира, а Саулъ всталъ разгнѣванный и грозный, она также встала, молча выпрямилась, прошла два шага и своей бѣдной, старой рукой, какъ щитомъ, заслонила правнука... Рука Саула опустилась... Нѣсколько менѣе суровымъ голосомъ крикнулъ онъ Меиру одно только слово:—вегъ!—сѣлъ на скамью и тяжело вздохнулъ.

Прабабка снова сѣла у открытаго окна, вся освѣщенная солнцемъ; Меиръ оставилъ комнату.

Онъ вышелъ съ опущенной головой и мрачнымъ лицомъ. Въ эту минуту онъ ясно чувствовалъ свою безпомощность передъ всѣми, кто превосходилъ его возрастомъ, значеньемъ и властью; онъ почувствовалъ на себѣ тяжкія цѣпи патріархальнаго строя семьи. Только при воспоминаніи объ этой маленькой, высохшей, дрожащей женской рукѣ, которая защитила его отъ грубаго насилія, улыбка грустнаго умиленія промелькнула по его губамъ. Это была также улыбка надежды.

— Если бы я могъ достать это писаніе!—сказалъ онъ себѣ, проводя рукой по лбу.

Онъ думалъ о писаніи Михаила Сеніора, о томъ, что одна только старая прабабка знала, гдѣ его можно искать, и о томъ, что если бы оно было у него, то онъ, можетъ быть, зналъ бы, что дѣлать и какъ говорить...

Между тѣмъ Саулъ долго сидѣлъ на скамьѣ, сопя отъ утомленія и вздыхая отъ огорченія. Раза два онъ взглянулъ на мать и улыбнулся. Ему казалось страннымъ, что его вѣчно дремлющая и молчащая столѣтняя мать встала на защиту своего правнука, а, можетъ быть, въ глубинѣ души онъ былъ и благодаренъ ей за то, что она не позволила ему въ пылу гнѣва обидѣть внука-сироту.

— Рафаилъ! — громко закричалъ онъ немного погодя.

Въ комнату вошелъ самый старшій изъ его сыновей, степенный, сѣдѣющій, черноглазый мужчина. Послѣ Саула онъ былъ старшимъ въ родѣ; у него были уже взрослые внуки, его торговыя дѣла широкой сѣтью раскинулись по странѣ; однако, услышавъ зовъ отца, онъ сейчасъ же бросилъ свои счетныя книги, прервалъ оживленный разговоръ съ братомъ и подошелъ къ отцу.

— Дома ли Эли Витебскій?—спросилъ Саулъ.

— Онъ вчера вернулся изъ далекаго путешествія, а теперь отдыхаетъ у себя дома,—отвѣтилъ сынъ.

— Пусть кто-нибудь сейчасъ пойдетъ къ нему и скажетъ, что я хочу, чтобы онъ пришелъ сюда поговорить со мной о важномъ дѣлѣ.

— Я самъ пойду,—сказалъ Рафаилъ,—я знаю, о чемъ ты, отецъ, хочешь разговаривать съ Витебскимъ. Это хорошее дѣло, и нужно какъ можно скорѣе устроить его. Съ Меиромъ будетъ плохо, если онъ скоро не женится и не начнетъ вести дѣла.

Глаза Саула съ тревогой устремились на лицо сына.

— Рафаилъ, ты думаешь, что какъ только онъ женится, то сейчасъ же станетъ другимъ?

Рафаилъ утвердительно кивнулъ головой.

— Отецъ,—сказалъ онъ,—вспомни Бера. Онъ былъ на той же дорогѣ, на которой теперь Меиръ, но когда женился на нашей Сарѣ, и ты, отецъ, ввелъ его въ свои дѣла, да когда начали рождаться у него дѣти одно за другимъ, то всѣ глупости повылетѣли у него изъ головы.

— Иди! Позови ко мнѣ Витебскаго, — сказалъ Саулъ.

Черезъ минуту Рафаилъ вышелъ и направился къ дому, который стоялъ на углу двухъ самыхъ видныхъ улицъ, имѣлъ большія окна и высокое крыльцо. На крыльцѣ сидѣла довольно полная женщина, въ шелковомъ платьѣ и мантильѣ, заколотой золотой брошью, съ длинными золотыми кольцами въ ушахъ и со старательно причесаннымъ парикомъ на головѣ. Ей было лѣтъ около сорока, она имѣла свѣжій и румяный видъ, на ея губахъ играла улыбка гордости и довольства, а въ рукахъ ея было какое-то рукодѣліе изъ тонкой шерсти. Когда Рафаилъ входилъ на ступени высокаго крыльца, женщина встала, сдѣлала самый изящный реверансъ, какой только могъ сдѣлать кто-либо въ Шибовѣ, и протянула гостю руку въ знакъ привѣтствія. Ни одна женщина въ Шибовѣ, кромѣ Ганы Витебской, не здоровалась такимъ образомъ съ мужчинами. Это англійское shake-hand, распространенное по всему цивилизованному міру, было, очевидно, не особенно по вкусу степенному Рафаилу, потому что онъ довольно неохотно дотронулся концами пальцевъ до

пухлой руки Ганы и послѣ короткаго взаимнаго привѣтствія спросилъ ее о ея мужѣ.

— Онъ дома!—сказала женщина съ улыбкой какого-то хроническаго довольства и такой же хронической гордости.—А какъ же! Онъ вчера вернулся изъ большого путешествія, а теперь отдыхаетъ у себя дома.

— Я пришелъ поговорить съ нимъ, — сказалъ Рафаилъ.

— Пожалуйста, пожалуйста!—заговорила женщина, съ поспѣшной любезностью отворяя двери, ведущія изъ сѣней въ комнаты.—Мой мужъ будетъ очень радъ такому гостю! Пожалуйста! Пожалуйста!

Рафаилъ весьма сдержанно отвѣчалъ на свѣтскія любезности Ганы, быстро кивнулъ головой, и вошелъ въ домъ. Гана снова усѣлась на крыльцѣ, презрительно прищурила глаза и прошептала сама себѣ:

— Ну! Какіе тутъ люди въ этомъ Шибовѣ! Они съ женщинами и говорить не хотятъ; дикіе, какъ медвѣди!

Она вздохнула, покивала головой и прибавила:

— Развѣ я къ такимъ людямъ привыкла! У насъ въ Вильнѣ люди вѣжливые, воспитанные, не такіе какъ тутъ! Фи!

Она сплюнула, еще разъ вздохнула и, снова принявшись за свою машинальную работу, взглядывала каждый разъ съ улыбкой гордости и довольства на мѣстечко и на копошащихся въ немъ людей. Вскорѣ въ дверяхъ дома появилось двое мужчинъ; разговаривая, они быстро прошли черезъ крыльцо; на Гану они даже не взглянули и направились къ дому Эзофовичей.

Эли Витебскій, идущій теперь черезъ площадь рядомъ съ Рафаиломъ, нисколько не былъ похожъ

на своего спутника. Будучи купцомъ такъ же, какъ и тотъ, онъ представлялъ, однако, по своей наружности совершенно особый типъ купца-еврея: онъ былъ очевидно свѣтскимъ и элегантнымъ человѣкомъ. Его сюртукъ, правда, не совсѣмъ короткій, былъ все-таки на полъ-локтя короче, чѣмъ доходящій до пятокъ сюртукъ Рафаила, и былъ нѣсколько иного покроя. На его атласномъ жилетѣ блестѣла толстая золотая цѣпь, а на пальцѣ—перстень съ большимъ брильянтомъ. Лицо его было ясно, глаза быстры и проницательны; подбородокъ его окаймляла маленькая золотистая бородка, къ которой онъ часто медленнымъ и осторожнымъ жестомъ подносилъ руку, украшенную брильянтомъ.

Онъ шелъ за Рафаиломъ съ поспѣшностью и очевиднымъ удовольствіемъ. Впрочемъ, во всемъ Шибовѣ не было ни одного, даже среди очень богатыхъ купцовъ или домовладѣльцевъ, который не поспѣшилъ бы такимъ же образомъ на зовъ Саула Эзофовича. Саулъ уже десять лѣтъ тому назадъ пересталъ лично вести дѣла и никуда не выходилъ изъ своего дома, кромѣ молельни. Зато къ нему приходили всѣ, кто хотѣлъ почерпнуть что-нибудь изъ сокровищницы обширнаго опыта и не меньшей ловкости стараго купца въ торговыхъ дѣлахъ. Часто случалось, что онъ сидѣлъ въ гостиной на своемъ желтомъ диванѣ съ высокой спинкой; предъ нимъ на столѣ лежала божественная книга, которую ему помѣшали читать, а вокругъ него сидѣли взрослые мужи, слывущіе во всей общинѣ за богачей и ученыхъ и все-жъ пришедшіе къ нему за совѣтомъ, помощью, а иногда даже и за разрѣшеніемъ спорныхъ дѣлъ. Старый Саулъ давалъ совѣты; подавалъ помощь, насколько могъ это сдѣлать, не обижая

своихъ дѣтей; разрѣшалъ и мирилъ, и его морщинистый лобъ сіялъ гордостью. А когда ему самому нужно было поговорить о собственныхъ дѣлахъ съ сановниками общины и онъ звалъ ихъ черезъ своихъ сыновей или внуковъ, они охотно спѣшили къ нему. Такъ же спѣшилъ на зовъ стараго патріарха общины элегантный и богатый Эли Витебскій. Онъ вошелъ сіяющій и улыбающійся въ гостиную Эзофовичей и привѣтствовалъ хозяина:

— Борухъ габо (покой тебѣ)!

Никого, вить предѣловъ Шибова, онъ уже не привѣтствовалъ такимъ торжественнымъ образомъ; напротивъ, людямъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ, онъ вполнѣ правильно умѣлъ говорить: — гутъ моргенъ, или добраго утра! Но его ненарушимымъ обычаемъ было: во всемъ сообразоваться съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

Рафаилъ хотѣлъ выйти, но отецъ остановилъ его повелительнымъ жестомъ. Они закрыли всѣ двери комнаты и втроемъ долго и тихо разговаривали. Однако, хотя, разговаривая, они понизили голоса, любопытная и смѣлая Лійка, дочь Рафаила, прижавъ свой носикъ къ запертымъ дверямъ, а свой черный глазъ къ замочной скважинѣ, ясно слышала сначала часто повторявшіяся имена Меира и Меры, дочери Витебскихъ, а потомъ свое имя и имя какого-то Леопольда, кузена Ганы, живущаго въ большомъ свѣтѣ. Она отскочила отъ двери, вся вспыхнувъ, отчасти пристыженная, отчасти исполненная тайной радости и потомъ уже только смотрѣла въ окно, чтобы какъ можно скорѣй увидѣть возвращающагося домой двоюроднаго брата.

Уже заходило солнце, когда Витебскій оставилъ домъ Эзофовичей въ самомъ радостномъ настроеніи,

очевидно, сильно, радуясь тому, что уладилъ дѣло, а, можетъ быть, и два дѣла сразу.

Почти въ ту же самую минуту Меиръ вернулся домой. Лійка выбѣжала на встрѣчу брату, въ воротахъ обвила его шею своими руками и зашептала ему на ухо:

— Знаешь, Меиръ, сегодня у насъ происходили важныя событія. Зейде нашъ и мой отецъ долго разговаривали съ Эли Витебскимъ и сговорились насчетъ насъ. Витебскій сговорилъ за тебя свою дочь, а меня зейде и отецъ предназначили для племянника Витебскихъ, который живетъ въ большомъ свѣтѣ и очень образованъ.—Она шептала это, вся сіяя и отъ стыда не смѣя поднять глазъ на брата. Вдругъ она почувствовала, что Меиръ быстрымъ движеніемъ вырвался изъ ея объятій. Когда она подняла глаза, то увидѣла, что Меиръ пошелъ назадъ отъ воротъ дома.

— Меиръ, — окликнула его дѣвушка — куда ты идешь? Развѣ ты не будешь съ нами ужинать?

Меиръ ничего не отвѣтилъ на вопросъ дѣвушки, которая звала его къ семейной трапезѣ. Глубская морщина появилась на его гнѣвномъ лбу. Въ эту минуту онъ понялъ все ничтожество того восклицанія: „Я никому не рабъ!“ которымъ онъ нѣсколько часовъ назадъ возразилъ дѣду. Его будущимъ распоряжались безъ малѣйшаго участія его воли, и онъ зналъ, что какъ прикажутъ с т а р ш і е, такъ все должно и быть... Нѣтъ! Онъ весь вздрагивалъ при мысли, что такъ можетъ быть. Почему? Вѣдь онъ совсѣмъ не зналъ этой Меры, зналъ только, что она училась тѣмъ наукамъ, которыхъ онъ самъ такъ страстно жаждалъ! Медленно идя черезъ мѣстечко и пустыри, отдѣляющіе его отъ Караимскаго

Холма, заложивъ назадъ руки и опустивъ голову, онъ все время упорно, почти машинально, непрерывно думалъ: „Я никому не рабъ!“ Въ немъ кипѣла горесть, и невѣдомо откуда зарождалась жажда свободы,—вѣроятно, изъ того таинственнаго дыханія природы, которое здѣсь на землѣ пробуждаетъ къ жизни благородныя и сильныя души, жаждущія свободы, справедливости и знанія.

* * *

У подножья Караимскаго холма въ хаткѣ, прижавшейся къ его песчаному склону, свѣтилъ маленькій желтый огонекъ. Надъ ней въ вѣтвяхъ рак кидистой вербы сіяли маленькія звѣзды, а дальше на широкихъ поляхъ ложились сѣрыя вечернія тѣни.

Въ хаткѣ, возлѣ низкой стѣны, сидѣлъ на снопѣ измятой соломы сгорбленный старецъ, одѣтый въ безформенную одежду, и дрожащими руками перебиралъ гибкія прутья лозы. Его фигура едва сѣрѣла въ мрачномъ углу, а черты его склоненнаго лица совершенно не были видны въ тѣни.

Поближе къ желтому пламени свѣчи на деревянномъ табуретѣ сидѣла высокая дѣвушка съ худымъ лицомъ и прямымъ станомъ. Въ ея опущенной рукѣ вертѣлось съ тихимъ шелестомъ веретено, а надъ головой возвышалась доска прялки съ прикрѣпленнымъ къ ней большимъ пучкомъ шерсти.

Изъ того угла, въ которомъ сѣрѣла сгорбленная фигура старика, раздавался дрожащій и хриплый голосъ: „Среди пустыни, такой большой, что конца ея нигдѣ не было видно, возвышались двѣ горы, такія высокія, что вершины ихъ скрывались въ облакахъ. Горы эти назывались Хоривъ и Синай“.

Охрипшій голосъ старика замолкъ, а дѣвушка, работавшая, внимательно слушая его, проговорила.

— Зейде, говори дальше!

Но въ эту же самую минуту за открытымъ окномъ раздался тихій мужской голосъ:

— Голда!

Пряха не удивилась и не испугалась этого чужого голоса, который внезапно произнесъ ея имя. Можно было подумать, что она съ минуты на минуту надѣялась услышать этотъ голосъ около себя: она степенно и безъ малѣйшаго содроганія встала и подошла къ окну. Только глаза ея ярко заблистали изъ за черныхъ рѣсницъ, а голосъ ея выражалъ глубокую радость, когда она, подойдя къ окну, тихо произнесла:

— Меиръ! Я знала, что ты сдержишь свое обѣщаніе и придешь.

— Я пришелъ къ тебѣ, Голда, — сказалъ за окномъ тихій мужской голосъ,—потому, что сегодня у меня очень темно передъ глазами, и я хочу посмотрѣть на тебя, чтобы міръ сталъ для меня свѣтлѣе...

— А почему у тебя стало такъ темно передъ глазами?—спросила дѣвушка.

— У меня большая непріятность. Раввинъ Исаакъ пожаловался на меня зейде, и зейде хочетъ меня женить...

Онъ умолкъ и опустилъ глаза. Дѣвушка даже не вздрогнула. Ни малѣйшее движеніе фигуры или лица не выдавало ея волненія; только ея смуглое, загорѣлое лицо стало мгновенно бѣлымъ, какъ листъ бумаги.

— На комъ хочетъ зейде женить тебя? — спросила она, и въ голосѣ ея зазвучали печальныя ноты.

— На Мерѣ, дочери купца Витебскаго.

Она покачала головой.

— Я не знаю ея.

А потомъ вдругъ спросила:

— А ты женишься на ней, Меиръ?

Молодой человѣкъ не отвѣтилъ, но Голда не спрашивала больше. Ея смуглое лицо покрылось румянцемъ, и въ глазахъ засвѣтилось невыразимое счастье. Меиръ устремилъ на ея лицо ласковый, какъ будто сострадательный, глубокій и вмѣстѣ съ тѣмъ огненный взглядъ.

Они оба молчали, а въ тишинѣ, нарушаемой лишь шуршаньемъ вѣтвей, качавшихся надъ крышей, снова захрипѣлъ и задрожалъ голосъ сидѣвшаго подъ стѣной старца:

— „Когда Моисей спускался съ горы Синая, грозы умолкли, молніи погасли, вихри улеглись на землѣ, а весь Израиль всталъ, какъ одинъ человѣкъ, и громкимъ голосомъ воскликнулъ: „Моисей, повтори намъ слова Предвѣчнаго!“

Меиръ съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ старческій голосъ, разсказывающій древнюю исторію Израиля. Голда посмотрѣла на дѣда.

— Онъ всегда такъ разсказываетъ разныя исторіи,—сказаза она,—а я пряду или лежу у его ногъ и слушаю...

— Меиръ,—прибавила она съ торжественностью въ голосѣ и во взглядѣ, — войди въ нашъ домъ и привѣтствуй моего дѣда.

Черезъ минуту скрипнули двери маленькихъ сѣней. Старый Абель поднялъ голову отъ прутьевъ лозы, которые перебирали и сплетали его дрожащія, но прилежныя руки, и, замѣтивъ видиѣвшуюся въ темнотѣ фигуру молодого человѣка, спросилъ:

— Кто тамъ пришелъ?

— Зейде, — сказала Голда, — Меиръ Эзофовичъ, внукъ богатаго Саула, пришелъ въ нашъ домъ, чтобы привѣтствовать тебя...

Услышавъ имя, которое произнесла Голда, старая сгорбленная фигура, сидѣвшая у стѣны, быстро поднялась и, опираясь руками о куль смятой соломы, вытянула желтую, покрытую лохмотьями шею. Желтое пламя свѣчи освѣтило голову, съ которой до самыхъ плечей висѣли длинныя густыя космы золотисто-бѣлыхъ волосъ и облило неровными лучами маленькое сморщенное, едва видное изъ подъ густой растительности, лицо. Голда правду говорила, что волосы ея дѣда стали отъ старости похожи на снѣгъ, а глаза отъ слезъ получили цвѣтъ коралловъ. Теперь изъ-подъ этихъ коралловыхъ, опухшихъ вѣкъ смотрѣли погасшіе глаза, сначала съ неподвижнымъ страхомъ, а потомъ съ внезапнымъ блескомъ возмущенія или ненависти.

— Эзофовичъ!—проговорилъ старикъ, голосъ котораго звучалъ уже не такъ хрипло и не такъ дрожалъ, какъ раньше.--А зачѣмъ ты пришелъ сюда и переступилъ порогъ моего дома, если ты раввинитъ... врагъ... гонитель... а прадѣдъ твой проклялъ моихъ предковъ и обратилъ въ прахъ ихъ святыню? Иди отсюда! Пусть мои старые глаза не отравляются, глядя на тебя!

Говоря послѣднія слова, онъ протянулъ свою дрожащую руку къ дверямъ, въ которыя вошелъ молодой человѣкъ.

Но Меиръ медленно сдѣлалъ шагъ впередъ и, низко склонивъ голову передъ разгнѣваннымъ старцемъ, проговорилъ:

— Покой тебѣ!

Услышавъ этотъ ласковый и глубокій голосъ и произнесенныя имъ слова, которыя выражали благословеніе и просьбу о примиреніи, старикъ умолкъ, тяжело опустился на свое низкое сидѣнье и только послѣ долгаго молчанія началъ говорить жалобнымъ и стонущимъ голосомъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? Ты раввинитъ и правнукъ могущественнаго Сеніора. Твои проклянутъ тебя, когда увидятъ, что ты переступилъ черезъ мой порогъ, потому что я послѣдній караимъ, оставшійся здѣсь, чтобы охранять развалины нашей святыни и прахъ нашихъ отцовъ! Я бѣднякъ, я нищій, я проклятъ твоими, я послѣдній караимъ!

Меиръ слушалъ слова старика въ почтительномъ молчаніи.

— Ребе! — отвѣтилъ онъ немного погодя. — Я низко склоняю передъ тобой голову, потому что нужно, чтобы справедливость воцарилась въ мірѣ и чтобы правнукъ того, кто проклялъ, поклонился правнуку тѣхъ, что были прокляты ...

Абель караимъ, внимательно насторожившись, слушалъ эти слова. Потомъ онъ долго молчалъ, какъ бы стараясь уразумѣть ихъ смыслъ своимъ утомленнымъ умомъ, и наконецъ вполнѣ понялъ ихъ и шепнулъ:

— Покой тебѣ!

Голда стояла, скрестивъ на груди руки и, устремивъ глаза на Меира, глядѣла на него, какъ вѣрующій на свою святыню. Услыша слова, произнесенныя дѣдомъ, она подвинула Меиру одинъ изъ табуретовъ, находящихся въ хатѣ, взяла изъ угла избы маленькій блестящій кувшинъ и вышла въ сѣни.

Меиръ сѣлъ поодаль отъ старца, который снова погрузился въ свою работу и снова началъ шептать.

Мало-по-малу этотъ шопотъ становился все громче и превратился въ разсказъ, произносимый хриплымъ и дрожащимъ голосомъ. Очевидно, такіе разсказы были старой привычкой Абеля. Его память была полна ими, и ими онъ украшалъ свою убогую жизнь.

Меиръ не разслышалъ первыхъ словъ, произнесенныхъ шопотомъ, и только тогда уловилъ нить его рѣчи, когда старикъ началъ громче:

„На берегахъ Вавилонскихъ сидѣли они и плакали, а вѣтеръ стоналъ въ ихъ лютняхъ, которыя они принесли съ своей отчизны и въ печали повѣсили на деревьяхъ.

„И пришли къ нимъ господа ихъ и сказали: „Возьмите въ руки эти лютни ваши, играйте и пойте!“ А они отвѣтили: „Какъ же мы будемъ играть и пѣть на землѣ изгнанія, если языкъ нашъ изсохъ отъ великаго горя, а сердца наши могутъ восклицать только „Ханаанъ, Ханаанъ!“ Но господа ихъ сказали имъ: „Снимите съ деревьевъ лютни ваши; играйте и пойте!“

„Тогда пророки Израиля посмотрѣли другъ на друга и спросили: „Кто изъ насъ увѣренъ, что вытерпитъ муки, но не будетъ играть и пѣть на землѣ изгнанія?“

„А когда на другой день пришли къ нимъ господа ихъ и сказали: „Снимите лютни съ деревьевъ, играйте и пойте!“ Пророки Израиля поднесли имъ свои кровавыя руки и вскричали: „Какъ же мы можемъ снять ихъ, когда руки наши разрѣзаны на двое и нѣтъ на нихъ пальцевъ!“

„Рѣки Вавилона громко шумѣли отъ великаго удивленія, а вѣтеръ плакалъ въ лютняхъ, висящихъ на деревьяхъ, потому что пророки Израиля разрѣзали себѣ ладони на двое, чтобы никто уже ни-

когда не могъ заставить ихъ пѣть на землѣ изгнанія!“

Когда Абель проговорилъ послѣднія слова старой легенды, въ избу вошла Голда. Въ одной рукѣ она несла на плетеной изъ соломы подставкѣ двѣ глиняныя кружки, въ другой лоснящійся кувшинъ, полный молока. Въ дверяхъ, которыя остались за ней открытыми, стояла коза, выдѣляясь своей бѣлизной на черномъ фонѣ стѣны. Дѣвушка въ длинной полинялой юбкѣ, съ черной косой, брошенной на сѣрую рубашку, разлила въ кружки пѣнящееся молоко и подала его дѣду и гостю. Она ходила по избѣ тихо и легко, съ улыбкой на серьезныхъ губахъ. Потомъ она сѣла и опять начала прясть. Въ избѣ водворилась полная тишина. Старый Абель опять началъ тихимъ шопотомъ какую-то старую исторію, но вскорѣ уста его замкнулись, руки упали на пучекъ прутьевъ лозы, а голова неподвижно оперлась о стѣну.

Коза исчезла. Нѣкоторое время былъ слышенъ ея топотъ въ темныхъ сѣняхъ, но вскорѣ и это умолкло. Молодые люди остались одни съ уснувшимъ старикомъ и со звѣздами, которыя глядѣли въ низкое окошко. Она пряла, устремивъ взглядъ въ лицо молодого человѣка, сидящаго поодаль; онъ смотрѣлъ въ землю и думалъ.

— Голда, — отозвался онъ послѣ долгаго молчанія,—пророки Израиля, которые разрѣзали себѣ руки на двое, чтобы не быть рабами своихъ господъ, были великими людьми...

— Они не хотѣли ничего дѣлать противъ своего сердца! — серьезно отвѣтила дѣвушка.

Они опять молчали. Веретено шуршало въ рукахъ Голды какъ-то тише и свободнѣе. Черезъ

резъ плохо сколоченныя доски стѣнъ проникали порывы вѣтра и качали желтое пламя свѣчи.

— Голда, — отозвался Меиръ, — не страшно тебѣ въ этой одинокой хатѣ, когда приходятъ долгая осень и зима, на міръ спускается черная мгла, и сильные вихри влетаютъ въ избу черезъ эти старыя стѣны и стонутъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвушка,—мнѣ не страшно, потому что Предвѣчный охраняетъ бѣдныя хаты, которыя окружены мглой, а когда вѣтеръ залетаетъ сюда и стонетъ, я слушаю тѣ исторіи, которыя разсказываетъ зейде, и не слышу этого стона.

Мягкій, полный состраданія взглядъ Меира покоился на лицѣ серьезнаго ребенка. Голда смотрѣла на него неподвижными глазами, которые блестѣли издали, какъ черныя огненныя звѣзды.

— Голда,—сказалъ опять Меиръ, — ты помнишь исторію о рабби Іаковѣ?

— Я ее до конца жизни своей не забуду,—отвѣтила она.

— Голда, могла ли бы ты, какъ прекрасная Рахиль, ждать четырнадцать лѣтъ...

— Я ждала бы до конца своей жизни...

Она сказала это спокойно и серьезно, но веретено выпало изъ ея безсильно опустившейся руки.

— Меиръ,—сказала она такъ тихо, что слова ея едва слышны были изъ за тихаго шума вечерняго вѣтра, — дай мнѣ одно обѣщаніе! Когда тебѣ будетъ скверно въ домѣ дѣда твоего Саула и когда ты почувствуешь печаль въ своемъ сердцѣ, приходи тогда въ нашъ домъ. Пусть я буду знать о каждой твоей печали, и пусть зейде мой утѣшитъ тебя тѣми прекрасными исторіями, которыя онъ такъ умѣетъ разсказывать!

— Голда,—сказалъ онъ сильнымъ голосомъ,—я, какъ пророки Израиля, скорѣе разрѣжу пополамъ свои руки, чѣмъ сдѣлаю что-нибудь противъ своего сердца!

Сказавши это, онъ всталъ и кивнулъ головой дѣвушкѣ.

— Покой тебѣ! — сказалъ онъ.

— Покой тебѣ! — отвѣтила она и тихо кивнула ему головой.

Онъ вышелъ изъ хаты, а черезъ минуту дѣвушка встала со стула, потушила желтое пламя догорающей свѣчи и, завернувшись въ какой-то сѣрый платокъ, легла у ногъ уснувшаго старика,—легла, но долго еще смотрѣла раскрытыми глазами на звѣзды, которыя мигали за окномъ.

Глава VI.

Въ умѣ и характерѣ Эли Витебскаго было много дипломатическихъ наклонностей. Онъ родился и выросъ не въ Шибовѣ, какъ всѣ безъ исключенія жители этого города; всего три года тому назадъ его привели сюда дѣла и разныя семейныя обстоятельства. Поэтому среди мѣстнаго населенія, знающаго другъ друга и даже родословную каждаго, онъ былъ почти чужеземцемъ; а вдобавокъ, проведя всю свою жизнь въ большомъ губернскомъ городѣ, онъ привезъ съ собою много новшествъ, которыя не могли не удивлять и поражать ультра-консервативныхъ жителей глухого мѣстечка. Эти новшества были: одежда, сильно отличающаяся фасономъ и длиной, ношеніе перстня съ брильянтомъ на пальцѣ, неношеніе ермолки

на головѣ, коротко подстриженная бородка, полное отсутствіе въ домѣ талмудическихъ и кабалистическихъ книгъ и въ особенности обладаніе такой женой, какъ госпожа Гана, дочерью, учившейся гдѣ-то въ пансіонѣ, и только двумя дѣтьми, кромѣ этой послѣдней. Эти новшества, необыкновенно важныя, невиданныя и неслыханныя, должны были навлечь на элегантнаго купца общее неудовольствіе шибовскаго общества; однако этого не случилось. Правда, сначала то тамъ, то сямъ шептали, что онъ миснагда, прогрессистъ и индифферентенъ въ дѣлахъ религіи; однако эти подозрѣнія быстро разсѣялись, и силой, уничтожавшей ихъ, были необычайная ласковость, предупредительность и гибкость Эли. Всегда вѣжливый, улыбающійся и ясный, онъ ни съ кѣмъ не спорилъ, каждому уступалъ, все подтверждалъ, избѣгалъ враждующихъ между собой людей, чтобы ему не пришлось стать на сторону одного изъ нихъ и обидѣть другого; если же онъ никоимъ образомъ не могъ избѣжать ихъ, то умѣлъ уговаривать такъ хорошо, плавно, сладко и убѣдительно, что враждующія стороны, проникнутыя его краснорѣчіемъ, смягчались, мирились и уносили въ своихъ сердцахъ благодарность и почтеніе къ нему, говоря съ восхищеніемъ: „А клугеръ меншъ!“

Что же касается собственно до религіозныхъ обрядовъ и предписаній, то Витебскій былъ безукоризненно благочестивымъ человѣкомъ. Онъ праздновалъ субботы и выполнялъ кошеръ съ самой мелочной пунктуальностью; великому раввину низко кланялся, если встрѣчалъ его, и умѣлъ дѣлать то, что не удавалось никому во всей общинѣ: онъ умудрялся прояснять задумчивый взглядъ мудреца и разгонять тучи на его пасмурномъ челѣ какими-то ве-

селыми разсказами, которые бралъ неизвѣстно откуда, но разсказывалъ всегда такъ, что въ нихъ была нѣкоторая доля мистическаго или патріотическаго настроенія, и поэтому они нравились даже самымъ суровымъ слушателямъ. Дома онъ проводилъ мало времени, разъѣзжая постоянно по дѣламъ, которыми усердно занимался; но всякій разъ, когда онъ бывалъ въ Шибовѣ, его обязательно видѣли въ бетъ-га-мидрашѣ, гдѣ онъ съ надлежащимъ благоговѣніемъ слушалъ мудрыя поученія раввина Тодроса и улыбался отъ удовольствія, когда нѣсколько десятковъ молодыхъ и старыхъ мудрецовъ общины пускалось въ ожесточенный пильпуль, т. е. пренія и споры о разныхъ комментаріяхъ и комментаріяхъ комментарій, которыми наполнены 2,500 печатныхъ листовъ Галахи, Гагады и Гемары. Онъ бывалъ также всегда въ молитвенномъ домѣ, когда тамъ бывали всѣ, и хотя его нельзя было причислить къ числу самыхъ усердныхъ моляцихся, т. е. тѣхъ, которые громче всѣхъ кричали и больше всѣхъ качались, но все-таки его фигура и выраженіе лица были совершенно личны.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что, поступая такимъ образомъ, Витебскій лицемѣрилъ. Нисколько; онъ искренно любилъ миръ и спокойствіе и не хотѣлъ лишать этихъ благъ ни себя, ни другихъ. Ему везло въ жизни, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и довольнымъ: поэтому онъ любилъ всѣхъ людей, и ему было совершенно и глубоко безразлично, былъ ли человѣкъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, талмудистомъ, каббалистомъ, хассидомъ, правовѣрнымъ, еретикомъ или даже эдомитомъ, лишь бы онъ не вредилъ ему лично. Впрочемъ объ эдомитахъ онъ узналъ въ первый разъ только тогда, когда пріѣхалъ

въ Шибовъ; въ томъ же кружкѣ, въ которомъ онъ вращался до тѣхъ поръ, христіанъ называли гойями, да и то рѣдко, только подъ впечатлѣніемъ особеннаго чувства гнѣва или обиды, чаще же всего ихъ называли просто христіанами. Но когда онъ пріѣхалъ въ Шибовъ и услышалъ объ эдомитахъ, то подумалъ: пусть себѣ будутъ и эдомиты! Съ тѣхъ поръ онъ также не давалъ другого имени христіанамъ, когда разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ шибовскихъ обывателей. Но въ это названіе онъ не вкладывалъ ни малѣйшей ненависти или даже непріязни. До сихъ поръ эдомиты не сдѣлали ничего дурного ему лично; за что же онъ могъ бы ихъ ненавидѣть? Внѣ Шибова онъ сходился съ ними, а многихъ изъ нихъ онъ даже любилъ, но въ Шибовѣ—какъ всѣ, такъ и онъ.

Въ дѣтствѣ онъ получилъ религіозное воспитаніе, но потомъ все какъ-то развѣялось и разсыпалось въ его памяти, среди вполнѣ свѣтскихъ интересовъ и занятій. Въ Іегову онъ вѣрилъ и глубоко чтилъ Его; зналъ также кое-что о древнемъ Вавилонскомъ плѣненіи и о новой исторіи еврейскаго народа; но что касается болѣе глубокихъ фактовъ такого же рода, то онъ совершенно не зналъ ихъ. Въ сущности, ему было также мало дѣла до того, что и какъ сказалъ или приказалъ танаитъ или какой-нибудь раввинъ. Однако, онъ ничему не противорѣчилъ ни словомъ, ни поступкомъ, ни даже мыслью. Онъ дѣлалъ все, что было приказано всѣмъ, говоря самому себѣ: чѣмъ это можетъ повредить? Можетъ быть, это такъ себѣ, людскія выдумки, а, можетъ быть, и приказаніе самого Бога—зачѣмъ я буду обращать его противъ себя?...

Дипломатизируя такимъ образомъ съ людьми и

Богомъ, онъ ничего де боялся и ему было хорошо на свѣтѣ.

Ему было бы совсѣмъ хорошо, если бы онъ не привезъ съ собой самой большой и самой изумительной для жителей Шибова новости—своей жены, Ганы. Насколько онъ, живя въ маленькомъ городѣ, хотѣлъ и старался казаться такимъ, какими были всѣ, настолько же главнымъ страданіемъ Ганы было поступать иначе, чѣмъ всѣ. Пока они жили въ болѣе свѣтской средѣ, между ними царствовала небесная гармонія, основанная впрочемъ на истинной привязанности и согласіи вкусовъ. Но здѣсь Гана сдѣлалась для своего мужа предметомъ постоянной тревоги и опасенія.

Она была влюблена въ цивилизацію, которая представлялась ей въ видѣ красивыхъ платьевъ, собственныхъ волосъ на головѣ, красиво меблированныхъ комнатъ, очень вѣжливаго обхожденія съ людьми, французскаго языка и музыки. Музыку она любила безъ памяти. Живя въ большомъ городѣ, она всегда ходила слушать ее въ публичный садъ, гдѣ, гуляя со своими пріятельницами въ шелестящемъ шелковомъ платьѣ и въ шляпѣ съ цвѣтами и разсматривая красивыхъ господъ, вѣжливо разговаривающихъ съ красивыми дамами, она чувствовала себя совершенно счастливой и еще болѣе гордилась своимъ общественнымъ положеніемъ. Нѣкоторые продукты цивилизаціи приводили ее въ истинный восторгъ. Однажды она увидѣла въ какомъ-то городскомъ саду фонтанъ, часа два съ невыразимымъ наслажденіемъ смотрѣла на него, а потомъ, вернувшись въ свой городъ, гдѣ не было фонтана, цѣлый годъ разсказывала своимъ пріятельницамъ о видѣнномъ ею необыкновенно прекрасномъ явленіи.

Ея особеннымъ пристрастіемъ пользовались также зеркала, и всякій разъ, когда ей случалось очутиться предъ зеркальнымъ стекломъ нѣсколько большихъ размѣровъ, она не могла оторвать глазъ и отъ него и особенно отъ изображенія собственной особы, которая казалась ей вполнѣ прекрасной, особенно тогда, когда въ ушахъ ея были золотыя серьги, а на головѣ красивый чепчикъ съ цвѣтами. Что же касается до религіозной и житейской философіи, то въ этомъ Гана имѣла еще меньше свѣдѣній, чѣмъ ея мужъ. Она вѣрила въ Бога и даже въ глубинѣ души сильно боялась Его; вѣрила и въ бѣсовъ и боялась ихъ еще больше, чѣмъ Бога; вѣрила также и въ то, что если кто-нибудь въ праздничную ночь не увидитъ своей тѣни, то онъ умретъ въ томъ же году; въ то, что съ человѣкомъ, сдвинувшимъ съ мѣста свѣчи, поставленныя на шабашовомъ столѣ, можетъ случиться большое несчастье. Зато она не вѣрила во многія вещи, вполнѣ подобныя вышеупомянутымъ, и презрительно называла ихъ суевѣріемъ; будучи экономной и бережливой хозяйкой, она признавала въ душѣ, что было бы лучше, если бы евреи ѣли такое же самое мясо, какъ и христіане, потому что оно обходилось бы гораздо дешевле, и если бы въ хозяйствѣ не требовалось такое множество кухонной посуды, какое должно быть въ каждомъ правовѣрномъ домѣ для содержанія пищи въ безупречно кошерномъ видѣ. Что же касается до матерій, состоящихъ изъ смѣси льна и шерсти, то Гана, закрывая глаза и уши на всякія запрещенія, рѣшительно употребляла ихъ, потому что онѣ были красивы и дешевы.

Пріѣхавъ въ Шибовъ, Гана была совершенно поражена видомъ города, въ который ее привезъ мужъ.

Ни слѣда цивилизаціи! Никого намека на городской садъ, музыку, играющую на открытомъ воздухѣ, фонтаны, нарядную толпу; ни тѣни красивыхъ господъ и дамъ, вѣжливо разговаривающихъ между собой, не слышно французскаго языка! Гвалтъ! Гана легла на постель и, зарывшись въ перины, два дня и двѣ ночи плакала и стонала, крича, что она тутъ ни выживетъ, умретъ и оставитъ дѣтей сиротами! Однако, она не умерла и встала съ постели потому, что нужно было распаковывать привезенное имущество, устраивать хозяйство и красиво одѣть дѣтей, чтобы, выйдя первый разъ на улицу, они удивили своей красотой и своей одеждой всю эту „черинь“, какъ выражалась Гана съ презрительнымъ жестомъ. Дѣтей нарядили, они выбѣжали и дѣйствительно всѣхъ удивили. Это была первая радость, которую испытала несчастная изгнанница цивилизаціи въ своемъ изгнаніи. Потомъ пришли и другія радости, подобныя первой. Гана удивляла, импонировала, чѣмъ могла: одеждой, мебелью, манерами, выраженіями; и всякій разъ, когда достигала этого, чувствовала себя непомѣрно счастливой. Въ сущности она была, можетъ быть, еще счастливѣе, чѣмъ въ покинутомъ ею большомъ городѣ. Тамъ она только смотрѣла на цивилизованный міръ и наслаждалась тѣмъ, что она составляетъ маленькую частицу его; здѣсь она была самой цивилизаціей, всей суммой цивилизаціи, которая существовала въ Шибовѣ.

Это удивленіе и импонированіе, которое стало теперь послѣ хозяйства и дѣтей главной заботой Ганы и главнымъ источникомъ ея счастья, наполняло Эли тревогой и боязнью. Онъ уловилъ тотъ пронесшійся вначалѣ слухъ, что онъ былъ миснагидъ; узналъ, что общество сильно обижено на его жену за то, что

она носитъ матеріи изъ смѣси льна и шерсти, въ субботу велитъ ставить самоваръ въ своемъ домѣ и громко говоритъ о томъ „что Шибовъ не на землѣ, а подъ землей“. Онъ узналъ объ этомъ, испугался и началъ борьбу со своей половиной изъ за матерій изъ льна и шерсти, изъ за самовара въ субботу и изъ за надземнаго или подземнаго положенія города Шибова. Половина долго боролась, но въ концѣ концовъ дипломатичный мужъ одержалъ побѣду въ вопросѣ о матеріяхъ и о самоварѣ. Но въ вопросѣ о положеніи Шибова онъ побѣдить не могъ, потому что если бы даже сама Гана твердо рѣшила оказывать надлежащее уваженіе мѣсту своего пребыванія, она не могла бы сдѣлать этого; если даже она молчала, говорили ея презрительно щурившіеся глаза, насмѣшливая улыбка на ея губахъ, всегда изысканный костюмъ и манеры, полныя такой изысканной вѣжливости, что на всемъ свѣтѣ трудно было найти кого-нибудь вѣжливѣе ея.

Въ сущности она была вполнѣ счастлива со своимъ ласковымъ, хотя въ нѣкоторыхъ вещахъ и рѣшительнымъ мужемъ, съ красивыми и всегда нарядными дѣтьми и съ вѣчнымъ чувствомъ своего превосходства надъ всѣмъ, что ее окружало. У ней была только одна истинная печаль, и это была та мысль, что она никогда уже не сможетъ импонировать жителямъ Шибова собственными волосами, во-первыхъ, оттого, что отпускать ихъ было уже поздно, а, во-вторыхъ, оттого, что Эли никогда не допустилъ бы подобнаго общественнаго соблазна и риска. Поэтому она носила очень красивый черный парикъ на своей обритой головѣ и утѣшала себя той мыслью, что минута возвращенія ея дочери изъ Вильно доставитъ ей окончательный и самый большой тріумфъ.

Эли сильно безпокоился о томъ, что съ появленіемъ Меры въ мѣстечкѣ онъ окажется не такимъ отцомъ, какъ всѣ шибовскіе отцы; Гана наоборотъ, не чуяла себя отъ радости, по той причинѣ, что она окажется не такой матерью, какъ всѣ шибовскія матери.

Это торжество, наконецъ, наступило. Черезъ мѣсяцъ послѣ разговора Эли съ Сауломъ, въ гостиной Витебскихъ находилось пять лицъ: три женщины и двое мужчинъ.

Это была не какая-нибудь обыкновенная гостиная! Ее украшалъ пружинный диванъ, обитый зеленымъ рипсомъ (единственный экземпляръ въ своемъ родѣ во всемъ Шибовѣ), нѣсколько родственныхъ дивану креселъ и фортепьяно. Правда, это было фортепьяно не первой молодости: наоборотъ, его политура во многихъ мѣстахъ стерлась, а узкая клавитура и желтизна клавишъ свидѣтельствовали даже о его глубокой древности. Но все-таки это было единственное фортепьяно во всемъ Шибовѣ, привезенное сюда годъ тому назадъ, въ ожиданіи пріѣзда Меры и спеціально для нея; оно вызвало небольшую революцію въ мѣстечкѣ и постоянно наполняло сердце Ганы великой гордостью. Въ этомъ салонѣ не было также недостатка въ занавѣсяхъ на окнахъ и въ глиняныхъ горшкахъ, изъ которыхъ поднимались, правда, очень плохіе и плохо содержащіеся кактусы и пеларгоніи. Однако разъ, годъ тому назадъ, случилось, что одинъ изъ кактусовъ по какой-то случайности расцвѣлъ. Гана поставила его на окно, выходящее на улицу, и всѣ дѣти изъ цѣлаго мѣстечка сбѣгались къ ея дому и цѣлыми часами смотрѣли на большой красный цвѣтокъ.

На этомъ пружинномъ зеленомъ диванѣ сидѣла теперь Гана и ея сестра, купчиха изъ Вильно, у ко-

торой жила Мера, три года посѣщавшая пансіонъ, и которая теперь самолично привезла къ родителямъ свою племянницу, а вмѣстѣ съ ней и сына своего Леопольда. У нея была видная фигура, такъ же, какъ и у Ганы, бархатная мантилья, собственные волосы на головѣ и повсюду множество золота. По сторонамъ стола, стоящаго передъ диваномъ, сидѣли хозяинъ дома и молодой племянникъ Ганы, Леопольдъ; Мера, красивая дѣвушка съ свѣтлыми волосами и бѣлымъ лицомъ, вертѣлась возлѣ фортепьяно, очевидно, желая какъ можно скорѣе ударить по клавишамъ, чтобы наполнить все мѣстечко звуками своей громкой музыки, но не смѣла сдѣлать этого, потому что былъ субботній день.

Въ субботній день нельзя играть ни на какомъ инструментѣ. Мера знала объ этомъ, но, конечно, не обратила бы на это вниманія, если бы не взглядъ отца, который постоянно обращался на нее и охранялъ ее отъ совершенія грѣха. Курить табакъ въ субботній день также нельзя. Однако, молодой Леопольдъ, красивый, высокій юноша лѣтъ двадцати, сидя въ креслѣ въ чрезвычайно небрежной позѣ, закурилъ папиросу, изъ которой въ довершеніе несчастья вылетали черезъ открытое окно на улицу тонкія нити дыму. Эли всталъ и закрылъ окно. На красивыхъ губахъ молодого человѣка появилась презрительная усмѣшка, Мера незамѣтно пожала плечами, а Гана вся покраснѣла отъ стыда.

На столѣ, на посеребренномъ подносѣ, стояли разныя угощенія: варенье на меду, пряники изъ меду и маку, сладкое вино и т. д. Госпожа Гана предупредительно подчивала гостей этими сладостями, которыя дополняли обѣдъ, состоящій изъ заготовленной вчера рыбы и испеченнаго вчера кугля. Но купчиха

изъ Вильно была занята совершенно другимъ и не обращала вниманія на сладости; она съ большимъ вниманіемъ и восторгомъ разсматривала красивыя золотыя броши, кольца и браслеты, украшенные рубинами, жемчугами и брильянтами и блестѣвшіе передъ нею на бархатномъ фонѣ коробокъ.

Это были обручальные подарки, которые Саулъ прислалъ Мерѣ отъ имени Меира на другой же день послѣ ея пріѣзда въ Шибовъ. Мать и тетка невѣсты смотрѣли на нихъ уже цѣлыхъ два дня и не могли насмотрѣться. Мать Леопольда чувствовала себя, однако, нѣсколько огорченной тѣмъ, что ея сынъ привезъ предназначенной ему въ невѣсты Лиѣ несравненно болѣе скромные подарки, чѣмъ тѣ, которые Мера получила отъ Меира.

— Ну, счастливая дѣвушка! — говорила она, качая головой. — Ей Богъ далъ настоящее счастье! Такіе подарки, такіе богатые люди! Что это значитъ? Отчего онъ сюда не приходитъ? — обратилась она къ сестрѣ съ вопросомъ.

— Какое тамъ, — съ презрительнымъ жестомъ отвѣтила Гана, — это простые люди. У нихъ такой обычай, что женихи не бываютъ у своихъ невѣстъ.

— Онъ молодой, вмѣшался Эли, — стѣсняется!

Мера въ этотъ моментъ сѣла возлѣ стола и, положивъ голову на руки, печально задумалась; Леопольдъ, наоборотъ, громко засмѣялся.

— Ужъ я навѣрное не пошлю подарковъ, пока не увижу этой дѣвушки! — сказалъ онъ.

— Ну, ты ее увидишь! — успокоительно сказала его мать. — Мы пойдемъ всѣ къ нимъ съ визитомъ!

— А что это за дѣвушка? — снова спросила она у сестры.

— Да что тамъ! — отвѣтила, какъ и раньше, Гана.—Простая дѣвушка!

— Отецъ ея, Рафаилъ, даетъ за ней пятнадцать тысячъ рублей, — прибавилъ Эли.

Леопольдъ нахмурилъ брови.

— А что мнѣ съ того?—сказалъ онъ.—Развѣ я могу прожить съ пятнадцатью тысячами?

— Торговлю начнешь! — замѣтилъ купецъ.

Но мать красиваго юноши взглянула довольно гнѣвно на своего шурина.

— Торговлю,— заговорила она,—онъ не для торговли воспитанъ! Развѣ мы для того давали ему большое образованіе, чтобы онъ занимался торговлей! Онъ окончилъ пять классовъ и служитъ чиновникомъ! Теперь онъ, правда, получаетъ маленькое жалованье, но развѣ можно знать, что будетъ съ человѣкомъ! Онъ, можетъ быть, губернаторомъ будетъ! Развѣ можно знать!

Леопольдъ поднялъ брови, какъ бы давая понять, что онъ дѣйствительно чувствуетъ себя созданнымъ для почестей, предрекаемыхъ ему матерью, и ничего не имѣетъ противъ перспективы губернаторства.

Эли незамѣтно усмѣхнулся, но ничему не противорѣчилъ. Развѣ можетъ повредить, — думалъ онъ, — то, что они болтаютъ глупости? Пусть себѣ болтаютъ!

Въ то же время хорошенькая Мера повернула свою завитую головку къ двоюродному брату и сказала:

— Cousin, comme, c'est ennuyant ici!

— Oui, cousine! cette vilaine petite ville est une place très ennuyante!—отвѣтилъ, надувая губы, молодой человѣкъ.

Сидящія на диванѣ матери ничего не понимали,

но переглянулись и покраснѣли отъ радости, а Гана, вытянувъ черезъ столъ свою пухлую руку, погладила волосы дочери.

— Фишеле! — сказала она съ необыкновенно нѣжной и ласковой улыбкой.

Этотъ французскій разговоръ произвелъ также нѣкоторое впечатлѣніе и на Эли. Лицо его, нѣсколько озабоченное въ тотъ день, снова стало яснымъ, какъ всегда; онъ всталъ и весело сказалъ:

— Ну, идемъ, уже пора!

Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія спускалась съ крыльца на улицу. Лицо Эли было снова озабочено. Ничто въ мірѣ не могло быть болѣе еретическимъ, чѣмъ нарядъ его молодого родственника. Онъ состоялъ изъ короткаго моднаго пиджака, блестящей обуви и очень низкаго жилета, открывавшаго всю грудь, одѣтую въ рубашку снѣжной бѣлизны. Вдобавокъ на головѣ молодого человѣка была маленькая красивая фуражка съ чиновничьей серебряной звѣздочкой, и, въ довершеніе всего, по выходѣ изъ дому онъ снова закурилъ папиросу.

Для Эли было очень трудно противиться въ чемъ-нибудь кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе своему гостю и любимцу двухъ прекрасныхъ женщинъ, которыхъ онъ своимъ чередомъ очень любилъ. Однако, выйдя на крыльцо и увидя толпу людей, которые въ субботній день, какъ муравьи, выползали на солнце, онъ не могъ воздержаться отъ замѣчанія.

— Слушай, Леопольдъ, — сказалъ онъ тихо и ласково, — брось ты эту папиросу! Это глупый народъ! Зачѣмъ его вооружать противъ себя! А, можетъ быть, — сейчасъ же прибавилъ онъ, — и самъ Богъ запретилъ курить въ шабашъ! Развѣ можно это знать?

Леопольдъ громко засмѣялся.

— Я ничего не боюсь!—сказалъ онъ и, сбѣжавъ съ крыльца, подалъ руку Мерѣ.

Леопольдъ и Мера пошли впереди подъ руку. За ними слѣдовали двѣ великолѣпныя матери въ бархатныхъ мантильяхъ и шляпахъ съ огромными цвѣтами. Эли замыкалъ шествіе; онъ шелъ медленно, съ лицомъ видимо встревоженнымъ и съ руками, заложенными за спину.

Если привлеченіе вниманія многочисленной толпы можно считать тріумфомъ, то шествіе семьи Витебскихъ черезъ площадь мѣстечка было тріумфальнымъ шествіемъ. Въ мгновеніе ока вокругъ нихъ собралась огромная толпа дѣтей разнаго пола и возраста и сначала съ тихими криками, а потомъ съ неописуемымъ визгомъ начала бѣжать за ними. Вскорѣ къ дѣтямъ присоединились подростки и даже вполнѣ взрослые люди; самыя знатныя семьи высыпали на крылечки домовъ, окружавшихъ площадь; въ воротахъ синагогальнаго двора стоялъ меламедъ въ своемъ обыкновенномъ первобытномъ нарядѣ и, какъ бы не вѣря собственнымъ, широко раскрытымъ глазамъ, смотрѣлъ на движущееся черезъ площадь чудо.

Наибольшее вниманіе публики обращала на себя молодя пара, идущая впереди: Леопольдъ, въ своемъ элегантномъ пиджакѣ и съ папиросой въ зубахъ, и Мера, въ слишкомъ пышномъ цвѣтномъ платьѣ, повисшая на рукѣ кузена и нѣсколько кривляющаяся, чтобы лучше показать свои великосвѣтскія манеры.

Эли шелъ словно по горячимъ углямъ; госпожа Гана выступала словно по лаврамъ; купчиха изъ Вильно разсматривала темную толпу, прищуривъ глаза и поднявъ голову.

— Зи, зи! А шейне пурицъ! А шейне паненкесъ!—

кричали дѣти, бѣгая и прыгая, показывая пальцами и поднимая ногами столбы пыли.

— Кто они такіе? Развѣ это евреи? — спрашивали взрослые и показывали пальцами на короткій пиджакъ и папиросу Леопольда.

— Аникоресъ!—крикнулъ вдругъ кто-то въ толпѣ, и мимо головы Леопольда пролетѣлъ маленькій камешекъ, брошенный неизвѣстно кѣмъ. Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ и бросилъ папиросу, предметъ всеобщаго негодованія. Эли наморщилъ лобъ. Но Елена еще выше подняла голову и довольно громко сказала сестрѣ:

— Ну, нужно имъ простить! Это такой темный народъ!

Однако, Леопольдъ не простилъ брошеннаго въ него камешка; это было видно по его испуганнымъ глазамъ и сжатымъ губамъ, съ какими онъ вошелъ въ гостиную Эзофовичей.

Тамъ на почетномъ мѣстѣ, т. е. на диванѣ съ желтой спинкой, сидѣлъ старый Саулъ; вокругъ него сидѣли его сыновья, невѣстки и нѣсколько взрослыхъ внуковъ. У одного изъ оконъ въ удобномъ креслѣ сидѣла прабабка, какъ всегда усыпанная брильянтами и какъ всегда дремлющая; у другого стоялъ Меиръ.

Когда семья Витебскихъ вошла въ большую гостиную, Меиръ лишь мимоходомъ взглянулъ на Меру, какъ будто бы ея особа совершенно не относилась къ нему, но зато на Леопольда устремилъ любопытный, быстрый и блестящій взглядъ. Казалось, что онъ стремился какъ можно скорѣе приблизиться къ этому человѣку, живущему въ большомъ свѣтѣ, и насквозь проникнуть его.

Нѣкоторое время продолжались громкія привѣтствія и вступительные разговоры. Саулъ не поки-

нулъ своего почетнаго мѣста на диванѣ. Дочь его Сара, жена Бера, играла роль хозяйки дома, угощая гостей и громко восхищаясь красотой шляпъ и платьевъ пришедшихъ дамъ.

Мера съ граціей усѣлась на кончикъ простого табурета и, развлекаемая робкой, сконфуженной и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованной Ліей, искоса поглядывала на стоящаго у окна молодого человѣка, въ которомъ она угадывала своего жениха. Однако, она ни разу не встрѣтила его взгляда. Меиръ, казалось, совсѣмъ не зналъ о ея существованіи, онъ все время смотрѣлъ лишь на Леопольда.

Госпожа Гана съ большимъ оживленіемъ и съ не меньшей гордостью разсказывала окружавшимъ ее женщинамъ о красивомъ фонтанѣ, который она видѣла когда-то въ большомъ свѣтѣ, и о музыкѣ, играющей каждое воскресенье въ виленскомъ публичномъ саду, и въ то же время разсматривала гостиную Эзофовичей. Дѣйствительно эта большая и опрятная гостиная со своимъ длиннымъ фамильнымъ столомъ по срединѣ, съ простыми деревянными табуретами и фигурирующимъ среди нихъ древнимъ желтымъ диваномъ, носила характеръ бережливой и порядочной зажиточности и была гораздо красивѣе простого салона Ганы. Въ гостиной было, кромѣ всего этого, еще и два шкафа: одинъ со стекляннымъ оконцемъ и полный старыхъ книгъ, которыя по семейнымъ традиціямъ принадлежали когда-то Михаилу Сеніору; другой полный столовой посуды, во главѣ которой стоялъ блестящій какъ золото самоваръ. Когда взглядъ Ганы упалъ на этотъ послѣдній предметъ,—она вся вспыхнула румянцемъ стыда: самоваръ въ гостиной семьи ея будущаго зятя! Это было совершенно противъ всѣхъ предписаній циви-

лизаціи, о которыхъ она знала. Но въ ту же минуту взглядъ ея перескочилъ съ этого въ высшей степени неприличнаго предмета на дремлющую въ креслѣ прабабку. Въ это время лучъ заходящаго солнца падалъ на эту неподвижную фигуру и искрился на драгоцѣнныхъ камняхъ, которыми она была усыпана. Пряжка, скалывающая ея цвѣтную повязку, блестѣла, какъ огненная звѣзда, надъ ея сморщеннымъ лбомъ; кольца въ ушахъ метали тысячи искръ, а жемчугъ, покрывавшій ея грудь, пріобрѣлъ блѣдно-розовый оттѣнокъ.

Гана слегка толкнула сестру локтемъ.

— Зи,—шепнула она, показывая ей головой на прабабку,—какіе брильянты!

Купчиха изъ Вильно даже глаза прищурила отъ восхищенія.

— Ай, ай,—воскликнула она,—вотъ сокровища! И зачѣмъ такой старой женщинѣ носить на себѣ такія богатыя вещи? Что ей за польза?

Это восклицаніе услышалъ Саулъ и, обращаясь къ гостямъ съ вѣжливой серьезностью, сказалъ:

— Она заслужила того, чтобы имѣть такое уваженіе отъ насъ и чтобы мы ее покрывали всѣми драгоцѣнностями, какія есть у всей нашей семьи. Она была короной своего мужа, и мы всѣ беремъ отъ нея начало, какъ вѣтви отъ дерева!

Онъ слегка прищурилъ глаза, покачалъ головой и продолжалъ:

— Она очень стара теперь, но когда-то она была молода и очень красива. А куда дѣлась ея красота? Ее стерли тѣ года, тѣ мѣсяцы и тѣ дни, пролетѣвшіе надъ ней, какъ птицы, которыя, летя одна за другой, обрываютъ съ куста по ягодѣ, пока не оберутъ всѣ. У ней теперь много морщинъ на ли-

цѣ; это правда! Но откуда взялись эти морщины? Я это знаю, потому что, когда я смотрю на нихъ, то въ каждой изъ нихъ вижу какой-нибудь образъ. Когда я смотрю на морщины на ея вѣкахъ и около глазъ, я вспоминаю, какъ я былъ ребенкомъ и былъ сильно боленъ, а она сидѣла надъ моей колыбелью, пѣсней убаюкивала меня, а слезы лились изъ ея глазъ. А когда я смотрю на морщины, которыхъ такъ много на ея щекахъ, мнѣ вспоминаются всѣ хлопоты и непріятности, которыя она переносила, когда осталась вдовой и, не желая идти другой разъ замужъ, сама вела торговлю и увеличивала имущество своихъ дѣтей. А когда я смотрю на эту морщину, которая глубоко прорѣзала ея лобъ, мнѣ кажется, что я вижу тотъ моментъ, когда душа отца моего, Герша, разсталась съ тѣломъ и когда моя мать упала, какъ мертвая, на землю и долго такъ лежала, не плача, не крича, не рыдая, а только тихо вздыхая: „Гершъ, Гершъ, мой Гершъ!“ Это была самая великая печаль, которую она испытала въ жизни, и отъ нея среди ея лба пролегла самая глубокая морщина.

Такъ говорилъ Саулъ, торжественно поднявъ указательный палецъ, съ задумчивой улыбкой на своихъ желтыхъ губахъ. Слушая его, женщины качали головами полу-печально, полу-утвердительно и, переглядываясь, тихо говорили:

— Герстъ! Герстъ!

Гана была такъ растрогана и восхищена, что даже слезы показались на ея рѣсницахъ. Она отерла ихъ батистовымъ платкомъ, который она все время держала въ рукѣ, а потомъ протянула руку Саулу и сказала съ улыбкой благодарности на губахъ:

— Данке, данке!

— Данке!—повторило за ней большинство присутствующихъ, а купчиха изъ Вильно, Витебскій и нѣсколько другихъ, не принадлежащихъ къ семьѣ лицъ, сказали вполголоса:

— А клугеръ менишъ, эрлихеръ менишъ! (умный человѣкъ, честный человѣкъ!)

Сыновняя любовь и почтеніе, выказанныя Саулемъ, а также его образное повѣствованіе о морщинахъ матери пріятно взволновали всѣ сердца и воображенія.

Только молодой Леопольдъ, который до тѣхъ поръ или сидѣлъ мрачно и молча, или вполголоса разговаривалъ съ Мерой по-французски, всталъ со своего мѣста и подошелъ къ окну, у котораго стоялъ Меиръ. Около дивана снова начался оживленный разговоръ, поднятый выраженнымъ Ганой сожалѣніемъ, что сегодня субботній день и что здѣсь нѣтъ фортепьяно, такъ что дочь ея не можетъ сыграть своихъ прекрасныхъ мелодій, отъ которыхъ у нея, Ганы, сердце смягчается, а передъ глазами встаетъ виленскій ботаническій садъ, играющій въ немъ оркестръ и различныя другія вещи, принадлежащія къ утраченному ею раю цивилизаціи.

Двое молодыхъ людей остались совершенно въ сторонѣ; никто не могъ слышать ихъ разговора. Казалось, что Леопольдъ сначала не имѣлъ намѣренія разговаривать съ Меиромъ. Онъ отошелъ отъ общества съ совершенно иной цѣлью, которую выдавалъ вынутый изъ кармана жилетки серебряный портсигаръ. Но Меиръ, какъ только увидѣлъ, что Леопольдъ подходитъ къ нему, тотчасъ сдѣлалъ два шага ему на встрѣчу. Лицо его засіяло отъ радости.

— Я Меиръ, внукъ Саула,—сказалъ онъ, подавая гостю руку,—я очень хочу узнать тебя, чтобы

о многомъ сказать тебѣ и о многомъ отъ тебя услышать...

Леопольдъ изысканно, но цеременно поклонился и едва коснулся открытой теплой руки ровесника. Печаль промелькнула въ сіявшихъ радостью глазахъ Меира.

— Ты не особенно хочешь знать меня,—сказалъ онъ,—и я этому не удивляюсь. Ты образованный, знаешь всякія науки, а я—простой жидъ, который хорошо знаетъ Библію и Талмудъ, но больше ничего. Но ты все-таки послушай меня! Я ношу много разныхъ мыслей въ головѣ, но только онѣ еще въ безпорядкѣ. Можетъ быть, ты мнѣ скажешь что-нибудь такое, что сдѣлаетъ меня умнымъ?

Леопольдъ слушалъ эту рѣчь, звучавшую сначала ласковой покорностью, а потомъ юношескимъ восторгомъ, и слушалъ съ любопытствомъ, въ которомъ былъ также и оттѣнокъ иронiи.

— Пожалуйста,—сказалъ онъ,—если вамъ угодно узнать что-нибудь отъ меня, я скажу вамъ! Отчего же нѣтъ? Я многое могу сказать!

— Леопольдъ, ты не называй меня на „вы“. Мнѣ это непріятно, потому что я тебя очень люблю...

Леопольда очень удивило это наивное признанiе.

— Мнѣ это очень пріятно,—сказалъ онъ,—но вѣдь мы первый разъ видимъ другъ друга!

— Это ничего!—воскликнулъ Меиръ.—Я давно уже хотѣлъ видѣть такого еврея, какъ ты... и сказать ему то, что рабби Еліазаръ сказалъ іерусалимскому мудрецу: „Я буду твоимъ ученикомъ, а ты будь моимъ учителемъ!“

Теперь на лицѣ свѣтскаго молодого человѣка уже ясно отразилось удивленiе и еще яснѣе прогля-

нула сопровождающая его насмѣшка. Было видно, что Леопольдъ ничего не понялъ изъ рѣчи молодого человѣка и считалъ его полу-дикаремъ.

Меиръ въ своемъ увлеченіи не замѣтилъ, какое впечатлѣніе онъ производилъ.

— Леопольдъ, — началъ онъ, — сколько ты лѣтъ учился въ чужой школѣ?

— Въ какой чужой школѣ?—спросилъ Леопольдъ.

— Ну, въ такой школѣ, въ которой люди учатся разнымъ не еврейскимъ наукамъ?

Леопольдъ понялъ. Онъ прищурилъ глаза, надулъ губы и отвѣтилъ:

— Ну, я ходилъ въ гимназію пять лѣтъ!

— Пять лѣтъ! —воскликнулъ Меиръ. — Такъ ты очень ученый, если ты такъ долго ходилъ въ школу!

— Но, — отвѣтилъ гость со снисходительной улыбкой, — на свѣтѣ есть люди и болѣе ученые, чѣмъ я!

Меиръ все ближе подходилъ къ своему собесѣднику, и глаза его блестѣли все ярче.

— А чему тамъ учатъ въ этой школѣ? — спросилъ онъ.

— Разнымъ вещамъ.

— А какія же это разныя вещи?

Леопольдъ, со слегка иронической усмѣшкой на губахъ, началъ медленно перечислять названія всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ.

Меиръ прервалъ его:

— И ты всѣ эти науки знаешь?

— А какъ же!—отвѣтилъ гость.

— А что ты теперь со всѣмъ этимъ дѣлаешь?

Этотъ вопросъ, произнесенный съ необычайнымъ любопытствомъ, привелъ красиваго юношу въ величайшее изумленіе.

— Какъ это, что дѣлаю? — спросилъ онъ.

— Ну, я хочу знать, какими мыслями наполнили эти науки твою голову и что ты дѣлаешь со своими мыслями?

— Ну! Какъ это, что я дѣлаю? Я чиновникъ; я переписываю важныя бумаги въ канцеляріи самого губернатора.

Меиръ подумалъ съ минуту.

— Это ничего не значитъ, что ты въ канцеляріи переписываешь бумаги; я не объ этомъ хочу знать. Ты это дѣлаешь для заработка; каждый человѣкъ долженъ зарабатывать. Но я хотѣлъ знать, что ты думаешь, когда остаешься одинъ, и что эти твои мысли приказываютъ тебѣ дѣлать на свѣтѣ?

Леопольдъ широко открылъ глаза.

— Но!—воскликнулъ онъ нетерпѣливо,—о чемъ мнѣ думать? Вотъ, какъ вернусь изъ канцеляріи, то сижу дома, курю папиросу и думаю, что когда женюсь и возьму приданое, а отецъ отдастъ мнѣ то, что мнѣ слѣдуетъ, я куплю себѣ каменный домъ, внизу въ домѣ устрою хорошія лавки, первый этажъ отдамъ въ аренду какимъ-нибудь богатымъ людямъ, а самъ буду жить на второмъ этажѣ. Теперь даже тамъ продается одинъ очень красивый каменный домъ, и я хотѣлъ бы купить его. Онъ даетъ около двухъ тысячъ доходу въ годъ, да еще при немъ есть хорошіе флигеля...

Теперь Меиру пришла очередь удивляться.

— И ты, Леопольдъ, ни о чемъ больше не думаешь, кромѣ этого каменнаго дома? — спросилъ онъ.

— Но о чемъ же мнѣ думать! На моей головѣ, слава Богу, никакихъ хлопотъ. Квартиру и столъ я получаю у родителей, а на одежду мнѣ

хватаетъ того жалованья, которое я получаю въ канцеляріи.

Меиръ смотрѣлъ въ землю. На его лбу образовалась морщина, которая всегда появлялась у него, когда онъ испытывалъ какое-нибудь непріятное чувство.

— Слушай, Леопольдъ,—сказалъ онъ, выйдя изъ глубокой задумчивости,—развѣ тамъ у васъ, въ большомъ городѣ, совсѣмъ нѣтъ бѣдныхъ и темныхъ евреевъ?

Леопольдъ засмѣялся.

— А гдѣ ихъ нѣтъ! Есть ихъ и тамъ достаточно!

— А что ты думаешь, когда смотришь на нихъ?— быстро спросилъ Меиръ.

— Что же мнѣ думать? Думаю, что они очень глупы и грязны!

— И, смотря на нихъ, ты больше ни о чемъ не думаешь? — повторилъ Меиръ уже почти шопотомъ.

Леопольдъ открылъ портсигаръ и началъ вынимать оттуда папиросу. Меиръ въ задумчивости не обратилъ на это вниманія.

— Леопольдъ, — началъ онъ черезъ минуту съ новой энергіей,—ты не покупай этого дома въ большомъ городѣ!

— Почему же мнѣ не покупать его?

— Я тебѣ скажу почему. За тебя сговорили мою двоюродную сестру. Это добрая и умная дѣвушка. Она не имѣетъ никакого образованія, но всегда хотѣла его имѣть и очень радовалась, когда ей сказали, что у нея будетъ образованный мужъ. Когда ты женишься на ней, то попроси важныхъ чиновниковъ, чтобы тебѣ позволили устроить въ Шибовѣ школу

для евреевъ, такую школу, въ которой учили бы не только Тору и Талмудъ, но и другія чужія науки. Ты самъ будешь управлять этой школой, а меня научишь помогать тебѣ...

Леопольдъ смѣялся, но Меиръ, весь сіяя радостью, которую доставляли ему его собственныя мысли, не замѣчалъ этого. Онъ еще ближе наклонился къ своему товарищу и шепталъ ему почти на ухо:

— Вотъ что я тебѣ скажу, Леопольдъ! У насъ въ Шибовѣ царствуетъ страшная темнота, и есть много бѣдныхъ людей, которые живутъ въ большой нищетѣ. Но есть здѣсь и такіе люди,—всѣ изъ молодыхъ, которые очень тоскуютъ о томъ, что они не знаютъ другого міра и другихъ наукъ. Они очень хотѣли бы знать ихъ, но нѣтъ никого, кто могъ бы помочь ихъ душамъ выйти изъ тьмы. Есть тутъ одинъ великій раввинъ, Исаакъ Тодросъ; онъ очень строгъ, и всѣ боятся его; есть также кагальные чиновники, которые очень притѣсняютъ бѣдный народъ. Если бы ты пріѣхалъ сюда и привезъ съ собой другихъ образованныхъ людей и помогъ бы намъ всѣмъ выйти изъ темноты, горя и печали!

Онъ говорилъ это все съ необычайнымъ одушевленіемъ, съ радостнымъ лицомъ, и голосъ его звучалъ горячей просьбой. Но ничто не могло бы сравниться съ тѣмъ удивленіемъ и ироніей, съ какими слушалъ его юный Леопольдъ. Онъ вынулъ изъ серебряной коробочки спичку и слегка опустилъ голову, чтобы скрыть свой смѣхъ.

— Ну, — сказалъ Меиръ, — что ты думаешь о томъ, что я тебѣ сказалъ? Хорошъ ли мой проэктъ?

Леопольдъ чиркнулъ спичкой объ стѣну и отвѣтилъ:

— Я думаю, что если я о твоемъ проектѣ скажу моей семьѣ и моимъ товарищамъ канцеляріи, то они будутъ очень смѣяться надъ этимъ.

Глаза Меира, ярко блестѣвшіе передъ тѣмъ, вдругъ потухли.

— Надъ чѣмъ же здѣсь смѣяться?—шепнулъ онъ.

Въ то же время Леопольдъ зажегъ папиросу, которую держалъ въ рукѣ. Голубой благовонный дымокъ разошелся по комнатѣ и долетѣлъ до того мѣста, гдѣ вокругъ стола передъ желтымъ диваномъ сидѣло все многочисленное общество. Рафаилъ съ удивленіемъ поднялъ голову и оглянулся. Старый Саулъ тоже посмотрѣлъ въ сторону окна и слегка приподнялся съ дивана.

— Прошу извиненія, — сказалъ онъ вѣжливо, но рѣшительно, — я не позволяю, чтобы въ моемъ домѣ люди дѣлали то, чего не позволяетъ нашъ святой законъ!

Сказавши это, онъ спокойно усѣлся, но не переставалъ смотрѣть на Леопольда изъ-подъ своихъ сѣдыхъ, слегка нахмурившихся бровей.

Леопольдъ покраснѣлъ, какъ ракъ, бросилъ папиросу на землю и со сдержаннымъ гнѣвомъ потушилъ ее ногой.

— Вотъ какая у васъ вѣжливость! — сказалъ онъ Меиру.

— А зачѣмъ ты, Леопольдъ, куришь папиросу въ шабашъ?

— А ты не куришь? — спросилъ гость, недовѣрчиво и иронически глядя въ глаза товарищу.

— Не курю, — рѣшительно отвѣтилъ Меиръ.

— Такъ ты хочешь людскія души выводить изъ темницы, а вѣришь, что не курить табаку въ шабашъ это святой законъ.

— Нѣтъ, я давно пересталъ въ это вѣрить!— такъ же рѣшительно, какъ и раньше, отвѣтилъ Меиръ.

— Такъ ты хочешь бунтовать людей противъ великаго раввина и кагальныхъ, а самъ уступаешь.

Глаза Меира опять загорѣлись, но на этотъ разъ гнѣвно и насмѣшливо.

— Если бы дѣло шло о томъ, — началъ онъ,— чтобы избавить какую-нибудь человѣческую душу отъ тьмы или человѣческое тѣло отъ нищеты, я не уступилъ бы, потому что это важныя вещи; но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы доставить удовольствіе моимъ губамъ,— я уступаю, потому что это глупость; и хотя я и не вѣрю въ то, что законъ этотъ святъ и что онъ исходитъ отъ самаго Бога, но старшіе вѣрятъ въ это, и мнѣ кажется, что, кто противится старшимъ изъ-за пустяковъ, тотъ поступаетъ очень невѣжливо.

Выслушавъ эту рѣчь, Леопольдъ отвернулся отъ Меира и подошелъ къ Мерѣ, которая попрежнему сидѣла на кончикѣ стула. Меиръ проводилъ его взглядомъ, въ которомъ выражались разочарованіе и гнѣвъ, потомъ отошелъ отъ окна и быстро вышелъ изъ комнаты.

Это внезапное удаленіе молодого человѣка произвело сильное впечатлѣніе на женскую часть общества. Мужчины же едва обратили на него вниманіе: имъ казалось вполнѣ естественнымъ и даже похвальнымъ, что женихъ изъ скромности стѣснялся смотрѣть на невѣсту, выбранную ему старшими. Но купчиха изъ Вильно и Гана замѣтно омрачились, а Мера дернула мать за платье и шепнула:

— Маman, идемъ уже домой!

Тѣмъ временемъ Меиръ быстро шелъ по направленію къ дому своего пріятеля Еліазара, но, дойдя

до него, онъ только заглянулъ въ открытое окно этого низкаго зданія и пошелъ дальше: комнатка кантора была пуста. Меиръ, очевидно, зналъ, гдѣ искать своихъ товарищей; онъ направился прямо на лугъ, находящійся за мѣстечкомъ.

Какъ и нѣсколько недѣль тому назадъ, лугъ этотъ, истинный оазисъ тишины и свѣжести, былъ весь залитъ всѣми красками заходящаго солнца.

Густыя травы, росшія на немъ, правда, не блистали уже весенней яркой зеленью, потому что лѣтнія жары нѣсколько присушили ихъ; но зато среди нихъ расцвѣтали то густыми пучками, то одиноко поднимая свои стройныя чашечки, дикіе цвѣты, наполнявшіе воздухъ своимъ сильнымъ благоуханіемъ.

На опушкѣ лѣса, подъ густыми березами, наполовину сидѣла, наполовину лежала на травѣ небольшая компанія, состоящая изъ взрослыхъ, но очень молодыхъ мужчинъ. Одни изъ нихъ, наклонясь другъ къ другу, разговаривали вполголоса; другіе машинально рвали росшіе вокругъ нихъ цвѣты и укладывали ихъ въ пестрые букеты; третьи тихонько напѣвали, повернувъ лицо къ голубому небу, по которому плавали золотистыя облака.

Нѣсколько поодаль, возлѣ пруда, берега котораго были теперь усѣяны частыми кучками незабудокъ, а водяную поверхность котораго покрывали длинные листья и широкіе цвѣты водяныхъ растеній, неподвижно сидѣла стройная дѣвушка съ темнымъ, худымъ лицомъ, съ огромными черными глазами и коралловыми бусами, спадающими на грубую рубашку. Возлѣ нея, среди калиновыхъ кустовъ, отягченныхъ кистями пунцовыхъ ягодъ, паслась бѣлая коза, ощипывая то тамъ, то сямъ траву и листья.

Меиръ быстро направился къ группѣ молодыхъ

людей, чернѣвшей на опушкѣ лѣса. Видно было, что и они съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждали его, потому что тѣ изъ нихъ, которые лежали на травѣ, замѣтивъ его, приподнялись и сѣли, устремивъ на него глаза.

Подойдя къ своимъ товарищамъ, онъ ни однимъ словомъ не привѣтствовалъ ихъ, даже не посмотрѣлъ на нихъ и сѣлъ на березовомъ пнѣ, поваленномъ бурей. Онъ казался не столько печальнымъ, сколько разсерженнымъ. Молодые люди молчали и смотрѣли на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Еліазаръ, лежавшій на травѣ, опершись плечомъ на пень, на которомъ сидѣлъ Меиръ, первый спросилъ:

— Ну, что? Видѣлъ его?

— Видѣлъ его? — сейчасъ же хоромъ повторили нѣсколько голосовъ. — Какой онъ? Онъ очень ученый и умный?

Меиръ поднялъ голову и съ усмѣшкой воскликнулъ:

— Онъ ученый, но очень глупый!

Это восклицаніе возбудило живѣйшее удивленіе среди молодыхъ людей. Послѣ довольно долгаго молчанія Аріель, сынъ великолѣпнаго Морейне Кальмана, задумчиво произнесъ:

— Какъ это можетъ быть, чтобы человѣкъ былъ ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глупымъ?

— Почемъ же я могу знать, какъ это можетъ быть? — отвѣтилъ Меиръ, и глаза его широко раскрылись, какъ будто бы онъ смотрѣлъ въ какую-то бездонную страшную пропасть.

Сейчасъ же завязался разговоръ, состоящій изъ необыкновенно быстро чередующихся вопросовъ и отвѣтовъ.

— Что онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ говорилъ мнѣ только глупыя и скверныя вещи?

— Отчего же ты не спрашивалъ его объ умныхъ вещахъ?

— Я спрашивалъ, но онъ даже не понималъ, чего я отъ него хочу!

— А онъ не сказалъ тебѣ, о чемъ онъ думаетъ?

— Онъ сказалъ, что думаетъ о томъ, что купитъ себѣ хорошій каменный домъ, который будетъ давать ему двѣ тысячи рублей доходу.

— Пусть себѣ онъ думаетъ о каменномъ домѣ, но о чемъ онъ кромѣ этого думаетъ?

— Онъ сказалъ, что ни о чемъ больше не думаетъ.

— А что онъ тамъ въ свѣтѣ дѣлаетъ?

— Онъ въ канцеляріи переписываетъ бумаги, а когда вернется изъ канцеляріи, то куритъ папиросы и думаетъ о каменномъ домѣ.

— А что онъ думаетъ о тѣхъ евреяхъ, которые не получили такого образованія, какъ онъ, и живутъ въ великой тьмѣ или нищетѣ?

— Онъ думаетъ, что это глупый и грязный народъ!

— А что онъ сказалъ тебѣ, когда ты разсказалъ ему обо всѣхъ насъ, о томъ, что мы хотимъ вывести души наши изъ темницы и не можемъ.

— Онъ сказалъ, что если онъ разскажетъ объ этомъ своей семьѣ и своимъ товарищамъ, то они будутъ очень смѣяться!

— Надъ чѣмъ же здѣсь смѣяться? — хоромъ спросили молодые люди.

Потомъ наступило долгое молчаніе, послѣ котораго изъ всѣхъ грудей разомъ вырвалось внезапное страстное восклицаніе:

— А шлехтеръ меншъ! (Злой человѣкъ). Немного погодя, двоюродный братъ Меира, Хаимъ, сынъ Абрама, сказалъ:

— Меиръ! значитъ то образованіе и та наука, которыхъ мы такъ хотимъ, скверны, если они дѣлаютъ людей злыми и глупыми?

Двое или трое молодыхъ людей въ одинъ голосъ воскликнули:

— Меиръ! Объясни намъ это!

Меиръ обвелъ мутнымъ взглядомъ лица своихъ товарищей и, опустивъ блѣдное лицо на руки, отвѣтилъ:

— Я уже ничего не знаю!

Въ этомъ короткомъ отвѣтѣ послышалось глубокое сдержанное рыданіе. Но въ эту минуту поднялась бѣлая рука кантора и оторвала отъ огорченнаго лица пріятеля закрывающія его руки.

— Пусть сердца ваши не впадаютъ въ великую печаль, — сказалъ Еліазаръ, — я сейчасъ попрошу нашего учителя, чтобы онъ отвѣтилъ на вашъ вопросъ.

Говоря это, онъ поднялъ съ земли большую книгу, старательно спрятанную въ лѣсной травѣ, и съ торжествующей улыбкой на своихъ кроткихъ губахъ показалъ товарищамъ ея первый листъ.

На этомъ листѣ были напечатаны большими буквами имя и фамилія Моисея Маймонидеса.

Молодые люди сѣли поближе другъ къ другу и тѣснымъ кругомъ расположились вокругъ Еліазара. По ихъ лицамъ разлилось выраженіе благоговѣйнаго вниманія; израильскій мудрецъ будетъ говорить съ ними устами ихъ любимаго пѣвца! Это былъ старый учитель, забытый одними и проклятый другими; но для нихъ онъ былъ святъ и дорогъ, потому что до

тѣхъ поръ онъ былъ для нихъ единственнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ духъ этого учителя, воплощенный въ нѣсколькихъ толстыхъ книгахъ, привезенныхъ сюда Еліазаромъ, вернувшимся изъ далекихъ странъ, пронесся надъ ихъ головами, въ нихъ поднялся цѣлый вихрь мыслей, цѣлый мятежъ чувствъ, неизвѣстныхъ имъ до тѣхъ поръ; они стали печалиться, тосковать и мечтать, но они были благодарны ему и за свою тоску и за свою печаль, и во всѣхъ своихъ огорченіяхъ и сомнѣніяхъ прибѣгали къ нему. Увы! Не на всѣ вопросы и не на всѣ печали находили они у него отвѣтъ и утѣшеніе! Прошли вѣка, времена измѣнились, надъ міромъ прошла длинная цѣпь геніевъ, несущихъ съ собой новыя истины... Но они ничего не знали ни о какихъ геніяхъ, кромѣ этого одного, и теперь, когда передъ ними открыли большую книгу, они съ радостнымъ и торжественнымъ настроеніемъ готовились вдохнуть въ себя духъ его старой мудрости.

Однако, Еліазаръ не сразу сталъ читать: онъ перевертывалъ листы книги, отыскивая подходящій къ обстоятельствамъ отрывокъ.

Между тѣмъ дѣвушка, сидѣвшая до тѣхъ поръ на берегу пруда среди незабудокъ и калины, встала и медленно пошла къ молодымъ людямъ. Уже издали было видно, что черные глаза ея были неподвижно устремлены на лицо Меира. Бѣлая коза тоже пошла за ней. Обѣ онѣ на минуту исчезли въ лѣсныхъ кустахъ, потомъ Голда появилась среди переплетающихся березовыхъ вѣтвей и стала въ двухъ шагахъ отъ Меира. Она подошла такъ тихо, что никто не замѣтилъ ея, оперлась плечомъ о тонкій березовый стволъ, прислонила голову къ слегка качающейся вѣткѣ и устремила взглядъ

на склоненное лицо Меира. Казалось, что она совершенно не видѣла другихъ, находящихся тамъ, людей.

Въ ту же самую минуту Еліазаръ воскликнулъ звонкимъ и чистымъ, какъ кристаллъ, голосомъ.

— Слушай, Израиль!

У евреевъ этими словами начинаются многіе святые псалмы и всякое божественное чтеніе. Для юношей, окружавшихъ Еліазара, это чтеніе словъ стараго учителя было псалмомъ благоговѣнія и глубокой молитвой духа.

Еліазаръ началъ читать пѣвучимъ и колеблющимся голосомъ:

— „Ученики мои! Вы спрашиваете меня, какая сила возноситъ вверхъ сіяющія небесныя существа, которыя мы называемъ звѣздами, и почему однѣ изъ нихъ поднимаются такъ высоко, что исчезаютъ въ млечныхъ туманахъ, а другія тяжело плывутъ по небу и далеко отстаютъ отъ своихъ сестеръ?

„Я открою передъ вами ту тайну, которую вы хотите знать.

„Сила, влекущая вверхъ сіяющія небесныя тѣла, — это Совершенство, которое живетъ на самыхъ высокихъ высотахъ и которое на человѣческомъ языкѣ называтся Богомъ. Звѣзды, исполненныя любви къ Совершенству и тоски по немъ, постоянно поднимаются все выше и выше, чтобы стать какъ можно ближе къ нему и почерпнуть кое-что для себя изъ его мудрости и благости. Цѣлые вѣка вѣковъ плывутъ онѣ по пространству и тѣ изъ нихъ, которыя больше, чѣмъ остальныя, любятъ Совершенство, вознеслись уже выше другихъ, тѣ же, которыя состоятъ изъ тяжелой матеріи и менѣе стремятся принять въ себя частицу Божественнаго свѣта, остались далеко позади своихъ сестеръ...

„Ученики мои! Отъ тѣхъ блестящихъ существъ, которыя сильнѣе всѣхъ тоскуютъ и желаютъ, и находятся ближе къ Совершенству, исходятъ всѣ перемѣны, происходящія въ подлунномъ мірѣ. Они то производятъ измѣненія и возникновеніе, изъ нихъ рождаются очертанія и образы вещей“ ...

Еліазаръ умолкъ и поднялъ голову отъ книги. Его бирюзовые глаза сіяли радостью.

Но молодые люди думали и думали долго, стараясь найти въ прочитанномъ имъ отрывкѣ разрѣшеніе мучившаго ихъ сомнѣнія. Меиръ сказалъ задумчиво:

— Есть такіе люди, души которыхъ, какъ эти блестящія небесныя существа, стремятся вверхъ отъ тоски по Совершенству. Онѣ знаютъ о томъ, что существуетъ Совершенство, и хотятъ почерпнуть что-нибудь для себя изъ Его мудрости и благости. Но есть и такіе люди, которые, какъ тѣ звѣзды изъ болѣе тяжелой матеріи, не любятъ Совершенства и не стремятся вверхъ отъ тоски по Немъ. Души такихъ людей витаютъ низко ...

Всѣ тотчасъ же поняли. Радость засіяла на всѣхъ лицахъ. Достаточно было такой мелкой крупицы знанія и правды, чтобы обрадовать эти бѣдныя и въ то же время столь богатыя души.

Меиръ взялъ изъ рукъ товарища книгу, которая была ему, очевидно, хорошо извѣстна, и прочелъ на другой страницѣ:

— „Даже сами ангелы не равны между собой. Они стоятъ одинъ надъ другимъ, какъ на ступеняхъ лѣстницы, а самый высокій изъ нихъ — духъ, порождающій мысль и познаніе. Этотъ духъ есть оживляющій Разумъ, и Гагада называетъ его княземъ міра!“ (Сар-га-Оламъ).

— Самый высшій ангелъ есть духъ, порождаю-

щій мысль и познаніе, а Гагада называетъ его княземъ міра, — повторилъ за Меиромъ хоръ молодыхъ голосовъ.

Ихъ сомнѣнія исчезли. Знаніе снова возбуждало благоговѣніе въ ихъ умахъ, пробуждало тоску въ ихъ сердцахъ и стояло передъ ихъ глазами въ образѣ Ангела надъ Ангелами, летящаго надъ міромъ въ княжескомъ пурпурѣ, окруженнаго яркимъ сіяніемъ исходящихъ отъ него мыслей.

Тѣнь задумчивости легла на глаза и лица молодыхъ людей. Задумчивостью тихаго вечера облекся цвѣтистый лугъ и лежащая за нимъ желтая равнина. Передъ ними надъ далекимъ лѣсомъ стояли пурпурныя облака, за которыми скрылся солнечный дискъ; за ними, постепенно погружаясь въ мрачную темноту, неподвижно дремалъ зеленый лѣсъ.

По лугу и по далекимъ полямъ пронесся серебристый протяжный голосъ Еліазара.

— „Во снѣ я увидѣлъ духъ моего народа“, — началъ пѣть бѣлокурый пѣвецъ Іеговы.

Эта пѣснь неизвѣстно откуда появилась и неизвѣстно какъ сложилась. Кто создалъ ее? Никто не могъ бы отвѣтить на это. Кажется, что ея первый стихъ сказалъ своимъ друзьямъ Еліазаръ послѣ одного изъ своихъ таинственныхъ и экстатическихъ сновъ, которые часто посѣщали его; другой добавилъ Аріель, сынъ Кальмана, когда въ тѣнистомъ лѣсу одиноко игралъ на скрипкѣ. Были въ ней и такія строфы, которыя вылились изъ груди Меира, и другія, которыя несмѣло прошепталъ своими почти дѣтскими губами Хаимъ, сынъ Абрама.

Такъ создаются всѣ народныя пѣсни. Родникъ ихъ — тоскующія сердца, угнетенные умы, инстинктивные порывы къ лучшей жизни.

Такъ создалась и въ Шибовѣ пѣснь, которую теперь началъ пѣть канторъ:

„Въ печальномъ снѣ я увидѣлъ духъ моего народа.
Была ли на его плечахъ пурпурная мантія?
Везла ли его по свѣту богатая колесница
Въ блескѣ славы?“

Здѣсь къ голосу пѣвца присоединились другіе голоса и пронеслись по лугамъ и по полю могучимъ отвѣтнымъ хоромъ.

„Пылью каменистыхъ дорогъ были покрыты его ноги!
Пылью была посыпана его сѣдая голова!
Лохмотьями были прикрыты его худыя колѣни,
Которыя дрожали!“

Тутъ изъ-за чащи березъ раздался шопотъ
— Шаа! Здѣсь есть люди, которые васъ слушаютъ!

Дѣйствительно, на дорогѣ, идущей черезъ лѣсъ, чернѣло въ сумракѣ нѣсколько мужскихъ фигуръ, медленно подвигающихся къ лугу. Но пѣвцы не замѣтили ни предостереженія Голды, ни шороха приближающихся шаговъ.

По лугу пронеслась другая строфа пѣсни:

„О, печальный, бѣдный духъ моего народа!
Развѣ глаза Всевышняго не охраняютъ уже твоихъ дорогъ?
Куда дѣлось великолѣпіе твоего трона?
Неужели навѣки завяли уже лиліи Сарона?
Неужели вездѣ уже сломаны кедры Ливана?
Неужели никогда уже не зазвучитъ въ благодарность Богу
Твое хоровое пѣніе?“

Въ воздухѣ еще звучалъ послѣдній стихъ пѣсни, когда на лугъ съ дороги, пересѣкающей лѣсъ, вы-

шли трое мужчинъ. На нихъ были праздничныя, длинныя и черныя одежды, опоясанныя цвѣтными платками, которыхъ въ субботній день нельзя носить обыкновеннымъ образомъ, но которые, опоясывая одежду, составляютъ ея часть и не являются грѣховными.

Посрединѣ шелъ отецъ кантора, Янкель Каміонкеръ, по обѣимъ сторонамъ его выступали Абрамъ Эзофовичъ, отецъ Хаима, и Морейне Кальманъ, отецъ Аріеля.

Несмотря на сумерки, при угасавшемъ свѣтѣ дня, отцы узнали своихъ сыновей, а сыновья — отцовъ. Голоса молодыхъ людей задрожали, притихли и поочердно замолкали одинъ за другимъ, пока не умолкъ весь хоръ; только одинъ голосъ не уступилъ и продолжалъ пѣть:

„Неужели ты никогда больше не выйдешь изъ глубокой тьмы,
И кости отцовъ твоихъ не задрожатъ въ могилахъ
Отъ гордости и восторга?“

Это былъ голосъ Меира.

Почтенные мужи, проходящіе черезъ лугъ, остановились и повернулись лицомъ къ столпившейся возлѣ лѣса кучкѣ молодежи; въ ту же самую минуту къ одинокому мужскому голосу присоединился женскій голосъ; это былъ чистый, сильный голосъ Голды, которая, увидѣвъ разгнѣванныя фигуры мужей, стоявшихъ среди луга, начала вторить Меиру такъ, какъ будто бы хотѣла подкрѣпить его отвагу, а, можетъ быть, раздѣлить съ нимъ и опасность.

Не обращая вниманія ни на молчаніе товарищей, ни на грозныя, темныя фигуры, стоящія на лугу, два соединившіеся голоса запѣли дальше:

„Пусть отдохнутъ ноги твои, пусть заживутъ раны,
Пусть яркій блескъ родника мудрости
Уменьшитъ твою боль, нищету и невѣжество!
Пусть зазвучитъ для тебя труба возстанія изъ мертвыхъ!
Пусть твою печальную душу освободитъ отъ оковъ
Ангелъ познанія!“

Съ послѣднимъ стихомъ умолкли оба голоса, пѣвшіе эту возвышенную пѣсню.

Сановники общины, стоявшіе до тѣхъ поръ на лугу, направились къ мѣстечку и, громко и гнѣвно разговаривая, пошли къ дому Эзофовичей.

* * *

Абрамъ, сынъ Саула, былъ совсѣмъ непохожъ на своего брата Рафаила. Насколько Рафаилъ, высокій, черноволосый и еще красивый, несмотря на свой возрастъ, былъ солиденъ, степененъ и неразговорчивъ, настолько же низкій, сгорбленный, съ пестрѣющими сѣдиной волосами, Абрамъ являлся человѣкомъ вспыльчивымъ, впечатлительнымъ и страстнымъ. Рѣчь его отличалась быстротой, стремительные жесты свидѣтельствовали о страстной натурѣ; глаза его блестѣли и по большей части мрачно смотрѣли въ землю.

Оба брата были учеными и своей ученостью давно заслужили высокочтимый въ общинѣ санъ Морейне.

Рафаилъ изучалъ главнымъ образомъ Талмудъ и считался однимъ изъ самыхъ большихъ знатоковъ его; Абрамъ же предпочиталъ углубляться въ бездонныя тайны Зогара. Рафаилъ пользовался гораздо большимъ, чѣмъ его братъ, уваженіемъ и довѣріемъ со стороны иновѣрцевъ, съ которыми онъ велъ дѣла; зато Абрамъ гордился гораздо большей симпатіей къ нему шибовскаго населенія, большей милостью

раввина и болѣе тѣсной дружбой съ достойнѣйшими въ мѣстечкѣ людьми, т. е. съ мудрецами и богачами общины.

Онъ былъ соединенъ самой тѣсной дружбой съ двумя главарями кагала: Морейне Кальманомъ и благочестивымъ Янкелемъ Каміонкеромъ. За предѣлами мѣстечка эти три человѣка были компаньонами въ такихъ торговыхъ дѣлахъ, какъ покупки, продажи, аренды; въ мѣстечкѣ въ дни отдыха они часто сходились для общаго божественнаго чтенія и размышленія и каждую субботу совершали сообща загородную прогулку, уходя настолько далеко, насколько позволено правовѣрному еврею удаляться въ этотъ день отъ стѣнъ своего дома. Никогда никто не видѣлъ, чтобы они отдалились отъ своихъ жилищъ больше, чѣмъ на двѣ тысячи шаговъ, и только иногда, когда глубина тѣнистаго лѣса слишкомъ манила къ себѣ и освѣжала ихъ лица, сожженныя зноемъ и обсыпанныя пылью, наполняющей мѣстечко, они наклонялись надъ тѣмъ мѣстомъ, на которое нога ихъ ступила при двухтысячномъ шагѣ, и закапывали въ землю маленькій кусочекъ домашняго хлѣба. Такимъ образомъ, то мѣсто, въ которомъ былъ закопанъ маленькій кусокъ чернаго хлѣба, само становилось ихъ домомъ, и имъ можно было продолжить свою прогулку еще на двѣ тысячи шаговъ. Шли они обыкновенно молча, такъ какъ мысленно съ необычайной добросовѣстностью считали свои шаги; поэтому простые люди, убогіе тѣломъ и духомъ, видя, какъ они шли такъ медленно, въ молчаніи и съ задумчивыми лицами, удивлялись ихъ мудрости и воздавали почесть правовѣрности своихъ ученыхъ и богачей, — при видѣ ихъ поднимались со своихъ мѣстъ и не садились до тѣхъ поръ, пока не

теряли изъ виду степенно движущихся фигуръ, ибо написано: „когда увидишь проходящаго мудреца, встань и не садись до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезнетъ изъ твоихъ глазъ!“

Однако, на обратномъ пути языки трехъ сановниковъ развязывались. Имъ уже не нужно было обращать вниманія на каждый свой шагъ, — и поэтому они вели между собой оживленные и конфиденціальные разговоры, въ которыхъ самое большее участіе принималъ Каміонкеръ, а самое меньшее Кальманъ; ибо первый былъ самымъ разговорчивымъ, а второй самымъ молчаливымъ изъ всѣхъ мудрецовъ, которыхъ когда-либо освѣщало солнце. Кальманъ постоянно улыбался своими пухлыми губами и казался образцомъ кротости, а также полнаго довольства всѣмъ міромъ и особенно самимъ собой; Каміонкеръ, наоборотъ, почти никогда не смѣялся и всегда имѣлъ видъ человѣка чѣмъ-то раздосадованнаго, а его маленькіе глаза подчасъ метали искры дикой злобы.

Никогда еще жители бѣдныхъ уличекъ, лежащихъ на концѣ мѣстечка, не видѣли, чтобы эти три важные и уважаемые мужа шли такъ поспѣшно и такъ шумно разговаривали, какъ въ тотъ вечеръ, когда по зеленому лугу и желтой равнинѣ разносилось эхо хоровой пѣсни молодыхъ людей. Даже самъ великолѣпный Кальманъ сталъ высказывать свою мудрость, утратилъ свою вѣчную улыбку и вынулъ одну руку изъ кармана. Что же касается до Янкеля Каміонкера, то тотъ дѣлалъ на ходу такія рѣзкія движенія, что полы его длинной одежды развѣвались по сторонамъ на подобіе черныхъ хлопающихъ крыльевъ. Наконецъ, Абрамъ Эзофовичъ развязалъ платокъ, которымъ онъ былъ опоясанъ и понесъ его въ рукѣ. Кальманъ замѣтилъ этотъ признакъ

крайняго раздраженія и сейчасъ же тихонько замѣтилъ пріятелю, что тотъ, не замѣчая этого, совершаетъ грѣхъ. Абрамъ сейчасъ же умолкъ, потому что былъ страшно пораженъ собственнымъ поступкомъ, и съ большой поспѣшностью сталъ снова опоясывать платкомъ свои бедра.

Это было уже на крыльцѣ дома Эзофовичей. Въ темномъ узкомъ коридорѣ раздались быстрые шаги и шелестъ развѣвающихся полъ одежды.

Три мужа вошли въ комнату, въ которой на желтомъ диванѣ сидѣлъ Саулъ, читавшій какую-то большую книгу при свѣтѣ двухъ свѣчей, горѣвшихъ въ тяжелыхъ, старинныхъ серебрянныхъ подсвѣчникахъ.

Саулъ нѣсколько удивился, увидѣвъ входящихъ гостей: былъ уже поздній часъ, неподходящій для посѣщеній. Однако, онъ привѣтствовалъ ихъ любезнымъ кивкомъ головы и указалъ имъ рукой на стулья, стоящіе возлѣ дивана. Пришедшіе сановники не заняли указанныхъ имъ мѣстъ, а всѣ трое стояли передъ Сауломъ. Несмотря на то, что лица ихъ пылали гнѣвомъ, позы ихъ были торжественны. Они, очевидно, условились между собой, какъ и въ какомъ порядкѣ они будутъ жаловаться; первый началъ Каміонкеръ.

— Ребе Саулъ,—сказалъ онъ, — мы пришли съ жалобой на внука твоего Меира!

По лицу Саула пробѣжала непріятная, почти болѣзненная дрожь.

— А что онъ сдѣлалъ дурного?—спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

Каміонкеръ началъ говорить сначала торжественно, потомъ все болѣе увлекаясь и волнуясь;

— Внукъ твой, Меиръ, портитъ нашихъ сыновей! Онъ бунтуетъ ихъ души противъ насъ и про-

тивъ нашихъ святыхъ законовъ; онъ читаетъ имъ проклятыя книжки и въ субботу поетъ свѣтскія пѣсни! Но онъ не только это дѣлаетъ! Онъ водитъ нечистую дружбу съ караимской дѣвушкой, и мы видѣли сейчасъ на лугу, какъ сыновья наши лежали у его ногъ, какъ будто у ногъ какого-нибудь учителя, а надъ головой его стояла караимская дѣвка и вмѣстѣ съ нимъ пѣла поганыя пѣсни!

Запыхавшись отъ своей горячей рѣчи, ребъ Янкель на минуту умолкъ, а Морейне Кальманъ, смотря на Саула своими медовыми и нѣсколько осовѣлыми глазами, медленно произнесъ:

— Мой сынъ Абрамъ былъ тамъ, и я накажу его за это!

Абрамъ, понуро смотря въ землю, также сказалъ:

— И мой сынъ, а твой внукъ, Хаимъ, тамъ былъ, и я накажу его за это!

А потомъ всѣ трое сказали вмѣстѣ:

— Накажи Меира!

Саулъ низко опустилъ свое сильно опечаленное лицо.

— Владыка неба,—шепнулъ онъ дрожащими губами,—чѣмъ я заслужилъ того, чтобы ты обращалъ въ тьму свѣтъ моихъ глазъ?

Потомъ онъ поднялъ голову и сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Я накажу его!

Блестящіе глаза Абрама были устремлены въ лицо отца.

— Отецъ,—сказалъ онъ, — больше всего думай объ этой караимской дѣвушкѣ. Эта нечистая дружба, которая завелась между ними, великій стыдъ для всей нашей семьи. Ты знаешь, отецъ, какой у насъ

обычай. Ни одинъ изъ правовѣрныхъ евреевъ не долженъ всю жизнь знать другой женщины, кромѣ той, которую родители дадутъ ему въ жены.

— Не долженъ!—стремительно вскрикнулъ ребъ Янкель, а лицо Кальмана изъ розоваго стало пунцовымъ. Чистота нравовъ была такъ велика у этихъ людей, что они, имѣя сѣдые волосы на головѣ, краснѣли отъ стыда, говоря о нечистой дружбѣ мужчины съ женщиной. Даже сморщенное лицо Саула покрылось блѣдно-розовой краской.

— Я скоро женю Меира!—сказалъ онъ.

Абрамъ отвѣтилъ:

— Пока онъ будетъ видѣться съ караимской дѣвушкой, онъ не захочетъ жениться!

— А что же съ ней дѣлать, чтобы онъ съ ней не видѣлся?—почти съ отчаяніемъ воскликнулъ старикъ.

Три стоящіе передъ нимъ мужа переглянулись.

— Съ ней нужно что-нибудь сдѣлать!—сказали они единогласно.

Два гостя еще нѣкоторое время помолчали, подумали, посмотрѣли другъ на друга, наконецъ поклонились и ушли.

Абрамъ остался въ комнатѣ.

— Отецъ, — сказалъ онъ, — а какъ ты думаешь его наказать?

— Я прикажу ему цѣлый день сидѣть въ бетъ-га-мидрашѣ и читать талмудъ.

— Что изъ этого?—съ нетерпѣливымъ жестомъ воскликнулъ Абрамъ. — Ты, отецъ, лучше прикажи его побить!

Голова Саула была все время низко опущена.

— Я не прикажу его бить! — отвѣтилъ онъ помолчавъ.

И потомъ прибавилъ тише:

— Душа Михаила перешла въ тѣло отца моего, Герша, а душа отца моего, Герша, поселилась въ тѣлѣ Меира.

— А откуда это можно знать?—спросилъ Абрамъ, котораго, однако, слова отца, очевидно, живо заинтересовали.

— Эту душу сначала узнала его прабабка, жена Герша, а потомъ узналъ ее рабби Исаакъ.

Саулъ тяжело вздохнулъ и повторилъ:

— Я прикажу ему сидѣтъ въ бетъ-га-мидрашѣ и читать талмудъ! Онъ цѣлый день не будетъ ни спать, ни ѣсть подъ моей кровлей, а шамесъ (посыльный синагоги) разгласитъ его наказаніе и стыдъ по всему городу!..

Глава VII.

Бетъ-га-мидрашъ представлялъ изъ себя обширное, красивое и видное зданіе; онъ находился во дворѣ синагоги, рядомъ съ молитвеннымъ домомъ, и имѣлъ различныя назначенія. Въ немъ собирались на не столь торжественныя молитвы; въ немъ происходили длинные и горячіе споры о различныхъ пунктахъ и разныхъ толкованіяхъ талмуда; въ немъ помѣщались библіотеки братствъ или товариществъ, которыхъ всегда имѣется значительное количество въ каждой израильской общинѣ и которыя преслѣдуютъ самыя разнообразныя цѣли; въ немъ также, правда, въ исключительныхъ случаяхъ, требующихъ исключительной строгости, отсиживали болѣе или менѣе долгій срокъ молодые люди, согрѣшившіе

противъ религіи или обычаевъ, отбывая скорѣе постыдное, чѣмъ тяжелое наказаніе.

Противъ бетъ-га-мидраша возвышалось другое зданіе, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, но построенное и сохраняемое съ такой же тщательностью. Это былъ бетъ-га-кагалъ, или кагальный домъ, мѣсто засѣданій и совѣщаній мѣстныхъ административныхъ вождей. Еще дальше, уже въ нѣсколько болѣе скромномъ зданіи, находился гекъ-дошъ, пріютъ для бѣдныхъ, въ который имѣли право приходить всѣ голодные, усталые, нуждающіеся въ отдыхѣ и пристанищѣ. Противъ молитвеннаго дома въ тѣсномъ и низкомъ домикѣ помѣщался хедеръ, или школа, въ которой преподавалъ ученый и уважаемый ребъ Моше.

Однимъ словомъ, дворъ этотъ, со всѣмъ тѣмъ, что его окружало, представлялъ изъ себя настоящую столицу маленькаго удѣльнаго государства. Здѣсь все, отъ черной хатки мудреца аскета, пріютившейся возлѣ самой святыни, и до виднѣющейся издалека обширной, окруженной тѣнистыми деревьями, больницы, отъ великолѣпнаго молитвеннаго дома до низенькаго маленькаго хедера, имѣло отношеніе къ общественнымъ дѣламъ и нуждамъ.

При своемъ появленіи каждое изъ этихъ учрежденій имѣло какую-нибудь хорошую цѣль, и въ основѣ его лежала какая-нибудь высокая мысль, какъ то: общественный порядокъ, милосердіе, наука, вознесеніе души къ Богу или размышленіе надъ высокими предметами. Какимъ образомъ нѣкоторыя изъ этихъ первоначальныхъ понятій выродились и почему нѣкоторыя изъ этихъ первоначальныхъ цѣлей пріобрѣли смыслъ и характеръ діаметрально противоположный тѣмъ, какіе придаетъ имъ весь міръ,—

это уже другое дѣло; объ этомъ нужно спросить исторію.

Съ того вечера, когда компанія юныхъ пріятелей мечтала, пѣла, вела задушевные разговоры на зеленомъ лугу, прошло восемь дней. На девятый день, незадолго до захода солнца, Меиръ вышелъ изъ бетъ-га-мидраша и остановился на его высокомъ крыльцѣ. Повинуясь приказанію владыки своей семьи, онъ провелъ всѣ эти дни въ полномъ одиночествѣ, читая и размышляя надъ книгами талмуда; онъ хорошо зналъ эти книги, относительно нихъ въ умѣ его родилось уже много сомнѣній, но все-таки онъ не могъ вполнѣ утратить внушеннаго ему съ дѣтства благоговѣнія передъ ними. Наказаніе, которое назначили ему, не было тяжелымъ и не принесло ему ни малѣйшихъ физическихъ страданій, потому что заботливыя и сострадательныя женскія руки вкладывали лучшіе куски въ пищу, которую ему приносили два раза въ день изъ родного дома; однако, онъ очень измѣнился, поблѣднѣлъ и похудѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ казался какъ будто болѣе сильнымъ. Въ его фигурѣ и лицѣ не осталось ни слѣда той дѣтской робости, которая проглядывала въ немъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Можетъ быть, душа его была возмущена несправедливостью наложеннаго на него наказанія; а, можетъ быть, то одиночество, на которое его осудили, и внимательное перечитываніе древнихъ книгъ, которыми наполнены были шкафы, стоявшіе по стѣнамъ бетъ-га-мидраша, создали много новыхъ понятій въ его душѣ, взволновавъ ее еще сильнѣе. Несомнѣнно лишь то, что лихорадочная блѣдность его лица свидѣтельствовала о трудной и глубокой духовной работѣ, а блескъ глазъ выдавалъ страстное, съ трудомъ подавляемое

раздраженіе. Наложенное на него наказаніе не достигло цѣли: вмѣсто того, чтобы успокоить и укротить мятежнаго юношу, оно сдѣлало его еще болѣе дерзкимъ и склоннымъ къ возмущенію.

Когда онъ сошелъ съ крыльца бетъ-га-мидраша и медленно проходилъ черезъ синагогальный дворъ, было замѣтно, что ко всѣмъ другимъ его чувствамъ присоединился еще и стыдъ. Видя нѣсколькихъ человѣкъ, входящихъ въ ворота, онъ опустилъ глаза и покраснѣлъ. Это были кагальные чиновники, которые направлялись къ обычному мѣсту своихъ совѣщаній. Увидя Меира, они стали смѣяться и показывать на него пальцами. Только Янкель Каміонкеръ не засмѣялся и даже не замѣтилъ Меира. Онъ шелъ очень быстро и нѣсколько поодаль отъ своихъ товарищей; лицо его было еще болѣе озабочено и раздражено, чѣмъ обыкновенно. Дойдя до средины двора, онъ свернулъ въ сторону и вмѣсто того, чтобы войти со своими товарищами въ бетъ-га-кагалъ, пошелъ вдоль стѣны гекъ-доша, пріюта убогихъ. Онъ только прошелъ вдоль стѣны, но за это короткое время успѣлъ обмѣняться нѣсколькими тихими словами и таинственными жестами съ какимъ-то человѣкомъ, растрепанная голова котораго съ распухшимъ лицомъ высунулась въ открытое окно гекъ-доша.

Меиръ зналъ того человѣка, съ которымъ Каміонкеръ обмѣнялся короткими словами, произнесенными шопотомъ: интимныя отношенія этихъ двухъ людей крайне удивили его.

— Ну,—подумалъ онъ,—что за знакомство можетъ быть между благочестивымъ и богатымъ ребъ Янкелемъ и такимъ бродягой и преступникомъ, какъ фурманъ Іохель.

Однако, онъ не долго думалъ объ этомъ. Онъ шелъ медленно и направлялся не въ сторону родного дома, въ который онъ, очевидно, не спѣшилъ, а въ сторону маленькой улицы, которая шла мимо синагогальнаго двора и вела къ полямъ; онъ, очевидно, хотѣлъ выйти изъ мѣстечка и пойти на то широкое, ясное пространство, которое было освѣщено послѣдними дневными лучами и съ котораго доносился легкій шелестъ пролетавшаго надъ нимъ свѣжаго вѣтра. Но у конца синагогальнаго двора онъ остановился. Уши его поразилъ странный шумъ, состоящій изъ звуковъ множества дѣтскихъ голосовъ, то понижающихся до шопота, то поднимающихся до пискливаго протяжнаго пѣнія. Среди этого громкаго и колеблющагося шума лѣтскихъ голосовъ слышались по временамъ пискливые стоны и вздохи усталыхъ и измученныхъ грудей, а надъ всѣмъ этимъ господствовалъ грубый мужской голосъ, который то что-то разсказывалъ и читалъ, то гнѣвно ругался.

На губахъ Меира появилась какая-то особенная усмѣшка: въ ней были боль, гнѣвъ и состраданіе. Онъ остановился возлѣ хедера, въ которомъ преподавалъ меламедъ ребъ Моше и изъ котораго именно и исходилъ этотъ странный хаотическій шумъ, въ которомъ было что-то страшно печальное и вмѣстѣ съ тѣмъ грубое.

Повинуясь какому-то непобѣдимому чувству, влекущему его къ хедеру, Меиръ оперся обоими локтями о подоконникъ открытаго окна и сталъ смотрѣть во внутренность зданія. Это была тѣсная, темная, зловонная и биткомъ набитая комната. Между низкимъ чернымъ потолкомъ, четырьмя такими же черными стѣнами и поломъ, сплошь покрытымъ толстымъ слоемъ сору и грязи, въ сыромъ, затхломъ

и тяжеломъ воздухѣ качалась и что-то неистово бормотала хоромъ какая-то черная масса, составныхъ частей которой нельзя было разобрать съ перваго взгляда. Только черезъ минуту передъ взглядомъ смотрящаго, точно изъ мглы или пыли, начинали выплывать дѣтскія лица и фигуры. Всѣ они были очень разнообразны.

Здѣсь были полныя, темныя, болѣзненно вспухшія лица; были также бѣлыя, маленькія, тонкія личики съ прекрасными чертами; у однихъ ротъ былъ открытъ, какъ у идіотовъ, и взглядъ былъ мутнымъ и соннымъ; у другихъ глаза блестѣли сдержаннымъ гнѣвомъ, а губы дрожали отъ нервнаго напряженія; иныя были блѣдны, внимательны, покорны и терпѣливо страдали. Одежда этихъ дѣтей также была очень разнообразна, начиная отъ опрятныхъ сюртучковъ у богатыхъ дѣтей, до курточекъ безъ рукавовъ и сѣрыхъ рваныхъ халатовъ у бѣдняковъ. Въ комнатѣ, въ которой могло бы удобно помѣститься всего отъ десяти до двадцати мальчиковъ, помѣщалось нѣсколько десятковъ ихъ, и всѣ они тѣснились и сидѣли чуть не одинъ на другомъ, на слишкомъ узкихъ и высокихъ, твердыхъ и грязныхъ скамьяхъ, стоящихъ вдоль комнаты.

Въ Шибовѣ было не мало подобныхъ хедеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ столькихъ учениковъ, какъ тотъ, въ которомъ преподавалъ ребъ Моше. Богачи и бѣдняки съ одинаковымъ жаромъ старались помѣщать туда своихъ дѣтей, потому что ребъ Моше былъ меламедомъ надъ меламедами, любимымъ ученикомъ великаго раввина, къ тому же онъ былъ ученымъ каббалистомъ и аскетомъ, настоящимъ хахамомъ и истинно благочестивымъ человѣкомъ.

Однако, не слѣдуетъ думать, что ребъ Моше унижался до того, чтобы преподавать первыя начала великой науки самымъ маленькимъ дѣтямъ общины. Это было бы непростительной тратой времени для его высокихъ способностей, которыя имѣли болѣе высокое назначеніе. Подростки, наполняюшіе его хедеръ, были въ возрастѣ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ и уже отъ семи лѣтъ питались святымъ хлѣбомъ знанія. Въ другихъ, низшихъ хедерахъ ихъ учили читать по древне-еврейски и преподавали имъ Хумешъ (пятикнижіе) со многими поясненіями и комментаріями; здѣсь же подъ руководствомъ ребъ Моше они вступали на третью ступень мудрости, состоящую изъ изученія талмуда вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ составляющихъ его книгъ, отдѣловъ, подотдѣловъ, параграфовъ, спорныхъ пунктовъ, разъясненій, объясненій, комментаріевъ къ объясненіямъ и комментаріевъ къ комментаріямъ.

Этого было, повидимому, уже вполнѣ достаточно для развитія ума и памяти этихъ блѣдныхъ, одутловатыхъ, раздраженныхъ или терпѣливо страдающихъ подростковъ; но ребъ Моше не привыкъ довольствоваться малымъ въ дѣлахъ религіи и ея преподаванія. Наполняя умъ и дрессируя память своихъ учениковъ, онъ старался, кромѣ того, разбудить ихъ фантазію, открывая передъ ней волшебныя области притчъ и аллегорій, которыми полна Гагада, и даже угошая ихъ кое-чѣмъ изъ высокой и мистической метафизики каббалы. Эти разсказы или чтенія составляли родъ отдыха, всю прелесть котораго должны были глубоко чувствовать слушавшія ихъ дѣти; но случаи такіе выпадали рѣдко, только тогда, когда меламедъ чувствовалъ себя въ добромъ и радостномъ настроеніи духа.

Въ ту минуту, когда Меиръ началъ слѣдить черезъ открытое окно за урокомъ, идущимъ въ хедерѣ, ученики учили наизусть заданный имъ на сегодня отрывокъ талмуда, а учитель, сидя напротивъ нихъ на каѳедрѣ, состоящей изъ деревяннаго табурета, въ свою очередь внимательно читалъ лежащую передъ нимъ на кривоногомъ столѣ большую и очень старую книгу. Онъ читалъ эту книгу съ большимъ интересомъ и съ неменьшимъ удовольствіемъ; радостная улыбка появилась на его губахъ, едва замѣтныхъ изъ за огромной растительности,— при этомъ онъ медленно качался взадъ и впередъ, качая этимъ движеніемъ и хромой столъ; ученики его также качались на своихъ скамьяхъ, сидя каждый надъ большой раскрытой книгой; они то тихо шептали, то вдругъ возвышали голосъ, то, какъ будто для того, чтобы заглушить какую-то внутреннюю боль, ударяли сжатыми кулаками о края скамьи или читая хватались обѣими руками за голову и еще больше растрепывали свои волосы, и безъ того уже торчащіе вихрами отъ труда и отчаянія.

Вдругъ меламедъ пересталъ качаться, поднялъ свое прояснившееся лицо, взялъ большую книгу въ обѣ руки и изо всѣхъ силъ ударилъ ею о кривоногій столъ. Это былъ знакъ молчанія. Ученики въ мгновеніе ока перестали качаться и умолкли. Всѣ подняли глаза къ лицу учителя: одни съ большимъ страхомъ, думая, что пришла пора отвѣчать заданный урокъ; другіе съ выраженіемъ злобнаго упрямства и тайной насмѣшки.

Но меламедъ не замѣтилъ выраженій, появившихся на лицахъ его учениковъ. Въ эту минуту онъ ничего не видѣлъ и не замѣчалъ вокругъ себя. Его душа была охвачена невыразимымъ наслажденіемъ

и унеслась въ область восторговъ; однако, онъ настолько чувствовалъ себя учителемъ и понималъ обязанности учителя, что пожелалъ перелить часть своего восторга въ растрепанныя и взъерошенныя головы своихъ учениковъ.

Онъ поднялъ указательный палецъ, вскинулъ голову и, тряся бородой и метая искры изъ глазъ, началъ громко читать отрывокъ изъ Шіуръ-Комы.

— „Великій князь свидѣтельства такъ говоритъ о величіи Іеговы. Отъ дома столицы великаго Іеговы до горы сто восемнадцать разъ по десять тысячъ миль. Высота его сто шесть и тридцать разъ тысяча миль. Отъ правой руки Іеговы до лѣвой семьдесятъ семь разъ десять тысячъ миль. Черепъ его головы имѣетъ три раза десять тысячъ миль въ длину и въ ширину. Корона на головѣ его имѣетъ шестьдесятъ разъ десять тысячъ миль. Подошвы короля королей имѣютъ тридцать тысячъ миль. Отъ ступней его до колѣнъ двѣнадцать разъ десять тысячъ и четыре мили. Отъ бедеръ до шеи двадцать четыре раза десять тысячъ миль“. Такова величина короля надъ королями, Господина міра!

Выкрикнувъ послѣднюю фразу, ребъ Моше нѣкоторое время стоялъ на своей каѳедрѣ неподвижно, какъ истуканъ, съ поднятыми руками и взглядомъ, потонувшимъ въ прекрасныхъ образахъ. Ученики его также сидѣли неподвижно и смотрѣли на него окаменѣлымъ взглядомъ. Теперь уже всѣ безъ исключенія, и покорные, и шаловливые, и полуидіоты и смѣтливыя дѣти, всѣ широко открыли рты. Описаніе величія Іеговы ошеломило всѣ умы.

Однако, меламедъ вскорѣ очнулся отъ своего экстаза и вскрикнулъ, дѣлая повелительный жестъ:

— Гей!

Услышавъ этотъ крикъ, значеніе котораго они хорошо понимали, мальчики снова бросились къ своимъ большимъ книгамъ, закачались и начали читать нараспѣвъ заданный имъ отрывокъ талмуда. Какъ звучалъ и что заключалъ въ себѣ этотъ отрывокъ,— этого не разобрало бы ни одно непосвященное ухо, слушающее этотъ гамъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ. Но Меиръ, который самъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ проходилъ точно такой же курсъ наукъ и притомъ, будучи одаренъ богатой памятью, ничего не забылъ изъ него, сразу понялъ, что въ этотъ день мальчики учили VIII отдѣлъ трактата Берахотъ (о благословеніяхъ).

Дѣти въ одинъ голосъ, непрерывно, съ необыкновеннымъ жаромъ, со страданіемъ, вызывавшимъ стоны изъ груди и обливавшимъ лбы потомъ, читали и пѣли:

„Мишна 1. Спорные пункты между школами Шамая и Гиллела слѣдующіе. Школа Шамая говоритъ: нужно благословлять день (субботній), а потомъ вино. Школа Гиллела утверждаетъ: пусть благословляютъ вино, а потомъ день.

Мишна 2. Школа Шамая говоритъ: умываютъ руки, а потомъ наполняютъ бокалъ. Школа Гиллела утверждаетъ: наполняютъ бокалъ, а потомъ умываютъ руки.

Мишна 3. Школа Шамая говоритъ: вытерши руки, кладутъ полотенце на столѣ. Школа Гиллела утверждаетъ: кладутъ его на подушкѣ.

Мишна 4. Школа Шамая говоритъ: огонь, пища и благовоніе. Школа Гиллела утверждаетъ: огонь, благовоніе и пища. Школа Шамая говоритъ: сотворивши блескъ огня. Школа Гиллела придерживается: сотворивши блески огня...“

Тутъ въ комнатѣ снова разразился двойной стукъ: стукъ книги, ударяющей о хромой столъ, и стукъ хромого стола, ударяющаго объ полъ. Ученики снова превратились въ неподвижныхъ и молчаливыхъ истуканов. Меламедъ обвелъ всѣ ихъ лица такимъ взглядомъ, какъ будто онъ былъ жрецомъ, которому предстоитъ выбрать одного изъ этихъ дѣтей на сожженіе. Наконецъ онъ указалъ пальцемъ на одну изъ послѣднихъ скамеекъ и грозно крикнулъ:

— *Лейбеле!*

На этотъ крикъ поднялся высокій блѣдный ребенокъ въ сѣромъ длинномъ сюртукѣ и сталъ смотрѣть въ лицо меламеда огромными черными окаменѣлыми глазами.

— Комъ геръ! (иди сюда)—сказалъ учитель.

Среди учениковъ произошло движеніе. Пройти черезъ эту комнату было не легко. Мальчики давали дорогу вызванному, толкая другъ друга, падая подъ скамейки и кулаками пропихивая товарища черезъ толпу.

Лейбеле, наконецъ, вышелъ изъ толпы и сталъ въ узкомъ проходѣ, отдѣляющемъ каѳедру учителя отъ первой скамьи учениковъ. Обѣими худыми руками онъ держалъ большую книгу, подъ тяжестью которой руки его каждую минуту опускались къ землѣ; ротъ его былъ широко открытъ, а плечи поминутно подергивались нервной дрожью. Теперь онъ не смотрѣлъ на меламеда. Онъ наклонилъ свое лицо надъ страницами все опускавшейся къ землѣ книги. Ребъ Моше поднялъ ему голову ударомъ кулака подъ подбородокъ.

— Ну,—крикнулъ онъ,—ты чего, какъ разбойникъ, смотришь въ землю? Смотри на меня!

Ребенокъ снова сталъ смотрѣть ему въ лицо не-

подвижными глазами, которые стали подергиваться туманной пеленой слезъ.

— Ну,—началъ меламедъ,—что говоритъ школа Шамая и что говоритъ школа Гиллела?

Наступило долгое молчаніе. Мальчики, сидѣвшіе на первой скамейкѣ, незамѣтно толкали товарища кулаками въ бока и шептали ему:

— Зогъ! Зогъ! (Говори! Говори!)

— Школа Шамая,—началъ Лейбеле дрожащимъ и едва слышнымъ голосомъ,—говоритъ: нужно благословлять вино...

— День, день, а потомъ вино!—шептали съ первой скамьи сострадательные голоса помощи. Но въ ту же минуту рука меламеда очутилась въ столь непосредственной близости съ ухомъ одного изъ подсказывающихъ, что изъ груди мальчика вырвался пронзительный крикъ, а другіе ученики закрыли рты и вмѣсто этого широко открыли глаза, остолбенѣвъ отъ страха.

Ребъ Моше снова обратился къ экзаменуемому ученику:

— Мишна первая!—воскликнулъ онъ.—Что говоритъ школа Шамая?

Дрожащій дѣтскій голосъ началъ отвѣчать еще тише, чѣмъ раньше:

— Школа Шамая говоритъ: благословите вино...

Кулакъ меламеда тяжело опустился на плечо ученика, изъ рукъ котораго сразу выпала большая книга.

Меламедъ вскочилъ со своей каѳедры.

— А шлехтеръ, думмеръ, фершольтенеръ бубе!—крикнулъ онъ, бросаясь къ ребенку.—Ты не хочешь учиться великой наукѣ и, когда я задаю тебѣ урокъ, говоришь, что школа Шамая приказываетъ сначала

благословлять вино, а потомъ день... и еще бросаешь на землю святыя книжки... Ты развѣ не читалъ, что Шамай велѣлъ благословлять сначала день, а потомъ вино...

Тутъ изъ за спины кричащаго и мечущагося меламеда раздался звонкій, но дрожащій и насмѣшливый мужской голосъ:

— Ребъ Моше! Этотъ бѣдный ребенокъ никогда въ жизни не видѣлъ вина и во всѣ дни своей жизни терпѣлъ голодъ и побои: вотъ ему и трудно запомнить, что нужно прежде благословлять, вино или день?

Но ребъ Моше не слышалъ этого замѣчанія. Оба его сжатые кулака съ неимовѣрной быстротой нѣсколько разъ опустились на голову и на плечи бѣднаго ребенка, а когда тотъ, не издавъ ни малѣйшаго стона, тихо опустился подъ этими ударами на большую книгу, которую онъ еще раньше выпустилъ изъ рукъ, то кулаки поднялись еще разъ, чтобы упасть на его спину, прикрытую изодраннымъ сюртучкомъ. Однако, прежде, чѣмъ они успѣли сдѣлать это, чья-то сильная рука оттолкнула ихъ обладателя такъ порывисто, что онъ ударился объ уголъ хромого столика и, перевернувъ его, самъ упалъ навзничь.

— Ребъ Моше! — воскликнулъ тотъ же стремительный и насмѣшливый мужской голосъ, который произнесъ и первое замѣчаніе.—Ребъ Моше,—повторилъ онъ,—развѣ это не еврейское дитя, что ты изливаешь на него море своей злобы? Развѣ это не несчастное дитя бѣдняка, развѣ это не братъ нашъ?

Говоря это, Меиръ, на блѣдномъ лицѣ котораго выступилъ горячій румянецъ, наклонился надъ скорчившимся на землѣ неподвижнымъ и нѣмымъ ре-

бенкомъ и взялъ его на руки. Онъ направился съ нимъ къ дверямъ, но, однако, еще разъ повернулся и воскликнулъ:

— Ребъ Моше! Ты изъ еврейскихъ головъ выбиваешь разумъ и изъ сердецъ вытравляешь жалость. Я слышалъ, какъ нѣкоторые изъ этихъ мальчиковъ смѣялись, когда ты билъ Лейбеля, и у меня отъ ихъ смѣха сердце полно слезъ!

Сказавши это, онъ вышелъ, неся ребенка на рукахъ. Ребъ Моше тутъ только вышелъ изъ того оцѣпенѣнія, въ которое привело его это совершенно неожиданное нападеніе. Онъ вскочилъ съ земли и закричалъ:

— А! Мердеръ! Разбойникъ! Фершольтенеръ!—и, обернувшись со сжатыми кулаками къ своей школѣ, онъ сталъ кричать:

— Догоняйте, ловите, бейте, побивайте камнями!

Однако, не было уже никого, кто могъ бы выслушать и исполнить эти приказанія. Школа зіяла абсолютной пустотой. Только опрокинутыя скамейки и брошенныя на землю книги свидѣтельствовали о внезапномъ бѣгствѣ нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ. Увидя, что товарищъ ихъ былъ спасенъ отъ кулаковъ учителя, а самъ учитель лежалъ опрокинутый на землѣ и боролся съ хромымъ столомъ, который придавилъ его и мѣшалъ ему встать, всѣ они, частью со страха, частью изъ своеволія и жажды свободы, толпой бросились со своихъ скамеекъ и, съ пронзительнымъ крикомъ выскочивъ изъ хедера, какъ кто могъ, кто въ окно, кто въ дверь, разбѣжались по всему мѣстечку, словно стая птицъ, выпущенныхъ изъ клѣтки.

Хедеръ и синагогальный дворъ были пусты, только на крыльцѣ бетъ-га-мидраша стояло нѣсколько

членовъ кагала, степенно разговаривая между собой. Къ нимъ то, скачками перебѣжавъ дворъ, хватаясь обѣими руками за свою растрепанную голову, крича и задыхаясь, подбѣжалъ оскорбленный мудрецъ, ребъ Моше.

Между тѣмъ Меиръ быстро шелъ и несъ въ своихъ объятіяхъ ребенка, по худымъ щекамъ котораго текли теперь крупныя слезы. Однако, странное явленіе! Глаза Лейбеле, смотрѣвшіе сквозь слезы на Меира, были менѣе мертвенны, и выраженіе ихъ было менѣе идіотское, чѣмъ обыкновенно, а на его дрожащихъ отъ слезъ губахъ, несмотря на пережитые страхъ и боль, блуждала улыбка. Улыбаясь, спасенный ребенокъ плакалъ и смотрѣлъ въ лицо своего избавителя.

— Морейне!—шепнулъ Лейбеле.

— Морейне,— повторилъ онъ тише,—какой ты добрый!

На углу бѣдной улицы, съ маленькими темными домами, Меиръ поставилъ ребенка на землю.

— Ну, сказалъ онъ, показывая на виднѣющуюся вдали хату портного Шмуля,—теперь иди домой...

Лейбеле опять помертвѣлъ, спряталъ руки въ рукава своей одежды и сталъ среди дороги, какъ неподвижный истуканъ. Меиръ усмѣхнулся и посмотрѣлъ въ лицо мальчика.

— Боишься?—спросилъ онъ.

— Боюсь! — отвѣтилъ ему истуканъ горловымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ вмѣсто того, чтобы вернуться, какъ онъ думалъ раньше, пошелъ къ хаткѣ Шмуля. Лейбеле шелъ за нимъ шагъ за шагомъ, заложивъ руки въ рукава и широко раскрывъ ротъ.

Глава VIII.

День приходилъ къ концу, и на бѣдной улицѣ заканчивались всѣ дневныя работы. Жалкое, опустившееся, оборванное и неопрятное населеніе высыпало на пороги своихъ жилищъ.

Едва Меиръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ тотчасъ же замѣтилъ особенную перемѣну въ отношеніяхъ этого населенія къ нему. Прежде внука богатаго Саула привѣтствовали низкими поклонами; болѣе близкіе знакомые подходили къ нему и съ дружеской фамильярностью повѣряли ему свои заботы, горести, а иногда и то глубоко-затаенное, что тяжелымъ бременемъ лежало на ихъ совѣсти; другіе изъ открытыхъ оконъ или изъ-подъ стѣнъ домовъ посылали ему громкое и пріязненное: „Борохъ габо!“ (благословенъ пришедшій!).

Теперь онъ замѣтилъ нѣсколько брошенныхъ на него косыхъ недоброжелательныхъ взглядовъ; женщины присматривались къ нему съ какимъ-то тупымъ любопытствомъ и, перешептываясь, показывали на него пальцами; одинъ изъ тѣхъ пильщиковъ, которые цѣлый мѣсяцъ работали во дворѣ Саула и съ которыми Меиръ не разъ весело и дружески дѣлилъ работу, теперь даже не поздоровался съ нимъ и, печально, неохотно взглянувъ на него, скрылся въ сумрачной глубинѣ своей лачуги.

Меиръ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что это значитъ? — подумалъ онъ. — Чего они хотятъ отъ меня? Что я имъ сдѣлалъ?

Ему должно было показаться страннымъ и то, что портной Шмуль не выбѣжалъ, какъ это бывало обыкновенно, навстрѣчу ему изъ своей хаты, чтобы осыпать его градомъ благодарности, льстивыхъ словъ,

жалобъ и сѣтованій. Но онъ вошелъ все-таки въ маленькій домикъ, а Лейбеле остался у порога и, сгорбившись, усѣлся у стѣны.

Молодой человѣкъ долженъ былъ наклонить голову, чтобы пройти въ низкія дверцы, ведущія изъ темныхъ сѣней, гдѣ среди мрака двигались и бѣлѣли въ углу двѣ козы, въ тѣсную, душную и зловонную, несмотря на открытое окошечко, избу. На порогѣ съ нимъ разминулась худощавая женщина съ темнымъ сморщеннымъ лицомъ. Это была жена Шмуля, которая вышла на порогъ и молча дала сидящему у стѣны ребенку кусокъ чернаго сухого хлѣба: это былъ ужинъ, который Лейбеле обыкновенно получалъ по возвращеніи изъ хедера.

Вся семья Шмуля въ тотъ моментъ, когда въ избу вошелъ Меиръ, ѣла такой же точно ужинъ, съ той разницей, что три взрослыя дѣвушки, два маленькіе мальчика, самъ Шмуль и его старая мать прибавляли къ хлѣбу небольшія щепотки луку, лежавшаго въ довольно ограниченномъ количествѣ на черной выщербленной тарелкѣ. Кромѣ двухъ мальчиковъ, значительно моложе Лейбеле, которые, сидя на землѣ въ углу, усердно грызли данныя имъ порціи зачерствѣвшаго хлѣба, по полу у ногъ огромнаго чернаго пса ползалъ двухлѣтній ребенокъ, а другой, которому было всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, спалъ въ люлькѣ, привѣшенной на веревкѣ къ балкѣ потолка. Люльку эту качала одна изъ взрослыхъ дѣвушекъ. Другая дѣвушка возилась съ козами въ темныхъ сѣняхъ, а третья ломала хлѣбъ на мелкіе куски, посыпала ихъ лукомъ и вкладывала въ дрожащія руки слѣпой матери Шмуля. Эта старая слѣпая мать сидѣла на единственной постели, которая была въ избѣ; прочіе же члены семьи спали на твердыхъ узкихъ скамь-

яхъ или на землѣ. Но постель слѣпой старухи была довольно хорошо постлана; платокъ, которымъ была повязана ея грудь, былъ цѣлъ и опрятенъ; а большой чепецъ, покрывавшій ея голову, былъ сшитъ изъ чернаго атласа и даже богато отдѣланъ. Сидѣвшая около нея внучка, растрепанная и грязно одѣтая, вкладывала болѣе чѣмъ скудную пищу въ ея руки, а иногда и въ ротъ, съ такой серьезностью, какъ будто ни на минуту не переставала думать о важности своей миссіи. По временамъ она своей грубой, почти черной рукой гладила сморщенную трясущуюся руку бабушки и, видя, съ какимъ трудомъ она пережевывала твердую пищу, снисходительно и одобрительно покачивала головой.

Какъ въ просторномъ и зажиточномъ домѣ богатаго Саула, такъ и въ темной избушкѣ бѣдняка Шмуля, биткомъ набитой ея обитателями, старшая въ родѣ женщина занимала самое удобное мѣсто и была предметомъ общей заботливости и уваженія. Среди сыновъ Израиля никогда не случается, чтобы кто-либо, будь онъ богачъ или нищій, оставилъ тѣхъ, кто далъ ему жизнь, безъ помощи и попеченія на старости лѣтъ или въ несчастіи. „Какъ вѣтви отъ дерева, такъ всѣ мы отъ нея беремъ начало!“ — говорилъ о своей матери глава семьи Эзофовичей. Хаетъ Шмуль не умѣлъ выражать своихъ чувствъ такъ, какъ купецъ Саулъ,—но когда его мать ослѣпла, то онъ отъ великой скорби вырывалъ себѣ изъ головы свои черные вьющіеся волосы; потомъ вмѣстѣ со своей семьей постился онъ три дня, чтобы за цѣну той пищи, отъ которой они отказались, купить для ослѣпшей старую, полуразрушенную кровать; потомъ онъ собственными руками сбивалъ и поправлялъ кровать, чтобы она могла стоять, припершись

къ стѣнѣ, а когда Сара, жена Бера, дала ему шить черное атласное платье, онъ отрѣзалъ большой кусокъ драгоцѣнной матеріи и сшилъ для матери пышный чепецъ на ватѣ.

Увидѣвъ входившаго въ избу Меира, Шмуль сорвался съ табурета, на которомъ сидѣлъ, и подскочилъ къ гостю. Онъ поклонился ему своимъ обыкновеннымъ низкимъ и гибкимъ поклономъ, но не поцѣловалъ его въ руку, какъ прежде, и не закричалъ съ радостью: „Ай, что за гость! что за гость!“.

— Морейне! — заговорилъ онъ, — я уже знаю, что ты сдѣлалъ! Дѣтвора бѣжала сюда изъ хедера и кричала, что ты вырвалъ моего Лейбеле изъ сильныхъ рукъ ребъ Моше, а его самого толкнулъ и опрокинулъ. Ты это сдѣлалъ отъ добраго сердца, но это нехорошо, Морейне! очень нехорошо! Ты этимъ взялъ на себя большой грѣхъ и меня утопилъ въ большой бѣдѣ. Теперь ребъ Моше — пусть онъ живетъ сто лѣтъ! — не захочетъ принять въ свой хедеръ ни моего Лейбеле, ни моихъ младшихъ сыновей, и они никогда не будутъ учеными! Ой вей! Морейне! Что ты надѣлалъ и мнѣ и себѣ изъ-за своего добраго сердца!

— Ты обо мнѣ, Шмуль, не печалься! Пусть уже со мной будетъ, какъ будетъ! — живо возразилъ Меиръ. — Ты сжалься надъ своимъ собственнымъ ребенкомъ и, по крайней мѣрѣ, дома не бей его. Онъ уже достаточно страдаетъ въ хедерѣ...

— Ну! Какъ такъ страдаетъ? Такъ что же, что страдаетъ! — заговорилъ Шмуль. — Мои прадѣды и дѣды, и отцы ходили въ хедеръ и страдали! И я также ходилъ и страдалъ! Что же дѣлать, когда нужно!

— А ты, Шмуль, никогда не подумалъ себѣ, что,

можетъ быть нужно, иначе? — уже ласковѣе спросилъ Меиръ.

У Шмуля заблестѣли глаза.

— Морейне! — вскричалъ онъ, — ты не произноси грѣшныхъ словъ въ моей хатѣ! Моя хата очень бѣдна, но въ ней, благодареніе Богу, всѣ держатся святыхъ законовъ и слушаются завѣтовъ старшихъ! Хаетъ Шмуль очень бѣденъ и трудами своихъ рукъ содержитъ свою жену, восемь дѣтей и старую слѣпую мать! Но онъ чистъ передъ Богомъ и людьми, потому что вѣрно исполняетъ святые законы. Хаетъ Шмуль празднуетъ субботы, соблюдаетъ кошеры, съ криками и стонами возноситъ къ Богу всѣ назначенныя шемы и тефилы, а хазару онъ никогда даже въ глаза не видѣлъ и съ гоями не ведетъ дружбы, потому что онъ знаетъ, что Іегова любитъ и охраняетъ только израильтянъ и что только израильтяне имѣютъ душу. Такъ поступаетъ бѣдный хаетъ Шмуль, потому что такъ повелѣлъ Богъ и такъ поступали его прадѣды, дѣды и отцы!..

Когда худой, гибкій и вспыльчивый Шмуль произнесъ все это, — Меиръ ласково и задумчиво спросилъ его:

— А развѣ твои прадѣды, дѣды и отцы были счастливы? И развѣ ты самъ счастливъ, Шмуль?

Этотъ вопросъ снова пробудилъ въ Шмулѣ живое сознаніе всѣхъ переносимыхъ имъ лишеній.

— Ай, ай, — заговорилъ онъ, — врагамъ своимъ не пожелаю такого счастья! Кожа моя присохла къ костямъ, а въ моемъ сердцѣ я постоянно чувствую великую боль...

Здѣсь къ жалобной рѣчи портного присоединился тяжелый вздохъ, донесшійся изъ самаго темнаго угла избы. Меиръ оглянулся и, увидя какую-то высокую

и широкоплечую фигуру, сѣрѣвшую въ темномъ пространствѣ между огромнымъ псомъ и стѣной, спросилъ:

— Кто тамъ такой?

Шмуль печально поникъ головой и сказалъ:

— Это извозчикъ Іохель зашелъ въ мою хату: мы давно съ нимъ знакомы!

Въ эту минуту высокая широкоплечая фигура вышла изъ угла, въ которомъ она неподвижно стояла, и приблизилась къ разговаривавшимъ. Іохель былъ мужчина сильнаго сложенія и, несмотря на это, казался изнуреннымъ и удрученнымъ. Онъ былъ одѣтъ въ грязную и изодранную куртку безъ рукавовъ; его ноги были босы и изранены; у него были огромные, всклокоченные рыжіе волосы и опухшія губы: глаза его смотрѣли нагло, но часто опускались внизъ. Онъ подошелъ къ столу и, взявши съ тарелки щепотку луку, посыпалъ ею кусокъ чернаго хлѣба, который онъ держалъ въ рукѣ.

— Меиръ, — сказалъ онъ, смѣло глядя на молодого человѣка, — ты мой старый знакомый: я возилъ твоего дядю Рафаила, когда онъ ѣхалъ за тобою, малымъ сиротой, а потомъ привезъ его и тебя въ Шибовъ.

— Я тебя, Іохель, и позже встрѣчалъ, — сказалъ Меиръ, — ты былъ порядочнымъ извозчикомъ... У тебя была четверка лошадей...

Житель Гекъ-Доша усмѣхнулся своими опухшими губами.

— Ну, — сказалъ онъ, — это правда!.. Но потомъ со мной случилось несчастье: я хотѣлъ обдѣлать одно большое дѣло, а это дѣло меня погубило... А когда оно меня сгубило, то со мной случилось другое несчастье...

— Это другое несчастье, Іохель, — сказалъ Меиръ, — это былъ твой грѣхъ... Зачѣмъ же ты ночью увелъ лошадей изъ конюшни пурица?

Іохель цинично засмѣялся.

— Какъ это зачѣмъ? — сказалъ онъ. — Я хотѣлъ ихъ продать и много заработать...

Шмуль сострадательно покачалъ головой.

— Ой, ой, — вздохнулъ онъ, — Іохель бѣдный, очень бѣдный человѣкъ! Онъ отсидѣлъ за наказаніе три года въ тюрьмѣ, а теперь, когда его оттуда выпустили, онъ не имѣетъ никакого заработка и долженъ сидѣть въ Гекъ-Дошѣ...

Іохель опять тяжело вздохнулъ, но сейчасъ же энергично поднялъ голову.

— Ну, — сказалъ онъ — что же дѣлать?.. Можетъ быть, и у меня скоро будетъ большой заработокъ...

Эти слова нищаго бродяги напомнили Меиру о таинственномъ разговорѣ Іохеля съ богатымъ Каміонкеромъ. Въ то же время его поразила перемѣна, которую слова Іохеля вызвали въ лицѣ Шмуля. Это тонкое, блѣдное, подвижное лицо задрожало мелкой нервной дрожью, которая одинаково могла обозначать какъ радость, такъ и горе. Вмѣстѣ съ тѣмъ глаза его заискрились и руки затряслись.

— Ну, — заговорилъ онъ, — развѣ можно знать, что завтра будетъ съ человѣкомъ?.. Если онъ сегодня очень бѣденъ, то завтра можетъ быть очень богатъ! Развѣ можно знать? Можетъ быть, хаетъ Шмуль когда-нибудь построитъ себѣ прекрасный домъ возлѣ базара и будетъ вести большую торговлю!

Меиръ грустно улыбнулся. Неосновательныя, какъ ему казалось, надежды двухъ бѣдняковъ возбуждали въ немъ жалость. Онъ задумчиво смотрѣлъ

на широкое пространство полей, виднѣющееся черезъ окно за низкими домами.

— Ты, Шмуль, — сказалъ онъ, — навѣрное никогда не построишь себѣ большого дома возлѣ базара, а Іохель не найдетъ себѣ больше заработка! Ну, что же въ этомъ удивительнаго? Васъ здѣсь столько въ одномъ мѣстѣ, что никто не можетъ имѣть хорошаго заработка. Но я думаю себѣ: если бы всѣ вы не тѣснились здѣсь на этихъ грязныхъ маленькихъ улицахъ, а разсыпались бы по широкому свѣту и, не надѣясь на большіе заработки, начали работать при землѣ, какъ христіанскіе мужики, то вамъ, можетъ быть, было бы лучше жить на свѣтѣ.

Онъ говорилъ задумчиво и, повидимому, меньше думая о тѣхъ двухъ людяхъ, съ которыми разговаривалъ, чѣмъ обо всей той толпѣ, которая въ эту минуту наполняла воздухъ неописуемымъ шумомъ, слагавшимся изъ звуковъ женскихъ ссоръ, дѣтскаго крика и какихъ-то неопредѣленныхъ, неясныхъ жалобъ, причитаній и вздоховъ.

Но портной Шмуль, услыхавъ слова гостя, пришелъ въ неописуемое волненіе: онъ два раза подскочилъ и два раза дернулъ и сдвинулъ на бокъ ермолку на своей головѣ.

— Морейне, — застоналъ онъ, — какія гадкія слова исходятъ изъ твоихъ устъ!.. Морейне! Ты хочешь все въ Израилѣ перевернуть вверхъ ногами?

— Шмуль, — горячо заговорилъ Меиръ — это правда! Когда я смотрю на вашу нищету и на страданія дѣтей вашихъ и когда смотрю въ свое собственное сердце, то многія вещи въ Израилѣ хотѣлъ бы перевернуть вверхъ ногами!

— Гвалтъ!—крикнулъ пылкій и впечатлительный Шмуль, хватаясь обѣими руками за голову. — Я не

хотѣлъ этому вѣрить! Я въ глаза плевалъ тѣмъ людямъ, которые это говорили; но теперь я самъ вижу, что ты, Морейне, плохой израильтянинъ и что ты не любишь нашего св. закона и обычаевъ нашихъ прадѣдовъ!

Меиръ весь вздрогнулъ и выпрямился.

— А кто это говорилъ, что я плохой израильтянинъ? — спросилъ онъ со сверкающими глазами.

Шмуль нѣсколько умѣрилъ свое волненіе; онъ словно нѣсколько умиротворился и близко подошелъ къ Меиру. Никто не могъ слышать того, что онъ хотѣлъ сказать, потому что Іохель уже снова сталъ въ глубокой тѣни возлѣ печки, громко пережевывая хлѣбъ съ лукомъ, а женщины и дѣти высыпали изъ хаты на улицу. Однако, онъ говорилъ очень тихо и съ такимъ грознымъ выраженіемъ лица, какъ будто бы въ словахъ его заключалась важная грозная тайна.

— Морейне, не спрашивай напрасно: кто это говоритъ? Какъ листья на деревьяхъ шелестятъ, такъ и людскія губы шепчутъ, и никто не угадаетъ, который листъ шевельнулся и какія губы заговорили! О тебѣ, Морейне, весь народъ сталъ говорить плохія вещи! О тебѣ говорятъ, что ты субботъ не соблюдаешь, читаешь проклятыя книжки, поешь отвратительнѣйшія пѣсни, бунтуешь израильскихъ юношей противъ святого закона, не уважаешь ученыхъ и богачей, и...

Тутъ онъ на секунду прервалъ свою быструю рѣчь, а потомъ прибавилъ едва слышнымъ, стыдливымъ шопотомъ:

— И ведешь нечистую дружбу съ караимской дѣвушкой!

Меиръ стоялъ, какъ окаменѣлый. Онъ поблѣдиѣлъ, и глаза его горѣли все ярче.

— Кто же говорилъ все это? — повторилъ онъ славленнымъ отъ волненія голосомъ.

— Морейне! — отвѣтилъ Шмуль, протягивая обѣ руки, чтобы этимъ выразить свое отчаяніе. — Ты за наказаніе цѣлую недѣлю сидѣлъ въ Бетъ-га-Мидрашѣ, а мы всѣ бѣдные люди, живущіе на этой улицѣ, узнавъ объ этомъ, подняли большой гвалтъ! И были тамъ такіе люди, которые хотѣли идти къ твоему дѣду Саулу и къ самому раввину, просить ихъ, чтобы они сняли съ тебя этотъ великій стыдъ. Пильщикъ Юдель хотѣлъ идти и извозчикъ Борухъ хотѣлъ идти, — ну, и хаетъ Шмуль также хотѣлъ идти! Но потомъ среди людей пошли разные разговоры. И когда мы изъ тѣхъ разговоровъ узнали, за что ты былъ наказанъ, то между нами все затихло. Мы сказали себѣ: онъ добрый и очень сострадательный, и съ нами, бѣдняками, онъ не былъ гордъ, и много помогалъ намъ въ нашихъ несчастьяхъ; но если онъ не соблюдаетъ святого закона, то пусть будетъ такъ, какъ сказалъ его зейде: пусть онъ будетъ наказанъ!

Наконецъ, запыхавшись отъ долгой и быстрой рѣчи, Шмуль умолкъ, а Меиръ, глядя ему въ глаза горящимъ, пронзающимъ взглядомъ, спросилъ:

— А если бы богачи и ученые велѣли меня побить камнями, вы бы опять сказали, пусть будетъ такъ?

Шмуль снова такъ поразился страшнымъ предположеніемъ Меира, что даже отскочилъ на два шага.

— Гвалтъ! — закричалъ онъ. — Зачѣмъ накликать на свою голову такія скверныя вещи!

Потомъ, однако, онъ прибавилъ спокойнѣе:

— Ну, Морейне, если бы ты не соблюдалъ нашего святого закона...

Онъ не кончилъ, потому что Меиръ прервалъ его съ волненіемъ въ голосѣ.

— Шмуль! А знаете ли вы всѣ, что такое нашъ святой законъ? Какая часть его есть божеское приказаніе, а что выдумано людьми?

— Шшаа! — тихонько остановилъ его Шмуль. — Насъ слушаютъ люди! Я не хочу, Морейне, чтобы въ моей хатѣ съ тобой случилась непріятность!

Меиръ взглянулъ въ окно и дѣйствительно увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ сидѣло на длинной узкой скамейкѣ, стоящей у стѣны дома Шмуля. Люди эти совсѣмъ не подслушивали; наоборотъ — они даже громко разговаривали между собой, но двѣ послѣднія громкія фразы Шмуля и Меира они, повидимому, разслышали, такъ какъ наклонили лица къ открытому окошечку и заглянули въ избу удивленными и недоброжелательными глазами. Меиръ нетерпѣливо пожалъ плечами и, прощаясь съ Шмулемъ, направился къ выходу. Но когда онъ былъ уже у порога, Шмуль подскочилъ къ нему и, быстро наклонивъ свою гибкую фигуру, поцѣловалъ его въ руку.

— Морейне, — шепнулъ онъ, — я тебя очень жалѣю! Опомнись! У тебя сердце очень доброе, но голова очень плохая! Въ ней горитъ огонь! Ай вей! Что ты сегодня сдѣлалъ съ меламедомъ?!.. Морейне, опомнись и не создавай соблазна сынамъ Израиля!

Все еще держа руку Меира въ своей твердой ладони, онъ поднялъ къ нему лицо и, снова нервно вздрогнувъ, поспѣшно прибавилъ:

— Морейне, если бы надъ тобой не тяготѣло такое страшное обвиненіе, я бы сегодня открылъ передъ тобой мое сердце. Потому что хаетъ Шмуль имѣетъ большія заботы! Онъ самъ не знаетъ, что дѣлать! Онъ можетъ остаться на всю жизнь такимъ же бѣднымъ, какъ теперь, а можетъ и сдѣлаться богатымъ! Онъ можетъ быть очень счастливымъ и очень несчастнымъ, потому что къ нему теперь идетъ великое счастье! Оно лѣзетъ ему въ руки, но онъ боится его брать, потому что оно съ виду похоже на несчастье!

Меиръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на бѣдняка, который дѣлалъ ему эти загадочныя полупризнанія. Но въ эту минуту изъ-за черной печи послышался грубый и хриплый голосъ Іохеля:

— Шмуль, будешь ли ты молчать? Комъ геръ!

Шмуль, лицо котораго все еще подергивалось и имѣло почти безумное выраженіе, отскочилъ отъ Меира: Меиръ вышелъ на улицу задумчивый, съ пылающими глазами.

При видѣ его лица, глаза сидящихъ у стѣны людей замѣтно омрачились. Двое изъ нихъ поздоровались съ нимъ коротко и равнодушно; никто передъ нимъ не всталъ, какъ обыкновенно бывало прежде, никто не подошелъ къ нему, чтобы проводить до конца улицы и довѣрчиво поговорить съ нимъ.

Только изъ подъ стѣны дома всталъ ребенокъ въ сѣромъ длинномъ кафтанѣ и пошелъ за Меиромъ, какъ только тотъ отошелъ отъ порога дома. Его руки были спрятаны въ рукава одежды, а глаза его были утомлены и закрывались, какъ будто его клонило ко сну. Однако, онъ шелъ, и такъ какъ молодой человѣкъ подвигался взволнованнымъ и быстрымъ шагомъ, то и онъ прибавлялъ шагу.

Такъ, идя другъ за другомъ, Меиръ и Лейбеле прошли длинную улицу и вскорѣ очутились на пустырѣ, отдѣляющемъ послѣдніе дома мѣстечка отъ караимскаго холма.

Хотя повсюду царилъ уже полный мракъ, но въ хатѣ караима Авеля не было видно желтаго свѣта маленькой свѣчки. Въ ней, однако, не спали, потому что какъ только Меиръ подошелъ къ ея открытому окну, въ немъ показалась высокая фигура Голды.

Они молчаливо обмѣнялись знаками привѣта.

— Голда! — сказалъ Меиръ тихо, но поспѣшно. — Съ тобой не случилось никакой непріятности? Никто не сдѣлалъ тебѣ ничего дурного?

Дѣвушка помолчала, а потомъ на вопросъ отвѣтила другимъ вопросомъ:

— Почему ты, Меиръ, спрашиваешь меня объ этомъ?

— Потому что я боюсь, чтобы тебя какъ-нибудь не обидѣли, люди начали говорить о тебѣ!

Голда презрительно пожала плечами.

— Я не боюсь ихъ обидъ, — сказала она, — я съ обидой вмѣстѣ выросла — обида сестра моя.

Она умолкла на минуту. Меиръ былъ все еще неспокоенъ.

— Отчего у васъ сегодня темно въ хатѣ? — спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ шерсти для пряжи, а зейде молится въ темнотѣ.

Дѣйствительно, изъ угла избы слышался дрожащій шопотъ молящагося Авеля.

— А почему же у тебя нѣтъ шерсти для пряжи?— спросилъ Меиръ.

— Я отнесла Ганѣ Витебской и Сарѣ, женѣ Бера,

то, что напряла для нихъ, а онѣ мнѣ больше не дали работы.

— А онѣ не сказали тебѣ ничего сквернаго? — порывисто спросилъ Меиръ.

Голда снова немного помолчала.

— Людскіе глаза иногда говорятъ худшія вещи, чѣмъ языки, — сказала она спокойно.

Очевидно, она не хотѣла жаловаться или обвинять кого-нибудь.

Впрочемъ, можетъ быть, ее мало интересовало все, касающееся ея самой, и ея мысли были заняты чѣмъ-то другимъ.

— Меиръ, — сказала она, — ты на этихъ дняхъ имѣлъ большую непріятность?...

Меиръ сѣлъ на маленькой узкой скамьѣ, стоящей подъ открытымъ окномъ, положилъ голову на ладони и тяжело вздохнулъ.

— Самое большее огорченіе я имѣлъ сегодня,— отвѣтилъ онъ, — народъ мой отвернулся отъ меня... объявилъ меня своимъ врагомъ... Когда я прохожу, я вижу вражду вмѣсто дружбы, а тѣ, которые открывали передо мной свое сердце, теперь подозрительно относятся ко мнѣ.

Голда печально опустила голову. Меиръ черезъ минуту снова заговорилъ:

— Я теперь уже самъ не знаю, что дѣлать и какимъ быть... Великое сомнѣніе овладѣло моей душой. Если я буду говорить и дѣйствовать сообразно со своимъ сердцемъ, то мой народъ возненавидитъ меня, и разныя несчастья обрушатся на мою голову.. а если я буду говорить и дѣйствовать противъ моего сердца, я самъ возненавижу себя и никакое счастье не будетъ мнѣ мило... Сидя въ бетъ-га-мидрашѣ, я рѣшилъ жить со всѣми въ согласіи, закрывать гла-

за на глупость и зло и жить себѣ спокойно... а выйдя изъ бетъ-га-мидраша, сейчасъ же не могъ выдержать и за одно бѣдное дитя очень оскорбилъ меламеда, а черезъ меламеда всѣхъ старшихъ и весь народъ... Вотъ что я сегодня сдѣлалъ! А теперь опять думаю себѣ: къ чему это поведетъ? Развѣ послѣ этого меламедъ перестанетъ выбивать разумъ изъ головъ бѣдныхъ дѣтей и здоровье изъ ихъ тѣлъ? Что я могу? Я одинъ... молодъ... оттого надо мной всѣ властны, а я ни надъ кѣмъ... Моихъ друзей преслѣдуютъ за то, что они водятся со мной... Они испугаются и бросятъ меня... Тебя уже начали преслѣдовать за то, что ты соединила свое сердце съ моимъ и голосъ свой присоединила къ моему, голосу... я погублю тебя этимъ... Можетъ быть, ужъ лучше закрыть глаза и ротъ... сказать печали и тоскѣ, чтобы онѣ ушли изъ сердца... и жить такъ, какъ всѣ они живутъ?

Меиръ говорилъ все тише и тише: по его голосу было слышно, что его грудь истерзана страшною болью, неувѣренностью и сомнѣніемъ.

Воцарилось довольно долгое молчаніе. Въ это время изъ-за пригорка, у подножія котораго стояла хатка, сталъ доноситься какой-то особенный шумъ. Сначала среди шума едва можно было смутно различить грохотъ колесъ, тихо двигающихся по песчаной почвѣ, сдержанный говоръ и топотъ толпы людей. Но затѣмъ эти звуки становились все яснѣе и ближе среди глубокой тишины, царствовавшей въ этомъ мѣстѣ: въ нихъ было что-то таинственное.

— Что это такое? — выпрямляясь сказалъ Меиръ.

— Что это такое? — повторила спокойнѣе Голда.

— Мнѣ кажется, — началъ молодой человѣкъ, — какъ будто бы съ той стороны горы ѣдетъ и останавливается много возовъ...

— А мнѣ кажется, что въ той горѣ что-то гудитъ и стучитъ.

Дѣйствительно, казалось, что людской шопотъ отзывался теперь въ самой внутренности горы, а кромѣ него слышался еще и стукъ бросаемыхъ или устанавливаемыхъ тяжелыхъ предметовъ.

Тревога выразилась на лицѣ Меира. Онъ пристально взглянулъ въ лицо Голды.

— Затвори окно и запри дверь на задвижку! — сказалъ онъ быстро. — Я пойду посмотрю, что тамъ такое?

Очевидно, онъ боялся за нее. Но дѣвушка пожала плечами и отвѣтила:

— Зачѣмъ мнѣ запирать окно и двери! Они очень некрѣпки; хоть я и запру ихъ, каждый, кто дотронется до нихъ сильной рукой, отворитъ ихъ.

Меиръ уже обошелъ пригорокъ и вскорѣ очутился по другой сторонѣ его. То, что онъ тамъ увидѣлъ, крайне удивило его.

На песчаныхъ поляхъ стояли полукругомъ, окаймляя пригорокъ, одноконные и парококонные возы, нагруженные деревянными бочками самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Около возовъ двигалось множество людей; мужиковъ — христіанъ и евреевъ. Мужики снимали бочки съ возовъ и опускали нѣкоторыя изъ нихъ въ глубокую яму посреди холма, естественно образовавшуюся или искусственно вырытую. Евреи только кричали, вертясь между возовъ, присматривались къ бочкамъ, слегка стучали по нимъ пальцами и потомъ толпились вокругъ человѣка, который стоялъ, прислонясь къ склону холма, вели

съ нимъ тихій, но чрезвычайно оживленный разговоръ.

Среди евреевъ Меиръ увидѣлъ нѣсколько сосѣднихъ шинкарей, которыхъ онъ зналъ въ лицо; а тотъ человѣкъ, который прислонился къ пригорку и велъ съ ними таинственно, хотя и очень горячо, какой-то торгъ и переговоры, былъ Янкель Каміонкеръ.

Мужики, кончавшіе переноску бочекъ или неподвижно стоявшіе у возовъ, угрюмо молчали. Сильный одуряющій запахъ алкоголя распространялся по равнинѣ и наполнялъ воздухъ лѣтняго вечера.

Удивленіе Меира продолжалось недолго. Онъ началъ, повидимому, понимать значеніе той сцены, на которую смотрѣлъ, и было видно, что онъ принялъ какое-то рѣшеніе; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бы намѣреваясь подойти къ Каміонкеру. Но вдругъ ему преградила дорогу высокая фигура человѣка съ босыми ногами и растрепанными волосами.

— Зачѣмъ ты идешь туда, Меиръ? — сказалъ этотъ человѣкъ тихимъ шопотомъ.

— А почему ты, Іохель, не позволяешь мнѣ идти? — отвѣтилъ Меиръ и хотѣлъ обойти препятствіе, стоящее у него на дорогѣ, но Іохель сильно придержалъ его за рукавъ сюртука.

— Развѣ ты уже не хочешь жить на этомъ свѣтѣ? — зашепталъ онъ. — Мнѣ тебя жаль, потому что ты добрый, и я говорю тебѣ, иди себѣ отсюда!

— А если мнѣ интересно знать, что тутъ ребъ Янкель дѣлаетъ со своими шинкарями и съ тѣми бочками?

— А тебѣ какое дѣло до этого? — опять за-

шепталъ Іохель. — Пусть глаза твои не видятъ и твои уши не слышатъ того, что здѣсь дѣлаетъ ребъ Янкель! Онъ обдѣлываетъ большое дѣло, а ты еще помѣшаешь ему... А зачѣмъ тебѣ мѣшать? Развѣ тебѣ отъ этого будетъ какая-нибудь польза? Развѣ ты можешь сдѣлать что-нибудь противъ него?

Меиръ простоялъ съ минуту, какъ онѣмѣлый. Потомъ онъ отвернулся и пошелъ въ другую сторону.

— Развѣ я что-нибудь могу? — проговорилъ онъ дрожащими губами.

Проходя мимо хаты Авеля Караима, онъ увидѣлъ Голду, которая стояла еще у окна. Онъ кивнулъ ей головой и сказалъ:

— Спи спокойно!

Но она позвала его.

— Меиръ, здѣсь какой-то ребенокъ сидитъ на землѣ и спитъ.

Меиръ подошелъ и дѣйствительно увидѣлъ у конца скамейки, на которой онъ сидѣлъ недолго передъ тѣмъ, свернувшуюся, скорчившуюся на землѣ, сѣрую фигуру ребенка.

— Лейбеле! — сказалъ онъ съ удивленіемъ.

Онъ не видалъ мальчика, который пришелъ за нимъ сюда и тихо сидѣлъ подлѣ него. Теперь онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, опираясь локтями на колѣни и положивъ голову на обѣ ладони.

— Лейбеле! — повторилъ Меиръ и положилъ ладонь на голову спящаго ребенка.

Ребенокъ проснулся, открылъ сонные глаза и, взглянувъ въ лицо наклонившагося надъ нимъ молодого человѣка, улыбнулся.

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ, Лейбеле? — также улыбнувшись спросилъ Меиръ.

Ребенокъ подумалъ немного, потомъ сказалъ.

— За тобой...

— Отецъ и мать не знаютъ, куда ты дѣлся?...

— Отецъ уже спитъ и мать уже спитъ ... — началъ Лейбеле, качая головой и все еще улыбаясь.— Козы уже спятъ ... — прибавилъ онъ и громко засмѣялся при воспоминаніи о своихъ лучшихъ друзьяхъ.

Но съ губъ Меира уже исчезла мимолетная улыбка, вызванная улыбкой ребенка.

Онъ выпрямился, вздохнулъ и, понуривъ голову, сказалъ самому себѣ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

Голда обѣими руками обхватила свою голову и печальными глазами смотрѣла на звѣздное небо. Потомъ она тихо и несмѣло шепнула:

— Я спрошу зейде! Зейде очень ученый... Онъ знаетъ наизусть всю библію.

— Спроси! — отвѣтилъ Меиръ.

Дѣвушка повернулась къ темной внутренности избы и сказала:

— Зейде! Что Іегова приказываетъ дѣлать человѣку, отъ котораго народъ отвращаетъ лицо свое за то, что онъ не хочетъ поступать и говорить противъ своего сердца?

Услышавъ этотъ вопросъ, Авель прервалъ молитву, которую онъ произносилъ вполголоса.

Онъ, очевидно, привыкъ отвѣчать на частые вопросы внучки; онъ долго молчалъ, раздумывая надъ ея словами или припоминая святыя слова. — Потомъ изъ темноты, царившей внутри хаты, раздался его старый, дрожащій, но болѣе громкій, чѣмъ всегда, голосъ:

— Іегова сказалъ: - я поставилъ тебя, пророкъ, стражемъ Израиля! Слушай слова мои и повторяй

ихъ твоему народу. Если ты будешь поступать такъ, я назову тебя своимъ вѣрнымъ слугой; если же ты будешь молчать, на голову твою падутъ несчастья Израиля!

Старый голосъ, произносящій эти слова, умолкъ, а Меиръ все еще слушалъ съ поднятой головой, поблѣдиѣвшимъ лицомъ и горящими глазами. Потомъ онъ показалъ пальцемъ на тотъ уголъ избы, изъ котораго снова раздавался шопотъ молящагося старца, и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Это правда! Его устами гласитъ старый законъ моисеевъ! Нашъ истинный святой законъ!

Въ глазахъ Голды сверкали крупныя слезы, но Меиръ не видѣлъ ихъ; погруженный въ какую-то мысль, которая поглощала и разжигала все его существо, онъ слегка кивнулъ на прощанье молодой дѣвушкѣ и отошелъ.

Она осталась у открытаго окна и смотрѣла на уходящаго Меира. Ея поза и лицо были спокойны, но по ея темнымъ худымъ щекамъ одна за другой текли слезы.

— Пророку Озіи отрубили голову... Пророка Іеремію изгнали изъ Іудеи! — шептала она.

А Меиръ, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ маленькой хатки, произнесъ, поднявъ къ небу свое побѣлѣвшее лицо:

— Рабби Акиба умеръ въ великихъ мученіяхъ за свою правду.

Голда широко открыла глаза, чтобы какъ можно дальше прослѣдить среди вечерней темноты за медленно удаляющейся фигурой молодого человѣка. Руки ея медленно скрестились, а влажныя отъ слезъ губы прошептали:

— Какъ Руфь сказала своей свекрови, Ноэми,

такъ и я скажу тебѣ, свѣту души моей: Богъ твой будетъ моимъ Богомъ, народъ твой — моимъ народомъ, а моя печаль будетъ подругой твоей печали, и душу мою я разлучу съ тѣломъ, когда разлучится съ тѣломъ твоя душа.

Такимъ образомъ, эти дѣти, насквозь проникнутыя духомъ прошлыхъ дѣяній и традицій Израиля, которыя должны были замѣнить имъ всю міровую мудрость, почерпали изъ нихъ для себя поученіе, утѣшеніе, бодрость и слезы.

Глава IX.

Еще едва свѣтало, но въ домѣ Янкеля Каміонкера никто уже не спалъ, кромѣ самыхъ младшихъ дѣтей. Наступавшій день былъ очень важнымъ для владѣльца постоялаго двора: это былъ одинъ изъ главныхъ торговыхъ дней въ году, когда въ мѣстечко собиралось окрестное населеніе въ лицѣ представителей всѣхъ общественныхъ классовъ и состояній. Поэтому двѣ дочери Янкеля, рослыя, сильныя, некрасивыя и растрепанныя дѣвушки, съ помощью четырнадцатилѣтняго брата Менделя, глуповатое и злое лицо котораго носило на себѣ слѣды долгаго ученія въ хедерѣ ребъ Моше, слегка прибирали двѣ парадныя комнаты, предназначенныя для самыхъ достойныхъ гостей; эти комнаты были украшены желтой, ветхой и хромой мебелью, испещренными грязными пятнами занавѣсками и глиняными вазонами, въ которыхъ росли какія-то темныя каррикатуры растеній.

Рядомъ съ этими парадными аппартаментами находилась огромная комната, гдѣ помѣщался шинокъ;

здѣсь обыкновенно въ дни подобныхъ съѣздовъ собирались, пили и танцовали толпы мужиковъ. Въ этой комнатѣ служанка дѣлала попытки почистить никогда не чистившіеся длинные и узкіе столы, поставленные около скамеекъ, стоявшихъ по стѣнамъ, и раздувала скупой огонь въ глубокой, черной, какъ пропасть, печкѣ; утро было холодное, и большую низкую комнату шинка наполнялъ затхлый и сырой воздухъ.

Въ жилищѣ Янкеля, въ первой отъ входа комнатѣ, у двухъ оконъ, выходившихъ на торговую площадь, еще совершенно пустую и окутанную утренней мглой, стояли двѣ фигуры: Янкель и его жена, Ента. Повернувшись лицомъ къ окнамъ, они оба произносили длинныя утреннія молитвы.

Янкель былъ уже въ томъ костюмѣ, въ какомъ онъ обыкновенно проводилъ цѣлые дни, т. е. въ длинномъ, затасканномъ халатѣ и толстомъ черномъ платкѣ, обвязанномъ вокругъ шеи и громко молился:

— Будь благословенъ, Боже, Властитель міра, за то, что Ты не сотворилъ меня язычникомъ! Будь благословленъ за то, что Ты не сотворилъ меня невольникомъ! Будь благословленъ за то, что Ты не сотворилъ меня женщиной!

Поспѣшно произнося все это дрожащими отъ усердія губами, онъ страстными движеніями раскачивалъ свое тѣло взадъ и впередъ. Въ то же время Ента, въ темносиней кофтѣ безъ рукавовъ и въ короткой юбкѣ, изъ подъ которой виднѣлись ноги въ темныхъ чулкахъ и плоской обуви, дѣлала передъ окномъ короткіе и быстрые поклоны и значительно тише своего мужа говорила:

— Будь благословенъ, Боже, Властитель міра,

за то, что Ты создалъ меня такъ, какъ была воля Твоя!

Янкель набросилъ себѣ на грудь и на спину кусокъ легкой шерстяной матеріи, на четырехъ концахъ которой висѣли бѣлые шнурки, и выговаривалъ слова молитвы:

— Будь благословенъ, Властитель міра, который освѣтилъ насъ своими заповѣдями и далъ намъ законъ о цыцысъ!

Ента съ короткимъ поклономъ зашептала болѣе громко:

— Будь благословенъ, Властитель міра, освобождающій узниковъ и выпрямляющій тѣхъ, которые согнуты въ дугу!

Янкель перебиралъ пальцами нити, висящія у разостланнаго передъ нимъ на столикѣ талеса и говорилъ:

— Великъ Ты, Боже, Властитель міра! Безконечно великъ! Ты, какъ плащемъ, облекся величіемъ и свѣтомъ!

Ента, все продолжая кланяться, начала тяжело вздыхать:

— Будь благословенъ, Боже, Властитель міра, — шептала она, — ты даешь силы усталому, прогоняешь сонъ съ моихъ глазъ и дремоту съ моихъ вѣкъ!

Наконецъ, Янкель взялъ со столика свой талесъ и, облекшись въ этотъ бѣлый плащъ изъ мягкой матеріи съ траурными полосами, поднялъ высоко голову и заговорилъ:

— Будь благословенъ, Властитель міра, за то, что ты освѣтилъ насъ своими заповѣдями и пове..ѣлъ намъ облекаться въ талесъ!

Потомъ, все еще качаясь и шевеля губами, онъ

одѣлъ на голову ремень съ большой шишкой, прилегающей ко лбу, а другой такой же ремень намоталъ вокругъ своего пальца и сказалъ:

— Обручаюсь съ собой на вѣки! Обручаюсь съ собой въ правдѣ, любви и милости! Обручаюсь въ вѣрѣ, черезъ которую ты познаешь Господа!

Они были такъ погружены въ свои молитвы, что не разслышали раздавшихся за ними поспѣшныхъ и тяжелыхъ шаговъ.

Меиръ Эзофовичъ быстро прошелъ избу, въ которой молились Янкель и его жена, и, минувши маленькую комнатку, заставленную кроватями, сундуками и люльками, въ которыхъ еще спало двое маленькихъ дѣтей, тихо открылъ низкую дверь, ведущую въ комнату кантора.

Здѣсь еще царствовалъ полумракъ ранняго разсвѣта. Въ голубоватыхъ сумеркахъ, наполнявшихъ комнатку, лицомъ къ окну стоялъ Еліазаръ и также молился.

Онъ услышалъ, какъ вошелъ его пріятель, потому что сразу повернулъ къ нему голову; однако, онъ не прервалъ своей молитвы. Наоборотъ, онъ нѣсколько поднялъ руки и, какъ бы призывая пришедшаго къ общей молитвѣ, заговорилъ громче:

— Боже Израиля! . . Погаси пламенный гнѣвъ твой и сними несчастье съ головы народа Твоего!

Меиръ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ молящагося пріятеля и отвѣтилъ словами, которыми народъ обыкновенно отвѣчаетъ кантору, читающему молитву:

— Взгляни съ небесъ и узри, какимъ презрѣннымъ посмѣшищемъ мы стали среди народовъ: насъ, какъ ягненка, ведутъ на муки, позоръ и истребленье!

- Однако, мы не забыли имени Твоего! . . . Не забудь же и Ты о насъ! — снова нараспѣвъ произнесъ Еліазаръ.

Такъ отвѣчая другъ другу, двое молодыхъ людей произносили одну изъ лучшихъ молитвъ, какія когда-либо возносились къ небу изъ наболѣвшихъ человѣческихъ сердецъ. Въ этой молитвѣ каждое слово — слеза, а каждая строфа — аккордъ, трагически повѣствующій объ исторіи великаго народа.

— О, откажись отъ мести Твоей! Прояви состраданіе къ Твоему избраннику! — говорилъ канторъ.

— Защити насъ, Боже, и не отдавай насъ въ руки жестокихъ! Ибо зачѣмъ же люди будутъ говорить: „Гдѣ-же ихъ Богъ?“

— Услыши стоны наши и не предавай насъ въ руки враговъ, желающихъ изгладить имя наше! Вспомни, что Ты обѣщалъ предкамъ нашимъ: „Я размножу потомство ваше, какъ звѣзды!“ А теперь изъ великаго множества насъ осталось такъ мало!

— Однако, мы не забыли имени Твоего! . . . Не забывай же и Ты о насъ! . .

— О, стражъ Израиля, храни остатки Израиля, чтобы не погибъ народъ, вѣрующій въ единое имя Твое и говорящій: „Властитель нашъ, Богъ единый!“

Позы двухъ пріятелей во время молитвы были такъ же различны, какъ и ихъ характеры. Еліазаръ поднималъ немного дрожащія руки: его голубые глаза увлажнялись отъ сильнаго волненія, а его слабая фигура невольно качалась, какъ будто бы подъ вліяніемъ мечтательности и восторга. Меиръ стоялъ прямо и неподвижно, съ руками, скрещенными на груди, съ горящими глазами, устремленными въ голубоватыя облака и съ глубокой морщиной на лицѣ, которая придавала всему его лицу выраженіе

сдержанной боли и гнѣва. Однако, оба молились всѣмъ сердцемъ, съ глубокой вѣрой въ то, что стражъ Израиля, единый Богъ, слышитъ ихъ голоса. Только въ концѣ молитвы души ихъ разъединились. Еліазаръ произнесъ молитву за израильскихъ ученыхъ и мудрецовъ:

— Поддержи, Отецъ нашъ небесный, мудрецовъ Израиля съ женами, дѣтьми и учениками ихъ вездѣ, гдѣ они находятся! . . Говори: Аминь!

Меиръ не сказалъ — Аминь: онъ помолчалъ, а такъ какъ канторъ молчалъ также, ожидая отвѣта, то Меиръ, слегка возвысивъ голосъ, продолжалъ говорить дрожащими губами.

— Братьевъ нашихъ, изъ дома Израиля, подпавшихъ убожеству и грѣхамъ, гдѣ-бы они ни были, выведи изъ оковъ на свободу, изъ темноты на свѣтъ, какъ можно скорѣе! . . Говори: Аминь!

— Аминь! — сказалъ Еліазаръ и повернулся лицомъ къ пріятелю.

Они протянули другъ другу руки и обнялись.

— Еліазаръ, — сказалъ Меиръ, — у тебя сегодня не такой видъ, какъ недѣлю тому назадъ!

— И у тебя также, Меиръ, — отвѣтилъ канторъ.

— Надъ нашими головами протекла только одна недѣля, но иногда одна недѣля значитъ больше, чѣмъ десять лѣтъ.

— Я много выстрадалъ за эту недѣлю, — шепнулъ канторъ.

Меиръ не жаловался.

Еліазаръ, — сказалъ онъ, — дай мнѣ Море Небухимъ. Я сегодня пришелъ къ тебѣ такъ рано именно за этой книжкой. Мнѣ теперь очень нужна эта книжка!

Еліазаръ стоялъ съ опущенной головой.

— У меня уже нѣтъ этой книжки! — сказалъ онъ тихо.

— А гдѣ же она? — спросилъ Меиръ.

— Книжки этой, Меиръ, изъ которой наши головы пили святость, а сердца — надежду, — нѣтъ уже на цѣломъ свѣтѣ! Ее огонь пожралъ, а пепелъ ея выбросили въ грязь ...

— Еліазаръ! Ты испугался и предалъ ее сожженію! — воскликнулъ Меиръ.

— Мои руки никогда не могли бы совершить такого святотатства!.. Даже если бы мой языкъ приказывалъ имъ сдѣлать это, то онѣ не послушались бы моего языка. Но недѣлю тому назадъ мой отецъ пришелъ сюда и съ гнѣвомъ сказалъ мнѣ, чтобы я отдалъ ему ту „проклятую“ книжку, которую мы вмѣстѣ читали въ шабашъ на лугу. Я молчалъ. Онъ закричалъ: „Есть ли у тебя эта книжка?“ Я сказалъ: есть; но когда онъ снова спросилъ меня: „гдѣ она?“ я молчалъ. Онъ побилъ бы меня, но, помня о моей должности въ синагогѣ и о большой любви народа къ моему голосу, онъ побоялся дотронуться до моего тѣла. Онъ началъ все разбрасывать въ моей комнатѣ и когда разбросалъ постель, то нашелъ книжку ... Онъ хотѣлъ нести ее къ раввину, но тогда я бросился къ его ногамъ и просилъ, чтобы онъ не дѣлалъ этого, потому что за это мнѣ не позволили бы пѣть передъ Господомъ и лишили бы меня той любви, которую народъ питаетъ ко мнѣ за мое пѣніе. Отецъ самъ испугался этого, потому что онъ очень гордится тѣмъ, что сынъ его, такой молодой, пользуется уже большимъ почетомъ въ синагогѣ, и думаетъ, что за то, что сынъ его поетъ Господу и говоритъ людямъ слова молитвы, Господь будетъ давать ему успѣхъ

въ дѣлахъ и проститъ ему грѣхи. Онъ не понесъ книжки къ раввину, но самъ бросилъ ее въ огонь и, когда она уже сгорѣла, онъ смѣялся и скакалъ отъ радости.

— И ты, Еліазаръ, смотрѣлъ на это и ничего, ничего не дѣлалъ?! — дрожащимъ голосомъ спросилъ Меиръ.

— А что я могъ сдѣлать? — шопотомъ отвѣтилъ канторъ.

— Я положилъ бы эту книжку на грудь ... я прижалъ бы ее къ себѣ руками ... я сказалъ бы отцу: если ты хочешь бросать ее въ огонь, то брось же и меня вмѣстѣ съ ней! ..

Слова эти Меиръ произносилъ съ пламеннымъ взоромъ и съ огненнымъ румянцемъ на лицѣ; Еліазаръ стоялъ передъ нимъ печальный и пристыженный, съ опущенной головой, и смотрѣлъ въ землю.

— Я не могъ, — прошепталъ онъ, — я боялся, чтобы меня не отвергли отъ алтаря Господня и не объявили безбожникомъ передъ народомъ ... Но посмотри на меня, Меиръ, посмотри: развѣ я не любилъ писанія нашего учителя такъ, какъ свою душу?.. Съ тѣхъ поръ, какъ его книги нѣтъ уже въ моей комнатѣ, лицо мое поблѣднѣло, а вѣки покраснѣли отъ слезъ ...

— О, слезы, слезы, слезы твои! — воскликнулъ Меиръ, быстро садясь на скамейку и хватаясь обѣими руками за голову. — О, эти слезы, слезы, слезы твои, Еліазаръ! — повторилъ онъ особеннымъ, не то насмѣшливымъ, не то скорбнымъ голосомъ.— Онѣ могутъ течь цѣлую вѣчность, и отъ нихъ не будетъ никакого добра ни тебѣ, ни мнѣ, ни израильскому народу! Еліазаръ, я люблю тебя, какъ брата! Ты зеница въ глазу моемъ! .. Но слезъ твоихъ не

люблю и не могу смотрѣть на твои покраснѣвшія вѣки! Еліазаръ! Не показывай ты мнѣ никогда своихъ слезъ, а покажи мнѣ хоть разъ огонь въ твоихъ глазахъ и силу въ своемъ голосѣ, который народъ такъ любитъ, что повиновался бы ему, какъ дитя — матери.

Въ то время, когда Меиръ такъ порицалъ слезы пріятеля, у него самого глаза были полны слезъ. Но, не желая, вѣроятно, показывать ихъ, онъ закрывалъ лицо руками. Его фигура также жалобно закачалась и онъ снова заговорилъ:

— Ой, ой, ой! Еліазаръ! Что ты сдѣлалъ, отдавъ эту книгу на сожженіе своему отцу? . . Откуда мы теперь достанемъ другой источникъ мудрости? Гдѣ мы теперь услышимъ голосъ нашего единственнаго учителя? Пламя пожрало душу душъ нашихъ, а пепелъ ея выбросили въ сорную яму ... Вѣтеръ разнесетъ его на всѣ стороны, а если душа нашего учителя увидитъ, какъ онъ летитъ и погибаетъ, она опечалится, разгнѣвается и скажетъ: „вотъ люди проклляли меня во второй разъ!“

Говоря это, онъ не могъ уже скрыть страстнаго рыданія, которое вырывалось изъ его груди. Крупныя частыя слезы, просачиваясь черезъ его пальцы, падали на шероховатую поверхность стола. Вдругъ онъ пересталъ укорять и плакать. Онъ умолкъ и, не перемѣняя позы, погрузился въ тихую печаль или размышленіе.

Еліазаръ отворилъ окно.

По песчаной почвѣ базарной площади тамъ и сямъ протянулись розовыя и золотистыя полосы. Это были первые лучи солнца, которое только теперь всходило. По одной изъ этихъ свѣтлыхъ полосъ шелъ, направляясь къ дому Каміонкеровъ вы-

сокій, плечистый босоногій человѣкъ. Его тяжелые шаги скоро послышались около окна, у котораго сидѣли молодые люди. Меиръ поднялъ голову, и, хотя голова идущаго человѣка, съ растрепанными волосами и опухшими губами, только промелькнула передъ его глазами, онъ узналъ, что это былъ Іохель.

Минуты черезъ двѣ за открытымъ окномъ быстро прошло еще двое человѣкъ, одѣтыхъ въ черное. Одинъ былъ высокій и важный, на лицѣ его была добродушная усмѣшка, другой — низкорослый, живой, со сморщеннымъ лбомъ и грустными, пестрѣющими сѣдиной волосами. Это были Морейне Кальманъ и Абрамъ Эзофовичъ.

Они шли сюда, очевидно, не черезъ площадь, такъ какъ на ней ихъ не было раньше видно, а по какой-то другой боковой, скрытой за домами и дворами, дорогѣ, потому что они внезапно появились откуда-то изъ за угла низкаго постоялаго двора. По ихъ походкѣ, молчанію и по самому смущенному и неспокойному лицу Абрама — видно было, что они горячо желали, чтобы никто не видѣлъ, какъ они идутъ сюда. Пройдя по мягкой отъ накопившагося сора дорожкѣ, отдѣлявшей окна дома отъ столбовъ подъѣзда, они скрылись, такъ же, какъ и Іохель, въ большой и еще совершенно темной конюшнѣ.

Въ эту минуту Еліазаръ оторвалъ свой взглядъ отъ божественной книжки, которую онъ началъ читать и, посмотрѣвъ на Меира, воскликнулъ:

— Меиръ! Отчего твое лицо сдѣлалось такимъ строгимъ? Я у тебя никогда ни видѣлъ такого строгаго лица?

Казалось, Меиръ даже не слышалъ восклицанія

пріятеля. Устремивъ глаза въ землю, онъ шепталъ самому себѣ:

— Мой дядя Абрамъ! Мой дядя Абрамъ!.. Горе нашему дому! Стыдъ и позоръ дому Эзофовичей!

Въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной низкими дверями отъ комнатки кантора, послышался громкій шопотъ нѣсколькихъ человѣкъ. Прежде всего Янкель крикнулъ женѣ, чтобы она вынесла и выпроводила оттуда дѣтей; потомъ по полу зашлепали стоптанныя плоскія туфли Енты; разбуженныя дѣти заплакали, а когда ихъ все усиливавшійся крикъ сталъ удаляться въ другую часть дома, то за стѣной раздались шаги нѣсколькихъ человѣкъ, поспѣшное и громкое передвиганіе деревянныхъ скамеекъ и, наконецъ, сдержанный, но довольно громкій, оживленный шопотъ начинающагося разговора.

Меиръ быстро всталъ со скамьи.

— Еліазаръ,—быстро сказалъ онъ,—идемъ отсюда!

— Зачѣмъ намъ уходить отсюда?—спросилъ канторъ, снова отрываясь отъ своего божественнаго чтенія.

— Потому что эта стѣна слишкомъ тонка...— началъ Меиръ.

Онъ не кончилъ и внезапно умолкъ, потому что за стѣной послышалось взволнованное восклицаніе его дяди Абрама:

— Я объ этомъ ничего не зналъ! Ты, Янкель, ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ.

Въ то же время раздался желчный непріятный смѣхъ Янкеля.

— Потому что у меня есть умъ въ головѣ! — сказалъ онъ. — Я зналъ, что ты, Абрамъ, съ трудомъ согласишься на такое дѣло! Но если я самъ это дѣло улажу...

— Шаа! — шикнулъ Кальманъ, и два голоса, которые усилились было, снова начали шептаться.

— Еліазаръ, уходи ты отсюда! — воскликнулъ Меиръ.

Канторъ ничего не понималъ.

— Еліазаръ! Хочешь ли ты чтить отца своего, какъ приказано на горѣ Синаѣ?

Сынъ Каміонкера вздохнулъ.

– Я со слезами прошу Іегову, чтобы онъ помогъ мнѣ чтить отца моего ...

Меиръ схватилъ его за руку.

— Ну, такъ иди отсюда, иди отсюда! ... Потому что, если ты еще останешься здѣсь, никогда уже ... никогда ... никогда ты не будешь чтить отца твоего.

Молодой человѣкъ говорилъ такъ горячо, что Еліазаръ поблѣднѣлъ и сильно смутился.

— А какъ же я теперь отсюда уйду? — шепнулъ онъ. — Если они разговариваютъ о большомъ секретѣ ...

Тутъ за стѣной снова раздалось нѣсколько болѣе громкое восклицаніе Янкеля:

— Хаетъ Шмуль — нищій, а извозчикъ Іохель — преступникъ ... они оба получатъ большія деньги ...

— А мужики, которые везли водку? — воскликнулъ Абрамъ.

Янкель засмѣялся.

— Они вмѣстѣ съ тѣлами, душами и пожитками своими сидятъ въ карманахъ моихъ шинкарей...

— Шаа! — опять шикнулъ болѣе флегматичный и осторожный Кальманъ.

Между тѣмъ Еліазаръ уже началъ дрожать. Въ его головѣ мелькнулъ проблескъ какой-то мысли.

— Меиръ! Меиръ! — зашепталъ онъ съ необычайной для него горячностью. — Я хочу уйти отсюда, но туда, мимо нихъ, я боюсь ... потому что они догадаются, что я что-то узналъ объ ихъ секретѣ ...

Меиръ одной рукой оттолкнулъ табуретъ, стоявшій возлѣ окна, а другой толкнулъ пріятеля къ открытому окну.

Еліазаръ мигомъ исчезъ изъ комнатки. Тогда Меиръ выпрямился и сказалъ самому себѣ:

— Ну, теперь я имъ покажусь! Пусть знаютъ, что тутъ были уши, которыя могли слышать!..

Говоря это, онъ отворилъ низкія двери и вошелъ въ сосѣднюю комнату.

Здѣсь у стѣны на трехъ близко сдвинутыхъ табуреткахъ сидѣло трое людей. Ихъ раздѣлялъ небольшой столъ изъ простого бѣлаго дерева. Янкель и Абрамъ опирались на него локтями и низко наклонили головы другъ къ другу. Кальманъ сидѣлъ выпрямившись, сохраняя величественный видъ и блистая, какъ всегда, своимъ атласомъ. Лицо Янкеля пылало кирпичнымъ, горячечнымъ румянцемъ. Абрамъ былъ блѣденъ. Глаза перваго блестѣли жадно и зло; взглядъ второго былъ опущенъ къ землѣ, какъ бы отъ тревоги и тяжелой неувѣренности. Но ничто не могло поколебать классическаго спокойствія Кальмана. Его щеки были покрыты обычнымъ свѣжимъ румянцемъ, а на пухлыхъ губахъ покоилась, какъ и постоянно, медовая улыбка полнаго довольства.

Когда Меиръ отворялъ двери, до ушей его еще разъ явственно донеслись слова его дяди Абрама:

— А если цѣлый дворъ сгоритъ вмѣстѣ съ подваломъ?

— Ай, ай, ай, — насмѣшливо отвѣтилъ Каміонкеръ, — великая бѣда! Еще одинъ эдомитянинъ станетъ нищимъ!

Тутъ говорящій умолкъ и весь задрожалъ отъ тревоги или гнѣва: онъ увидѣлъ отворяющіяся двери и входящаго черезъ нихъ Меира; двое его товарищей также увидѣли это. Улыбающіяся губы Кальмана широко открылись; лобъ Абрама покрылся грозными морщинами.

Меиръ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное его появленіемъ. Переступивши черезъ порогъ, онъ на секунду остановился и устремилъ взглядъ на лицо своего дяди Абрама. Это былъ проницательный, смѣлый, но въ то же время такой покорный, печальный и умоляющій взглядъ, что, встрѣтившись съ нимъ, глаза Абрама безпокойно забѣгали и опустились къ землѣ. Опустилась также его голова, покрытая сѣдиной, а руки упали на колѣни и начали дрожать.

Меиръ медленно прошелъ черезъ комнату, а затѣмъ очутился въ другой, въ которой никого не было, кромѣ стоящаго между стѣной и печью Іохеля. Онъ стоялъ тамъ въ такой позѣ, какъ будто бы чего-то ожидалъ, вытирая спиной своего изодраннаго халата мѣлъ со стѣны и безсмысленно глядя на свои босыя ноги.

Вслѣдъ за Меиромъ послышалось восклицаніе Янкеля:

— А фершольтенеръ (проклятый)!

Абрамъ и Кальманъ долго молчали.

— Зачѣмъ ты, Янкель, привелъ насъ въ такое скверное мѣсто? — спросилъ затѣмъ Кальманъ.

— Отчего ты не предупредилъ насъ, что тамъ за дверями кто-нибудь можетъ слышать насъ? — взволнованно зашепталъ Абрамъ.

Янкель объяснилъ, что за этими дверями была комнатка его сына — кантора, который совершенно равнодушенъ къ дѣламъ, ничего въ нихъ не понимаетъ и, постоянно занятый чтеніемъ и молитвой, ничего не слышитъ вокругъ себя.

— Откуда я могъ знать, что этотъ проклятый мальчишка былъ тамъ? Какъ онъ туда вошелъ? Развѣ черезъ окошко ... какъ воръ?

— Ну, — сказалъ онъ немного погодя, поразмысливъ и ободрившись: — а что за бѣда, что онъ слышалъ? Онъ — еврей ... нашъ: противъ своихъ онъ не посмѣетъ и звука издать!

— Онъ можетъ посмѣть, — замѣтилъ Кальманъ. — Но мы будемъ имѣть его на примѣтѣ, и если хоть одно слово сорвется у него съ языка, мы согнемъ его въ дугу ...

Абрамъ всталъ.

— Дѣлайте, что хотите, — сказалъ онъ порывисто, — я не хочу участвовать въ этомъ дѣлѣ ...

Янкель бросилъ на него ядовитый взглядъ.

— Ну, что-жъ, — сказалъ онъ. — Для меня и для Кальмана будетъ большой заработокъ ... потому что чей рискъ, тому должна быть и прибыль ...

Абрамъ сѣлъ. Тяжелая борьба отражалась на его выразительномъ нервномъ лицѣ: страсти влекли его въ противоположныя стороны.

Янкель, державшій въ рукахъ кусокъ мѣлу, началъ писать имъ на маленькой черной дощечкѣ.

— Восемь тысячъ ведеръ, — говорилъ онъ: — по 4 рубля ведро, 32000 рублей. Три въ 32-хъ тысячахъ ... 10666 рублей 66²/₃ коп. По 600 рублей возьмутъ Іохель и Шмуль ... Ну, для насъ будетъ по 10066 рублей 66²/₃ коп.

Абрамъ снова всталъ. Онъ ничего не сказалъ,

но смотрѣлъ въ землю и обѣими руками помялъ платокъ. Потомъ, не поднимая глазъ, онъ спросилъ:

— А когда это будетъ?

— Это будетъ очень скоро! — отвѣтилъ Янкель.

Абрамъ ничего больше не сказалъ и, не прощаясь съ товарищами, быстрыми шагами вышелъ изъ избы.

На большой площади начиналось движеніе, слышался говоръ, стукъ колесъ и шумъ толпы, собиравшейся изъ окрестностей на большой базаръ. Все населеніе мѣстечка было уже на ногахъ, готовясь устроить въ этотъ день множество самыхъ разнообразныхъ дѣлъ. Въ домѣ Эзофовичей уже никто не спалъ: тамъ также встали раньше обыкновеннаго.

Въ той части дома, которую занимали Рафаилъ и Беръ со своими семьями, было слышно нѣсколько мужскихъ голосовъ, живо, громко и весело разговаривающихъ между собой. Тамъ называли различные предметы торговли и при каждомъ изъ нихъ ставили различные ряды цифръ. Это прерывалось иногда какимъ-нибудь разсказомъ, произносимымъ пѣвучимъ голосомъ, послѣ котораго раздавились крики удивленія, многочисленные вопросы или веселый смѣхъ. Во всемъ этомъ чувствовалось спокойствіе и довольство людей, усердно работающихъ для благосостоянія своихъ семействъ и услаждающихъ свои заботы о житейскихъ дѣлахъ взаимной откровенностью, довѣріемъ и дружбой.

Въ большой, красивой гостиной, пахнущей елью, хвоями которой въ этотъ день посыпали полъ, еще старательнѣе, чѣмъ обыкновенно вымытый и вычи-

щенный, на старомъ желтомъ диванѣ передъ столомъ, застланнымъ цвѣтной скатертью, сидѣлъ Саулъ въ праздничной одеждѣ изъ блестящей саеты, въ бархатной шапочкѣ на серебристыхъ волосахъ, и медленно пилъ настоящей серебряной ложечкой пахучій, хорошій чай. Огромный, блестящій, какъ золото, самоваръ, въ которомъ теперь пылали уголья и надъ которымъ клубами подымался паръ, не красовался въ это утро, какъ обыкновенно, на шкафу, уставленномъ массой кухонной и столовой посуды, а стоялъ теперь въ сосѣдней комнатѣ, большой, чистой, уставленной скамейками и столами и освѣщенной яркимъ пламенемъ, разведеннымъ въ большой кухонной печи. Кипящій самоваръ, яркій огонь въ кухнѣ, суета невѣстокъ и довольно многочисленной прислуги, а также праздничная одежда Саула и безукоризненная бѣлизна завѣсокъ, украшавшихъ окна гостиной, — все это свидѣтельствовало о томъ, что въ домѣ богатой купеческой семьи ожидалось въ этотъ день много гостей и что къ пріему ихъ дѣлались веселыя и старательныя приготовленія.

Но теперь было еще раннее утро, и старый Саулъ сидѣлъ одинъ, очевидно, наслаждаясь атмосферой согласія и достатка, которая окружала его, и отголосками разговоровъ и бѣготни, наполнявшихъ сверху до низу обширный и людный домъ. Это была одна изъ тѣхъ, впрочемъ, частыхъ минутъ, въ которыя степенный патріархъ стариннаго рода во всей полнотѣ испытывалъ всѣ милости и почетъ, щедро проливаемые Іеговой на его благословенную старость.

Но едва отворились двери изъ сѣней—и черезъ нихъ вошелъ въ комнату Меиръ, благодушіе, выражавшееся въ погасшихъ глазахъ Саула, исчезло. Видъ

внука привелъ ему, очевидно, на память какой-то колючій терній, о которомъ онъ было забылъ среди пріятныхъ размышленій о цвѣтахъ своей жизни. Первый взглядъ на молодого человѣка тоже произвелъ на него впечатлѣніе фальшивой, или скорѣе печальной и тревожной ноты, вмѣшавшейся въ веселый и гармоничный аккордъ. Тревога и безпокойство выражались на поблѣдиѣвшемъ лицѣ Меира, а глаза его свѣтились огнемъ взволнованныхъ чувствъ и мыслей. Онъ быстро и смѣло вошелъ въ комнату, но когда его взглядъ встрѣтился со взглядомъ дѣда, онъ опустилъ голову и слегка замедлилъ шаги. Когда-то онъ подходилъ къ своему отцу и благодѣтелю съ довѣріемъ и ласками любимаго ребенка. Но теперь онъ чувствовалъ, что между нимъ и этимъ старикомъ, который заботился о немъ въ годы его дѣтства и юношества, выростала все болѣе высокая и крѣпкая преграда! Онъ видѣлъ также, что онъ самъ создалъ эту преграду своими словами и поступками; онъ съ тоской вспоминалъ о прежнемъ чувствѣ, свѣтившемся въ этихъ глазахъ, которые теперь смотрѣли на него сурово и гнѣвно; онъ подошелъ къ дѣду съ печально опущенными глазами, остановился передъ нимъ въ несмѣлой и просительной позѣ и сказалъ почти кроткимъ голосомъ:

— Зейде, я хотѣлъ бы поговорить съ тобой объ одной важной вещи!

При видѣ той робости, съ какой приблизилось къ нему его нѣкогда любимое дитя, Саулъ сталъ менѣе суровымъ и болѣе печальнымъ.

— Говори! — отвѣтилъ онъ коротко, но ласково.

— Зейде, позволь мнѣ запереть двери и окна, чтобы никто не могъ слышать нашего разговора.

— Запри!—отвѣтилъ Саулъ и съ нѣкоторой тревогой ожидалъ дальнѣйшаго разговора.

Меиръ заперъ двери и окна и, ставъ близко возлѣ дѣда, началъ.

— Зейде, я знаю, что мои слова причинятъ тебѣ огорченіе и безпокойство. Но къ кому же мнѣ обратиться, кромѣ тебя? Ты для меня былъ отцомъ и благодѣтелемъ; мое сердце всегда тянетъ меня къ тебѣ въ каждой моей печали...

Голосъ его задрожалъ. Было видно по его лицу, что глубокое чувство влекло его къ ногамъ и въ объятія этого старика, который, значительно смягчившись, съ внезапно заблестѣвшими глазами, отвѣтилъ:

— Говори все! Хотя я имѣю причины сердиться на тебя, потому что ты не такой, какимъ хотѣла бы видѣть тебя душа моя; но я никогда не забуду о томъ, что ты сынъ сына моего, который слишкомъ скоро исчезъ изъ моихъ глазъ... Если у тебя есть какая-нибудь забота, я сниму ее съ твоей головы, а если кто-либо нанесъ тебѣ какую-нибудь обиду, я стану противъ обидчика твоего и накажу его за тебя...

Эти слова произвели на Меира утѣшительное и ободряющее впечатлѣніе.

— Зейде,—сказалъ онъ болѣе смѣлымъ голосомъ:—на головѣ моей, благодаря тебѣ, нѣтъ никакой заботы, и никто не нанесъ мнѣ никакой обиды. Но я узналъ объ одномъ страшномъ секретѣ, и самъ не знаю, что съ нимъ дѣлать. Затаить его въ себѣ я не могу: и вотъ я подумалъ, скажу тебѣ, зейде, объ этомъ секретѣ, чтобы ты со своими сѣдыми волосами и своимъ вліяніемъ, которое ты имѣешь надъ людскими душами, помѣшалъ совершиться грѣху и стыду...

Теперь уже Саулъ всматривался въ лицо своего внука любопытнымъ и вмѣстѣ недовольнымъ взглядомъ.

— Ну,—сказалъ онъ:—гораздо лучше тѣмъ людямъ, которые не проникаютъ ни въ какіе страшные секреты и никогда рта не открываютъ о нихъ. Но я боюсь, что если ты передо мной не откроешь своего сердца, то откроешь его передъ другими людьми и изъ этого опять выйдутъ какія-нибудь непріятности. Говори! Какой это страшный секретъ?

Меиръ отвѣтилъ:

— Вотъ какой это секретъ: Янкель Каміонкеръ арендуетъ у наслѣдника Каміонскаго его большой винокуренный заводъ... Онъ нагналъ въ этой винокурнѣ 6000 ведеръ водки, но не продавалъ цѣлое лѣто. Онъ не продавалъ ея потому, что цѣна была низка. Теперь цѣна поднялась, и онъ хочетъ ее продать, но не хочетъ платить того налога, который беретъ за нее казна...

— Говори тише!—вдругъ прервалъ его Саулъ, лицо котораго выражало все возраставшую тревогу.

Меиръ понизилъ голосъ почти до шопота.

— Чтобы не платить налога, Каміонкеръ выкралъ эту водку и прошлой ночью привезъ ее подъ Караимскій холмъ, гдѣ ее торговали и раскупали шинкари изъ разныхъ мѣстъ... Но онъ подумалъ себѣ: а что будетъ, если урядникъ пріѣдетъ ревизовать подвалъ и не найдетъ водки? За это будетъ большая отвѣтственность и большой судъ... Подумавши такъ, онъ нанялъ двухъ людей... Зейде, онъ двухъ нищихъ искусилъ деньгами...

— Шаа!—вдругъ заговорилъ Саулъ пониженнымъ голосомъ.—Молчи и пусть ни одно слово не вылетитъ больше изъ твоихъ устъ! Я уже догадался о концѣ твоей рѣчи!

Руки старика дрожали, его сѣдыя брови сдвинулись и ощетинились.

Меиръ умолкъ и смотрѣлъ на дѣда глазами, полными тревожнаго ожиданія.

Саулъ долго молчалъ, потомъ, не поднимая опущенныхъ глазъ, онъ промолвилъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Твой языкъ произнесъ ложь. Этого не можетъ быть!

— Зейде, — зашепталъ Меиръ: — это такая же правда, какъ то солнце, которое сегодня свѣтитъ на небѣ! И почему этого не можетъ быть? Развѣ ты, зейде, не слышалъ, что такіе случаи бывали уже въ позапрошломъ и прошломъ году въ разныхъ мѣстахъ... Такіе случаи, зейде, случаются все чаще, и отъ нихъ у каждаго честнаго еврея сердце сжимается отъ боли и лицо горитъ отъ стыда!

— Откуда ты все это можешь знать? Какъ ты можешь такъ хорошо понимать все это? Я тебѣ не вѣрю!

— Откуда я могу это знать и понимать? Зейде! Я воспитывался въ твоемъ домѣ. А въ твой домъ всегда приходило и пріѣзжало много народу: евреевъ и христіанъ, купцовъ и пановъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Они разговаривали съ тобой о другихъ, и я слушалъ и понималъ. Почему же я теперь не могъ бы понять?

Саулъ снова помолчалъ. На его сильно встревоженномъ лицѣ выражались самыя противоположныя чувства. Вдругъ имъ овладѣлъ гнѣвъ на внука.

— Ты слишкомъ много понимаешь! — заговорилъ онъ. — Ты слишкомъ любопытенъ! Душа твоя полна безпокойства и повсюду разноситъ безпокойство! Ты отравляешь покой моей старости! Я былъ се-

годня счастливъ, пока мои глаза не увидѣли тебя! Какъ только ты вошелъ, съ тобой вошло огорченіе!

Меиръ опустилъ голову.

— Зейде,— сказалъ онъ печально,— за что ты меня бранишь? Я не со своимъ дѣломъ пришелъ къ тебѣ...

— А зачѣмъ тебѣ мѣшаться въ чужія дѣла?— съ колебаніемъ въ голосѣ произнесъ старикъ.

— Это не чужое дѣло,—живѣе прежняго возразилъ Меиръ.— Каміонкеръ — еврей... онъ нашъ... Зачѣмъ онъ своими гадкими поступками портитъ душу израиля и пятнаетъ его славу передъ свѣтомъ? Зейде, и для тебя это дѣло не чужое! Сынъ твой, Абрамъ, участвуетъ въ этомъ дѣлѣ!

Саулъ быстро всталъ съ дивана и снова упалъ на него.

— Сынъ мой Абрамъ!— вскричалъ онъ.

Потомъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ онъ впился въ лицо Меира.

— Ты не лжешь?

— Я видѣлъ и слышалъ...— шепнулъ Меиръ.

Саулъ погрузился въ долгое раздумье.

— Ну,— сказалъ онъ медленно,— ты имѣешь право жаловаться мнѣ на своего дядю! Онъ братъ твоего отца, и его поступокъ можетъ навлечь великое несчастье и великій позоръ на тебя и на весь родъ нашъ. Въ родѣ Эзофовичей никогда не бывало такихъ мерзкихъ вещей, и я запрещу сыну моему участвовать въ этомъ дѣлѣ...

— Зейде! Скажи также Каміонкеру и Кальману, чтобы они этого не дѣлали!

— Ты глупъ!— сказалъ Саулъ.— Развѣ Каміонкеръ и Кальманъ — мои сыновья, или мужья моихъ дочерей? Они меня не послушаются!

— Если они не послушаются, — сказалъ Меиръ, — то ты, зейде, донеси на нихъ наслѣднику Каміонскаго... донеси на нихъ въ судъ!

Саулъ поднялъ на внука вдругъ загорѣвшійся взглядъ.

— Твои совѣты глупы!—сказалъ онъ, вспыливъ.— Твое сердце полно желчи и полыни противъ собственнаго народа! Что это?... Ты хочешь, чтобы дѣдъ твой навлекалъ опасность на головы братьевъ своихъ, евреевъ!

Онъ хотѣлъ еще что-то говорить, но въ эту минуту отворились двери, и въ комнату вошло нѣсколько евреевъ, пріѣхавшихъ изъ сосѣднихъ мѣстечекъ на шибовскую ярмарку. Это были важные и богатые купцы и арендаторы сосѣднихъ имѣній. Саулъ приподнялся было, чтобы привѣтствовать ихъ, но они быстро подошли къ нему, стали пожимать ему руки, осыпать его привѣтствіями и увѣреніями, что причиной ихъ пріѣзда въ Шибовъ были не столько дѣла, которыя они должны были уладить въ этотъ день, сколько желаніе увидѣться съ мудрымъ и высоко-уважаемымъ ребе Сауломъ. Ребе Саулъ отвѣчалъ на любезности равными любезностями; степеннымъ жестомъ онъ указалъ на стулья, стоящіе вокругъ стола, а самъ, не покидая своего почетнаго мѣста на желтомъ диванѣ, громко хлопнулъ своими худыми сморщенными руками. На этотъ зовъ изъ сосѣдней комнаты вышла красивая служанка, внесла на серебряномъ подносѣ нѣсколько стакановъ чаю и поставила ихъ передъ гостями, которые съ улыбками и поклонами благодарили престарѣлаго хозяина за радушный пріемъ; гости съ явнымъ удовольствіемъ стали похлебывать чай, сильный запахъ котораго наполнилъ комнату; и въ то-же время завязали

живую бесѣду о своихъ торговыхъ и семейныхъ дѣлахъ.

Меиръ, видя, что теперь напрасно было ожидать возможности дальнѣйшаго разговора съ дѣдомъ, тихо вышелъ въ кухню, въ которой кипѣло, какъ въ котлѣ. Здѣсь также были гости, только совершенно непохожіе на тѣхъ, которыхъ глава дома угощалъ въ гостиной.

На скамейкахъ, стоящихъ по стѣнамъ, сидѣло нѣсколько мужчинъ въ бѣдной, поношенной одеждѣ, а дочь Саула, Сарра, и невѣстка его, жена Рафаила, любезно разговаривая съ ними, угощали ихъ чарками меду, большими бѣлыми халами и крупникомъ, — дымившимся въ мискахъ. Люди, сидѣвшіе на скамьяхъ, весело, но немного робко отвѣчали любезнымъ хозяйкамъ, а за поднесенное имъ угощеніе очень почтительно благодарили. Всѣ они принадлежали къ бѣдному классу мелкихъ арендаторовъ, шинкарей, факторовъ, перекупщиковъ, занимающихся мелкой торговлей. Ихъ темныя лица, худощавыя тѣла и огрубѣвшія руки свидѣтельствовали о жизни, полной лишеній, заботъ и тяжелой борьбы за существованіе. Самыя ничтожныя затраты внѣ дома на необходимые съѣстные припасы были бы для нихъ значительнымъ убыткомъ; поэтому, пріѣзжая на торги въ Шибовъ, они направлялись прямо къ дому Эзофовичей, двери котораго всегда широко и гостепріимно открывались передъ ними, и гдѣ уже въ теченіе двухсотъ лѣтъ существовалъ обычай радушно и обильно угощать ихъ.

Двѣ женщины въ шелковыхъ юбкахъ, въ золотыхъ кольцахъ и чепцахъ, украшенныхъ цвѣтами, съ улыбками на румяныхъ губахъ, суетились въ проходѣ между кухонной печью, въ которой пылалъ яркій

огонь, и стоящими у открытыхъ оконъ скамьями, на которыхъ сидѣли ихъ почтительные и благодарные гости. Но и за окнами виднѣлись многочисленныя, сбившіяся въ кучу головы и протянутыя руки. Тамъ уже собирались самые убогіе люди, прибывшіе на торгъ не для торговли и заработка, а для того, чтобы пробудить состраданіе своихъ болѣе счастливыхъ единовѣрцевъ. По рубищу, покрывающему ихъ, въ нихъ можно было узнать ввергенныхъ превратностями судьбы въ послѣднюю степень убожества нищихъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ не могла охватить общественная благотворительность, хотя она была довольно широко развита въ шибовскомъ обществѣ. Этимъ людямъ служанки раздавали черезъ окна хлѣбъ, ссѣвшееся молоко и мелкую мѣдную монету. Ихъ слова благодарносги и благословенія доносились въ комнату и, очевидно, пріятно отзывались въ сердцахъ двухъ хозяйничающихъ женщинъ, потому что онѣ улыбались все болѣе весело и гордо, и безпрестанно вынимали изъ своихъ глубокихъ кармановъ новыя пригорішни мѣдныхъ монетъ.

Въ другой части кухни также разыгрывались веселыя и шумныя сцены. Цѣлая толпа домашнихъ дѣтей, состоящая изъ нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, въ праздничныхъ одеждахъ и съ праздничными лакомствами въ рукахъ, собралась тамъ около стѣны. Старшіе мальчики молча присматривались къ пришедшимъ и постоянно приходящимъ чужимъ людямъ и съ любопытствомъ слушали ихъ разговоры; дѣвочки, наоборотъ, — повидимому, ничего не видѣли вокругъ себя и были всецѣло заняты надѣтыми на нихъ цвѣтными юбочками, шнурками бусъ, окружавшими ихъ

шеи, и длинными лентами, которыми были заплетены ихъ рыжія и черныя косы. Самыя младшія дѣти ползали по землѣ, пронзительно смѣясь или плача, и все это жадно поѣдало золотистыя баранки и большіе куски хлѣба, густо намазанные блестящимъ медомъ.

Здѣсь же, около толпы пра- и праправнуковъ, сидѣла на табуретѣ прабабка Фрейда. Дни, подобные сегодняшнему, своимъ шумомъ и толпой чужихъ людей, наполняющей домъ, встряхивали ея дремлющее сознаніе и пробуждали въ немъ воспоминанія о далекомъ прошломъ. Въ такіе дни въ памяти дряхлой женщины мелькали образы ея собственнаго прошлаго, образы тѣхъ дней, когда, будучи счастливой женой своего любимаго Герша, она усвоила себѣ традиціи и обычаи его дома, и всю силу своего сердца, головы и рукъ употребляла на то, чтобы поддержать ихъ во всемъ ихъ великолѣпіи. И сегодня ея золотистые зрачки смотрѣли сознательнѣе, чѣмъ обыкновенно, а на ея едва замѣтныхъ губахъ расцвѣтала улыбка полнаго удовольствія. Внучки разбудили ее сегодня раньше обыкновеннаго, подняли ее съ постели, одѣли въ самое дорогое платье, а теперь поправляли ея костюмъ передъ тѣмъ, какъ ввести ее въ гостиную, гдѣ она должна была занять свое обычное мѣсто у окна въ самомъ парадномъ креслѣ. Черноглазая Лійка прикалывала повязку прабабушки алмазной звѣздой; одна изъ ея младшихъ сестеръ вкладывала въ ея уши огромныя кольца изъ брилліантовъ; другая обвивала ея сморщенную шею нитками жемчуга и укладывала на груди тяжелую золотую цѣпь, чтобы она производила какъ можно лучшее впечатлѣніе на фонѣ бѣлоснѣжнаго фартука. Дѣлая все это, молодыя дѣвушки улыбались, слегка отклоняли

головы, чтобы лучше осмотрѣть свою собственную работу, иногда шаловливо заглядывали въ золотистые зрачки прабабушки или громко цѣловали ее въ ея морщинистый лобъ. Арендаторы и бѣдные торговцы смотрѣли на эту группу, состоящую изъ столѣтней родоначальницы дома и окружающихъ ее красивыхъ дѣвушекъ; они качали головами, удивляясь ея глубокой старости, богатству ея драгоцѣнностей и окружающей ее любви; изъ ихъ устъ вырывались причмокиванья и крики восхищенья, а глаза были полны умиленія и почтенія.

Зато въ другой части дома, въ которой четверть часа тому назадъ раздавались живые и веселые разговоры взрослыхъ членовъ семьи, было теперь совершенно пусто и тихо.

Меиръ прошелъ черезъ узкій корридоръ и, отворивши двери въ комнату своего дяди Рафаила, столкнулся на порогѣ со своимъ молодымъ двоюроднымъ братомъ и пріятелемъ Хаимомъ, выбѣгавшимъ оттуда. Еще почти дѣтское лицо Хаима, обрамленное вьющимися золотистыми волосами, было необычайно оживлено и горѣло яркимъ румянцемъ.

— Гдѣ дядя Рафаилъ?—спросилъ его Меиръ.

— А гдѣ же ему быть? — съ необычайной поспѣшностью отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Пошелъ съ Беромъ на рынокъ воловъ покупать.

— А ты, Хаимъ, куда идешь?

Мальчикъ даже не разслышалъ этого вопроса. Онъ нетерпѣливо оттолкнулъ брата и, одѣвъ шапку на голову, выбѣжалъ изъ дому весело что-то напѣвая. Его также развеселили шумъ и движеніе этого дня и привлекали шумныя зрѣлища и различные торги на мѣстномъ рынкѣ.

Меиръ вышелъ на крыльцо и окинулъ взоромъ

обширную площадь. Торгъ еще едва начался, но въ сторонѣ отъ нѣсколькихъ возовъ, которые собрались на самой серединѣ площади, онъ увидѣлъ Бера, уже ожесточенно спорящаго съ небольшой толпой мужиковъ, у которыхъ онъ торговалъ нѣсколько рослыхъ воловъ, стоявшихъ возлѣ возовъ. Рафаила Меиръ также нашелъ: онъ стоялъ на крыльцѣ одного изъ домовъ, окружающихъ рынокъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими важными купцами, прибывшими изъ окрестностей, и велъ съ ними оживленный разговоръ, о содержаніи котораго можно было догадаться по быстрымъ жестамъ, которые они дѣлали руками, какъ бы считая по пальцамъ предстоящіе барыши.

Подходить къ этимъ двумъ людямъ, самымъ значительнымъ въ семьѣ послѣ Саула, и начинать съ ними бесѣду, не касающуюся непосредственно интересовъ сегодняшняго дня, было бы напрасно. Меиръ зналъ объ этомъ, и не дѣлалъ напрасныхъ попытокъ. На весь міръ, окружавшій его въ этотъ день такой пестрой и подвижной картиной, онъ смотрѣлъ, какъ будто сквозь туманъ или сквозь сонъ. Ему казалось страннымъ, что никто среди столькихъ людей не думалъ о томъ, о чемъ онъ не могъ перестать думать, хотя и старался.

— Что мнѣ за дѣло до этого? — говорилъ онъ себѣ мысленно. — Что я могу сдѣлать? — прибавлялъ онъ и мутнымъ взглядомъ глядѣлъ вокругъ себя, и если бы кто-нибудь посмотрѣлъ на него въ эту минуту, то могъ бы подумать, то онъ скучалъ или былъ утомленъ. Но въ его груди что-то кипѣло. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, но сознавалъ лишь одно: что онъ не долженъ молча ждать до тѣхъ поръ, пока въ мѣстечкѣ все успо-

коится и утихнетъ, а за мѣстечкомъ вспыхнетъ на небѣ зарево пожара.

— Чѣмъ этотъ человѣкъ виноватъ передъ нами?— говорилъ онъ себѣ.

Онъ думалъ о Каміонскомъ помѣщикѣ.

Его неувѣренный, полный сомнѣнія взглядъ, блуждая по всему рынку, упалъ на крыльцо, украшающее домъ купца Витебскаго. На этомъ крыльцѣ стоялъ владѣлецъ дома въ растегнутомъ полудлинномъ сюртукѣ, съ блестящей цѣпью на атласной жилеткѣ. Онъ курилъ папиросу и поглядывалъ на начинающееся торговое движеніе съ видомъ человѣка, который не намѣренъ принимать никакого участія въ этомъ движеніи. Дѣйствительно, торгуя, главнымъ образомъ, деревомъ, которое онъ въ огромномъ количествѣ скупалъ у помѣщиковъ нѣсколькихъ уѣздовъ, Витебскій не могъ имѣть никакихъ дѣлъ на шибовской ярмаркѣ. Кромѣ того, онъ былъ слишкомъ изысканнымъ человѣкомъ и былъ слишкомъ проникнутъ важностью тѣхъ дѣлъ, которыя велъ, чтобы мѣшаться въ эту пеструю толпу, занятую розничной продажей хлѣба и скота.

Меиръ взбѣжалъ по ступенькамъ крыльца и быстро направился къ Витебскому, который, увидя его, любезно улыбнулся и протянулъ къ нему руки.

— Ай, ай, — заговорилъ онъ, — рѣдкій гость, пріятный гость! Ну, я знаю, что ты до сихъ поръ не могъ придти, чтобы отдать поклонъ родителямъ своей невѣсты! Строгій зейде велѣлъ сидѣть въ бетъ-га-мидрашѣ и талмудъ читать! Это ничего! Зейде добрый, дорогой старичекъ! Онъ не отъ злого сердца наказалъ тебя, и ты не отъ злого сердца согрѣшилъ! Конечно, человѣкъ молодой... немного позволилъ себѣ... Ну, входи въ

нашъ салонъ, а я сейчасъ скажу своей женѣ, чтобы она пришла и приняла тебя, какъ любимаго зятя!

Говоря такимъ образомъ, свѣтскій купецъ весело улыбался, ласково смотрѣлъ на своего будущаго зятя и, держа его за руку, велъ его въ свой салонъ. Тамъ, остановившись передъ зеленымъ рипсовымъ диваномъ, онъ шутливо посмотрѣлъ ему въ глаза и прибавилъ:

— То, что ты, Меиръ, скроменъ и стыдишься своей невѣсты, это хорошо! Я это люблю! Я самъ такимъ былъ, и всѣ наши молодые люди должны быть такими! Но моя дочь образованная и жила въ большомъ свѣтѣ, гдѣ совсѣмъ другіе обычаи. Она очень удивляется и плачетъ о томъ, что она не знаетъ своего жениха, когда черезъ мѣсяцъ уже должны быть вѣнчанье и свадьба. Ну, я пойду, приведу ее сюда! Я закрою окна, чтобы никто не видѣлъ, что вы здѣсь вмѣстѣ. Поговорите немного другъ съ другомъ... познакомьтесь...

Сказавъ это, онъ собирался уже выйти, но Меиръ придержалъ его за полу сюртука.

— Ребъ Эли, — сказалъ онъ, — у меня теперь въ головѣ не невѣста и не свадьба! Я къ тебѣ пришелъ совсѣмъ съ другимъ дѣломъ...

Витебскій проницательно посмотрѣлъ на серьезное и поблѣднѣвшее лицо молодого человѣка и слегка омрачился.

— Я пришелъ къ тебѣ, ребъ Эли, не со своимъ дѣломъ... — говорилъ дальше Меиръ, но Витебскій прервалъ его:

— Если это не твое и не мое дѣло, то зачѣмъ намъ о немъ говорить?

— Бываютъ на свѣтѣ такіи дѣла, — возразилъ молодой человѣкъ, — которыя относятся ко всѣмъ и всѣ о нихъ должны говорить и думать.

Говоря это, онъ думалъ навѣрное о томъ, что въ цивилизованномъ языкѣ носитъ названіе общественныхъ дѣлъ. Онъ не зналъ этого названія, но глубоко и горячо чувствовалъ то понятіе, которое оно выражаетъ.

— Я сегодня узналъ объ одномъ страшномъ секретѣ...

Витебскій вскочилъ со стула, на которомъ сидѣлъ передъ тѣмъ.

— Я не хочу знать ни о какихъ страшныхъ секретахъ! — воскликнулъ онъ. — Зачѣмъ ты хочешь говорить мнѣ о нихъ? Я не любопытенъ!

— Затѣмъ, ребъ Эли, чтобы ты помѣшалъ ему...

— А мнѣ зачѣмъ мѣшать? А что мнѣ за дѣло? И зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ съ такими разговорами?

— Затѣмъ, ребъ Эли, что ты богатъ и хорошо умѣешь говорить, и живешь въ согласіи со всѣми' даже съ самимъ великимъ раввиномъ... онъ даже улыбается, когда видитъ тебя. Твое слово много значитъ, и если бы ты захотѣлъ...

— Я не хочу! — прервалъ Витебскій съ рѣшительностью въ голосѣ и съ нахмуреннымъ лбомъ. — Я богатъ и живу въ согласіи со всѣми, это правда: но я тебѣ что-то скажу, Меиръ.

Здѣсь онъ понизилъ голосъ и прибавилъ:

— Если бы я впутывался въ чужіе секреты и разстраивалъ чужія дѣла, я не былъ бы богатымъ, не жилъ бы въ согласіи со всѣми, и мнѣ не было бы такъ хорошо жить на свѣтѣ ... какъ теперь...

— Ребъ Эли, — сказалъ Меиръ, подумавъ, — мнѣ очень пріятно слышать, что тебѣ хорошо жить на свѣтѣ; но я бы не хотѣлъ, чтобы мнѣ было хорошо, благодаря чужимъ обидамъ...

— Ну, кто же говоритъ объ обидахъ? — улыбаясь сказалъ Эли. — Я никогда никого не обижаю; я торгую честно, и всѣ тѣ, съ кѣмъ я торгую, довольны мной и хорошо относятся ко мнѣ... Я, слава Богу, могу всѣмъ людямъ смѣло глядѣть въ глаза, и на томъ состояніи, которое я собираю своимъ дѣтямъ, нѣтъ чужихъ слезъ и чужого горя.

Меиръ съ уваженіемъ преклонилъ голову передъ говорившимъ.

— Я знаю, ребъ Эли, что то, что ты сказалъ, истинная правда. Ты честно ведешь свои дѣла, и дѣлаешь честь дому Израиля своей честностью и тѣмъ разумомъ, который тебѣ далъ Предвѣчный. Но мнѣ кажется, что если человѣкъ самъ честенъ, то онъ не долженъ смотрѣть равнодушно на чужія подлости; потому что если онъ можетъ помѣшать дурному поступку и не помѣшаетъ ему, то это все равно, какъ если бы онъ самъ совершилъ этотъ поступокъ. Я узналъ, что одному невинному человѣку одинъ изъ нашихъ братьевъ евреевъ долженъ нанести великую обиду. Самъ я ничего не могу, но ищу такихъ людей, которые могутъ спасти невиннаго отъ несчастья...

Тутъ говорящаго самымъ неожиданнымъ образомъ прервалъ громкій и веселый смѣхъ Витебскаго, который всталъ со стула и шутливо похлопалъ по плечу своего гостя.

— Ну, ну! — сказалъ онъ. — Я уже вижу, что у тебя, Меиръ, горячая голова! Ты хочешь вынуть изъ нея какую-то заботу и вложить ее въ мою голову! Ну! Я весьма благодаренъ тебѣ за этотъ подарокъ, но я не возьму его отъ тебя! Оставь меня, пожалуйста! Зачѣмъ мы будемъ отравлять себѣ жизнь, когда сегодняшній день можетъ быть

для насъ очень веселымъ. Вотъ, садись себѣ на томъ креслѣ, а я пойду и приведу къ тебѣ твою невѣсту. Ты еще не слышалъ ея музыки! Ай, ай! Какъ она играетъ! Сегодня не шабашъ, и она можетъ поиграть тебѣ немного, а ты послушаешь...

Оживленно проговоривъ все это, съ шутливымъ выраженіемъ и въ голосѣ, и въ глазахъ, онъ хотѣлъ выйти, но Меиръ снова придержалъ его за рукавъ сюртука.

— Ребъ Эли! — вскричалъ онъ. — По крайней мѣрѣ выслушай меня...

У Витебскаго въ глазахъ блеснуло легкое нетерпѣніе; но онъ все-таки съ улыбкой отвѣтилъ:

— Ай, ай, Меиръ! Какой ты непослушный! Ты хочешь людей, которые старше тебя, силой заставлять дѣлать то, чего они не хотятъ. Ну! Я тебѣ все-таки прощаю это и иду позвать твою невѣсту...

Говоря это, онъ снова направился къ дверямъ, но Меиръ еще разъ преградилъ ему дорогу.

— Ребъ Эли! — воскликнулъ онъ. — Я тебя не пущу, пока ты меня не выслушаешь! Къ кому же мнѣ обратиться? Сегодня всѣ заняты своими гостями и дѣлами, ты одинъ, ребъ Эли, ничего не дѣлаешь и имѣешь время...

Онъ умолкъ, потому что Витебскій пересталъ улыбаться и съ облакомъ неудовольствія на своемъ ясномъ челѣ степеннымъ жестомъ положилъ ему руку на плечо.

— Слушай, Меиръ, — сказалъ онъ, — я тебѣ что-то скажу. Ты на плохой дорогѣ. Всѣ люди громко говорятъ объ этомъ и есть такіе, которые очень сердятся на тебя за это; но я отношусь къ тебѣ снисходительно. Отношусь я къ тебѣ снисхо-

дительно потому, что самъ не всегда такъ думаю, какъ всѣ, и знаю, что нѣкоторыя вещи у насъ, въ Израилѣ, должны быть совершенно иными, чѣмъ онѣ есть. Ну, я такъ думаю, но ... но я никогда не говорю и не показываю этого! Зачѣмъ я буду говорить и показывать? Что я могу? Если самъ Богъ сдѣлалъ эти вещи такими, то я, противясь Ему, возстановляю Его противъ себя; а если это людскія ошибки и выдумки, то и безъ меня придутъ такіе люди, которые передѣлаютъ ихъ. Мое дѣло — знать себя, свою семью и свои дѣла. Развѣ я судья? Я и не раввинъ! И вотъ я себѣ молчу, угождаю Богу и людямъ, и никому не становлюсь поперекъ дороги. Такъ и поступаю и хотѣлъ бы, чтобы и ты, Меиръ, такъ же поступалъ. Я бы и тебѣ не давалъ своихъ совѣтовъ и позволялъ бы тебѣ жить, какъ хочешь; но такъ какъ ты долженъ сдѣлаться мужемъ моей дочери, то я долженъ присматривать за тобой...

— Ребъ Эли! — прервалъ Меиръ, у котораго заблестѣли слезы раздраженія въ загорѣвшихся глазахъ, — не сердись на меня за дерзкое слово, которое я тебѣ скажу. Я не возьму твою дочь въ жены и никогда не буду ея мужемъ!

Витебскій остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Ну! — вскричалъ онъ, помолчавъ. — Это еще что за новость? Развѣ же твой дѣдъ не условился со мной о моей Мери? А потомъ, развѣ онъ не прислалъ для нея отъ тебя свадебныхъ подарковъ?

— Дѣдъ мой условился съ тобой, — отвѣтилъ Меиръ дрожащимъ голосомъ, — но онъ сдѣлалъ это противъ моей воли.

— Ну! — воскликнулъ Витебскій уже съ необыкновеннымъ удивленіемъ. — Почему же это? Что ты имѣешь противъ моей дочери?

— Я, ребъ Эли, ничего не имѣю противъ нея, но меня сердце къ ней не тянетъ. И она также, ребъ Эли, не хочетъ меня... Проходя мимо вашихъ оконъ, я разъ слышалъ, какъ она плакала и жаловалась на то, что ее хотятъ выдать за простого, темнаго еврея. Ну, это правда! Я простой, необразованный еврей... но и ея образованіе также не въ моемъ вкусѣ... Зачѣмъ надѣвать цѣпи на нее и на меня? Мы уже не дѣти и знаемъ, чего хочетъ и чего не хочетъ наша душа...

Витебскій все время смотрѣлъ на говорящаго, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Хорошо ли слышали мои уши? Хорошо ли мой разумъ понялъ эти слова? Ты не хочешь моей дочери?! Ты не хочешь моей красивой, образованной Мери?!...

Румянецъ выступилъ на его лбу. Привѣтливый и дипломатичный свѣтскій человѣкъ превратился въ обиженнаго и разгнѣваннаго отца. Но въ эту минуту возлѣ разговаривающихъ съ шумомъ открылись двери, ведущія въ другія комнаты квартиры, и на порогѣ появилась Гана съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами. Она, очевидно, кончала передъ тѣмъ свой туалетъ, но еще не кончила его, потому что на ней не было обычнаго шелковаго платья, а была только короткая красная юбка и просторная сѣрая кофта. Передняя часть ея парика была уже старательно завита и причесана, но сзади висѣла еще не заплетенная, а только подвязанная шнуркомъ коса.

Она остановилась на порогѣ и крикнула:

— Я все слышала!

Дальше она не могла говорить отъ волненія. Ея грудь дышала быстро, а глаза метали искры.

Наконецъ, она подскочила къ Меиру и, широко разставивъ руки, крикнула:

— Что это? ты не хочешь моей дочери? ты?.. простой, темный жидъ изъ Шибова! ты не хочешь взять въ жены такую красивую панну, съ такимъ большимъ образованіемъ! Пфуй! глупецъ, мешигенеръ, распутникъ!

Витебскій пробовалъ умѣрить гнѣвъ своей жены, придерживая ее за локоть и шипя ей въ самое ухо:

Ша... Гана, ша!

Но въ эту минуту Гану покинула вся изысканность манеръ, вся заботливость объ эстетическомъ видѣ собственной особы.

Она металась передъ Меиромъ, грозила ему передъ самымъ его лицомъ сжатымъ кулакомъ и кричала:

— Ты Мери не хочешь? Ты не хочешь моей дочери? Ай, ай! какая бѣда! мы поумираемъ съ горя! Она себѣ уже не найдетъ мужа и выплачетъ глаза по тебѣ! Ой! Ой! какая бѣда, что ее глупый, темный шибовскій жидъ не хочетъ взять въ жены! Я ее повезу въ Вильно и выдамъ за генерала, за графа... за самого князя! Пфуй! Что ты себѣ думаешь? Что, если дѣдъ твой Саулъ богатый купецъ, а ты самъ имѣешь большое состояніе послѣ отца, такъ ты уже и большой пурыцъ, и тебѣ все можно?! Я покажу твоему дѣду и всей твоей семьѣ, что вы намъ такъ же нужны, какъ старая туфля!

Эли старательно закрывалъ двери и окна, а Гана подскочила къ комоду изъ ясеневаго дерева, стоящему возлѣ фортепьяно, выдвинула ящикъ и начала вынимать изъ него разныя коробки съ драгоцѣнностями.

— На! — крикнула она, бросая коробки на

землю: — на! бери назадъ свои подарки! Отнеси ихъ караимской дѣвкѣ, съ которой ты ведешь романъ! Она для тебя будетъ самой подходящей женой...

— Ша! — отчаянно зашипѣлъ Витебскій на жену и началъ поднимать съ земли коробки съ драгоцѣнностями. Но Гана вырвала ихъ у него изъ рукъ.

— Я сама отнесу ихъ его дѣду и разорву обрученіе, — сказала она.

— Гана, — убѣждалъ ее мужъ: — ты надѣлаешь тамъ глупостей... Я самъ пойду и поговорю съ Сауломъ.

Но Гана даже не слышала словъ мужа.

— Пфуй, — кричала она: — этотъ дуракъ, этотъ сумасшедшій, этотъ развратникъ не хочетъ моей дочери! Для него караимская дѣвка лучше моей дочери! Ну, такъ и слава Богу, что мы отъ него избавимся! Я Мери въ Вильно повезу и отдамъ за большого барона!

* * *

Было уже около полудня, когда Меиръ покинулъ домъ Витебскихъ, сопровождаемый бранью и проклятіями пани Ганы и тихими упреками и примирительными словами Эли.

На рынкѣ торговое движеніе было уже во всемъ разгарѣ: обширная площадь была тѣсно наполнена возами, людьми, лошадьми и скотомъ, что самый маленькій предметъ не могъ бы помѣститься въ этой пестрой, густой толпѣ, кричащей тысячами голосовъ и кишащей тысячами головъ людей и животныхъ. Однако, въ одной сторонѣ рынка было одно мѣсто, немного болѣе свободное, тамъ возвышалась стѣна какого-то скверно выбѣленнаго зданія, а подъ этой

бѣлой стѣной на землѣ силѣлъ сгорбленный старикъ, въ сѣрой, изорванной длинной одеждѣ, съ толстымъ краснымъ платкомъ, обмотаннымъ вокругъ шеи. Его ноги въ изношенныхъ и запыленныхъ башмакахъ были почти совершенно закрыты нагроможденнымъ вокругъ него большимъ количествомъ корзинъ и корзинокъ, сплетенныхъ изъ лозы, соломенными кузовками и тому подобными плетеніями.

Это былъ Авель Караимъ.

Несмотря на лѣтній солнечный день, на головѣ его была большая шапка изъ желтаго, пушистаго лисьяго мѣха; изъ-подъ нея на его спину падали густыя космы бѣлыхъ волосъ, а длинная желтоватая борода широкимъ вѣеромъ покрывала его грудь. Солнечные лучи падали на его круглое, маленькое лицо, едва видное изъ-подъ огромной растительности, мѣхъ лисьей шапки опускался ему на лобъ, но не прикрывалъ его глазъ отъ ослѣпительнаго блеска солнца: ихъ опухшія и красныя вѣки щурились и почти совсѣмъ закрывали зрачки.

Около стараго Авеля стояла Голда, высокая, стройная и величественная, какъ всегда, со своимъ коралловымъ ожерельемъ, низко опущеннымъ на сѣрую рубашку, и со спадающей вдоль спины черной, какъ смоль, косой.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ двухъ человѣкъ стояли ряды возовъ, до верху наполненныхъ хлѣбомъ, дровами и самыми разнообразными издѣліями мелкаго сельскаго производства; посреди возовъ мычали волы и коровы, блеяли телята, ржали кони, сновали мелкіе факторы и барышники и, громко крича, торговались о цѣнѣ своихъ товаровъ, расталкивая вокругъ себя плечами и локтями деревенскую толпу. Въ этой толпѣ не было слышно ничего,

кромѣ громкаго выкрикиванья различныхъ цифръ, ожесточеннаго торга, грубаго смѣха, ожесточенныхъ споровъ, визгливаго плача дѣтей и пронзительнаго крика женщинъ. Среди всей этой суматохи звучалъ хриплый голосъ стараго Авеля, который неутомимо разсказывалъ еврейскія преданія. Шумъ, царящій вокругъ него, повидимому, не только не пугалъ его, но, напротивъ, возбуждалъ. Чѣмъ больше волновалась толпа, тѣмъ больше напрягалъ онъ и возвышалъ свой голосъ, такъ что слова его слышались ясно среди этого шума, хотя въ голосѣ все же чувствовалось дрожаніе.

— А когда Моисей сошелъ съ Синайской горы, — говорилъ, или, скорѣе, громко пѣлъ старикъ: — лицо его свѣтилось такимъ свѣтомъ, что весь народъ палъ ницъ и вскричалъ, какъ одинъ человѣкъ: „Моисей, повтори намъ слова Предвѣчнаго“. И тогда на небѣ и на землѣ воцарилась торжественная тишина, громы умолкли, молніи потухли и вихри улеглись на землю, а Моисей призвалъ къ себѣ семьдесятъ старцевъ израильскихъ, а когда они окружили его такъ, какъ звѣзды окружаютъ луну, онъ сталъ повторять имъ слова Предвѣчнаго...

Въ эту минуту отъ кричащей толпы отдѣлились двое людей, бѣдно одѣтыхъ, но съ очень степенными лицами; путь ихъ лежалъ мимо разсказывающаго Авеля. Они спѣшили, но произнесенное Авелемъ имя Моисея остановило ихъ.

— Онъ снова разсказываетъ! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Онъ всегда разсказываетъ! — отвѣчалъ другой.

Они улыбнулись, но не уходили. Около нихъ остановилась какая-то женщина и нѣсколько под-

ростковъ. Женщина остановилась, прислушиваясь, и спросила:

— Что онъ тамъ разсказываетъ?

— Исторію и законы израильскаго народа, — спокойно отвѣчала Голда.

Подростки пооткрывали рты, женщина подошла ближе и наклонила голову, мужчины улыбались, но стояли и слушали. Авель продолжалъ:

— Когда народъ услышалъ велѣнія Господа, онъ воскликнулъ единогласно: „Мы будемъ исполнять ихъ“! Тогда Моисей поставилъ у подножія Синайской горы 12 камней, на нихъ записалъ велѣнія Господни и, обращаясь къ народу сказалъ: „Пусть всѣ израильскія колѣна, старые, молодые, женщины и дѣти, и всякій израильтянинъ и чужеземецъ, живущій среди васъ, и тотъ, кто рубитъ деревья и тотъ, кто носитъ воду, пусть всякій придетъ заключать союзъ съ Іеговой и дастъ присягу исполнять его велѣнія такъ же точно, какъ Онъ обѣщалъ сдержать свои обѣщанія.

— Ну, — произнесъ какой-то голосъ изъ группы слушателей, — онъ разсказываетъ очень хорошо и очень интересныя вещи.

— И тотъ, что рубитъ деревья, и тотъ, что носитъ воду ... — повторилъ какой-то бѣдно одѣтый человѣкъ, — вздохнулъ и поднялъ глаза къ сверкающимъ облакамъ.

Женщина, которая, наклонивъ голову, съ напряженнымъ вниманіемъ слушала Авеля, вынула изъ кармана засаленной юбки грязный платокъ и, развязавши узелокъ, бросила на колѣни Авеля большую мѣдную монету.

Къ этой группѣ подошли еще нѣсколько человѣкъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой неподвиж-

ной группы ожесточенно торговались, ссорились и кричали люди, жаждущіе наживы и прибыли: евреи и христіане, женщины, мужчины и даже дѣти, а здѣсь подъ свѣтлой стѣной высокаго забора нѣсколько человѣкъ съ улыбкой на лицѣ, вздыхая изъ глубины груди, отдѣлились отъ шумной толпы и молча погрузились въ одну мысль и невольно перенеслись въ иной духовный міръ, въ которомъ мелькали образы и слышались звуки древняго священнаго прошлаго. Можно было подумать, что Авель почувствовалъ взоры окружившей его группы и что взоры эти воспламенили его сердце и освѣтили его душу. Изъ-за краснѣющихъ, моргающихъ вѣкъ глаза его блеснули серебромъ; пушистая лисья шапка сдвинулась немного назадъ, а когда онъ поднялъ голову, то желтоватыя космы его бороды расширились еще больше прежняго и поднялись до самыхъ плечъ. Теперь онъ былъ похожъ на стараго, полуслѣпого пѣвца, который своими пѣснями веселитъ и совершенствуетъ душу народа. Такимъ же пѣвучимъ и протяжнымъ, но еще болѣе громкимъ голосомъ онъ продолжалъ:

— Когда Израильтяне перешли Іордань, Іисусъ положилъ на этомъ мѣстѣ два большіе камня и на нихъ написалъ десять вечныхъ Іеговы. Одна половина народа остановилась у подножія горы Геризимъ, а другая — у подножія горы Гебаль, — и всѣ они услыхали громкій голосъ, говорящій такъ чтобы его могъ слышать собственными ушами каждый членъ израильской семьи: „Нарушитъ союзъ съ Господомъ тотъ, кто поклонится ложнымъ богамъ и тотъ, кто не будетъ чтить отца своего и матери своей! Нарушитъ союзъ свой съ Господомъ тотъ, кто пожелаетъ имѣнія ближняго своего, или введетъ

слѣпого на ложный путь. Нарушитъ союзъ съ Господомъ тотъ, кто обидитъ чужестранца, сироту и вдову и наполнитъ ложью уши ближняго своего, и кто о невинномъ скажетъ: „пусть онъ умрётъ!“ А когда могучій голосъ сообщилъ всѣ эти слова израильтянамъ, весь народъ отвѣтилъ такъ, какъ если бы онъ обладалъ одними устами и однимъ голосомъ: „Пусть будетъ такъ!“

— Пусть будетъ такъ! — шепнуло вокругъ Авеля нѣсколько человѣкъ, которые всего нѣсколько минутъ тому назадъ, погрузившихъ въ потокъ ежедневыхъ заботъ и нуждъ, ожесточенно ссорились изъ-за нѣсколькихъ грошей прибыли или убытка.

Теперь сквозь сплоченную группу стала протал-киваться крестьянка. Она подняла съ земли одну изъ корзинъ, стоящихъ около Авеля, и стала спрашивать о ея цѣнѣ. Голда отвѣтила своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ. Крестьянка началя торговаться, но Голда не отвѣчала ей, — не потому, чтобы она не хотѣла отвѣчать ей, но потому, что она не слышала ея грубыхъ и крикливыхъ словъ. Взоръ ея остановился на одной точкѣ рынка; лобъ и лицо ея покрылись пламеннымъ румянцемъ, а на серьезныхъ губахъ ея расцвѣла почти дѣтская и вмѣстѣ съ тѣмъ страстная улыбка. Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ находились Авель и его внучка, изъ толпы вышелъ Меиръ и, быстро идя по свободному пространству, приближался къ нимъ. Однако, онъ не видѣлъ ихъ; глаза его смотрѣли куда-то вдаль, на лицѣ его было написано безпокойство и нетерпѣніе. Онъ прошелъ мимо Голды и Авеля, даже не замѣтивъ ихъ, и вошелъ въ ворота, ведущія во дворъ синагоги.

Въ этотъ день черезъ дворъ было такъ же трудно пройти, какъ и черезъ рынокъ.

Меиръ направлялся къ черной лачугѣ раввина Тодроса; туда же тѣснилась толпа людей разнаго вида и возраста. По мѣрѣ приближенія къ лачугѣ, толпа становилась все гуще, но въ этой тѣснотѣ всѣ говорили и двигались гораздо медленнѣе и осторожнѣе. Здѣсь уже не было ни крика, ни ссоръ, ни смѣха, никто не толкалъ другъ друга, какъ это дѣлали на рынкѣ; здѣсь не было видно ни страстно разгоряченныхъ лицъ, ни глазъ, сверкающихъ жаждой наживы, ни грубыхъ вспыльчивыхъ жестовъ. Густая толпа направлялась къ низкой лачугѣ въ торжественномъ молчаніи, прерываемомъ только робкимъ шепотомъ.

Меиръ зналъ, куда и зачѣмъ направлялась эта толпа и изъ кого она состояла. Постоянныхъ жителей Шибова здѣсь или совсѣмъ не было, или было очень мало. Живя вблизи великаго раввина, они вовсе не нуждались въ выжиданіи какихъ-нибудь особенныхъ дней для того, чтобы наслаждаться его совѣтами, нравоученіями и самымъ видомъ его. Толпа, наполнявшая дворъ синагоги, состояла изъ жителей близкихъ, далекихъ и даже самыхъ отдаленныхъ окрестностей Шибова. Здѣсь было очень незначительное число зажиточныхъ купцовъ и вообще людей въ одеждахъ, указывающихъ на нѣкоторый достатокъ и болѣе высокій уровень общественнаго положенія. Значнтельное большинство состояло изъ жалкихъ фигуръ, одѣтыхъ въ бѣдныя и потертыя одежды, съ блѣдными страдальческими и терпѣливыми лицами, на которыхъ борьба за существованіе оставила тяжелые слѣды. Впрочемъ, это была пестрая мозаика юношескихъ, полудѣтскихъ, мужскихъ и женскихъ лицъ.

Уже около лачуги Меиръ остановился на минуту.

— Зачѣмъ мнѣ идти туда? — сказалъ онъ самому себѣ. — Вѣдь онъ не захочетъ слушать меня!

— Но, — прибавилъ онъ тотчасъ, — къ кому же я пойду?

Подумавъ съ минуту, онъ вмѣшался въ толпу и вскорѣ очутился у настежь открытыхъ дверей черной лачуги.

За раскрытыми дверями въ тѣсныхъ темныхъ сѣняхъ стояла настоящая стѣна человѣческихъ спинъ, и царило глубочайшее молчаніе, прерываемое только дыханіемъ нѣсколькихъ десятковъ грудей. Меиръ проталкивался сквозь эту стѣну. Это удавалось ему безъ особеннаго труда, потому что большинство людей, толпившихся въ сѣняхъ, состояло изъ бѣдныхъ и покорныхъ гостей, которыхъ нѣсколько часовъ тому назадъ такъ гостепріимно угощали въ богатой кухнѣ Эзофовичей. Замѣтивъ члена той семьи, подъ кровомъ которой ихъ такъ часто ждалъ самый сердечный пріемъ, они разступались, какъ могли, чтобы дать ему возможность пройти. Однако, они дѣлали это очень поспѣшно и разсѣянно, потому что глаза ихъ были устремлены внутрь горницы, которая была расположена рядомъ съ сѣнями. Чтобы увидѣть и услышать то, что происходило внутри этой горницы, они поднимались на цыпочки, вытягивали шеи и широко открывали сіяющіе, любопытные, жадные и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожные глаза. Каждый разъ, когда до ушей ихъ доходили отрывки разговора, на блѣдныхъ губахъ ихъ, увядшихъ отъ нищеты, болѣзни и труда, расцвѣтала улыбка такого невыразимаго блаженства, какъ если бы слова и самый голосъ обожаемаго мудреца были благовоннымъ елеемъ, исцѣляющимъ всѣ раны ихъ жизни.

Горница, въ которой теперь стоялъ Меиръ, имѣла довольно странный видъ. Въ глубинѣ ея, на скамейкѣ между столомъ и стѣной сидѣлъ Исаакъ Тодросъ, въ одеждѣ и фигурѣ котораго не было ничего праздничнаго. На немъ было то же самое выцвѣтшее и изорванное платье, голову его покрывала порыжѣлая шапка, сдвинутая назадъ такъ, что помятый козырекъ ея торчалъ надъ желтымъ лбомъ, обрамленнымъ огромной массой черныхъ, слегка сѣдѣющихъ, волосъ. Сгорбленный, какъ всегда, подавшись верхней половиной тѣла впередъ, онъ сидѣлъ совершенно неподвижно и только водилъ своими черными глазами по лицамъ и фигурамъ человѣческихъ существъ, которыя, собравшись у противоположной стѣны, поднимали къ нему умоляющій, испуганный и благоговѣйный взоръ.

Небольшое разстояніе отдѣляло сгорбленнаго неподвижнаго мудреца, сидящаго на скамейкѣ, отъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые удостоились видѣть его, и изъ которыхъ ни одинъ безъ приглашенія не рѣшился бы приблизиться къ нему. Свѣтъ исходилъ здѣсь изъ двухъ источниковъ. Черезъ окно проникали золотистые, голубые отъ свѣтлыхъ облаковъ, лучи солнца, а изъ камина снопами падалъ на окружающее рѣзкій дымный свѣтъ горячаго огня.

У камина, на полу, покрытомъ толстымъ слоемъ грязи, сидѣлъ неотступный слуга и ученикъ раввина — меламедъ изъ меламедовъ, набожный и мудрый ребъ Моше. Въ грубой рубахѣ, опоясанной веревкой, онъ сидѣлъ, поджавъ свои босыя ноги и, подкладывая дрова въ огонь, все время сыпалъ какія-то травы въ воду, которая варилась въ нѣсколькихъ горшкахъ. Занятый этой аптекарской работой, онъ, кромѣ того, исполнялъ роль курьера. Онъ вызывалъ

изъ числа стоящихъ въ сѣняхъ и комнатѣ тѣхъ, которымъ, по его мнѣнію, пришла очередь приблизиться къ учителю.

Теперь онъ вытянулъ свой толстый, черный палецъ по направленію къ тѣснящимся у стѣны фигурамъ и охрипшимъ голосомъ произнесъ:

— Шимшель, арендаторъ!

Позванный, носящій измѣненное и съ теченіемъ времени исковерканное имя Самсона, нисколько не напоминалъ своей наружностью поэтическаго и могущественнаго героя Ветхаго Завѣта: маленькій, сухой, огненно-рыжій, онъ выдѣлился изъ толпы и, остановившись посреди комнаты, наклонилъ до самой земли свое блѣдное, покрытое веснушками лицо.

— Привѣтствующій мудреца, привѣтствуетъ великолѣпіе Предвѣчнаго! — заговорилъ онъ дрожащимъ и боязливымъ голосомъ. И не только голосъ его дрожалъ, но даже руки и плечи, а когда онъ приподнялъ свое лицо, то голубые глаза его забѣгали по комнатѣ съ выраженіемъ безпокойства и смущенія, граничащаго съ помѣшательствомъ.

Исаакъ Тодросъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый. Глаза его впились въ испуганное лицо стоявшаго передъ нимъ человѣка, и только тогда, когда человѣкъ этотъ отъ страха потерялъ окончательно возможность произнести хоть одно слово, изъ горла мудреца послышался горловой звукъ:

— Ну!..

Шимшель поднялъ плечи и, наклонивъ голову, сталъ говорить:

— Насси! Пусть твой свѣтъ освѣтитъ мой мракъ! Рабби, я совершилъ великій грѣхъ, и сердце мое дрожитъ отъ страха, когда мнѣ приходится разсказать тебѣ этотъ грѣхъ. Насси! Я несчастный чело-

вѣкъ... Жена моя Ривка на вѣки погубила мою душу и только ты, Равви, можешь научить меня, какъ очиститься теперь отъ этого великаго грѣха!

Тутъ кающійся заикнулся и только немного погодя собрался съ силами и мужествомъ.

— Насси! Я и жена моя, Ривка, и дѣти сѣли за столъ въ прошлую пятницу, чтобы ѣсть пасхальную трапезу. На одномъ столѣ стояла миска съ мясомъ, на другомъ — горшокъ съ молокомъ, которое жена моя, Ривка, сварила для младшихъ дѣтей. Жена моя, Ривка, ложкой наливала изъ горшка молоко въ миски дѣтямъ. Когда она дѣлала это, рука ея задрожала и капля молока упала на мясо, которое находилось въ мискѣ... Ай, вай! глупая баба!... Что она сдѣлала! Она стрефила мясо и сдѣлала его нечистымъ...

Робкій Самсонъ снова запнулся, а мудрецъ, не моргнувъ глазомъ и нисколько не мѣняя своего положенія, спросилъ:

— Ну, а что ты сдѣлалъ съ мясомъ?

Спрощенный низко опустилъ голову и, не поднимая ее, пробормоталъ:

— Рабби! я ѣлъ его, и моя жена, и дѣти тоже ѣли его!..

На этотъ разъ изъ пламенныхъ глазъ Тодроса посыпались искры.

— А почему же ты не вышвырнулъ эту нечисть вмѣстѣ съ соромъ? — крикнулъ онъ. — Почему же ты запятналъ свои уста и уста твоей жены и дѣтей этой гадостью?!

Послѣ минутнаго молчанія робкій, дрожащій голосъ, какъ бы ползущій по землѣ, отвѣтилъ:

— Насси! Я очень бѣденъ, я держу въ арендѣ маленькую корчму, которая приноситъ мнѣ очень мало дохода. А у меня, Насси, шестеро дѣтей и

старикъ-отецъ, который живетъ со мной и двое внучатъ-сиротъ, у которыхъ умерли родители. Рабби! мнѣ очень трудно прокормить себя и свою семью, и мы ѣдимъ мясо только разъ въ недѣлю — въ святой шабасовый вечеръ!.. Кошерное мясо стоитъ дорого... потому я покупаю каждую пятницу три фунта и этими тремя фунтами питаются и подкрѣпляютъ свои силы одиннадцать душъ! Рабби! Я зналъ, что всю недѣлю у насъ не будетъ ничего, кромѣ хлѣба, лука и огурцовъ ... мнѣ стало жаль этого мяса и, хотя на немъ была капля молока, но я ѣлъ самъ и позволилъ ѣсть моей семьѣ...

Такъ жаловался и вмѣстѣ съ тѣмъ обвинялъ себя тощій Самсонъ, а учитель слушалъ съ грознымъ и омраченнымъ лицомъ.

Потомъ онъ началъ говорить. Говорилъ онъ съ гнѣвомъ и возмущеніемъ, но не мѣняя своего неподвижнаго положенія. Онъ вытягивалъ только свою голову къ испуганному и пристыженному Шимшелю, впиваясь въ его лицо все болѣе огненнымъ и грознымъ взглядомъ. Онъ пространно, долго и тонко объяснялъ, какъ возникло запрещеніе смѣшивать молочную пищу съ мясной, разсказывалъ, что писали объ этомъ запрещеніи разные Танаиты и великіе раввины, и какъ объясняли, и комментировали ихъ слова безконечные послѣдователи ихъ. Онъ объяснялъ, какъ велико преступленіе человѣка, который, вопреки этому запрещенію, осмѣлился поднести ко рту кусокъ мяса, запятнаннаго каплей молока.

— Грѣхъ твой безконечно великъ предъ лицомъ Господа! — загремѣлъ наконецъ онъ гнѣвнымъ голосомъ, обращаясь къ кающемуся, который все время стоялъ съ покорнымъ видомъ. — Изъ чревоугодія ты нарушилъ союзъ Іеговы съ избраннымъ народомъ,

преступилъ одну изъ 613 заповѣдей, которымъ обязанъ подчиняться всякій честный израильтянинъ. Ты заслуживаешь того, чтобы на голову твою пало проклятіе, которое Елисей бросилъ на преслѣдовавшихъ его дѣтей и которымъ Іисусъ Навинъ проклялъ городъ Іерихонъ. Но такъ какъ только тѣло твое согрѣшило, а душа сохранила вѣру въ святость запрещенія ѣсть мясо съ молокомъ, такъ какъ ты пришелъ ко мнѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ и принесъ повинную — я прощаю тебѣ этотъ тяжкій грѣхъ и только приказываю, чтобы ни ты, ни жена твоя, ни дѣти твои — въ теченіе четырехъ недѣль не кормили тѣла своего мясомъ и молокомъ, а деньги, которыя вы тратите на мясо и молоко, отдайте бѣднымъ. А когда пройдутъ четыре недѣли, души ваши очистятся отъ нечисти, которая запятнала ихъ, и вы будете жить спокойно и набожно вмѣстѣ съ другими израильтянами. Теперь кричите: да будетъ такъ!

— Да будетъ такъ! — крикнули хоромъ всѣ тѣ, что стояли въ комнатѣ въ сѣняхъ и всѣ тѣ, кто, стоя у стѣнъ лачуги, жадно заглядывали черезъ окно во внутренность ея.

Маленькій, рыжій Самсонъ, освободившись отъ тяжести, такъ страшно угнетавшей его совѣсть, растроганный до слезъ и съ сердцемъ, полнымъ благодарности, отошелъ къ сѣнямъ и скрылся въ толпѣ. Ему не пришло въ голову, что четырехнедѣльное покаяніе постомъ еще больше усилитъ его постоянный постъ.

Теперь ребъ Моше снова протянулъ указательный палецъ по направленію къ стоящимъ подъ стѣной людямъ и сказалъ:

— Ребъ Гершонъ! Меламедъ!

На зовъ этотъ изъ толпы вышелъ маленькій приземистый, сгорбленный человѣкъ, съ черными волосами, всклокоченными на большой наклоненной головѣ, съ задумчивымъ и мрачнымъ лицомъ. Это былъ товарищъ ребъ Моше, умственный руководитель еврейскихъ дѣтей, живущій и преподающій въ мѣстечкѣ, расположенномъ недалеко отъ Шибова. Онъ остановился посреди комнаты, раскрылъ толстую книгу и, произнеся обычное привѣтствіе, началъ такъ:

— Равви! Душа моя два дня тому назадъ очутилась въ большомъ затрудненіи. Дѣти мои читали въ священной книгѣ, что вечерніе Шемы слѣдуетъ читать до первой стражи. „Ну, — спросили меня дѣти, — а что такое первая стража? Кто, гдѣ и передъ кѣмъ держитъ эту стражу?“ — Когда они спросили меня такъ, уста мои онѣмѣли. А почему онѣ онѣмѣли? Потому, что я не зналъ, что имъ отвѣтить. И вотъ, равви, я пришелъ къ тебѣ, чтобы лучъ твоей мудрости освѣтилъ мой темный разумъ. Скажи мнѣ, равви, что это за стражи, которыми всякій израильтянинъ долженъ измѣрять продолжительность своихъ молитвъ? Гдѣ онѣ поставлены и что сказать мнѣ объ этомъ моимъ дѣтямъ?

Мрачный, сгорбленный человѣкъ замолчалъ, а всѣ присутствующіе съ любопытствомъ устремили глаза на мудреца, къ которому былъ направленъ вопросъ. Отвѣтъ послышался очень скоро. Не измѣняя своего наклоненнаго положенія, Исаакъ Тодросъ началъ говорить:

— А какія же могутъ быть эти стражи, о которыхъ ты спрашиваешь? — Это ангельскія стражи. А гдѣ ангелы держатъ эти стражи? Они держатъ ихъ въ небѣ. А передъ чѣмъ они держатъ ихъ? —

Они держатъ ихъ передъ тропомъ Предвѣчнаго! Когда день кончается и наступаютъ сумерки, ангелы раздѣляются на три большихъ хора. Первый хоръ становится у трона Предвѣчнаго и держитъ передъ нимъ стражу до полуночи, и тогда слѣдуетъ читать вечернія молитвы. Второй хоръ приходитъ въ полночь и держитъ стражу до разсвѣта, а на разсвѣтѣ, когда можно уже отличить бѣлый цвѣтъ отъ блѣдно-голубого, приходитъ третій хоръ и начинаетъ держать третью стражу передъ тропомъ Предвѣчнаго. Въ это время слѣдуетъ читать утреннія молитвы.

Мудрецъ замолкъ. Въ толпѣ послышались тихія выраженія удивленія и восторга. Но Гершонъ меламедъ не уходилъ. Устремивъ глаза въ тяжелую раскрытую книгу, онъ продолжалъ:

— Равви! Пусть еще одинъ лучъ твоей мудрости освѣтитъ мракъ моего разума и разсѣетъ сомнѣнія, овладѣвшія моей душой... Вблизи мѣстечка, въ которомъ я живу, находится дворъ одного богатаго помѣщика. Туда ходятъ иногда мои дѣти и слышатъ тамъ разныя вещи. Разъ одинъ изъ нихъ, вернувшись оттуда, разсказалъ, какъ объясняли ему, откуда происходитъ громъ. Тамъ говорили, что громъ бываетъ тогда, когда двѣ тучи встрѣчаются и выпускаютъ изъ себя какую-то силу, которая называется электричествомъ. О такой силѣ я никогда не слыхалъ и не знаю — правда ли, что она есть на свѣтѣ и что она вызываетъ громъ...

Во время рѣчи Гершона неподвижный мудрецъ сдѣлалъ нѣсколько нетерпѣливыхъ движеній, а на тонкихъ и суровыхъ губахъ его мелькнула насмѣшливая улыбка.

— Это неправда!—вскричалъ онъ,—силы такой

на свѣтѣ нѣтъ и не она создаетъ громъ. Когда римскій царь разрушилъ храмъ, и народъ израильскій разсыпался по всей землѣ, послышался громъ. А откуда онъ появился? Онъ вышелъ изъ груди самого Бога, который громко заплакалъ надъ развалинами своего храма и надъ несчастіемъ своего народа. И теперь Богъ часто плачетъ о своемъ великолѣпномъ храмѣ и о минувшемъ счастьѣ своего народа, а когда Онъ плачетъ, то рыданія Его громомъ разносятся по всему свѣту, а слезы Его падаютъ въ море и онѣ такъ велики, что море отъ нихъ разливается и поднимаетъ землю, которая дрожитъ и выпускаетъ огонь изъ своихъ нѣдръ. Вотъ я сказалъ тебѣ, откуда берется громъ и тѣ великія колебанія, которыя бываютъ на землѣ. Иди съ миромъ и учи своихъ дѣтей всему тому, что ты услыхалъ отъ меня.

Мрачный меламедъ униженно кланялся и благодарилъ, а потомъ исчезъ въ толпѣ вмѣстѣ съ своей большой книгой; въ эту самую минуту гдѣ-то подъ стѣной заплакалъ ребенокъ.

Ребъ Моше позвалъ:

— Хаимъ, арендаторъ изъ Каменки, и жена его Малка.

Изъ толпы этой вышли мужчина и женщина. Лица у нихъ были страдающія и перепуганныя — женщина несла на рукахъ блѣднаго, исхудавшаго ребенка. Они пали ницъ передъ мудрецомъ и, протягивая къ нему тихо плачущаго ребенка, завернутаго въ выцвѣтшія тряпки, умоляли его дать какое-нибудь лѣкарство отъ болѣзни, которая давно уже мучитъ ихъ сына. Тодросъ наклонился надъ маленькимъ блѣднымъ личикомъ и всматривался въ него внимательными и проницательными глазами.

Ребъ Моше, сидя у камина, устремилъ взоры на учителя и, размѣшивая травы въ горшкахъ, ожидалъ его приказаній.

Такимъ же образомъ долго еще подходили къ обожаемому мудрецу, врачу и почти пророку самые разнообразные люди, задавая ему самые разнообразные вопросы и обращаясь къ нему со всевозможными просьбами. Среди паломниковъ былъ огорченный мужъ, который привелъ съ собой молодую и красивую жену и просилъ великаго раввина устроить нѣчто вродѣ суда Божьяго при помощи такъ называемой воды ревности. Вода эта отличалась тѣмъ свойствомъ, что заподозрѣнная женщина, выпивши ее, должна умереть, если она дѣйствительно виновна, но если подозрѣніе было неосновательно, то она расцвѣтетъ здоровьемъ и красотой. Кто-то другой спрашивалъ, что слѣдуетъ дѣлать, если человѣку приходится молиться въ дорогѣ, а онъ не можетъ обернуться лицомъ на востокъ, потому что съ этой стороны дуетъ вѣтеръ и несетъ въ глаза тучи пыли. Было много и такихъ, которые плакали и жаловались на свою жалкую судьбу и просили мудреца заглянуть вѣщимъ взоромъ въ будущее и сказать, скоро ли наступитъ радостный день Мессіи, день свободы, отдыха и изобилія?

Однако, большинство людей, собравшихся въ хижинѣ и вокругъ нея, ничего не желало, не обращалось съ просьбами и не задавало никакихъ вопросовъ, но пришло сюда и задыхалось въ тѣснотѣ только для того, чтобы подышать тѣмъ самымъ воздухомъ, которымъ дышала грудь боготворимаго мудреца, насладиться словами, выходящими изъ его устъ, и свѣтомъ, исходящимъ отъ его лица.

Видно было, что Исаакъ Тодросъ чувствуетъ и

понимаетъ высоту своего положенія. Онъ совершалъ свои дѣйствія съ невозмутимой серьезностью, съ неутомимымъ стараніемъ и непоколебимымъ терпѣніемъ. Онъ не отталкивалъ отъ себя никого, ни въ чемъ никому не отказывалъ. Онъ громилъ, объяснялъ, разсказывалъ, присуждалъ къ покаянію, давалъ лѣкарства, ни на минуту не мѣняя своего неподвижнаго положенія и только устремляя на лица приближающихся къ нему людей свои суровые задумчивые глаза. Нѣсколько разъ, когда въ этой комнатѣ звучали жалобы и просьбы предсказать день пришествія Мессіи, его глаза, черные, какъ ночь и пламенные, какъ сама страсть, покрывались влагой. Видно было, что онъ любитъ этотъ народъ, жалобы и горе котораго наполняли его глаза слезами. По временамъ крупныя капли пота стекали по его пожелтѣвшему лбу, а утомленная грудь тяжело дышала. Онъ отиралъ порваннымъ рукавомъ потъ съ лица, дѣлалъ надъ собой усиліе и продолжалъ учить, наказывать и утѣшать свой народъ. Онъ тяжко трудился мыслями, памятью, воображеніемъ и грудью, глубоко сознавая свой долгъ и вѣруя въ святость и спасительность своихъ трудовъ. Онъ дѣлалъ это съ величайшимъ безкорыстіемъ человѣка, который не нуждается лично для себя ни въ чемъ, кромѣ грязной лачуги, унаслѣдованной отъ предковъ, небольшого количества грубой пищи, которую доставляли ему вѣрующіе и этой жалкой, грязной, оборванной одежды, которая уже пожалуй съ десятокъ лѣтъ прикрывала его исхудавшее тѣло.

Въ это время по двору синагоги шелъ человѣкъ, который, повидимому, куда-то спѣшилъ, и чего-то искалъ.

Это былъ Беръ, зять Саула. Онъ внимательно

присматривался къ многочисленнымъ лицамъ, окружавшимъ хижину раввина, потомъ протолкался въ сѣни и, увидѣвъ, наконецъ, стоящаго у порога Меира, потянулъ его за рукавъ сюртука.

Молодой человѣкъ, пробужденный изъ тяжелой задумчивости, которая сдѣлала его совершенно неподвижнымъ, обернулся, и задумчивымъ взоромъ посмотрѣлъ на стоящаго рядомъ съ нимъ родственника.

— Уходи отсюда!—шепнулъ ему Беръ.

— Я не могу уйти отсюда,—тихо отвѣчалъ Меиръ. — У меня очень важное дѣло къ раввину, и я буду ждать до тѣхъ поръ, пока всѣ эти люди не разойдутся, чтобы поговорить съ нимъ...

— Пойдемъ! — сказалъ Беръ и взялъ за плечо упрямаго юношу.

Меиръ рванулся съ досадой, но Беръ еще разъ повторилъ:

— Пойдемъ! Если захочешь, то придешь еще разъ, когда разойдутся эти люди... но я знаю, что ты не захочешь.

Они вышли изъ темноты. Беръ шелъ молча и поспѣшно, уводя своего родственника въ отдаленный уголъ обширнаго двора, гдѣ было совершенно пусто. Здѣсь ихъ отдѣляла отъ рынка стѣна Бетъ-га-Мидраша, а отъ толпы, стоящей у дверей черной лачуги—просторный дворъ, и они могли быть вполнѣ увѣрены, что никто не можетъ подслушать ихъ.

Меиръ оперся спиной о стѣну постройки. Беръ стоялъ передъ нимъ и нѣкоторое время молча всматривался въ него.

Беръ обладалъ наружностью такого рода, что милліоны равнодушныхъ людей могли бы пройти мимо, совершенно не замѣчая его, но глазъ внима-

тельнаго и мыслящаго наблюдателя открылъ бы въ ней черты очень интересныя и достойныя вниманія. Ему было около сорока лѣтъ; его худощавая фигура была одѣта очень чисто и тщательно, вполнѣ согласно съ обычаями и древними правилами. Его тонкое и блѣдное лицо, обрамленное свѣтло-русой растительностью, поражало прежде всего выраженіемъ равнодушія и сонной лѣни, которое исчезало, уступая мѣсто подвижному оживленію, только тогда, когда дѣло касалось коммерческихъ дѣлъ и комбинацій. Но внимательный глазъ могъ бы открыть подъ этой маской равнодушія и сонливости болѣе глубокіе и какъ бы скрытые слои чувства и характера. Въ его большихъ, широко открытыхъ, голубыхъ глазахъ, покрытыхъ стеклистой оболочкой, было что-то мечтательное и вмѣстѣ съ тѣмъ страдающее! Въ очертаніяхъ его тонкихъ и умныхъ губъ, замершихъ въ выраженіи нѣмой покорности судьбѣ, чувствовалась какая-то непонятная тоска и угадывались какія-то стремленія, насильно заглушаемыя и насильно скрытыя въ глубинѣ груди. По временамъ на его бѣломъ и гладкомъ лбу появлялись поперечныя борозды. Быть можетъ, ихъ вызывали какія-то вѣчно мучительныя воспоминанія, потому что всякій разъ, какъ они появлялись, Беръ дотрагивался рукой до груди, и отрывистый тихій вздохъ поднималъ его плечи. Очевидно, въ жизни этого человѣка нѣкогда разыгралась тихая драма, никому особенно хорошо не извѣстная. Очевидно, развязка ея навсегда окутала сонливостью его мысль и волю, и въ груди его посѣяла вѣчно замирающее и нарождающееся эхо...

Теперь онъ стоялъ передъ юношей, котораго почти насильно вывелъ изъ толпы, и долго всмат-

ривался въ него своими стекляными страдающими глазами.

— Меиръ!—сказалъ онъ, наконецъ,—дѣдъ твой, Саулъ, велъ часъ тому назадъ длинный разговоръ съ сыномъ своимъ Абрамомъ. Онъ оставилъ для этого разговора своихъ гостей и мнѣ приказалъ слушать этотъ разговоръ, чтобы я былъ свидѣтелемъ его словъ и совѣсти его сына. Будь покоенъ, Меиръ: дядя твой не приметъ участія въ этомъ великомъ грѣхѣ и позорѣ, которые вскорѣ совершатся.

— Совершатся? — пылко возразилъ Меиръ — нѣтъ они не совершатся! Я такъ сдѣлаю, что этого не будетъ!

Невеселая усмѣшка показалась на губахъ Бера.

— Ты такъ сдѣлаешь?—тихо засмѣялся онъ.—А какъ же ты это сдѣлаешь? Я догадался, что ты хочешь говорить объ этомъ съ раввиномъ и потому искалъ тебя, чтобы предостеречь тебя и отвратить отъ тебя несчастье. Ты думалъ, что какъ только ты разскажешь раввину все дѣло, то онъ тотчасъ сорвется съ мѣста и крикнетъ, чтобы никто не смѣлъ дѣлать такого дурного дѣла. Конечно, сдѣлай онъ это, всѣ были бы ему послушны, это правда, но онъ этого не сдѣлаетъ ...

— Почему же онъ не сдѣлаетъ этого?—вскричалъ Меиръ.

— Потому, что онъ ничего не понимаетъ въ подобныхъ дѣлахъ ...

Беръ снова улыбнулся и продолжалъ:

— Если бы ты спросилъ его, какое изъ кушаній чистое и какое нечистое? можно ли въ шабасъ поправлять свѣчу и опоясываться носовымъ платкомъ? Если бы ты спросилъ, что слѣдуетъ прежде благословлять передъ ѣдой—хлѣбъ или вино, если бы ты

спросилъ его, какъ человѣческія души переходятъ изъ тѣла въ тѣло, сколько сефиротовъ создалъ изъ себя Богъ и какъ зовутъ ихъ, какъ слѣдуетъ размѣшать буквы, составляющія имена Бога для того, чтобы получить названія великихъ тайнъ, или о томъ, что случится, когда наступитъ день Мессіи? ... на всѣ эти вопросы онъ могъ бы дать тебѣ пространный и ученый отвѣтъ. Но если ты станешь разсказывать о винокурияхъ, налогахъ, помѣщичьихъ дворахъ и намѣреніяхъ злыхъ людей, то онъ широко откроетъ глаза и будетъ слушать тебя, какъ человѣкъ глухой, потому что всего этого онъ не понимаетъ, и кромѣ этихъ книгъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ свою мудрость, весь свѣтъ для него, какъ пустыня, покрытъ непроглядньмъ мракомъ...

Меиръ понурилъ голову.

— Я чувствую, что ты правъ, — сказалъ онъ, — однако, если бы я спросилъ его, можно ли для собственной выгоды обирать ни въ чемъ неповиннаго человѣка?

Беръ отвѣчалъ:

— Онъ спросилъ бы тебя: а кто же этотъ невинный человѣкъ: израильтянинъ или эдомитянинъ?

— Эдомитянинъ! — какъ эхо повторилъ Меиръ.

Онъ посмотрѣлъ вверхъ, какъ бы въ раздумьи, потомъ пожалъ плечами, какъ бы удивляясь чему-то, и остановилъ свой взоръ на лицѣ Бера.

— Беръ — сказалъ онъ, наконецъ, — ненавидишь ли ты эдомитянъ?

Беръ отрицательно покачалъ головой.

— Ненависть претитъ сердцу человѣка — отвѣчалъ онъ. — Когда-то... когда я былъ молодъ... я хотѣлъ даже пойти къ нимъ и крикнуть: спасите меня! Но теперь я рядъ, что не сдѣлалъ этого и

остался среди своихъ, но ненависти къ нимъ нѣтъ въ моемъ сердцѣ...

— И въ моемъ тоже — живо подтвердилъ Меиръ. — А развѣ ты думаешь, что Каміонкеръ ненавидитъ ихъ?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Беръ — онъ только доитъ ихъ какъ коровъ и презираетъ ихъ за то, что они небрежно относятся къ своимъ дѣламъ и позволяютъ обманывать себя.

— А Тодросъ ненавидитъ ихъ? — спросилъ еще разъ Меиръ.

— Да! — энергичнѣе чѣмъ прежде подтвердилъ Беръ.—Тодросъ ненавидитъ ихъ... А почему онъ ихъ ненавидитъ? Потому, что онъ не живетъ въ томъ времени, въ которомъ живемъ мы всѣ... онъ живетъ все еще въ томъ прошломъ, когда римскій императоръ разрушилъ Іерусалимскій храмъ и выгналъ евреевъ изъ Палестины. Онъ живетъ въ томъ времени, когда евреевъ жгли на кострахъ и преслѣдовали по всей землѣ. Онъ дышитъ, ѣстъ и пьетъ— теперь, но думаетъ и чувствуетъ такъ, какъ если-бы жилъ тысячу или двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Онъ ничего не знаетъ о томъ, что со времени смерти его предка, Тодроса, который пришелъ сюда изъ Испаніи, протекло множество лѣтъ, и пронеслось какъ воды большой и быстрой рѣки, что по рѣкѣ этой плыли мудрые и хорошіе люди, которые принесли свѣту много мудраго и благого, что въ сравненіи съ этимъ отдаленнымъ временемъ міръ измѣнился, а люди, которые прежде преслѣдовали и мучили другъ друга, теперь протянули другъ другу руки въ знакъ примиренія... Онъ ничего не знаетъ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ... Ну! какъ же онъ можетъ знать, если онъ никогда не выѣзжалъ изъ

Шибова, а глаза его не видѣли другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя остались отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и другихъ людей, кромѣ израильтянъ? ...

Меиръ слушалъ и покачивалъ головою, какъ бы мысленно подтверждая слова своего родственника.

— Такъ значитъ мнѣ незачѣмъ идти къ нему!— сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія.

— Я именно для того и искалъ тебя, чтобы сказать это,—отвѣчалъ Беръ,—онъ не запретитъ Каміонкеру обижать каменскаго помѣщика: онъ будетъ думать, что этотъ помѣщикъ происходитъ изъ племени идумеянъ, которые вели войну съ Іисусомъ Навиномъ, или изъ римскаго народа, который покланялся идоламъ и разрушилъ Іерусалимскій храмъ, или изъ испанскаго народа, который пятьсотъ лѣтъ тому назадъ мучилъ евреевъ... Онъ даже не захочетъ разговаривать съ тобой, потому что ты въ его глазахъ кофримъ—невѣрующій, и онъ только потому не опускаетъ на тебя свою гнѣвную руку, что считается съ твоей семьей и съ той любовью, которую питаетъ народъ къ твоему дѣду, Саулу. Но если бы ты обвинялъ передъ нимъ Каміонкера, то Каміонкеръ склонилъ бы его къ мести, точно такъ же, какъ теперь склоняетъ его къ ней ребъ Моше. Меиръ! будь остороженъ! Погибель твоя близка! Убѣгай отъ нея!

Меиръ ничего не отвѣтилъ на это предостереженіе.

— Беръ!—сказалъ онъ,—я и самъ очень удивляюсь этому, но мнѣ кажется, что въ этомъ глупомъ, зломъ и мстительномъ человѣкѣ живетъ великая душа... Онъ очень терпѣливъ, дни и ночи просиживаетъ надъ своими книгами. Онъ очень жалостливъ: глаза его наполняются слезами, когда бѣдные люди жалуются и плачутъ передъ нимъ... онъ всѣхъ до-

пускаетъ къ себѣ, учитъ и утѣшаетъ всѣхъ... ничего не хочетъ для себя... и, подумай Беръ, такъ твердо, твердо вѣруетъ...

Слушая эти слова, Беръ улыбался и своими стеклянными глазами глядѣлъ въ небо, слѣдя за движеніемъ облаковъ.

— Все это ты говоришь, Меиръ, о раввинѣ,—отвѣтилъ онъ медленно,—но что же ты скажешь о сынахъ нашего бѣднаго народа, тѣла которыхъ высохли отъ голода, головы которыхъ низко склонились подъ тяжестью хлопотъ и презрѣнія, обрушивающихся въ теченіе двадцати вѣковъ, и которые, точно мучимые жаждой, бѣгутъ къ источнику мудрости, чтобы пить изъ него? Ты не спрашивай, насколько истинна или ложна эта мудрость, но подумай о томъ, что народъ нашъ, живя среди мелочныхъ стремленій, въ нуждѣ и лишеніяхъ, все-таки жаждетъ этой мудрости... Подумай, какъ онъ чтитъ своихъ учителей и какъ свято исполняетъ всѣ тѣ заповѣди, которыя онъ считаетъ священными? Какъ ты думаешь, не живетъ ли въ этомъ глупомъ, жадномъ и грязномъ народѣ великая душа?

Меиръ поднялъ голову. Краска покрыла его лобъ, какъ всегда, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь взволнованъ.

— Въ израильскомъ народѣ живетъ великая душа, и я люблю его больше, чѣмъ мое счастье и жизнь. Ну!..

Тутъ онъ остановился на минуту, порывистымъ движеніемъ схватилъ за плечо Бера и сказалъ:

— И я знаю, чего недостаетъ Тодросу для того, чтобы онъ, съ своей великой душой, сталъ великимъ человѣкомъ... Знаю, чего недостаетъ израильскому народу для того, чтобы онъ показалъ міру свое ве-

личіе... Нужно, чтобы мысли и воспоминанія его отошли отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, въ которыхъ онъ всегда жилъ, и сталъ жить новой жизнью, которая уже наступила на землѣ, нужно чтобы головы его коснулся крыльями Сар-Га-оламъ, ангелъ познанія и князь міра.

Когда молодой человѣкъ произносилъ эти слова съ пылающими глазами и покраснѣвшимъ лицомъ, Беръ всматривался въ него глубокимъ, печальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радостнымъ взглядомъ. Минуту спустя онъ сказалъ:

— Когда я смотрю на тебя, Меиръ, и слушаю тебя, мнѣ кажется, что я вижу самого себя... Когда мнѣ было столько же лѣтъ, сколько тебѣ теперь... и я, какъ ты, когда-то сердился... и печалился... и я тоже хотѣлъ...

Онъ умолкъ и дотронулся рукой до груди а на лбу его появились двѣ поперечныя морщины, и глаза его глянули изъ-за стекляной оболочки куда-то далеко, далеко, словно въ глубину давно минувшаго.

Такъ разговаривали эти люди. Одинъ опирался спиной о стѣну бетъ-га-мидраша, а другой стоялъ вблизи около него. Они разговаривали оживленно и, очевидно, оба крайне волновались, что было замѣтно по ихъ возбужденнымъ тѣлодвиженіямъ. Глаза Меира пылали, а лицо было блѣдно, лобъ Бера покрылся морщинами, а губы слегка дрожали. И если бы теперь кто-нибудь изъ людей, чуждыхъ тому міру, среди котораго они жили и чувствовали, посмотрѣлъ бы на нихъ и захотѣлъ угадать содержаніе ихъ разговора, онъ сказалъ-бы: они торгуются, продаютъ, покупаютъ, говорятъ о торговыхъ дѣлахъ. Да развѣ такіе люди, какъ они, могутъ говорить,

думать и страдать по какому-нибудь иному поводу!

Да, могутъ! Они думаютъ, говорятъ и страдаютъ, но только никто не прислушивается къ ихъ рѣчи, никто не понимаетъ ихъ мыслей, никто не желаетъ угадать ихъ страданій. Это огромное, таинственное море, неизслѣдованное даже тѣми, кто тонетъ въ немъ!

— Пойдемъ домой! — обратился къ Меиру Беръ, — скоро дѣдъ двой, Саулъ, сядетъ за столъ вмѣстѣ съ своими гостями и будетъ сердиться, если тебя не увидитъ тамъ. И такъ ужъ надъ твоей головой собирается буря. Гана Витебская отнесла обручальные подарки, которые дѣдъ послалъ отъ себя ея дочери; она наговорила ему при гостяхъ много непріятностей и разстроила обрученіе.

Меиръ сдѣлалъ рукой небрежное движеніе.

— Я хотѣлъ этого, — сказалъ онъ, — я извинюсь передъ дѣдомъ... Теперь моя голова занята только тѣмъ, къ кому слѣдуетъ идти...

Беръ съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на говорящаго.

— Какой ты упрямый! — замѣтилъ онъ.

Теперь оба они направлялись къ воротамъ двора.

Беръ внезапно остановился.

— Меиръ! — началъ онъ, — только ты не ходи къ чиновникамъ!...

Меиръ провелъ рукой по лбу.

— Я пошелъ бы къ нимъ, — сказалъ онъ, — но мнѣ страшно... Если все откроется, Каміонкеръ будетъ жестоко наказанъ, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣ несчастные люди, которыхъ онъ соблазнилъ... Бѣдные, глупые люди! Мнѣ жаль ихъ...

Онъ внезапно умолкъ и сталъ всматриваться въ одну точку. По опустѣвшей площади проѣзжалъ легкій изящный экипажъ, въ которомъ сидѣлъ красивый, изящно одѣтый, молодой мужчина.

Меиръ указалъ пальцами на экипажъ, который остановился передъ домомъ Каміонкера и глаза его широко открылись подъ вліяніемъ какой-то мысли, которая внезапно мелькнула въ его головѣ.

— Беръ! — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ, — ты видишь, вѣдь это владѣлецъ Каменки!...

* * *

Солнце уже начало склоняться къ западу, когда на крыльцѣ дома Эзофовичей показалась группа людей, разговаривающихъ между собой живо, вѣжливо и весело. Это были гости Саула, которые только что пообѣдали за его столомъ, а теперь, пожимая руки старика, благодарили его за оказанное имъ гостепріимство и усаживались поочередно по нѣсколько душъ въ стоящіе у крыльца телѣги; уѣзжая они долго оборачивались къ стоящему на крыльцѣ хозяину дома и кивали головами въ знакъ прощальнаго привѣта.

Въ гостиной женщины съ помощью слугъ убирали съ длиннаго стола всевозможную посуду, прятали въ буфетъ остатки кушаній и напитковъ, и старательно складывали скатерти и салфетки грубаго полотна.

Въ это время на площади торгъ приближался къ концу. Число возовъ и людей, еще занимавшихъ довольно много мѣста, уменьшалось съ каждой минутой. Зато два или три дома, въ которыхъ помѣщались постоялые дворы, наполнились шумомъ и гамомъ. Темныя, какъ пропасть, ворота этихъ до-

мовъ были запружены возами, хозяева которыхъ — крестьяне пили, танцовали, ссорились и забавлялись въ большихъ корчмахъ.

Въ корчмѣ Каміонкера было особенно шумно и людно. И неудивительно: ловкій торговецъ, державшій въ арендѣ нѣсколько окрестныхъ винокуренъ, руководилъ и распоряжался цѣлой арміей своихъ арендаторовъ и шинкарей. Нѣсколько десятковъ людей, подобныхъ Самсону, который разъ въ недѣлю покупалъ три фунта мяса для подкрѣпленія силъ своего семейства, состоящаго изъ одиннадцати душъ (для такого образа жизни нужно было дѣйствительно обладать силой Самсона!), нѣсколько десятковъ бѣдняковъ находилось въ полной зависимости отъ Каміонкера. Повелитель этотъ не проявлялъ по отношенію къ нимъ великодушія, и они, въ свою очередь, не были великодушны по отношенію къ толпѣ крестьянъ, которые топили свой умъ и благосостояніе въ морѣ алкоголя, разливаемомъ ихъ руками. Такимъ образомъ Каміонкеръ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу сотенъ тысячъ крестьянскихъ семей, въ чемъ ему помогали двойные концы мѣлковъ его арендаторовъ-шинкарей, которые, въ свою очередь, ожидали отъ главнаго предпринимателя улучшенія или окончательнаго уничтоженія своего грязнаго и труднаго существованія.

Неудивительно поэтому, что вокругъ дома Каміонкера толпилось больше всего возовъ и лошадей, а въ корчмѣ его пило и шумѣло самое большое число крестьянъ. Но Каміонкеръ самъ не показывался въ этой толпѣ и не угощалъ ее. Тамъ хозяйничала жена его Ента, разставляя по столамъ кувшины, бутылки и рюмки, при дѣятельной помощи двухъ некрасивыхъ, здоровенныхъ дѣвушекъ-дочерей, ко-

торыя на концѣ одного изъ столовъ продавали бублики, халу и селедки. И если бы кто-нибудь взглянулъ теперь на фигуру Енты, — худошавую, сгорбленную и одѣтую въ широкое выцвѣтшее платье, и на ея увядшее лицо, на которомъ какъ бы застыло выраженіе горечи и желтизна котораго составляла рѣзкій контрастъ съ красной розой, торчащей на рыжемъ чепцѣ, если бы кто-нибудь увидѣлъ это лицо и фигуру, лѣниво подвигающуюся въ атмосферѣ, душной отъ человѣческихъ дыханій и отравленной испареніями алкоголя,—то онъ никакъ не могъ бы предположить, что это жена торговца и крупнаго предпринимателя, обладающаго однимъ изъ наиболѣе значительныхъ состояній въ этой мѣстности.

Трудно было открыть предпринимателя, обладателя большого капитала и въ этомъ маленькомъ рыжемъ человѣчкѣ, который стоялъ теперь въ одной изъ комнатъ своего дома, предназначенныхъ для гостей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ порога, одѣтый въ длинный потертый сюртукъ, съ шеей, повязанной краснымъ платкомъ.

Это была та самая комната, которая блистала своей желтой старинной мебелью, съ грязной обивкой а также кой-какими почернѣлыми уродами растительнаго царства, стоящими на окнахъ въ глиняныхъ горшкахъ.

Ребъ Янкель Каміонкеръ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ порога, а въ желтомъ креслѣ сидѣлъ его гость, владѣлецъ Каменки, и полушутливымъ, полузадумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ на ребъ Янкеля.

Молодой помѣщикъ былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія; надъ открытымъ лбомъ его вились темные волосы, а его тонкое лицо, слегка потемнѣв-

шее отъ загара, дышало мягкостью, отчасти добродушіемъ и задумчивостью.

Выраженіе веселой насмѣшки, мелькавшее изрѣдка въ его глазахъ, было, повидимому, пробуждено видомъ жалкой фигуры, покрытаго веснушками лица и длинныхъ огненныхъ пейсовъ ребъ Янкеля. Онъ задумался, вѣроятно, потому, что невзрачный долгопейсый еврей говорилъ ему объ очень важномъ для него дѣлѣ.

Впрочемъ, молодой помѣщикъ, обладавшій открытымъ умнымъ лбомъ и нѣжными губами, совершенно не зналъ, съ кѣмъ именно онъ разговариваетъ. Передъ нимъ стоялъ арендаторъ его винокурни— и больше ничего. Чѣмъ же еще онъ могъ быть? Владѣлецъ Каменки не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что арендаторъ Янкель былъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ членомъ сильно и оригинально организованнаго общества, что онъ былъ фанатично набожнымъ человѣкомъ и пользовался большимъ уваженіемъ правовѣрной части мѣстнаго еврейскаго общества, что онъ былъ мистикомъ, ожидающимъ прихода Мессіи съ такой вѣрой, съ какой того-же ожидали люди его племени нѣсколько десятковъ вѣковъ тому назадъ, что онъ былъ ученымъ человѣкомъ и богачемъ, которому почтительно кланялись всѣ простые и бѣдные люди; онъ не имѣлъ никакого представленія томъ, что въ этихъ некрасивыхъ, грязныхъ и покрытыхъ веснушками рукахъ сосредоточивались нити всевозможныхъ христіанскихъ и еврейскихъ существованій.

Поэтому ему не приходило въ голову предложить рыжему, покрытому веснушками еврею приблизиться и сѣсть въ его присутствіи. Ребъ Янкелю тоже не приходило въ голову приблизиться и сѣсть въ

присутствіи помѣщика. Ему не приходило въ голову потому, что подобную покорность онъ получилъ по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ: но, несмотря на это, блѣдно-голубые глаза его блестѣли недружелюбно и насмѣшливо всякій разъ, какъ молодой помѣщикъ отворачивался за чѣмъ-нибудь въ сторону. Быть можетъ, ребъ Янкель, совершенно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходитъ, чувствовалъ, какъ къ его сердцу, которое ежедневно было полно ощущеніемъ гордости, подымается снизу, отъ ногъ, почтительно стоящихъ передъ помѣщикомъ, горькая накипь ядовитаго презрѣнія, и какъ она отравляетъ все въ этомъ сердцѣ и порождаетъ ненависть и толкаетъ на преступленіе.

— Надоѣлъ ты мнѣ, Янкель, съ своими вѣчными торгами и контрактами! — небрежно говорилъ владѣлецъ Каменки, не выпуская изо рта сигары. — Я заѣхалъ къ тебѣ на часокъ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, а ты ужъ не въ шутку принимаешься за меня...

Ребъ Янкель поклонился быстро и низко.

— Я прошу прощенія у вашей милости за мою смѣлость, — сказалъ онъ съ улыбкой, — но черезъ мѣсяцъ винокурня ваша будетъ открыта, и мнѣ хотѣлось бы имѣть у васъ первенство.

— Хорошо! Хорошо! — отвѣтилъ помѣщикъ, — я охотно предоставлю тебѣ первенство, тѣмъ болѣе, что ты уже три года держишь въ арендѣ мою винокурню... но къ чему такъ спѣшить... вѣдь у насъ еще цѣлый мѣсяцъ времени...

— Не дурно и заранѣе подумать о дѣлѣ. Я уже скупаю воловъ, а на вашей винокурнѣ нужно поставить сотню воловъ. Сто воловъ! развѣ это шутка? Я не могу затратить такихъ большихъ денегъ, пока

у меня нѣтъ никакого подтвержденія съ вашей стороны. Если вы позволите, то я пріѣду къ вамъ завтра, и мы напишемъ контрактъ...

Молодой помѣщикъ поднялся съ кресла.

— Хорошо — сказалъ онъ, — пріѣзжай... но только не раньше, какъ послѣ полудня, потому что утромъ ты не застанешь меня дома.

— Ваша милость будетъ ночевать по сосѣдству?— спросилъ Янкель, и вѣки его нервно дрогнули.

— Да, очень близко отсюда, — отвѣтилъ помѣщикъ и хотѣлъ сказать еще что-то, но въ это время за спиной ребъ Янкеля какая-то, повидимому, несмѣлая рука открыла двери, и въ комнату вошелъ молодой еврей, стройный и прилично одѣтый. Лицо его было блѣдно и выражало смущеніе, но пылающіе глаза смотрѣли смѣло.

При видѣ вошедшаго, Янкель инстинктивно отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ. Его блѣдное лицо, покрытое веснушками, судорожно содрогнулось отъ страха.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда?... — началъ онъ, но голосъ его прервался.

Молодой помѣщикъ равнодушно окинулъ взглядомъ пришедшаго и спросилъ:

— Чего тебѣ, мой милый? Что у тебя, какое-нибудь дѣло ко мнѣ?

— Къ вашей милости — отвѣчалъ молодой человѣкъ почти шепотомъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но Янкель преградилъ ему путь.

— Ваша милостъ, не разрѣшайте ему говорить съ вами, — крикнулъ онъ, — не позвольте ему открывать рта! Это очень дурной человѣкъ... онъ во все вмѣшивается...

Владѣлецъ Каменки протянулъ руку и отстранилъ живо жестикулировавшаго еврея.

— Позволь ему говорить, — сказалъ онъ, — если у него ко мнѣ есть дѣло, то почему бы мнѣ не поговорить съ нимъ...

При этихъ словахъ онъ смотрѣлъ на вошедшаго, лицо котораго, повидимому, заинтересовало его своими выразительными чертами и своей блѣдностью. Кромѣ того, его смѣшила и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбляла внезапная стремительность жестовъ и рѣчей Янкели.

— Ваша милость не знаете меня, но я васъ знаю, — началъ прибывшій. Онъ говорилъ тихо и какъ бы съ усиліемъ.

— Зачѣмъ ихъ милости знать такого негодяя, какъ ты... — началъ было Янкель, но владѣлецъ Каменки повелительнымъ жестомъ заставилъ его замолчать.

— Я видалъ вашу милость нѣсколько разъ у дѣда моего Саула Эзофовича, сынъ котораго, Рафаилъ, покупаетъ у вашей милости хлѣбъ...

— Такъ ты внукъ стараго Саула?

— Да, я его внукъ.

— А Рафаилъ Эзофовичъ твой отецъ?

— Нѣтъ, я сынъ Веніямина, самаго младшаго изъ сыновей Саула... Отецъ мой давно уже умеръ.

Меиръ говорилъ ломанымъ, но довольно сноснымъ языкомъ. Въ домѣ дѣда ему не разъ случалось слышать разговоръ на этомъ языкѣ, когда владѣльцы сосѣднихъ имѣній пріѣзжали туда по дѣламъ; кромѣ того, старый эдомитянинъ, учившій его посторонним предметамъ, не относящимся къ древне-еврейскому языку, тоже говорилъ по-польски.

— Можетъ быть, Рафаилъ прислалъ тебя ко мнѣ? — спросилъ помѣщикъ.

— Нѣтъ! я пришелъ самъ...

Онъ съ минуту молчалъ, какъ бы собираясь съ силами и рѣшимостью. Наконецъ, онъ побѣдилъ свою робость и началъ болѣе смѣлымъ голосомъ.

— Я пришелъ для того, чтобы предостеречь вашу милость отъ большого несчастія, которое готовятъ вамъ злые люди.

Янкель снова подскочилъ къ нему, стараясь заслонить его отъ Каміонскаго.

— Замолчишь ли ты? — крикнулъ онъ, — зачѣмъ ты морочишь ихъ милости голову своей глупой болтовней.

И, обращаясь къ помѣщику, онъ съ отчаяніемъ крикнулъ:

— Это сумасшедшій, мишугинеръ, негодяй...

На этотъ разъ его отстранилъ не Каміонскій, но самъ Меиръ. Глаза его блестѣли ярче обыкновеннаго, грудь высоко поднималась. Онъ оттолкнулъ Янкеля и сталъ поспѣшно говорить:

— Этотъ человѣкъ не даетъ мнѣ говорить, и потому я разскажу все вашей милости очень скоро. Пусть ваша милость не довѣряетъ ему: онъ очень дурной человѣкъ и вашъ врагъ... онъ принесетъ вамъ большое несчастіе... остерегайтесь его и берегите свой домъ, какъ зѣницу ока... Я не доносчикъ и пришелъ сказать это вашей милости въ его присутствіи... Онъ будетъ мстить мнѣ, но пусть мститъ... я долженъ былъ сдѣлать то, что обязанъ сдѣлать всякій истинный израильтянинъ... У насъ написано: „Пусть чужестранецъ живетъ среди васъ такъ, какъ если бы онъ былъ потомкомъ Из-

раиля", а въ другомъ мѣстѣ сказано: „Если ты будешь молчать, то на голову твою падутъ несчастія Израиля".

Онъ замолчалъ, потому что голосъ его прервался. Видно было, что онъ весь дрожитъ и борется съ тайнымъ мучительнымъ опасеніемъ.

Каміонскій смотрѣлъ на говорящаго съ улыбкой удивленія и съ интересомъ. Онъ такъ привыкъ улыбаться при видѣ евреевъ, что и теперь дрожащая фигура Меира, его загадочныя слова и въ особенности приведенные имъ тексты изъ библіи, прекрасные сами по себѣ, но странно звучащіе на его ломаномъ и неправильномъ языкѣ, больше смѣшили его, чѣмъ интересовали и удивляли.

— Какъ я вижу, — началъ онъ, — внукъ Саула знаетъ священное писаніе и обладаетъ пророческимъ даромъ. Скажи же мнѣ, мой юный пророкъ, только болѣе понятно и ясно: какое несчастіе угрожаетъ мнѣ, и почему этотъ добрякъ Янкель, который уже три года былъ моимъ добрымъ знакомымъ, вдругъ почувствовалъ ко мнѣ такую непріязнь?

Теперь Янкель стоялъ около кресла, на которомъ сидѣлъ помѣщикъ и, наклонившись къ нему, шепталъ съ сладкой улыбкой:

— Это сумасшедшій! Ему постоянно кажется, что онъ пророкъ, и онъ постоянно дѣлаетъ всѣмъ разныя предсказанія, а на меня онъ золъ за то, что я очень смѣюсь и издѣваюсь надъ нимъ...

— Ну, такъ я не буду смѣяться и шутить, чтобы онъ не разсердился и на меня — весело отвѣтилъ помѣщикъ и, обращаясь къ Меиру, спросилъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ:

— Какое же несчастье можетъ постигнуть меня? Скажи ясно и опредѣленно, а если скажешь правду

то сдѣлаешь доброе дѣло, и я буду тебѣ очень благодаренъ...

Меиръ отвѣчалъ:

— Ваша милость желаетъ отъ меня очень трудной вещи, и я думаю, что ваша милость поймете все изъ моихъ словъ... мнѣ тяжело говорить объ этомъ...

Онъ провелъ рукой по лбу, на которомъ выступило нѣсколько капель пота.

— Можетъ ли ваша милость обѣщать мнѣ, что если я скажу страшное слово, то оно падетъ въ ваши уши, какъ камень падаетъ въ воду, что вы не сдѣлаете изъ нихъ никакого употребленія передъ судомъ и только сами воспользуетесь имъ? Даете ли вы мнѣ слово?

Онъ поблѣднѣлъ еще больше, и голосъ его задрожалъ.

Молодой помѣщикъ, повидимому, колебался между любопытствомъ и приступами веселаго смѣха.

— Я даю тебѣ слово,—сказалъ онъ улыбаясь, — что слова твои исчезнутъ въ моихъ ушахъ, какъ камень въ водѣ.

Сверкающіе глаза Меира устремились на Янкеля. Онъ открылъ ротъ, чтобы сказать что-то, но губы его дрожали такъ, что онъ не могъ произнести ни слова. Янкель воспользовался минутнымъ волненіемъ которое, повидимому, отняло у молодого человѣка силу и присутствіе духа. Онъ быстро и стремительно бросился къ нему, схватилъ его за борта сюртука и изо всѣхъ силъ сталъ толкать къ дверямъ. При этомъ онъ кричалъ:

— Ты приходишь ко мнѣ для того, чтобы морочить голову моего гостя своей глупой болтовней! Это очень знатный гость... большой баринъ,

съ которымъ я уже три года торгую и веду дружбу! Ступай отсюда! Ступай! Ступай!

Меиръ старался вырваться изъ рукъ Янкеля, который тянулъ и толкалъ его. Но, несмотря на то, что онъ былъ выше и сильнѣе Янкеля, послѣдній былъ гораздо болѣе ловокъ и при томъ дѣлалъ отчаянныя усилія. Такимъ образомъ оба они подвигались къ дверямъ, а молодой помѣщикъ смотрѣлъ на ихъ борьбу, покатываясь со смѣху. Надъ головой и плечами рвущагося Янкеля поднималось блѣдное лицо Меира. Внезапно оно облилось огненнымъ румянцемъ.

— Не смѣйтесь ваша милость, — крикнулъ, наконецъ, Меиръ прерывающимся голосомъ, — вы не знаете, какъ трудно мнѣ говорить. Стерегите свой домъ отъ огня...

При этихъ словахъ онъ исчезъ за порогомъ, а Янкель, усталый и запыхавшійся, съ вздрагивающимъ лицомъ, захлопнулъ за нимъ двери.

Каміонскій все еще смѣялся. И неудивительно. Борьба маленькаго Янкеля съ высокимъ и сильнымъ молодымъ евреемъ, которому волненіе не давало возможности защищаться, представляла очень смѣшное зрѣлище. Во время этой борьбы длиннополая одежда обоихъ широко развѣвалась. Янкель подскакивалъ и присѣдалъ отъ яростныхъ усилій; Меиръ весь дрожалъ, какъ бы въ страхѣ, и неловкими движеніями отталкивалъ противника. Это была очень смѣшная картина, тѣмъ болѣе, что участвовали въ ней люди, надъ которыми издавна принято смѣяться.

Впрочемъ, какъ могъ молодой помѣщикъ понять тайный и отнюдь не комическій смыслъ всей этой сцены? Развѣ могъ онъ знать, съ кѣмъ онъ гово-

ритъ, когда разговаривалъ съ Меиромъ? Это былъ молодой еврейчикъ, говорившій смѣшнымъ ломанымъ языкомъ, это былъ внукъ купца и, вѣроятно, тоже будущій купецъ. Молодой помѣщикъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что подъ комической наружностью юнаго еврея имѣлся благородный духъ, возставшій противъ глупости и несправедливости, духъ, до отчаянія тоскующій о свободѣ и знаніи; что, приходя сюда, этотъ длиннополый юноша давалъ доказательство своего большого мужества и навсегда губилъ свое будущее. Да развѣ среди евреевъ могутъ существовать благородные люди, возмущающіеся противъ зла, смѣлые и мучимые возвышенной тоской?

Однако, вскорѣ владѣлецъ Каменки пересталъ смѣяться и, глядя на Янкеля, спросилъ:

— Объясни же мнѣ теперь, что это такое, и что это былъ за человѣкъ?

— Что это было, и что это за человѣкъ? — повторилъ Янкель, который сразу сумѣлъ принять спокойный видъ. — Это пустяки, и я прошу у васъ извиненія за то, что все это случилось въ моемъ домѣ; а человѣкъ этотъ—сумасшедшій... Онъ былъ очень злой и отъ злости сошелъ съ ума.

— Гм! — сказалъ Каміонскій, — однако, онъ совсѣмъ не похожъ на сумасшедшаго. У него красивое и очень смышленое лицо.

— Да онъ и не совсѣмъ сумасшедшій...—началъ было Янкель, но Каміонскій прервалъ его:

— Онъ внукъ Саула Эзофовича? — задумчиво спросилъ онъ.

— Онъ внукъ Саула, но дѣдъ очень не любитъ его...

— Любитъ или не любитъ, но напрасно было бы спрашивать о немъ родного дѣда...

— Отчего же? Пусть ваша милость спроситъ...— крикнулъ Каміонкеръ, и глаза его блеснули торжествомъ.

— И дядей его спросите... Я сейчасъ сбѣгаю и приведу сюда дядю его Абрама...

— Не нужно! — коротко сказалъ помѣщикъ.

Онъ всталъ и задумался. Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на Янкеля пытливымъ взоромъ. Янкель смѣло выдержалъ этотъ взглядъ. Нѣкоторое время оба они молчали.

— Слушай, Янкель! — сказалъ Каміонскій, — ты человѣкъ не молодой, богатый купецъ, отецъ семейства, и я могу довѣрять тебѣ больше, чѣмъ какому-то молокососу, котораго я вижу въ первый разъ и который, конечно, можетъ быть сумасшедшимъ. Однако, въ этомъ что-то есть... Я долженъ разспросить объ этомъ молодомъ человѣкѣ...

— Пусть ваша милость разспрашиваетъ, — сказалъ Янкель, презрительно пожимая плечами.

Послѣ довольно продолжительнаго размышленія Каміонскій спросилъ:

— Вашъ знаменитый раввинъ теперь въ мѣстечкѣ?

— А гдѣ же онъ можетъ быть? Отъ рожденія своего онъ никогда не выѣзжалъ отсюда.

— Положительный человѣкъ, — снова улыбнулся Каміонскій и взялъ со стола свою изящную шапочку.

— Ну, Янкель — сказалъ онъ, — веди меня къ раввину... Если я даже не узнаю ничего интереснаго, то хоть разъ въ жизни увижу вашего раввина...

Янкель торопливо открылъ передъ нимъ дверь, и оба они вышли на опустѣвшую площадь.

Въ это самое время черезъ площадь проходилъ Эли Витебскій и, замѣтивъ каменскаго помѣщика, тотчасъ поспѣшилъ къ нему съ вѣжливой улыбкой. Каміонскій привѣтствовалъ его такъ же вѣжливо. По внѣшнему виду, свѣтскій купецъ болѣе всѣхъ другихъ жителей мѣстечка приближался къ тому типу человѣка, котораго называютъ цивилизованнымъ.

— Ваша милость пожаловали въ наше мѣстечко. Можетъ быть, по дѣлу?

— Нѣтъ, только проѣздомъ...

— А куда направляется теперь ваша милость?

— Къ вашему раввину, господинъ Витебскій.

— Послѣдній удивился.

— Къ раввину? А чего же ваша милость отъ него хочетъ?

— Смѣшная исторія! Вотъ скажи-ка мнѣ лучше: знаешь ли ты внука Саула Эзофовича?

— Котораго? У Саула много внуковъ!

— Какъ его имя? — спросилъ оборачиваясь къ Янкелю Каміонскій.

— Меиръ! Меиръ! Этотъ негодяй! — закричалъ Каміонкеръ.

Витебскій мотнулъ головой, какъ бы желая сказать, что онъ понялъ.

— Ну!—началъ онъ мягко и снисходительно,— онъ вовсе не негодяй. Онъ еще молодъ и можетъ исправиться... Но у него безпокойная голова.

— Что-жъ? немножко мишугинеръ? — засмѣялся молодой помѣщикъ, шутливо прикладывая свой палецъ ко лбу.

— Ну!—отвѣтилъ Эли,—онъ не сумасшедшій... онъ еще молодъ, поумнѣетъ. Но теперь онъ дѣлаетъ много глупостей... это правда! Онъ и мнѣ сегодня надѣлалъ много непріятностей и огорченія...

Ой, ой! сколько я изъ-за него натерпѣлся и еще натерплюсь огорченій и хлопотъ!

— Итакъ! — сказалъ Каміонскій, — это нѣчто вродѣ злого полоумнаго человѣка, который самъ не знаетъ, чего хочетъ, и всѣмъ дѣлаетъ непріятности?

— Вы угадали! — сказалъ Витебскій и тотчасъ прибавилъ, — но онъ еще молодъ, и изъ него еще можетъ выйти порядочный человѣкъ...

— А это значитъ, что теперь о немъ нельзя сказать этого...

— Пожалуйте, ваша милость, сюда — сказалъ въ эту минуту Янкель, указывая помѣщику на ворота, ведущія во дворъ синагоги.

— А гдѣ же домъ вашего раввина?

Каміонкеръ указалъ рукой на темную мазанку, прижавшуюся къ стѣнѣ храма.

— Какъ? — удивился помѣщикъ, — эта изба?

И онъ направился къ мазанкѣ, но уже съ однимъ Янкелемъ. Витебскій, догадываясь, что дѣло идетъ о чемъ-то важномъ и, вѣроятно, непріятномъ, улыбаясь и кланяясь быстро покинулъ дворъ синагоги.

Двери, ведущія въ избу раввина, были заперты, но у открытаго окна стояло еще нѣсколько человѣкъ, тихо разговаривая между собой и отъ времени до времени робко заглядывая въ окно. Теперь внутри этого жилища царило гробовое молчаніе, и всякій, кто видѣлъ, какъ неутомимо и напряженно трудился Исаакъ Тодросъ въ теченіе долгихъ часовъ, непремѣнно предположилъ бы, что теперь онъ легъ отдохнуть или, во всякомъ случаѣ, ничего не дѣлаетъ Однако, предположеніе это было бы совершенно ошибочно. За исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, когда онъ спалъ прерывающимся и мучительнымъ сномъ,

какой бываетъ обыкновенно у людей съ разстроенными нервами и напряженнымъ мозгомъ, Исаакъ Тодросъ не отдыхалъ никогда. Это было живое воплощеніе неутомимаго страстнаго труда, не знающаго, что значитъ разочарованіе, вызванное сомнѣніемъ или заботами о собственной жизни и здоровьѣ. И теперь, послѣ продолжительнаго пребыванія въ жаркой и душной атмосферѣ, созданной испареніями множества человѣческихъ тѣлъ, которыя толпились здѣсь въ теченіе цѣлаго дня, послѣ мучительныхъ усилій мысли и груди,—шибовскій раввинъ не легъ на свое твердое ложе и не вышелъ на площадь, гдѣ чистый воздухъ и тишина могли бы освѣжить его лобъ, покрытый потомъ и морщинами труда и усилій; онъ оставался на той же скамейкѣ, на которой сидѣлъ съ самаго утра и, открывши огромную книгу, внимательно, благоговѣйно, до самозабвенія вчитывался въ нее. Книгу эту, какъ и всѣ другія книги, принадлежащія ему, онъ прочиталъ уже столько разъ, что зналъ ее всю почти наизусть. Однако, онъ постоянно читалъ ее, потому что изъ-за словъ передъ нимъ мелькали все новыя толкованія и тайны, а онъ всѣми силами своего духа, пылающаго въ огнѣ мистической вѣры, мечтаній и желаній, стремился къ окончательному уясненію смысла и раскрытію всѣхъ тайнъ.

Ребъ Моше отдыхалъ, но не вполнѣ. Онъ сидѣлъ въ углу на землѣ. Локти его опирались о колѣни, борода была прикрыта подпирающими подбородокъ ладонями, а глаза были неподвижно устремлены въ лицо учителя, склонившагося надъ книгой. Созерцаніе напоминало выраженіе, съ какимъ послѣдователь какого-либо христіанскаго ученія смотритъ на портретъ святого покровителя своего ордена, съ

какимъ присматривается, вѣроятно, полудикій негръ къ фетишу, выстроганному его руками, какъ, вѣроятно, смотритъ на миріады небесныхъ свѣтилъ страстный изслѣдователь природы. Въ глазахъ ребъ Моше, устремленныхъ на лицо великаго раввина, можно было прочесть обожаніе, удивленіе и любовь.

Вдругъ двери комнаты открылись, и на порогѣ показался каменскій помѣщикъ. Онъ остановился на минуту и сказалъ, обращаясь къ идущему вслѣдъ за нимъ Янкелю:

— Останьтесь здѣсь, Янкель: я самъ поговорю съ господиномъ раввиномъ.

Съ этими словами, онъ наклонилъ голову, чтобы пройти въ двери, слишкомъ низкія для его высокой и внушительной фигуры.

Онъ вошелъ и вопросительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ кругомъ.

Передъ нимъ, подъ черной отъ пыли и грязи стѣной, сидѣлъ на скамейкѣ человѣкъ въ жалкой одеждѣ, съ черными, какъ ночь, волосами и бородой, съ лицомъ померанцеваго цвѣта, которое теперь при его входѣ поднялось отъ пожелтѣвшихъ древнихъ листовъ. Налъ его низкимъ лбомъ, изрытымъ нѣсколькими поперечными морщинами, торчалъ измятымъ полукругомъ козырекъ шапки, сдвинутой на затылокъ, а черные и пылающіе глаза съ изумленіемъ впились въ лицо вошедшаго.

Въ углу комнаты, низко у самой земли сѣрѣла другая фигура, но молодой помѣщикъ лишь скользнулъ по ней глазами. Ему не приходило въ голову, чтобы этотъ человѣкъ, сидящій на скамейкѣ въ дырявой одеждѣ и съ выраженіемъ остолбенѣнія въ глазахъ — былъ именно шибовскій раввинъ, слава котораго расходилась на много миль кругомъ по

еврейскому міру и неясными неуловимыми звуками проникала въ христіанскія сферы.

И вотъ онъ приблизился къ этому человѣку и довольно вѣжливо спросилъ:

— Могу ли я видѣться съ шибовскимъ раввиномъ?

Отвѣта не было.

Человѣкъ, сидѣвшій на скамейкѣ, еще больше вытянулъ свою желтую шею и еще шире раскрылъ глаза и ротъ. Изумленіе, а можетъ быть и другія внезапныя чувства, придали всей его наружности выраженіе тупости, близкой къ идіотизму. И неудивительно, что Исаакъ Тодросъ почувствовалъ себя глубоко потрясеннымъ, увидѣвъ передъ собой молодого помѣщика. Вѣдь это былъ первый эдомитянинъ, переступившій его порогъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ жилъ въ этой хижинѣ,—первый, котораго такъ близко увидѣли его глаза и который говорилъ съ нимъ какими-то странными звуками, непонятными, почти дикими. Если бы ангелъ Метатронъ, небесный покровитель и защитникъ Израиля или даже вождь и начальникъ діаволовъ появился передъ раввиномъ, послѣдній былъ бы гораздо менѣе удивленъ и испуганъ, чѣмъ теперь, такъ какъ со сверхъестественными существами онъ былъ связанъ тѣсными, хотя и косвенными отношеніями. Онъ изслѣдовалъ и зналъ ихъ происхожденіе, природу, особенности и всѣ ихъ функціи. Но откуда могъ прійти и зачѣмъ, чего хотѣлъ этотъ представительный высокій человѣкъ въ отвратительной одеждѣ, которая не доходила ему даже до колѣнъ, съ бѣлымъ, какъ у женщины лбомъ и непонятной рѣчью? Идумеянинъ ли это былъ? Филистимлянинъ или суровый римлянинъ, побѣдившій мужественнаго Баръ-

Кохбу, или, по крайней мѣрѣ, испанецъ, который истребилъ знаменитую семью Абрабанелей и безчестно выгналъ изъ страны предка его Тодроса.

Каміонскій нѣкоторое время ждалъ отвѣта на свой вопросъ, и, не дождавшись, снова спросилъ:

— Могу ли я видѣться съ шибовскимъ раввиномъ?

На этотъ разъ, услышавъ болѣе громкій голосъ, человѣческое существо, сидѣвшее въ углу комнаты, приподнялось и медленно встало. Ребъ Тодросъ съ открытымъ отъ удивленія ртомъ и остолбенѣлыми глазами смотрѣлъ на своего приближеннаго. Онъ вышелъ къ свѣту и горловымъ протяжнымъ голосомъ произнесъ:

— Га?

При видѣ этого человѣка, одѣтаго съ первобытной и неслыханной простотой, лицо Каміонскаго дрогнуло отъ сдержанной тотчасъ-же улыбки.

— Послушайте,—обратился онъ къ ребъ Мошѣ,— глухъ этотъ человѣкъ или нѣтъ? Я два раза спрашивалъ его о шибовскомъ раввинѣ и не получилъ никакого отвѣта.

При этихъ словахъ онъ указалъ на Тодроса, который медленно повернулся къ меламеду и, вытягивая шею, спрашивалъ:

— Вось зогть эръ? Вось вилъ эръ? (Что онъ говоритъ? чего хочетъ?)

Ребъ Моше вмѣсто отвѣта еще шире раскрылъ ротъ. Въ эту же самую минуту за открытымъ окномъ послышался тихій шорохъ и шепотъ. Каміонскій взглянулъ въ сторону окна и увидѣлъ, что тамъ тѣснилось множество людей, которые жадно смотрѣли во внутренность избы. Лица этихъ людей выражали любопытство и отчасти страхъ. Каміонскій обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Здѣсь ли живетъ шибовскій раввинъ?

— Здѣсь! — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— А гдѣ же онъ?

Нѣсколько рукъ указало на человѣка, сидящаго на скамейкѣ.

— Какъ! — вскричалъ молодой помѣщикъ, — человѣкъ этотъ — вашъ знаменитый и мудрый раввинъ?

Лица, виднѣвшіяся въ окнѣ, освѣтились какимъ-то особеннымъ выраженіемъ блаженства. Кто-то отвѣтилъ на полный недовѣрія вопросъ пана знакомъ утвержденія.

Видно было, что Каміонскимъ начинаетъ овладѣвать страстное желаніе разсмѣяться, но онъ все еще сдерживался.

— А это кто?—спросилъ онъ, указывая на ребъ Мошу.

— Ну, — отвѣтило нѣсколько голосовъ изъ-за окна — это меламедъ, очень мудрый и набожный человѣкъ!

Каміонскій снова обратился къ Тодросу:

— Почтенный раввинъ,—сказалъ онъ, — я хотѣлъ бы поговорить съ вами нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей.

Тодросъ молчалъ, какъ гробъ. Только дыханіе его все ускорялось, а глаза его начинали блестѣть все больше.

— Господинъ меламедъ! — обратился помѣщикъ къ босому человѣку въ грубой рубахѣ, — можетъ быть, у васъ сегодня такой день, что вашему раввину нельзя говорить?

— Га? — протяжно спросилъ ребъ Моше.

Каміонскій, — смѣясь и въ то-же время явно негодуя, обратился къ стоящимъ за окномъ людямъ:

— Отчего они не отвѣчаютъ?

Наступило продолжительное молчаніе. Люди, толпившіеся за окномъ, смотрѣли другъ на друга съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ну!—произнесъ наиболѣе смѣлый,—они понимаютъ только по-еврейски!

Каміонскій широко открылъ глаза. Онъ не вѣрилъ собственнымъ ушамъ. Имъ овладѣвало желаніе расхохотаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ выросталъ какой-то неопредѣленный гнѣвъ.

— Какъ!—воскликнулъ онъ,—они не понимаютъ языка той страны, въ которой живутъ?

Молчаніе.

— Ну!—сказалъ, наконецъ, кто-то у окна,—не понимаютъ.

Въ голосѣ человѣка, который произнесъ эту краткую фразу, слышалось какое-то недоброжелательство.

Въ эту минуту Исаакъ Тодросъ вскочилъ со скамейки, выпрямился, поднялъ руки надъ головой и очень поспѣшно заговорилъ:

— Придетъ день, Мессія проснется въ птичьемъ гнѣздѣ, висящемъ въ раю, проснется и сойдетъ на землю. Тогда по всему свѣту распространится огромная война: Израиль возстанетъ противъ Эдома и Измаила, а Эдомъ и Измаилъ будутъ побѣждены и падутъ къ его ногамъ, какъ срубленные кедры.

При словахъ: Эдомъ и Измаилъ, говорящій вытянулъ указательный палецъ по направленію къ стоящему посреди комнаты юному эдомитянину. Жестъ этотъ былъ грозный и торжественный; грозно и страстно пылали его глаза; онъ быстро вздохнулъ и еще разъ разразился:

— Эдомъ и Измаилъ лягутъ у ногъ Израиля,

какъ сломанные кедры, а тяжесть мести Господней упадетъ на нихъ и сотретъ ихъ въ прахъ.

Теперь стоящему посреди комнаты эдомитянину пришлось въ свою очередь слушать, ничего не понимая. Правда, онъ былъ подобенъ стройному могучему кедру, но отнюдь не такому, которому вскорѣ предстоитъ разсыпаться въ прахъ. Напротивъ, ему скорѣе угрожалъ взрывъ гомерическаго хохота, отъ котораго онъ до сихъ поръ удачно удерживался съ немалыми усиліями.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ онъ людей стоящихъ у окна.

Отвѣта не было. Всѣ стояли, устремивъ глаза на говорящаго мудреца, а на темномъ кругломъ лицѣ меламеда разлилось выраженіе невыразимаго восхищенія.

— Скажите же мнѣ, мои милые—вскричалъ Каміонскій, — что онъ говоритъ?

Изъ окна послышался грубый и охрипшій голосъ, который звучалъ какой-то удивительной ироніей и какъ бы желаніемъ возмездія.

— Ваша милость не поняли?

Этотъ странный, неслыханно-наивный вопросъ побѣдилъ всѣ усилія молодого помѣщика. Его сапфировые глаза блеснули неудержимымъ веселіемъ, а изъ груди его вырвалась продолжительная громкая гамма смѣха.

Продолжая смѣяться, онъ направился къ двери.

— Дикари! — воскликнулъ онъ уже въ дверяхъ. Идя по двору синагоги, онъ смѣялся все громче, а люди, стоявшіе у окна раввина, обернулись теперь въ его сторону и слѣдили за нимъ удивленными глазами, полными выраженіемъ глубокой оскорбленности.

И неудивительно! Молодой помѣщикъ смѣялся, но въ глубинѣ души чувствовалъ глухой гнѣвъ и досаду, потому что израильскіе мудрецы, видѣнные имъ, показались ему курьезными дикарями и не понимали даже языка той земли, воздухомъ которой они дышали и плодами которой питались въ теченіе вѣковъ. Люди тѣснившіеся у лачуги раввина, провожали его недружелюбнымъ, почти ненавистнымъ взглядомъ, потому что смѣхъ его былъ святотатствомъ по отношенію къ тому, что они больше всего любили и чтили. Бѣдные израильскіе мудрецы и ихъ почитатели, провожавшіе эдомитянина глазами, полными ненависти! Бѣдный эдомитянинъ, смѣющійся надъ израильскими мудрецами и ихъ почитателями! Но самая несчастная — та земля, дѣти которой послѣ вѣкового сожительства не понимаютъ ни языка, ни сердца другъ друга.

Въ воротахъ двора Янкель Каміонкеръ встрѣтилъ молодого помѣщика.

— Ну! Янкель, — закричалъ Каміонскій, — дѣйствительно, у васъ мудрый и умный раввинъ!

Янкель ничего не отвѣчалъ на эту фразу: онъ тотчасъ заговорилъ о будущей арендѣ Каменской винокурни. Повидимому, все случившееся имѣло для него такъ мало значенія, что онъ успѣлъ уже забыть обо всемъ. Каміонскій не забылъ, но отъ всего того, что онъ видѣлъ и слышалъ, у него осталось лишь чувство удивленія и веселости. Молодой пророкъ, потомъ Янкель съ длинными пейсами, разгнѣванный на молодого пророка, потомъ раввинъ, не знающій никакого иного языка, кромѣ еврейскаго, и товарищъ его, одѣтый съ первобытной простотой, — всѣ они казались ему то непонятными, то возмутительными, то смѣшными. Ему хотѣлось по-

скорѣе разсказать родственникамъ и друзьямъ, къ которымъ онъ ѣхалъ, о своемъ приключеніи въ еврейскомъ мѣстечкѣ. Какъ громко и сердечно будетъ смѣяться сосѣдъ, панъ Андрей! Съ какой очаровательной улыбкой на розовыхъ губкахъ будетъ слушать анекдотическій разсказъ дочь пана Андрея, прелестная Ядвига, о прелестной улыбкѣ которой уже много мѣсяцевъ и недѣль мечталъ владѣлецъ Каменки, какъ — вѣрующій о раѣ!

Продолжая думать объ улыбкѣ очаровательной Ядвиги, молодой помѣщикъ вскочилъ въ свой экипажъ и, посмотрѣвши на западъ, вскричалъ:

— Какъ долго вы задержали меня здѣсь!

Потомъ онъ кивнулъ головой Янкелю и крикнулъ кучеру:

— Пошелъ!

Четверка сѣрыхъ понесла изящный экипажъ, который, какъ молнія, промелькнулъ по площади и исчезъ въ золотыхъ туманахъ пыли.

На западной сторонѣ неба медленно погасли яркія облака. Прозрачный сумракъ осенняго вечера спускался на мѣстечко и наполнялъ сѣрыми тѣнями гостиную Эзофовичей. Въ этой комнатѣ только что раздавались крикливые споры, среди которыхъ голосъ ребъ Янкеля выдѣлялся, какъ самый громкій и самый страстный. Многочисленные члены семьи, которыхъ ребъ Янкель осыпалъ жалобами, упреками и угрозами, отвѣчали ему то медленно, то вспыльчиво, то сердито, то примирительно. Потомъ человѣкъ, сыпавшій угрозами и жалобами, весь дрожа отъ гнѣва, а, можетъ быть, и страха, выбѣжалъ изъ дома и поспѣшно побѣжалъ къ дому раввина, а нѣсколько человѣкъ, бывшихъ въ гостиной, долго, кто сидя, кто стоя, оставались безъ движенія, точно гнѣв-

ныя и безпокойныя мысли, зародившіяся въ ихъ головахъ, всѣхъ ихъ приковали къ мѣсту.

Саулъ сидѣлъ на желтомъ диванѣ, наклонивъ голову и неподвижно сложивъ руки на колѣняхъ, и громко тяжело и скорбно вздыхалъ. Вокругъ него усѣлись, стряхнувъ, наконецъ, съ себя задумчивость: Рафаилъ, Авраамъ и Беръ. Сюда же тихо приблизились жены Рафаила и Бера, пользовавшіяся въ семьѣ любовью и уваженіемъ, и сѣли позади своихъ мужей. Въ углу стояла еще одна фигура: это былъ юный Хаимъ, сынъ Авраама и сердечный другъ Меира. Присутствія его никто не замѣтилъ.

Саулъ первый прервалъ молчаніе вопросомъ:

— Куда онъ пошелъ?

— Къ раввину... жаловаться... — отвѣтилъ Авраамъ.

— Онъ позоветъ Меира на духовный судъ... — замѣтилъ Рафаилъ.

Саулъ закачался и простоналъ:

— Ай! ай! бѣдная моя голова! На старости лѣтъ я дождался того, чтобы внукъ мой былъ вызванъ въ судъ, какъ какой-нибудь разбойникъ или мошенникъ!

— Онъ будетъ вызванъ въ судъ, какъ доносчикъ—сказалъ пылко Авраамъ и продолжалъ страстной скороговоркой.

— Тате! съ Меиромъ нужно что-нибудь сдѣлать! Подумай и прикажи намъ, что слѣдуетъ дѣлать. Онъ погубитъ себя и сыновъ нашихъ, а всей семьѣ нашей принесетъ позоръ и много вреда. Тате! и такъ уже всѣ говорятъ, что родъ Эзофовичей постоянно рождаетъ такихъ людей, которые стремятся своими руками подкопать законы и ввести въ домъ Израиля ложныхъ боговъ!

— Это правда! Я самъ слыхалъ, какъ люди говорили, что роды Тодросовъ и Эзофовичей — это двѣ рѣчки, изъ которыхъ одна плыветъ назадъ, а другая впередъ. Онѣ постоянно встрѣчаются и борются между собой, стараясь столкнуть другъ друга подъ землю. Объ этомъ, было, забыли, но теперь начинаютъ говорить снова. Въ этомъ виновенъ Меиръ!... Такъ продолжаться не можетъ. Нужно что-нибудь сдѣлать съ нимъ. Ты, тате, подумай объ этомъ и прикажи намъ, а мы исполнимъ твои приказанія.

Среди неопредѣленнаго освѣщенія сумерекъ видно было, какъ на щекахъ Саула показались два темно-красныхъ пятна.

— Что же дѣлать съ нимъ?—спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, а голосъ его напоминалъ подавленныя рыданія.

Рафаилъ сказалъ:

— Нужно какъ можно скорѣе женить его!

Молчавшій до того времени Беръ сказалъ:

— Нужно послать его куда-нибудь...

Саулъ дэлго думалъ, потомъ отвѣтилъ:

— Всѣ ваши совѣты нехороши. Я не могу очень строго наказать его. Что сказала бы на это душа отца моего, Герша, по стопамъ котораго онъ хочетъ идти, и котораго я не въ правѣ судить. Скоро женить его я тоже не могу, потому что это совсѣмъ не такой ребенокъ, какъ всѣ остальные: онъ гордъ и смѣлъ и не дастъ надѣть на себя цѣпей. Впрочемъ, онъ уже весь такъ запятнанъ и осыпанъ самыми ужасными обвиненіями, что ни одинъ богатый и ученый израильтянинъ не захочетъ дать ему свою дочь въ жены...

Тутъ голосъ Саула дрогнулъ отъ чувства без-

граничнаго униженія. Вотъ чего дождался онъ на старости лѣтъ! Ни одна изъ болѣе значительныхъ израильскихъ семей не захочетъ принять въ свое лоно его внука, котораго онъ любилъ до послѣдняго времени сильнѣе всѣхъ остальныхъ членовъ своей семьи.

— Послать его куда-нибудь—продолжалъ онъ,— я не могу тоже... Я боюсь, что, бродя по широкому свѣту, онъ потеряетъ остатки вѣры своихъ отцовъ... Я теперь — какъ тотъ великій и ученый раввинъ, о которомъ преданіе говоритъ, что у него былъ безбожный сынъ, который тайно отъ него ѣлъ хазаръ (свинину). Люди совѣтовали ему послать сына въ свѣтъ и подвергнуть его нуждѣ и лишеніямъ. Но онъ сказалъ: „Пусть сынъ мой останется при мнѣ и постоянно видитъ мое лицо, огорченное его поступками: зрѣлище это можетъ смягчить его сердце и сдѣлать послушнымъ, а жестокія лишенія превратятъ его въ твердый камень“...

Саулъ замолчалъ. Молчали и всѣ остальные. Только глубокіе вздохи двухъ женщинъ, сидѣвшихъ позади своихъ мужей, нарушали отъ времени до времени молчаніе. Въ комнатѣ становилось все темнѣе.

Немного спустя сталъ говорить Беръ. Его голосъ былъ тихъ и какъ будто робокъ.

— Позвольте мнѣ сегодня открыть передъ вами свое сердце. Я говорю рѣдко потому, что всякій разъ, какъ мнѣ хотѣлось говорить, на меня обрушивались воспоминанія моей юности, а голосъ мой звучалъ, какъ бы изъ-подъ земли и былъ тише всѣхъ голосовъ въ нашемъ семействѣ. И вотъ я пересталъ говорить и совѣтовать, и сталъ заботиться только о женѣ, дѣтяхъ и своихъ дѣлахъ. Зачѣмъ такъ долго

думать о томъ, что дѣлать съ Меиромъ? Предоставьте ему свободу. Позвольте ему идти въ свѣтъ и не наказывайте его ни гнѣвомъ вашимъ, ни жестокой нуждой! Что же онъ сдѣлалъ? Онъ свято исполнялъ всѣ синайскія заповѣди и прилежно учился священнымъ наукамъ, а всѣ братья и сестры его въ нашей семьѣ, и даже простой и убогій народъ, живущій въ нуждѣ и мракѣ, любятъ его, какъ собственную душу. Чего же вы хотите отъ него? За что хотите его наказывать? Что же дурного онъ сдѣлалъ?

Слова Бера, произнесенныя полулѣнивымъ, полуробкимъ голосомъ, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Жена его Сара, повидимому, испуганная, тянула его за рукавъ сюртука и шептала:

— Ша! ша, Беръ! На тебя будутъ сердиться за твои дерзкія слова!

Саулъ нѣсколько разъ поднималъ голову и снова опускалъ ее. Можно было подумать, что благодарность борется въ его душѣ съ гнѣвомъ и окорбленіемъ. Вспыльчивый Авраамъ вскричалъ:

— Беръ! твоими устами говорятъ твои собственные грѣхи! Ты заступаешься за Меира потому, что самъ ты былъ такимъ, какъ онъ теперь!

Рафаилъ сказалъ съ обычной серьезностью:

— Ты, Беръ, говорилъ о синайскихъ заповѣдяхъ и сказалъ, что Меиръ не нарушилъ ихъ. Только ты забылъ, что израильская вѣра стоитъ не только на этихъ десяти заповѣдяхъ, которыя Моисей услыхалъ отъ Господа на Синайской горѣ, но также на 613-ти заповѣдяхъ, записанныхъ въ Талмудѣ великими танаитами, Амораитами и Гаонами. Мы должны быть послушны не 10-ти, а 613 заповѣдямъ, а Меиръ нарушилъ много заповѣдей Талмуда.

— Онъ совершилъ много грѣховъ! — вскричалъ Авраамъ,—но самый большой грѣхъ его—тотъ, который онъ совершилъ сегодня. Онъ обвинилъ своего брата, израильтянина передъ чужимъ человѣкомъ, подвергнулъ голову его большимъ опасностямъ и нарушилъ единство и союзъ израильскаго народа! А что же будетъ съ нами, если мы будемъ обвинять другъ друга передъ чужими людьми? Кого же намъ любить и защищать, какъ не собственныхъ братьевъ, кость отъ кости нашей, кровь отъ крови нашей? Ему было больше жаль чужого человѣка, чѣмъ своего брата, израильтянина!.. Пусть же ему за это...

Но вдругъ этотъ вспыльчивый и страстный человѣкъ прервалъ свою рѣчь: неподвижный, какъ статуя, съ открытымъ ртомъ, онъ сидѣлъ противъ окна и остолбенѣлыми глазами всматривался во что-то далекое и, очевидно, необычайное.

— Что это такое? — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Что это такое? — повторили вслѣдъ за нимъ присутствующіе и всѣ они, за исключеніемъ Саула, поднялись со своихъ мѣстъ.

Въ темной до того времени комнатѣ стало такъ свѣтло, какъ если бы на площади запылали тысячи факеловъ, проливая свѣтъ черезъ окна дома. Это дѣйствительно были факелы, но только они горѣли не на площади, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка и не ограничивались освѣщеніемъ одного только дома Эзофовичей, но обливали моремъ яркаго свѣта всю половину горизонта.

Мужчины, освѣщенные внезапно запылавшимъ свѣтомъ, стояли неподвижно среди избы, всматриваясь въ огненные столбы, которые поднимались все ближе и все дальше расплывались по небу...

— Какъ скоро онъ исполнилъ свой планъ!—сказалъ Авраамъ.

Никто не отозвался.

Въ тихомъ мѣстечкѣ послышался шумъ и гамъ. Ни одинъ народъ такъ быстро не поддается всѣмъ впечатлѣніямъ, какъ евреи. На этотъ разъ впечатлѣніе было, вѣроятно, очень сильное. Оно было вызвано могучей стихіей, которая разносила по землѣ опустошеніе, а по небу простирала величественное сіяніе. По всѣмъ улицамъ и проулкамъ мѣстечка послышался поспѣшный топотъ бѣгущихъ, а тысячи людей, сомкнувшись въ громадную толпу, неслись, какъ вздувшаяся рѣка, за городъ на поля. Вся площадь передъ окнами дома Эзофовичей почернѣла отъ стремящейся въ одномъ направленіи толпы и кипѣла шумомъ всевозможныхъ вопросовъ и предположеній. Среди этого шума послышалось нѣсколько болѣе громкихъ голосовъ:

— Каміонка! Каміонка! — кричали люди, болѣе знающіе мѣстность.

— Герсте! Герсте! Каміонскій дворъ... — подхватилъ хоръ голосовъ.

— Ай, ай, ай! такой прекрасный, большой дворъ!...

Это были послѣднія восклицанія, которыя, выходя изъ толпы, шумѣвшей у окна, проникли въ домъ Эзофовичей. Потомъ толпа эта прошла черезъ площадь и удалилась къ концу мѣстечка. Когда звуки шаговъ и голосовъ стали доноситься только издали и уже очень неясно, старый Саулъ всталъ съ дивана. Онъ долго смотрѣлъ въ окно, молча и неподвижно.

Потомъ онъ медленно поднялъ трясущіяся руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Во времена отца моего, Герша, и въ мое

время на свѣтѣ не бывало ничего подобнаго!.. Не было такихъ грѣховъ среди израиля... Изъ рукъ нашихъ плыли въ эту страну золото и серебро, но не огонь и слезы...

Погрузившись въ тяжелое раздумье, онъ съ минуту пристально всматривался въ огненное небо и потомъ снова заговорилъ:

— Отецъ мой, Гершъ, жилъ въ большой дружбѣ съ его дѣдомъ... Они часто разговаривали о важныхъ дѣлахъ, а каміонскій баринъ, который еще опоясывался золотистымъ поясомъ и носилъ саблю, часто говорилъ отцу моему Гершу: „Эзофовичъ! въ груди твоей живетъ великое сердце, и когда наша возьметъ, мы сдѣлаемъ тебя шляхтичемъ на сеймѣ“!.. Сынъ его уже былъ не такой, какъ отецъ, но всегда вѣжливо разговаривалъ со мной; я покупалъ въ его имѣніи весь хлѣбъ въ теченіе тридцати лѣтъ и во всякой нуждѣ открывалъ ему свой карманъ, потому что изъ принадлежащей ему земли поплыло туда много прибыли... Каміонская барыня... она жива еще и теперь... очень любила мать мою Фрейду и разъ сказала ей: У васъ, Фрейда, много брилліантовъ въ домѣ, а у меня только одинъ“... Она называла брилліантомъ своего сына, который былъ у нея одинъ, какъ зѣница въ окѣ... того самаго сына своего, чей домъ теперь стоитъ въ огнѣ.

Тутъ онъ протянулъ указательный палецъ къ огненному зареву и умолкъ, точно подъ вліяніемъ ужаса, жалости или удивленія. Теперь Рафаилъ, стоявшій позади его, заговорилъ:

— Когда я былъ послѣдній разъ въ Каміонскомъ дворѣ, старая барыня сидѣла съ сыномъ на крыльцѣ, и когда я началъ говорить о дѣлахъ, она сказала: „Помни, Сигизмундъ, чтобы ты никогда не прода-

валъ хлѣба никому, кромѣ Эзофовичей, потому что они самые честные изъ всѣхъ евреевъ и больше всѣхъ другихъ расположены къ намъ". А потомъ она спросила меня, жива ли еще старая Фрейда, здоровъ ли ея сынъ и много ли у него внуковъ. Потомъ она взглянула на своего сына и сказала мнѣ: „Вы знаете, Рафаилъ, что у меня нѣтъ ни одного внука"! Я вѣжливо поклонился ей и сказалъ: „Пусть ваша милость живетъ сто лѣтъ и дождется правнуковъ". Я не говорилъ ей лжи. Я искренно желалъ ей этого. А почему бы мнѣ не желать ей этого?

Рафаилъ замолчалъ, а немного спустя Саулъ, не оборачиваясь отъ окна, коротко спросилъ:

— Рафаилъ! много лѣтъ ты торгуешь съ молодымъ бариномъ?

— Я торгую съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ выросъ и сталъ хозяиномъ... Онъ не признаетъ другого купца, кромѣ меня...

— Скажи, Рафаилъ, обидѣлъ ли онъ тебя чѣмъ-нибудь?

Послѣ минутнаго размышленія Рафаилъ сказалъ:

— Нѣтъ, онъ меня ничѣмъ не обидѣлъ. Правда, онъ немножко заносчивъ и не особенно смотритъ за своими дѣлами... Онъ любитъ покутить, а когда еврей кланяется ему, то онъ свысока киваетъ ему головой и не хочетъ считать его своимъ другомъ... но у него доброе сердце, и слова своего онъ всегда твердо держится, и въ дѣлахъ онъ самъ скорѣй дастъ обидѣть себя, чѣмъ обидитъ другого...

Сара, стоявшая позади мужа, скрестила руки, вздохнула и, покачивая головой, застонала:

— Ай! ай! такой молодой баринъ, а уже такое несчастье свалилось на его голову!

— Такой красавецъ и на такой красавицѣ собирался жениться!—вторила жена Рафаила.

— А какъ же онъ женится, если пламя уничтожитъ его домъ! — сказалъ Саулъ и прибавилъ нѣсколько тише:

— На душу израиля палъ великій грѣхъ!

Какъ бы отвѣчая на слова отца, Рафаилъ серьезно и тихо сказалъ:

— Душа израиля запятналась сегодня великимъ позоромъ.

Изъ того угла комнаты, до котораго почти не доходилъ проникающій черезъ окно красноватый свѣтъ, вышелъ, или, скорѣе, выдвинулся Авраамъ. Сгорбившись и наклонивъ голову, онъ подошелъ къ отцу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, схватилъ его руку и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Тате! — сказалъ онъ — благодарю тебя за то, что ты не позволилъ мнѣ принимать участія въ этомъ дѣлѣ.

Саулъ поднялъ голову. Румянецъ покрылъ его сморщенный лобъ, въ потухшихъ глазахъ свѣтилась энергія.

— Авраамъ! — сказалъ онъ повелительнымъ тономъ — пусть тебѣ сейчасъ запрягутъ пару лошадей въ телѣгу. Садись и поѣзжай скорѣй къ тѣмъ господамъ, у которыхъ гоститъ Каміонскій... Оттуда не видно пожара... Поѣзжай скорѣй и скажи ему, чтобы онъ спѣшилъ спасать свою мать и домъ свой...

Потомъ онъ обратился къ Рафаилу:

— Рафаилъ! ты ступай въ корчму Янкеля и Лейзора... тамъ гуляютъ и пьютъ каміонскіе мужики... Гони ихъ, чтобы они сейчасъ же ѣхали спасать домъ своего помѣщика...

Послушно, какъ маленькія дѣти, оба сына Са-

ула поспѣшно оставили комнату. Женщины выбѣжали на крыльцо, и тогда только Беръ спросилъ Саула:

— Тате! Что же ты теперь думаешь о Меирѣ? Развѣ онъ дурно сдѣлалъ, что предостерегалъ Каміонскаго?

Саулъ склонилъ голову, но ничего не отвѣчалъ.

— Тате! — продолжалъ Беръ — спаси ты Меира. Иди къ раввину и дайонамъ (судьямъ) и проси ихъ, чтобы они не судили его...

Саулъ долго не отвѣчалъ.

— Тяжело мнѣ идти къ нимъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—а особенно тяжело склонять свою сѣдую голову передъ Тодросомъ... Ну, — прибавилъ онъ немного спустя,—я пойду завтра... нужно защищать ребенка... хоть онъ и чрезмѣрно смѣлъ и слишкомъ мало чтитъ и любитъ вѣру и обычаи своихъ отцовъ...

* * *

Въ то время, когда все это происходило въ домѣ Эзофовичей, маленькій загородный лугъ былъ весь покрытъ столпившейся, волнующейся массой народа. Съ этого мѣста было особенно хорошо видно великолѣпное и страшное зрѣлище пожара. Поэтому-то сюда собралось все населеніе мѣстечка, гонимое любопытствомъ и жаждой впечатлѣній.

Зарево поднималось изъ-за сосноваго лѣса. Облитый яркимъ свѣтомъ, онъ весь покраснѣлъ и сталъ такимъ прозрачнымъ, что можно было, казалось, издали пересчитать всѣ вѣтви на верхушкахъ его гладкихъ стволовъ. Широкое зарево, разлившееся по небосклону полукругомъ, въ нижней своей части было пурпурнаго цвѣта; становясь кверху все свѣтлѣе, оно переливало всѣми оттѣнками золота, начиная съ самаго темнаго и, наконецъ, сливаясь своей блѣдно-жел-

той вершиной съ туманной лазурью неба, дѣлило горизонтъ на двѣ части. Въ этомъ пылающемъ рѣзкомъ блескѣ звѣзды свѣтились туманно, словно позолоченные кружки, а на другой сторонѣ горизонта виднѣлся выплывающій изъ-за рощи огромный красный мѣсяцъ.

Среди народа, наполнявшаго лугъ, слышались шумные, заглушающіе другъ друга, голоса. Тамъ разсказывали, что Янкель Каміонкеръ при первомъ появленіи пламени побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ горящей усадьбѣ, громко выражая горе и отчаяніе по поводу того, что вся масса водки, которая у него была, вѣроятно, погибла; иные, слушая этотъ разсказъ, двусмысленно улыбались; другіе качали головами, выражали сочувствіе предполагаемымъ и, вѣроятно, очень крупнымъ потерямъ Янкеля. Большинство хранило полное молчаніе какъ относительно Янкеля, такъ и относительно водки, которой угрожало полное уничтоженіе. Повидимому, многіе догадывались, въ чемъ дѣло, кое-кто даже зналъ объ этомъ достовѣрно, но никто не смѣлъ и не хотѣлъ вмѣшиваться въ исторію, которая во всѣхъ отношеніяхъ была связана съ опасностями.

Не меньше, какъ черезъ часъ послѣ того, какъ на небѣ блеснуло зарево, въ улицѣ, ведущей къ лугу, послышался грохотъ очень быстро катящагося экипажа, и на лугъ полнымъ галопомъ вылетѣла четверка лошадей. Это вовсе не была обычная дорога въ Каменку, и тамъ вообще не было никакой дороги, но владѣлецъ горящей усадьбы хотѣлъ сократить себѣ такимъ образомъ значительную часть разстоянія. Онъ не сидѣлъ въ своемъ изящномъ экипажѣ, а стоялъ, держась рукой за козлы, и, наклонившись впередъ, всматривался въ розовый отъ пла-

мени лѣсъ, за которымъ была его мать въ домѣ его отцовъ, объятомъ пламенемъ. Но когда лошади уже понеслись по лугу, онъ увидѣлъ стоявшую здѣсь густую толпу народа и крикнулъ кучеру:

— Осторожно! Не раздави кого-нибудь!..

— Хорошій человѣкъ,—сказалъ кто-то въ толпѣ,—въ такомъ несчастьѣ думаетъ еще и о томъ, чтобы не сдѣлалъ людямъ непріятности.

Кто-то другой громко вздохнулъ.

Нѣсколько головъ близко наклонились другъ къ другу и зашептали. Въ шепотѣ этомъ послышалось имя Янкеля, произнесенное тихо... очень тихо...

Однако, было одно мѣсто, — не на лугу, впрочемъ, а въ прилегающей къ нему улицѣ,—гдѣ разговаривали вполнѣ громко. Около дома портного Шмуля, на скамейкѣ у окна стоялъ Меиръ. Оттуда онъ смотрѣлъ на лугъ, гдѣ чернѣла густая толпа народа, и на сверкающее за лугомъ зарево. Вокругъ него стояло нѣсколько молодыхъ людей, его постоянныхъ спутниковъ. По лицамъ ихъ можно было угадать безъ труда, что они были взволнованы до глубины души. Хаимъ, сынъ Авраама, слышавшій изъ своего угла весь разговоръ Саула и его сыновей, разсказывалъ теперь своимъ друзьямъ его содержаніе. Волненіе не давало ему возможности умѣрить свой голосъ. Онъ повторялъ громко и отчетливо каждое слово, сказанное старшими членами семьи, а товарищи его громко обмѣнивались замѣчаніями по поводу сообщеннаго Хаимомъ. Стыдъ и возмущеніе придали смѣлость этимъ робкимъ сердцамъ... Въ хорѣ этомъ не было слышно только одного голоса, который обыкновенно звучалъ въ немъ словами, полными мудрости и кротости. Еліазаръ не стоялъ среди товарищей, окружающихъ Меира, а сидѣлъ

нѣсколько поодаль, на землѣ, прислонясь спиной къ черной стѣнѣ хижины. Онъ опирался локтями о колѣни и закрывалъ руками свою низко наклоненную голову. Можно было думать, что онъ окаменѣлъ въ этой позѣ, которую ему придали овладѣвшія имъ чувства стыда и сожалѣнія. Отъ времени до времени онъ покачивался изъ стороны въ сторону. Видно было, что эта нѣжная, мечтательная и робкая душа погрузилась въ море горькихъ, отчаянныхъ, но, можетъ быть, и укрѣпляющихъ размышленій.

Вдругъ краемъ улицы, въ тѣни домовъ и заборовъ, съ необычайной быстротой проскользнула высокая и тонкая тѣнь человѣческой фигуры; возлѣ группы, столпившейся у дверей Шмуля, послышалось громкое, прерываемое сдерживаемыми стонами дыханіе какой-то страшно усталой груди.

— Шмуль! — воскликнули молодые люди.

— Тише! — подавленнымъ голосомъ сказалъ Меиръ,—пусть никто изъ васъ не произноситъ имени этого несчастнаго, чтобы не подвергнуть опасности его голову... Я стоялъ здѣсь, ожидая его возвращенія... Разойдитесь и помните, что глаза ваши не видали, какъ Шмуль возвратился оттуда, со стороны пожара.

— Ты правъ! — шепнулъ Аріель, — это бѣдный братъ нашъ!

— Бѣдный! бѣдный! бѣдный! — повторяли кругомъ.

Они разошлись. Около хижины несчастнаго остался только Меиръ, который остановился у порога, и Еліазаръ, котораго ничто не могло вывести изъ состоянія оцѣпенѣнія.

Шмуль вбѣжалъ въ избу, въ которой кромѣ самыхъ младшихъ дѣтей и слѣпой матери никого не

было, упалъ на грязный полъ, ударился о него головой и началъ говорить прерывающимся голосомъ, вздыхая и рыдая:

— Я не виноватъ! Не виноватъ! Не виноватъ! Я не поджигалъ и не держалъ въ рукахъ посуды съ масломъ... Онъ... Іохель... все сдѣлалъ... Я стоялъ въ полѣ и стерегъ... а когда предъ моими глазами блеснулъ огонь... ай-вай! ай-вай! тогда я понялъ, въ чемъ я участвовалъ...

— Тише!—послышался возлѣ безсознательно мечущагося человѣка сдавленный и печальный голосъ,— замолчи, Шмуль, а я закрою окно твоей избы...

Шмуль поднялъ голову, но вслѣдъ затѣмъ снова наклонилъ ее къ землѣ.

— Морейне! — простоналъ онъ, — Морейне! Дочерямъ моимъ уже минуло шестнадцать лѣтъ, нужно было выдавать ихъ замужъ ... мнѣ нечѣмъ было заплатить налоги за цѣлый годъ...

— Встань и успокойся! — сказалъ Меиръ.

Шмуль не слушалъ. Стирая лицомъ пыль съ грязнаго пола, онъ продолжалъ стонать.

— Морейне! Спаси меня! Я совсѣмъ погубилъ уже мое тѣло и душу!

— Ты не погубишь своей души, и Предвѣчный на вѣсахъ грѣховъ твоихъ положитъ нужду твою, если только ты не возьмешь тѣхъ денегъ, которыми соблазнили тебя злые люди...

На этотъ разъ Шмуль поднялъ свое лицо съ земли. На его исхудаломъ, смертельно блѣдномъ, нервно вздрагивающемъ лицѣ, ясно отражались слѣды безконечной, всецѣло овладѣвшей имъ нищеты.

Онъ посмотрѣлъ на Меира глазами, въ которыхъ выраженіе мучительнаго страданія смѣнялось выраженіемъ смертельнаго страха; его лицо перекосилось и

дрожало. Растерянно оглядѣвъ свою избу, онъ простоналъ:

— Морейне! а какъ же я буду жить безъ этихъ денегъ?

Прошло не менѣе получаса, пока Меиръ оставилъ избу; Шмуль постепенно успокоился, отчаяніе его значительно уменьшилось, обвиненія, которыми онъ осыпалъ себя, стали тише и менѣе рѣзки. Широкая полоса яркаго свѣта, проникающаго съ улицы, освѣщала одинъ изъ угловъ тѣсныхъ сѣней. Въ этомъ углу подъ черной наклонившейся стѣной бѣлѣли двѣ козы: одна изъ нихъ стояла, другая лежала. Между козами, на связкѣ измятой соломы, спалъ Лейбеле. Руки его были спрятаны въ рукава, а голова, освѣщенная заревомъ пожара, опиралась о доску, стоящую у стѣны. Ни шумъ, ни крики, ни яркое пламя на горизонтѣ, ни стоны и жалобы отца не прервали ни на одну минуту чистаго сна, которымъ спалъ среди своихъ пріятельницъ козъ этотъ ребенокъ, дитя нужды, мрака и преступленія ...

На другой день въ мѣстечкѣ царило необычайное движеніе. Ни о чемъ другомъ не говорили, какъ только о пожарѣ, который до тла уничтожилъ каменскій дворъ, о болѣзни старой барыни, которую наскоро перевезли къ какимъ-то роднымъ или знакомымъ, и объ огромныхъ убыткахъ каміонскаго помѣщика, у котораго, кромѣ усадебныхъ построекъ, сгорѣлъ также овинъ, наполненный свезеннымъ съ полей хлѣбомъ.

Чтобы поговорить объ этомъ происшествіи, люди собирались группами на площади, на улицахъ, у пороговъ своихъ домовъ, а если бы кто-нибудь подслушалъ оживленные, но тихіе разговоры, которые

велись этими людьми, то услыхалъ бы въ нѣсколькихъ мѣстахъ ясно формулированный вопросъ:

— А что будетъ съ нимъ?

Вопросъ этотъ относился не къ Каміонскому, а къ Каміонкеру. О Каміонскомъ кое-кто жалѣлъ, и по временамъ высказывалъ неодобреніе Янкелю, — но вѣдь молодой помѣщикъ былъ совершенно чужимъ для шибовской общины, совершенно не знающимъ ея и только по внѣшности былъ знакомъ ей. Каміонкеръ же сжился съ этимъ народомъ съ самаго дѣтства, у него была цѣлая сѣть пріятельскихъ и дѣловыхъ связей, а кромѣ того низшія сферы общины были ослѣплены ореоломъ его богатства и ревностной набожности. Неудивительно поэтому, что за него боялись даже тѣ, кто порицалъ его.

— Будутъ ли подозрѣвать его? — спрашивалъ кое-кто.

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчали:

— На него не пало бы никакого подозрѣнія, если бы Меиръ Эзофовичъ не внушилъ пурицу дурныхъ мыслей...

— Онъ нарушилъ единство и союзъ израильскаго народа...

— Онъ подвергъ опасности голову своего брата...

— Что же тутъ удивительнаго? Онъ коферъ... невѣрующій...

— Онъ осмѣлился поднять свою руку на ребъ Моше...

— Онъ ведетъ нечистую дружбу съ караимской дѣвушкой...

И говорящіе по временамъ бросали озлобленные взгляды на окна дома Эзофовичей.

Въ этотъ день домъ этотъ хранилъ мертвое, необычайное молчаніе. Даже окна, выходящія на пло-

щадь, не были открыты, хотя обыкновенно въ теченіе всей весны и лѣта они были открыты настежь, такъ что всякій желающій могъ бы съ утра до вечера наблюдать черезъ нихъ жизнь многочисленнаго семейства, которому нечего было скрывать отъ другихъ.

Однако, въ этотъ день никто и не подумалъ о томъ, чтобы открыть окна или убрать гостиную, которая обыкновенно бывала такъ тщательно убрана. Женщины ходили изъ угла въ уголъ, словно не свои: чепцы ихъ были смяты, оттого что онѣ хватались руками за голову. То одна, то другая изъ нихъ останавливалась около кухонной печи, подпирала рукой голову и задумчиво вздыхала. У Сары глаза были заплаканы. И неудивительно: мужъ ея, Беръ, все утро ходилъ съ двумя глубокими морщинами на лбу, по которымъ она догадывалась, что его душа полна непонятнымъ и неизвѣстнымъ ей страданіемъ. Онъ не сказалъ ей ни слова и теперь сидѣлъ въ гостиной, положивъ голову на руки, и смотрѣлъ неподвижнымъ стекляннымъ взглядомъ на братьевъ ея Авраама и Рафаила. Хотя лицо Рафаила и было наклонено надъ какими-то счетами, но видно было, что онъ не считаетъ, а глубоко задумался о чемъ-то очень важномъ. По временамъ онъ поднималъ голову и поглядывалъ на Бера и Авраама. Старый Саулъ, сидя на желтомъ диванѣ, тоже лишь по внѣшности казался погруженнымъ въ чтеніе священной книги, въ дѣйствительности же понималъ читаемое имъ менѣе, чѣмъ когда-либо, по лицу же его можно было догадаться, что онъ страдаетъ глубоко и мучительно.

У окна, на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ высокомъ креслѣ сидѣла прабабушка Фрейда. Изъ всей семьи

только она одна не измѣнилась. Сонная улыбка не сходила съ ея губъ. Она смыкала вѣки и снова раскрывала ихъ, то пробуждаясь, то засыпая.

Послѣ полудня женщины покрыли столъ бѣлой скатертью и внесли посуду.

Въ комнату вошелъ Меиръ. Входя, онъ тихо и медленно открылъ двери, а потомъ остановился у стѣны и обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ. Это былъ взглядъ безпокойный, почти тревожный и полный глубокаго сожалѣнія. Всѣ присутствующіе подняли на него глаза и снова опустили ихъ, и въ этотъ краткій моментъ на молодого человѣка, стоящаго у стѣны, пала гнетущая тяжесть нѣмыхъ упрековъ. Въ упрекахъ этихъ была и горькая обида за причиненное безпокойство, и тревожный страхъ за спокойное существованіе, ровное теченіе котораго онъ нарушилъ; было здѣсь и глубокое сожалѣніе, но также и отдаленная, не высказанная еще угроза отверженія. Только прабабушка подняла при видѣ входящаго свои моргающія вѣки, улыбнулась своей широкой улыбкой и шепнула:

— Киндлебенъ!

На лицѣ ея остановились глаза Меира, и въ нихъ сверкнула какая-то пылающая, нетерпѣливая мысль.

Въ эту минуту въ комнатѣ послышались звонъ и стукъ. Изъ группы людей, гулявшихъ тамъ и сямъ по площади и недружелюбно поглядывавшихъ на домъ Эзофовичей, кто-то бросилъ въ окно довольно большой камень, который разбилъ стекло на мелкіе кусочки и, пролетѣвъ надъ головой Фрейды, упалъ посреди избы.

Лицо Саула покрылось густымъ румянцемъ; женщины, накрывающія столъ, вскрикнули; Рафаилъ,

Беръ и Авраамъ вскочили со своихъ мѣстъ, точно подброшенные пружиной. Всѣ устремили свои глаза на разбитое стекло, но вслѣдъ за тѣмъ обратили свои взоры на прабабушку Фрейду, которая внезапно выпрямилась и, глядя на камень, лежащій посреди комнаты, беззвучнымъ, но громкимъ шепотомъ произнесла:

— Ну! это тотъ самый камень! Они бросали его въ окно нашего дома, когда мой Гершъ ссорился съ ребъ Нухимомъ и хотѣлъ жить въ дружбѣ съ чужими людьми... это тотъ самый камень... Въ кого они бросили его теперь?..

Когда она говорила это, всѣ морщины на ея лицѣ дрожали, а глаза въ первый разъ широко раскрылись.

— Въ кого они опять бросили камень? — спросила она, и повела кругомъ глазами, которые потемнѣли и сверкали.

— Въ меня, альте бабе,—отвѣчалъ у противоположной стѣны голосъ, звучащій безконечной печалью.

— Меиръ!—крикнула прабабка, но на этотъ разъ уже не беззвучнымъ шепотомъ, а громкимъ, почти пронзительнымъ голосомъ.

Меиръ прошелъ черезъ комнату, остановился передъ ней и взялъ своими руками ея маленькія сморщенныя руки. Онъ опустилъ свои глаза, полные нѣжности и вмѣстѣ съ тѣмъ говорящіе о какихъ-то вопросахъ и просьбахъ, которыхъ не произнесли его губы, а она подняла на него свои золотистые зрачки, въ которыхъ зашевелилось выраженіе смутной тревоги.

Саулъ всталъ съ дивана.

— Рафаилъ! — сказалъ онъ — подай мнѣ мой плащъ и шляпу.

— Куда пойдешь ты, тате!—спросили одновременно оба сына.

Старикъ съ пылающимъ лицомъ отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Я пойду преклонить свою сѣдую голову передъ Тодросомъ. Пусть онъ не судитъ этого дерзкаго ребенка, пока въ душѣ народа не потухнетъ огонь гнѣва...

Нѣсколько минутъ спустя патріархъ самой знатной въ общинѣ семьи, закутанный въ длинный черный плащъ, въ высокой блестящей шляпѣ на головѣ медленно и торжественно проходилъ черезъ площадь. Группы людей, стоявшихъ на площади, разступались передъ нимъ и низко ему кланялись. Однако, кто-то громко сказалъ:

— Бѣдный ребъ Саулъ! какой у тебя внукъ...

Саулъ не отвѣтилъ ни слова на это обращеніе, только тонкія губы его сжались сильнѣе.

Прошло не меньше часу, пока Саулъ вернулся домой. Онъ засталъ всѣхъ старшихъ членовъ семьи въ гостиной. Меиръ былъ также тамъ. Онъ сидѣлъ возлѣ кресла прабабки, маленькая сухая рука которой крѣпко сжимала полу его одежды.

Сара сняла плащъ съ плечей отца.

— Ну, что же ты, тате, принесъ намъ оттуда?—спросилъ Рафаилъ.

Саулъ тяжело дышалъ и мрачно смотрѣлъ въ землю.

— Что я принесъ оттуда?—отвѣчалъ онъ послѣ краткаго молчанія, — я принесъ великій гнѣвъ и стыдъ. Сердце Тодроса радуется несчастью, которое случилось съ домомъ Эзофовичей... Улыбки, какъ змѣи, ползаютъ по желтому лицу его.

— А что онъ сказалъ?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Онъ сказалъ, что слишкомъ долго былъ снисходителенъ къ моему безбожному и дерзкому внуку... Ребъ Моше, и Каміонкеръ, и весь народъ просятъ его, чтобы онъ назначилъ судъ надъ Меиромъ... По просьбѣ моей онъ отложилъ этотъ судъ до завтрашняго дня и сказалъ, что если Меиръ покается передъ нимъ и передъ цѣлымъ народомъ, будетъ просить прощенія своихъ грѣховъ... то на голову его падетъ менѣе суровый приговоръ.

Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на Меира.

— А ты, Меиръ, что скажешь на это? — спросили его хоромъ.

Меиръ нѣкоторое время думалъ.

— Дайте мнѣ немного времени, можетъ быть, до завтрашняго дня я придумаю себѣ какое-нибудь спасеніе...

— А откуда же ты возьмешь его? — закричали остальные.

— Позвольте мнѣ не отвѣчать вамъ до завтрашняго дня! — повторилъ Меиръ.

На это никто ничего не возразилъ, только иные изъ членовъ семьи уныло покачали головами. Это означало молчаливое согласіе.

Въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ чувства гнѣва и опасенія боролись съ чувствомъ гордости. Они сердились на Меира, боялись за него и за спокойствіе и успѣхи всего дома, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ больно было думать, что одному изъ членовъ ихъ семьи предстоитъ покаяться передъ раввиномъ и народомъ.

— Кто знаетъ? — сказалъ Рафаилъ, обращаясь къ брату,—можетъ быть, онъ придумаетъ какое-нибудь спасеніе...

— Можетъ быть, его мать придетъ къ нему ночью и научитъ его, что нужно дѣлать,—тихо вздохнула Сара.

Запоздавшій обѣдъ закончился въ глухомъ молчаніи, прерываемомъ лишь вздохами женщинъ и плачемъ дѣтей, которымъ матери запретили смѣяться и болтать.

Опечаленные и мрачные члены семейства съ удивленіемъ поглядывали отъ времени до времени на старую Фрейду, которая проявляла какое-то удивительное безпокойство. Правда, она не говорила ничего, но ни разу не заснула во время обѣда; напротивъ, она все время двигалась въ своемъ креслѣ, поглядывая то на разбитое окно, то на Меира, то на то мѣсто комнаты, гдѣ упалъ часъ тому назадъ камень, брошенный съ улицы.

— Что съ ней?—тихо и безпокойно спрашивали другъ друга присутствующіе.

— Она что-то вспоминаетъ! — былъ отвѣтъ.

— Она чего-то боится!

— Она хочетъ что-то сказать, но не можетъ.

Когда всѣ встали изъ-за стола, двѣ правнучки хотѣли, по обыкновенію, отвести Фрейду въ сосѣднюю комнату и уложить въ постель, но она съ неожиданной для всѣхъ силой уперлась ногами о полъ и показала пальцемъ на свое кресло, стоявшее у окна.

Немного спустя, всѣ присутствующіе стали понемногу оставлять большую комнату. Рафаилъ и Беръ уѣхали въ сосѣднее имѣніе по какому-то важному и спѣшному дѣлу. Авраамъ заперся въ своей комнатѣ для того, чтобы заняться счетами, а, можетъ быть, чтеніемъ священныхъ книгъ. Саулъ приказалъ дочерямъ, чтобы дома была полная тишина и, тяжело

вздыхая, улегся въ постель. Женщины потушили огонь въ кухнѣ, тихо заперли дверь гостиной и вышли во дворъ, гдѣ онѣ присматривали за играющими дѣтьми, шили и вели тихій разговоръ.

Прабабка осталась въ гостиной и—удивительное дѣло—не только не заснула, но даже не вздремнула, несмотря на то, что вокругъ нея была полная тишина. Сидя въ своемъ глубокомъ креслѣ, она смотрѣла на разбитое окно и все время двигала губами, какъ бы разговаривая съ собой. По временамъ она покачивала головой, покрытой пестрымъ тюрбаномъ; тогда брилліантовая застежка осыпала ея желтый лобъ снопомъ искръ, а длинныя серьги звенили, ударяясь о золотую цѣпь.

Она все двигала губами и, наконецъ, стала шевелить руками. Можно было подумать, что она ведетъ живую и трудную для нея бесѣду съ кѣмъ-то невидимымъ, можетъ быть, съ призраками собственныхъ воспоминаній. Вдругъ она покачала головой и заговорила.

— То же самое было, когда мой Гершъ нашелъ завѣщаніе Михаила Синьора... Въ него тогда злые люди бросали камнями...

Она умолкла, но большія крупныя слезы наполнили ея золотистые зрачки и неподвижно остановились подъ сморщенными дрожащими вѣками.

Въ это время со скамейки, стоявшей у противоположной стѣны, поднялся Меиръ и, быстро пройдя черезъ комнату, усѣлся на низкомъ табуретѣ, о который старуха опирала свои ноги. Умоляюще сложивъ руки, Меиръ положилъ ихъ на колѣни древней прабаки и глухимъ взволнованнымъ голосомъ спросилъ:

— Бабе! гдѣ завѣщаніе Сеньора?

При звукахъ этого голоса, который, какъ и лицо Меира, напоминалъ ей о человѣкѣ, горячо любимомъ ею во дни молодости и счастья, Фрейда улыбнулась. Однако, она не опустила глазъ на сидящаго около нея внука, но сквозь слезы, неподвижно стоявшія въ ея глазахъ, смотрѣла въ пространство и начала шептать:

— Когда онъ первый разъ поссорился съ ребъ Нохимомъ и со всѣмъ народомъ, то онъ пришелъ къ себѣ домой, сѣлъ на скамейкѣ очень печальный и сказалъ женѣ своей, Фрейдѣ,—Фрейда была тогда молода и прекрасна, на головѣ ея былъ бѣлоснѣжный тюрбанъ,—и она, стоя у огня въ кухнѣ, смотрѣла за дѣтьми и слугами. Но когда она услыхала голосъ своего мужа, то тотчасъ-же пошла къ нему, остановилась передъ нимъ и ждала, что онъ скажетъ ей. Тогда онъ спросилъ:

— Фрейда! Гдѣ завѣщаніе Сеньора?..

Шепотъ старушки умолкъ. Но молодой мужчина, сидѣвшій у ея колѣнъ, со стиснутыми отъ волненія руками, спросилъ ее:

— Бабе! Гдѣ завѣщаніе Сеньора?

Голова женщины, повязанная пестрымъ тюрбаномъ, слегка закачалась, а тонкія желтыя губы стали шептать:

— Онъ спрашивалъ: „Гдѣ писаніе Сеньора? Можетъ быть, Сеньоръ спряталъ его въ землѣ?.. Нѣтъ! онъ не спряталъ его подъ землю, потому что оно сгнило бы тамъ и его съѣли бы черви. Можетъ быть, онъ спряталъ его въ стѣнѣ дома? — Нѣтъ, онъ зналъ, что стѣны эти могутъ сгорѣть въ огнѣ. Такъ гдѣ же онъ спряталъ его?“ Такъ спрашивалъ Гершъ, а жена его Фрейда долго думала надъ его словами, а потомъ указала пальцемъ на

шкафъ, въ которомъ были старыя книги Сеньора, и сказала:

— Гершъ! Мой Гершъ! Завѣщаніе это... тамъ!.. Когда Фрейда сказала это, Гершъ обрадовался, а уста его проговорили: „У тебя, Фрейда, есть въ головѣ умъ, а душа твоя такъ же прекрасна, какъ твои глаза!“

При послѣднихъ словахъ двѣ неподвижныя до этой минуты слезы выкатились изъ ея глазъ и потекли по морщинамъ на губы, которыя, улыбаясь сонными воспоминаніями молодости и счастья, шептали дальше:

— И онъ сказалъ: „Хорошая и мудрая жена дороже золота и жемчуга, при ней сердце мужа покойно!“

Молодой человѣкъ, сидящій у колѣнъ ея и глядящій въ ея лицо глазами, полными просьбы и тоски, снова спросилъ:

— Бабе! что же сдѣлалъ Гершъ съ этимъ завѣщаніемъ?

Старуха нѣкоторое время не отвѣчала, двигая губами такъ, какъ будто бы она разговаривала съ кѣмъ-то невидимымъ. Потомъ она снова заговорила:

— Гершъ возвратился разъ изъ далекаго путешествія, печально сѣлъ на скамьѣ и сказалъ Фрейдѣ: „Все пропало! Завѣщаніе Сеньора нужно спрятать, потому что оно теперь не пригодится“. Фрейда спросила: „Гершъ! а гдѣ же ты спрячешь это завѣщаніе?“ Гершъ отвѣчалъ: „Я спрячу его тамъ, гдѣ оно было прежде, и ты одна будешь знать объ этой тайнѣ“ ...

Глаза Меира радостно блеснули.

— Бабе! Завѣщаніе это тамъ?

И онъ указалъ на шкафъ со старыми фамиль ными книгами. Но Фрейда ничего не отвѣчала ем, и продолжала шептать:

— Онъ сказалъ: Ты одна только будешь знать объ этой тайнѣ, а когда душа твоя будетъ разставаться съ твоимъ тѣломъ, ты скажешь о ней тому изъ своихъ сыновей или внуковъ, который будетъ наиболѣе похожъ на мужа твоего Герша“... А кто же изъ сыновей и внуковъ Фрейды болѣе другихъ похожъ на мужа ея Герша?—Болѣе всѣхъ похожъ на него Меиръ, сынъ Веньямина... Онъ похожъ на него, какъ два зерна песку... Это мое киндлебенъ, это мой любимецъ! Фрейда скажетъ о тайнѣ ему одному.

Теперь Меиръ держалъ въ рукахъ руки прабабки и покрывалъ ихъ поцѣлуями.

— Бабе!—шепталъ онъ, указывая на шкафъ съ книгами, — тамъ ли завѣщаніе Сеньора?

Но старушка и теперъ еще не отвѣчала прямо, а продолжала шептать:

Гершъ сказалъ Фрейдѣ: „Если на твоего любимаго сына или внука старшіе въ семьѣ начнутъ поднимать руки и народъ станетъ бросать въ него камнями, то ты Фрейда скажи ему о тайнѣ! Пусть онъ возьметъ завѣщаніе Сеньора, положитъ на сердцѣ своемъ, оставитъ свою семью и имущество и пусть идетъ съ нимъ въ свѣтъ, потому что завѣщаніе это дороже золота и жемчуга — оно заключаетъ въ себѣ союзъ израиля съ временемъ, которое широкой рѣкой плыветъ надъ его головой, и съ народами, которые громоздятся вокругъ него, какъ высокія горы“.

— Бабе! На меня стали поднимать руки старшіе въ семьѣ... Отъ меня народъ отвернулъ свое раз-

гнѣванное лицо... Я тотъ любимый внукъ твой, о которомъ говорилъ твой мужъ, Гершъ... скажи же мнѣ... нѣтъ ли тамъ между книгами завѣщанія Сеньора?

Широкой, почти торжествующей улыбкой озарилось желтое лицо Фрейды. Она покачала головой съ чувствомъ какой-то тайной радости и шепнула:

— Фрейда хорошо стерегла сокровище своего мужа... Какъ собственную душу защищала она его отъ всѣхъ... Когда она осталась вдовой, къ ней приходилъ ребъ Нохимъ Тодросъ и хотѣлъ отдать старый шкафъ на пищу пламени, но всякій разъ, какъ онъ приходилъ, Фрейда собственнымъ тѣломъ закрывала шкафъ и говорила: „Это мой домъ и все, что въ немъ есть, принадлежитъ мнѣ“. А когда Фрейда становилась передъ шкафомъ, то передъ Фрейдой становились ея сыновья и сыновья сыновей и говорили: „Это мать наша, мы не дадимъ ея въ обиду!“ Ребъ Нохимъ сердился, но все-таки уходилъ... а ребъ Исаакъ никогда не приходилъ: онъ зналъ отъ отцовъ своихъ, что, пока жива старая Фрейда, стараго шкафа никто не тронетъ... Фрейда хорошо стерегла сокровище своего мужа, и вотъ оно лежитъ тамъ... съ тѣхъ поръ... и спитъ...

Съ этими словами старая женщина протянула свой сморщенный палецъ къ стоящему въ нѣсколькихъ шагахъ шкафу, а тихій смѣхъ какой-то внутренней радости, какого-то почти дѣтскаго торжества потрясъ ея грудь.

Меиръ однимъ прыжкомъ очутился около шкафа и дрожащей рукой рванулъ замокъ, уже разрушенный временемъ и ржавчиной.

Дверцы шкафа широко раскрылись, и облака пыли покрыло бѣлымъ слоемъ волосы и одежду Меира,

точно такъ же, какъ нѣкогда ею былъ покрытъ бѣлый тюрбанъ Фрейды и золотистые волосы Герша... Но Меиръ не обратилъ на это никакого вниманія и жадно набросился на эти книги, изъ которыхъ предки его черпали свою мудрость, и среди которыхъ скрывалась драгоцѣнная путеводная звѣзда его жизни.

При видѣ раскрытаго шкафа и вылетѣвшей оттуда пыли, Фрейда наклонилась впередъ, вытянула руки и воскликнула:

— Гершъ! Гершъ! мой Гершъ!

Это уже былъ не обыкновенный беззвучный шепотъ, а громкій крикъ человѣка, душа котораго наполнилась радостями и муками воспоминаній. Она забыла о своемъ правнукѣ... ей казалось, вѣроятно, что этотъ красивый юноша съ золотистыми волосами, осыпанными пылью, былъ чудной и пришедшей къ ней изъ далекаго міра, тѣнью ея мужа...

Меиръ устремилъ на нее свои пылающіе глаза и блѣдное лицо.

— Бабе, — спросилъ онъ тяжело дыша, — гдѣ оно? наверху? внизу? Въ этой книгѣ? въ той? или той?

— Въ этой! — воскликнула женщина, показывая на ту, на которой Меиръ положилъ свою руку. Минуту спустя пожелтѣвшіе отъ времени и покрытые четкимъ письмомъ листы зашелестѣли подъ толстымъ пергаментнымъ переплетомъ книги. Съ книгой въ рукѣ Меиръ упалъ къ ногамъ прабабки, цѣлуя ея ноги и руки. Ежеминутно онъ схватывался за голову, и какія то странныя стенанья съ звуками смѣха, дрожали въ его груди...

Фрейда улыбалась, прикасалась дрожащими руками къ головѣ правнука, но постепенно вѣки ея глазъ стали смыкаться, и на лицо вернулось обычное

сонливое выраженіе. Утомленная долгимъ разговоромъ и воспоминаніями, не сводя взора съ яснаго призрака молодости, который стоялъ передъ ней въ серебристомъ сверканіи слезъ, эта столѣтняя женщина снова стала погружаться въ тихую сладкую дремоту, предвѣстницу близкаго вѣчнаго сна.

Страстная благодарность и ласки внука уже не будили ее. Меиръ спряталъ на груди пожелтѣвшіе листы, и вскорѣ на лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ, гдѣ жили Меиръ и его младшіе братья, послышались его поспѣшные шаги...

Потомъ, въ теченіе всего вечера и всей ночи, въ небольшомъ окнѣ подъ самой крышей дома мерцало и колебалось туманное пламя свѣчи и видѣлись какія-то двигающіяся фигуры, то входящія, то выходящія. Съ наступленіемъ утренней зари нѣсколько молодыхъ людей тихонько вышли изъ дома черными ходомъ во дворъ и вслѣдъ за тѣмъ быстро разсѣялись во всѣ концы мѣстечка.

По мѣстечку почти съ восхода солнца стали ходить неясные слухи, которые передавались и толковались различно, но интересовали и живо волновали всѣ сферы мѣстнаго населенія. Обычныя занятія, повидимому, шли по-прежнему, однако, въ улицахъ, населенныхъ болѣе бѣдными жителями, слышался постоянный шумъ разговоровъ, которые, соединяясь со стукомъ и визгомъ всевозможныхъ ремесленныхъ орудій, производили впечатлѣніе звуковъ, доносящихся со дна глухо кипящаго муравейника. Появившись неизвѣстно откуда и изъ чьихъ устъ, по всѣмъ дворамъ, закоулкамъ, домамъ и лачугамъ распространились извѣстія, предположенія и догадки...

— Сегодня, послѣ захода солнца, когда вечерній

сумракъ падетъ на землю, дерзкій внукъ богатаго Саула придетъ въ Бетъ-га-Мидрашъ для того, чтобы въ присутствіи всего народа покаяться передъ великимъ раввиномъ, сознаться въ своихъ грѣхахъ и просить прощенія у тѣхъ, кого онъ обидѣлъ, разсердилъ или возмутилъ.

— Нѣтъ, онъ не будетъ каяться передъ раввиномъ и не будетъ сознаваться въ грѣхахъ въ присутствіи всего народа.

— Почему же онъ не сдѣлаетъ этого?

— Это очень большая тайна, но, о ней уже всѣ знаютъ. Это такая большая тайна, что, слушая о ней, всѣ глаза лихорадочно блестятъ, а всякая грудь дрожитъ отъ нетерпѣнія скорѣй поглотить ее... Юный Меиръ нашелъ сокровище!!

— Что это за сокровище?

Это такое сокровище, которое скрывается въ семьѣ Эзофовичей лѣтъ триста, пятьсотъ, можетъ быть тысячу, ну... можетъ быть, съ того времени, какъ евреи пришли въ эту страну! Сокровище это— завѣщаніе какого-то предка, который составилъ его передъ смертью и завѣщалъ своему отдаленному потомству.

— А что же въ этомъ завѣщаніи?

— Объ этомъ никто ничего не знаетъ навѣрное.

Всѣ обитатели убогихъ улицъ слышали о завѣщаніи этомъ отъ отцовъ, дѣдовъ и бабокъ, но каждый изъ нихъ зналъ иное. И теперь еще жили старики, которые что-то знали объ этомъ завѣщаніи, но каждый изъ нихъ слышалъ иное. Одни говорили, что завѣщаніе это принадлежитъ мудрому и святому израильтянину, который жилъ очень много лѣтъ тому назадъ и всю свою жизнь только о томъ и думалъ

чтобы сдѣлать народъ свой богатымъ, мудрымъ и счастливымъ. Другіе, напротивъ, утверждали, что этотъ предокъ Эзофовичей, живший такъ давно, былъ безбожнымъ отщепенцемъ, котораго гои подкупили для того, чтобы стереть съ лица земли имя израиля и вѣру его.

— Въ завѣщаніи этомъ есть наставленіе, какъ можно превратить песокъ въ золото, а также говорится о томъ, что должны дѣлать бѣдные люди, чтобы сразу стать богатыми.

— Нѣтъ, въ завѣщаніи этомъ говорится о томъ, какъ человѣкъ можетъ отгонять отъ себя діяволовъ, чтобы они никогда не прикасались къ нему, и какъ изъ буквъ Божьяго имени составить такое слово, произнося которое можно проникнуть взоромъ сквозь небо и землю...

— Нѣтъ, въ этомъ завѣщаніи говорится о томъ, что должны дѣлать израильтяне, чтобы и враговъ своихъ сдѣлать друзьями и заключить миръ со всѣми враждебными имъ народами.

А еще кто-то слышалъ, что въ завѣщаніи этомъ говорится, какъ воскресить Моисея и попросить, чтобы онъ снова пришелъ, вывелъ свой народъ изъ рабства, мрака и униженія, и отвелъ его въ сторону, богатую золотомъ, мудростью и славой.

— Почему же они до сихъ поръ не искали этого завѣщанія и не объявили народу содержанія его?

Они боялись... потому что если кто-либо притронется къ этому завѣщанію, то руки его загорятся пламенемъ и разсыплются прахомъ.

— Нѣтъ! если кто притронется къ этому завѣщанію, то вокругъ сердца его обовьются ядовитыя змѣи.

— У того лобъ почернѣетъ, какъ отъ сажи...
— Того оставятъ счастье и спокойствіе...
— На того посыплется градъ камней...
— У того на лбу появится кровавый рубецъ...
— Когда-то... старики еще и теперь что-то помнятъ объ этомъ... отецъ богатаго Саула, богатый купецъ Гершъ, притронулся къ этому завѣщанію...

— А что же съ нимъ случилось?

— Старики говорятъ, что, какъ только онъ притронулся къ этому завѣщанію, ядовитыя змѣи обвились вокругъ его сердца и такъ жалили его, что отъ этого онъ безвременно умеръ въ пору расцвѣта своихъ силъ и молодости.

— А теперь завѣщаніе это нашелъ молодой Меиръ?

— Да! онъ нашелъ его и будетъ читать въ Бетъ-га-Мидрашѣ, передъ всѣмъ народомъ, какъ только солнце зайдетъ и вечерній сумракъ покроетъ землю...

Среди людей, ведущихъ подобные разговоры, постоянно вертѣлся ребъ Моше, меламедъ; онъ появлялся то здѣсь, то тамъ, снова исчезалъ и вскорѣ показывался на другой улицѣ, на другомъ дворѣ, подъ открытымъ окномъ какой-нибудь лачуги. Онъ прислушивался, улыбка мелькала на его выпуклыхъ губахъ; круглые бурые глаза свѣтились сжигающимъ блескомъ. Но онъ не говорилъ ничего; если же при его приближеніи кто-нибудь обращался къ нему съ робкимъ, а подчасъ и настойчивымъ вопросомъ, то онъ молчалъ или отвѣчалъ только непонятнымъ бормотаніемъ и мрачнымъ покачиваніемъ головы. Онъ не могъ говорить потому, что о событіяхъ и извѣстіяхъ, которыя теперь такъ сильно волновали общественное мнѣніе, онъ еще до сихъ поръ не го-

ворилъ со своимъ учителемъ, — а ему онъ отдалъ, подъ вліяніемъ благоговѣнія, фанатической вѣры и страстной мистической любви, свое тѣло и душу, мнѣнія и убѣжденія. Безъ приказанія этого почитаемаго и любимаго учителя онъ не могъ ни высказывать сужденій, ни давать лозунги, ни даже мысленно рѣшать что-нибудь. Вѣдь слова его и его дѣйствія могли бы разойтись съ волей учителя! Вѣдь онъ могъ бы нарушить одно изъ многочисленныхъ предписаній! Правда, онъ зналъ все это наизусть, но вѣдь сокровеннѣйшій смыслъ ихъ можно было разумѣть на тысячу способовъ и иначе толковать не только каждое слово, но каждую букву. Ребъ Моше зналъ и о томъ, что онъ самъ ученый человѣкъ, но какое же значеніе могла имѣть его ученость по сравненію съ ученостью раввина, свѣтъ которой освѣщалъ весь міръ и проникалъ до самаго неба! Самъ Іегова любовался, взирая на нее и удивлялся себѣ, что сумѣлъ создать такое совершенное существо, какъ раввинъ Исаакъ Тодросъ.

Когда ребъ Моше около полудня тихо вошелъ въ черную хату раввина, голова и уши его были наполнены всѣмъ тѣмъ, что онъ слышалъ. Однако, ему не сразу удалось завязать разговоръ съ учителемъ. Тодросъ разговаривалъ съ какимъ-то старикомъ, пыльная одежда котораго свидѣтельствовала о томъ, что онъ пришелъ издалека. Опираясь на посохъ, онъ стоялъ передъ раввиномъ съ радостнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнымъ лицомъ. Онъ просилъ у раввина дать ему щепотку земли, привезенной изъ Іерусалима.

— Мнѣ теперь хочется,—говорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ старости и волненія,—съѣздить въ Іерусалимъ, умереть тамъ и быть похороненнымъ въ

землѣ моихъ отцовъ. Но я бѣденъ и нѣтъ у меня денегъ на дорогу. Дай ты мнѣ, равви, горсточку песку, который тебѣ привозятъ оттуда каждый годъ, чтобы внуки мои могли посыпать мнѣ его на грудь, когда душа моя разстанется съ тѣломъ. Съ этой горстью земли мнѣ будетъ легче спать въ могилѣ. И скажи, правда-ли, что черви не приближаются къ тѣламъ, посыпаннымъ ею, и не ѣдятъ ихъ?

— Это правда, отвѣчалъ серьезно раввинъ, и, вынувши драгоцѣнный предметъ изъ мѣшка, въ которомъ онъ былъ тщательно завязанъ и обернутъ, насыпалъ щепотку песку въ клочекъ бумаги и далъ его старцу.

Старецъ принялъ этотъ даръ дрожащей отъ радости рукой, запечатлѣлъ на немъ долгій благоговѣйный поцѣлуй и спряталъ его на груди за полой оборванной зловонной одежды.

— Равви!—сказалъ онъ,—мнѣ нечѣмъ заплатить тебѣ...

Тодросъ вытянулъ къ нему свою желтую шею и быстро прервалъ:

— Издалека ты видно пришелъ, если говоришь и думаешь о платѣ Исааку Тодросу... Я не беру ни отъ кого никакой платы. Я знаю, что много хорошаго дѣлаю братьямъ моимъ, но за это прошу у Предвѣчнаго только одной награды: пусть онъ прибавитъ хоть одну еще каплю къ той мудрости, которой я обладаю и которой никогда не можетъ достаточно насытиться моя душа.

Неувѣреннымъ шагомъ, опираясь на палку, старикъ подошелъ къ этому человѣку, столь мудрому и все-таки еще столь жаждущему мудрости.

— Равви!—набожно вздохнулъ старикъ—позволь мнѣ поцѣловать твою благодѣтельную руку...

— Поцѣлуй, — мягко сказалъ учитель, а когда просящій склонялся передъ нимъ, онъ взялъ въ руки голову старика, покрытую бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и запечатлѣлъ громкій поцѣлуй на сморщенной и сухой кожѣ его лба.

— Равви! — сказалъ старикъ, и въ голосѣ его послышался внезапный приливъ счастья, — ты очень добръ... ты отецъ нашъ и учитель а вмѣстѣ съ тѣмъ... братъ!

— А ты, — отвѣтилъ Тодросъ — будь благословенъ за то, что до поздней старости сохранилъ вѣрность вѣрѣ Господней и такую любовь къ нашей родной землѣ, что одна горсть этой земли показалась тебѣ дороже золота и серебра...

Слезы показались у нихъ на глазахъ, и видно было, что люди эти, видѣвшіе другъ друга первый разъ въ жизни, были преисполнены трогательной братской, удивительно грустной любовью другъ къ другу!

Ребъ Моше, усѣвшійся въ ожиданіи конца этого разговора на землѣ, около чернаго отверстія камина, смотрѣлъ на эту сцену со слезами на глазахъ и только тогда, когда Тодросъ остался одинъ, заговорилъ тихимъ голосомъ:

— Насси!

— Га?—спросилъ учитель, который уже успѣлъ погрузиться въ обычную задумчивость.

— У насъ въ городѣ большія новости...

— Какія же это новости?

— Меиръ Эзофовичъ нашелъ завѣщаніе предка своего Сеньора и сегодня будетъ читать его передъ всѣмъ народомъ.

Задумчивость Тодроса исчезла безслѣдно. Онъ быстро вытянулъ шею по направленію къ говорящему и спросилъ:

— Откуда ты узналъ объ этомъ?

— Ну! всѣ объ этомъ говорятъ. Друзья Меира съ самаго утра ходятъ по городу и распускаютъ эту вѣсть среди народа...

Тодросъ не отвѣчалъ. Глаза его загорѣлись и сверкали ярко, почти дико. Онъ обдумывалъ положеніе.

— Насси! позволишь ли ты ему сдѣлать это?

Тодросъ молчалъ еще нѣкоторое время, потомъ сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Позволю!

Ребъ Моше всего передернуло.

— Равви! — воскликнулъ онъ, — ты мудрѣйшій изъ людей, какіе когда-либо жили и будутъ жить въ этомъ мірѣ... но подумала ли твоя мудрость о томъ, что завѣщаніе это можетъ отвратить душу народа отъ тебя и святой вѣры?

Тодросъ грозно посмотрѣлъ на него.

— Ты не знаешь души моего народа, если можешь такъ говорить и думать. Не для того изо всѣхъ силъ работали надъ этой душой прадѣдъ мой, дѣдъ, отецъ и я, чтобы ее такъ легко можно было отвратить отъ насъ... Пусть онъ прочтетъ это завѣщаніе, — прибавилъ онъ немного спустя, — пусть все нечистое выйдетъ, наконецъ, изъ-подъ земли, гдѣ оно такъ долго скрывалось, и тогда можно будетъ сжечь его огнемъ гнѣва и придавить пепелъ его камнемъ презрѣнія... Пусть онъ читаетъ это завѣщаніе, и тогда моя мстительная рука ляжетъ на немъ!

Нѣкоторое время царило молчаніе: учитель думалъ, ученикъ смотрѣлъ ему въ лицо, какъ на свѣтлое солнце.

— Моше...

— Что, насси?

— Завѣщаніе это нужно вырвать изъ рукъ его и отдать въ мои руки.

— Насси! а какъ же можно отнять его?

Раввинъ рѣшительно и съ недовольствомъ повторилъ:

— Завѣщаніе это нужно вырвать изъ рукъ его и отдать въ мои руки.

Человѣкъ, присѣвшій у камина, съ еще большей робостью спросилъ:

— Насси! А кто долженъ вырвать это завѣщаніе изъ рукъ его?

Тодросъ посмотрѣлъ на него пылающими глазами и повторилъ еще разъ:

— Завѣщаніе это нужно вырвать изъ его рукъ.

Моше наклонилъ голову.

— Равви! — шепнулъ онъ, — я уже понялъ твою волю. Будь покоенъ! Когда онъ прочтетъ передъ народомъ все нечистое, надъ головой его зашумитъ такая буря, что отъ нея онъ сломится и падетъ во прахъ

Потомъ они долго молчали. Раввинъ снова заговорилъ:

— Моше!

— Что, насси?

— Когда и гдѣ будетъ онъ читать эту гнусность?

— Онъ будетъ читать ее въ Бетъ-га-Мидрашѣ, когда солнце зайдетъ и сумерки падутъ на землю...

— Моше! Иди сейчасъ же къ шамесу *) и объяви ему мое приказаніе! пусть сейчасъ идетъ онъ къ лайонамъ и кагальнымъ, и объявитъ имъ, что, какъ

---

*) Синагогальный служка.

только солнце зайдетъ, и сумерки падутъ на землю, они всѣ должны собраться въ Бетъ-га-Кагалѣ на великій судъ...

Моше всталъ и направился къ дверямъ, а равинъ нѣсколько разъ покачалъ головой и, поднимая руку, воскликнулъ:

— Горе дерзкому, сильному и непокорному! Горе тому, кого коснулась проказа и тому, кто распространяетъ ее! Горе ему!

При этихъ словахъ на лицѣ его показалось выраженіе мрачной, неумолимой ненависти, между тѣмъ какъ четверть часа тому назадъ лицо это сіяло трогательной братской любовью, губы эти произносили кроткія и утѣшительныя слова, а растроганные глаза блестѣли слезами.

Такъ въ этомъ сердцѣ уживались вмѣстѣ кротость и гнѣвъ, доброта и мстительность, безграничная любовь и неумолимая ненависть. Такъ изъ одного и того же источника могли истекать возвышенныя добродѣтели и мрачныя злодѣянія...

Много тайнъ и загадокъ, подобныхъ этой, встрѣтитъ тотъ, кто станетъ внимательно присматриваться къ исторіи человѣчества. Въ ней слово милосердіе удивительно странно сплетается со словомъ месть,—и слово ближній — со словомъ врагъ. Исторія эта много разъ показывала свѣту людей, которые одной рукой сострадательно исцѣляли язвы человѣчества, а другой—разжигали огненные костры и вертѣли орудія пытокъ... Какимъ образомъ возникаютъ подобныя тайны и загадки въ этихъ широкихъ сердцахъ и пламенныхъ умахъ, живущихъ въ такомъ раздвоеніи и такихъ заблужденіяхъ? Читатель! Если бы въ мірѣ не было тѣхъ элементовъ, которые вводятъ въ заблужденіе человѣческіе умы и сердца,

то раввинъ Тодросъ былъ бы, можетъ быть, великимъ человѣкомъ!..

Будемъ справедливы: раввинъ Исаакъ Тодросъ былъ бы, безъ сомнѣнія, великимъ человѣкомъ, если бы никогда не жили тѣ, кто, пользуясь огнемъ, пытками и гораздо болѣе мучительнымъ орудіемъ презрѣнія, создали для его народа, вплоть до отдаленныхъ будущихъ поколѣній, тѣсное, умственное и нравственное гетто, полное тревогъ и ненависти.

* * *

Солнце зашло, и на землю спускался вечерній сумракъ. Большой дворъ синагоги былъ наполненъ черной, густой, шумящей толпой. Среди нея что-то бурлило и кипѣло.

Въ Бетъ-га-Мидрашѣ тоже кишѣла масса столпившагося народа. Тамъ виднѣлись головы стариковъ и русыя кудри дѣтей, длинныя бороды, черныя, какъ воронова крыло, свѣтлыя, какъ ленъ и огненныя, какъ полированная мѣдь. Головы эти двигались и волновались, шеи вытягивались впередъ, бороды поднимались, глаза пылали любопытствомъ и жаждой впечатлѣній. Все это происходило въ полумракѣ. Огромный залъ Бетъ-га-Мидраша освѣщался одной маленькой лампой, висѣвшей у входа, и одной сальной свѣчей въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, стоявшей на столѣ изъ бѣлаго дерева подъ высокой обнаженной стѣной. У стола стояла деревянная скамейка. Съ этого мѣста говорили съ народомъ всѣ тѣ, кто когда-либо хотѣлъ съ нимъ говорить.

Среди израильскаго народа право голоса имѣетъ всякій, отъ самаго младшаго и незначительнаго члена общины до самаго старшаго и вліятельнаго, и Бетъ-

га-Мидрашъ является живымъ свидѣтельствомъ того демократическаго духа, которымъ нѣкогда были проникнуты всѣ законы израильскаго народа. Всякій человѣкъ, происходящій изъ племени израильскаго, имѣетъ право входить туда, молиться, читать, говорить и наставлять.

Люди, которые находились не внутри зданія, а толпились у стѣнъ его, часто оглядывались на стоящій недалеко Бетъ-га-Кагалъ, гдѣ происходили всегда засѣданія административныхъ и судебныхъ властей общины. Тамъ уже засвѣтились тусклые огоньки. У дверей зажгли лампочку, а на длинномъ столѣ, который неясно виднѣлся сквозь большія стекла оконъ, поставили нѣсколько желтыхъ, коптящихъ свѣчей. Спустя нѣкоторое время на крыльцо Бетъ-га-Мидраша стали входить люди, хорошо извѣстные всему шибовскому населенію и пользующіеся среди него глубокимъ почтеніемъ. Туда приходили по одиночкѣ или попарно судьи общины, уже сѣдѣющіе или совсѣмъ сѣдые, степенные отцы многочисленныхъ семействъ, зажиточные купцы и домовладѣльцы. Ихъ было числомъ двѣнадцать, но на этотъ разъ ихъ насчитали только одиннадцать. Двѣнадцатымъ дайономъ *) въ Шибовѣ былъ Рафаилъ Эзофовичъ. Среди толпы шептали, что дядя обвиняемаго не могъ быть членомъ суда, но нѣкоторые говорили, что онъ самъ не хотѣлъ этого. Послѣ дайоновъ стали прибывать кагальные; среди нихъ были: морейне Кальманъ, съ руками, заложенными въ рукава атласнаго халата и съ вѣчной улыбкой сладостнаго блаженства на лицѣ, и Каміонкеръ, лицо котораго за послѣдніе дни сморщилось и пожелтѣло, а глаза блестѣли тре-

*) Дайонъ — судья.

вожно и пытливо, какъ у человѣка, которому угрожаетъ какая-то опасность. Послѣднимъ показался Исаакъ Тодросъ. Онъ вышелъ изъ дверей своей хижины, худой и сгорбленный, и такъ быстро прошелъ подъ тѣнью стѣны, окружающей дворъ, что въ толпѣ почти никто не замѣтилъ его.

Въ это же самое время въ глубинѣ Бетъ-га-Мидраша, среди глухого шума волнующейся толпы, послышался чистый и сильный мужской голосъ:

— Во имя Бога Авраама, Исаака и Якова слушай, Израиль!

Ропотъ толпы сталъ еще громче и перешелъ почти въ шумъ. Въ этомъ гулѣ чувствовалось отчасти нерасположеніе, но въ гораздо большей степени опасеніе, моментами побѣждаемое любопытствомъ. Поэтому голосъ человѣка, говорящаго внутри наполненнаго народомъ зданія, долго еще боролся съ заглушающимъ его шумомъ, и только немногія слова его вырывались и звучали громко. Вдругъ кто-то изъ толпы громко крикнулъ:

— Успокойтесь и слушайте! Ибо сказано: „Слушайте всякое слово, которое говорится во имя Іеговы!“

— Это правда!—зашептали кругомъ,—онъ началъ говорить во имя Бога Авраама, Исаака и Якова!

Вслѣдъ за этимъ водворилась глубокая тишина, которую нарушали только тѣ, кто стояли у дверей и за окнами и теперь поднимались на цыпочки, чтобы увидѣть говорящаго.

Ничего необычнаго они не увидѣли: за бѣлымъ столомъ, изъ-за котораго обыкновенно говорили къ народу, стоялъ Меиръ Эзофовичъ въ спокойной позѣ и со спокойнымъ лицомъ Правда, онъ былъ нѣсколько болѣе блѣденъ, чѣмъ обыкновенно, и глаза

его сверкали отъ волненія, но видно было, что источникомъ этого волненія было не сомнѣніе или какая-либо тревога, а напротивъ, чувство какой-то могучей вѣры и столь же великой блаженной надежды. Онъ держалъ въ рукахъ нѣсколько пожелтѣвшихъ и очень старыхъ листовъ бумаги. Онъ читалъ ихъ и отъ времени до времени высоко поднималъ ихъ, какъ бы желая показать всѣмъ, откуда онъ беретъ свои слова.

„Израиль! — воскликнулъ онъ, когда шумъ прекратился, и наступила глубокая всеобщая тишина, — ты великій народъ! Ты первый изъ всѣхъ народовъ увидѣлъ въ небѣ единаго Бога, а на землѣ среди грохота грома и блеска молніи услышалъ десять огромныхъ словъ, на которыхъ, какъ на гранитномъ фундаментѣ, всѣ остальные народы въ теченіе многихъ поколѣній основываютъ свой путь къ солнцу совершенства! Израиль! Слѣпъ или изъѣденъ горечью злобы глазъ того, кто, смотря на лицо твое, не увидитъ твоего стариннаго благородства! Если надъ перенесенными тобой страданіями кто-нибудь не заплачетъ, то, значитъ, глаза его сухи отъ рожденія или изсушены вихремъ, дующимъ изъ ада. Несчастенъ тотъ, чьи уста скажутъ о тебѣ — подлый! Пусть Господь сжалится надъ нимъ и проститъ его, ибо нѣтъ въ немъ тѣхъ вѣсовъ правосудія, на которыхъ взвѣшиваются добрыя и злыя дѣла народовъ, или того свѣта мудрости, который показываетъ, какъ изъ страданій и нищеты родятся грѣхи! Израиль! Среди тебя родился Моисей, сердце котораго горѣло, какъ пылающій кустъ, Давидъ съ золотой арфой, прекрасная Эсфирь, плачущая надъ горькой долей своего народа и Маккавеи съ могучими мечами; изъ тебя вышли и пророки, идущіе

на смерть за правду своего сердца. Когда ты счастливо жилъ въ земль отцовъ своихъ, ты не держалъ въ рабствѣ брата своего, ты оставлялъ для голодныхъ десятый снопъ на полѣ и давалъ право голоса всякому, кто хотѣлъ говорить, и, преклоняясь передъ лицомъ единаго Іеговы, ты говорилъ: „Мы всѣ равны передъ лицомъ Отца нашего“. А когда потомъ несчастный и побѣжденный, облитый кровью своихъ сыновъ, которые до послѣдней капли ея защищали родную землю, весь въ слезахъ и прахѣ очутился ты среди чуждыхъ народовъ, — ты перенесъ всѣ скорби и все презрѣніе, остался вѣренъ своему Богу, не утратилъ памяти о предкахъ своихъ и училъ всѣ угнетенные и тонущіе въ слезахъ народы, какъ можно защищаться безъ оружія. О народъ мой! Умнымъ, чистымъ и милосердымъ создалъ тебя Господь, но вотъ проходитъ уже вторая тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ у тебя того, что такъ необходимо: — отечества!“...

Тутъ голосъ говорящаго дрогнулъ и умолкъ на мгновеніе, дрожь пробѣжала по присутствующимъ а потомъ послышался шепотъ тихихъ голосовъ.

— Слушайте! слушайте! Это слова мудраго израильтянина, говорящаго о славѣ своего народа!

Народъ слушалъ, а Меиръ Эзофовичъ читалъ дальше:

„Горе народу, у котораго нѣтъ отечества!“ „И сойдутъ съ кораблей всѣ работающіе весломъ и всѣ, плавающіе по морю—и прилѣпятся къ землѣ“. „Душа каждаго народа приникаетъ къ землѣ, какъ дитя къ груди матери; изъ нея народъ беретъ свою пищу и здоровье свое, а также и лѣкарства отъ своихъ болѣзней“... Такъ хотѣлъ и такъ сдѣлалъ Господь. Но люди возстали противъ воли Его: они

оторвали, Израиль, твою душу отъ земли, къ которой она прилѣпилась. Какъ нищій, стучался ты у чужихъ дверей и принужденъ былъ просить о милосердіи тѣхъ, кто плевалъ на тебя; голова твоя склонялась передъ законами, противъ которыхъ возставала твоя природа; языкъ твой коверкался, подражая чуждымъ языкамъ, уста твои стали полны испитой тобою горечи; лицо твое почернѣло отъ гнѣва и униженія, а въ груди твоей сердце сжималось отъ страха, что съ лица земли исчезнетъ имя Израиля и единаго Бога его — Іеговы. Наконецъ, среди мукъ и страшной нужды ниспало съ тебя твое прежнее великолѣпіе, и, какъ звѣзды, размножились твои грѣхи и пороки, а Іегова, Богъ твой, глядя на тебя, спросилъ съ гнѣвомъ: „Неужели это тотъ самый избранный народъ мой, съ которымъ я соединился завѣтомъ правды и милости? Неужели святой вѣры моей онъ не можетъ хранить иначе, какъ словами устъ своихъ, противорѣчащими поступкамъ рукъ его? Неужели онъ видитъ вѣру эту только въ обѣтахъ, пѣніи, молитвахъ и кадилахъ, а не въ восхожденіи на ту великую лѣстницу, которую я указалъ во снѣ слугѣ моему Якову для того, чтобы во всѣ времена люди знали, какъ слѣдуетъ доходить до меня, олицетворенія познанія и совершенства?“

Тутъ голосъ говорящаго снова былъ заглушенъ глухимъ ропотомъ народа.

— Что это онъ читаетъ? Это дурной израильтянинъ, онъ говоритъ дурное объ израильскомъ народѣ. Какіе же это грѣхи и пороки размножились среди насъ, какъ звѣзды на небѣ? Какъ же намъ славить Господа, если наше пѣніе и молитвы не имѣютъ въ Его глазахъ никакого значенія?

Менръ поблѣднѣлъ еще больше, когда замѣтилъ

что голосъ его снова начинаетъ теряться среди вздымающейся волны грубыхъ и робкихъ голосовъ. Но онъ не могъ замолчать. Онъ читалъ дальше, а ропотъ толпы замолкъ подъ вліяніемъ любопытства, побѣдившаго въ ней всѣ остальныя чувства. Снова всѣ притихли и стали слушать.

Потомъ слѣдовалъ разсказъ Михаила Сеньора о томъ, какъ любимый своимъ народомъ, онъ, по приказанію короля, сталъ во главѣ всѣхъ дѣлъ народа и хотѣлъ повести его по новому пути, въ концѣ котораго онъ, Сеньоръ, видѣлъ зарю новыхъ дней; о томъ, какъ многіе мѣшали ему въ этомъ, отвращали отъ него душу народа, чернили его клеветой и превратили его въ жалкій прахъ, который топтали ноги враговъ его.

„Въ головѣ моей — исповѣдывался Сеньоръ, — шумѣли мысли, которыхъ мнѣ некому было высказывать, потому что меня оставили всѣ прежніе друзья и ученики. Въ груди моей горѣло пламя, возлѣ котораго никто не хотѣлъ согрѣваться, потому что народу моему повторяли, что оно зажжено руками діавола! Лицо мое измѣнилось, а глаза мои стали подобны двумъ печальнымъ звѣздамъ, глядящимъ изъ-за темной тучи! Безсиліе овладѣло моими членами, сонъ смерти сталъ обнимать меня, а изъ устъ моихъ поднялись къ небу крики: Господи! не оставляй глашатая Твоего! дай ему такой сильный голосъ, чтобы онъ могъ говорить съ тѣми, кто еще не родился, ибо тѣ, кто теперь живетъ, не хотятъ слушать голоса моего!...

„Я открылъ священную книгу и прочелъ въ ней: „Если рука твоя безсильно опустится, то ты будешь бороться за правду голосомъ своимъ, любовью и слезами своими!“

„Пусть тотъ правнукъ мой, который будетъ искать и найдетъ это завѣщаніе, объявитъ народу моему, чего я хотѣлъ для него. Первое, чего я хотѣлъ для него, это—забвенія. Но развѣ я хотѣлъ, чтобы онъ забылъ о Богѣ своемъ Іеговѣ и о томъ, что онъ, израиль, — народъ съ великой душой, дававшій въ прошломъ великихъ мужей и великія мысли? Нѣтъ, я не могъ желать, чтобы израиль забылъ обо всемъ этомъ, потому что мнѣ самому дѣлается сладко, и сердце сильнѣе бьется при этихъ воспоминаніяхъ. Но я хотѣлъ, чтобы израиль забылъ обиды и страданія, причиняемыя ему чужими народами. Не слѣдуетъ помнить обидъ, не слѣдуетъ говорить: „Я заплачу зломъ за зло“. Маръ Мутра, ложась спать, повторялъ ежедневно: „Я прощаю всѣмъ тѣмъ, кто меня опечалилъ“. Маръ Мутра былъ великій человѣкъ.

„Когда ты забудешь ихъ, израиль, тогда ты приблизишься къ тому пламени, которое теперь называешь чужимъ, и которое принадлежитъ всѣмъ людямъ. Это чужое пламя, отъ котораго ты упрямо убѣгаешь, возжено рукой Саръ-га-Олама, ангела познанія, ангела надъ ангелами и князя міра. Изученіе религіи — священно, но кто же создалъ всѣ остальныя науки, какъ не тотъ, въ комъ живетъ совершенство познанія? Райское яблоко — очень вкусный плодъ, но развѣ намъ не слѣдуетъ питаться другими плодами земли? „Придетъ время, когда весь міръ наполнится знаніемъ, какъ бездна морская наполнена водой!“ Слова эти, сказанныя пророками, повторялъ одинъ мудрецъ твой, котораго прокляли другіе твои мудрецы. Какъ же звали этого мудреца? Его звали Моисей Маймонидъ; онъ былъ истиннымъ пророкомъ, у котораго „глаза были не сзади, а спе-

реди головы", онъ смотрѣлъ не на то, что было, а на то, что будетъ, и совѣтовалъ своему народу подходить къ чужому пламени; онъ зналъ, что придетъ время, когда всякій, кто не воспримете этого пламени, падетъ во прахъ и въ грязь, а имя его станетъ посмѣшищемъ и предметомъ презрѣнія всѣхъ народовъ... Онъ былъ вторымъ Моисеемъ... Онъ былъ учителемъ моимъ, отъ котораго пришли ко мнѣ всѣ мои радости и скорби"...

Тутъ Меиръ опустилъ на столъ руки, въ которыхъ онъ держалъ пожелтѣвшіе листы и, поднимая лицо, выражающее неописуемый восторгъ, повторилъ:

— Онъ былъ учителемъ моимъ, отъ котораго пришли ко мнѣ всѣ мои радости и скорби...

Удивительное дѣло! Учитель предка, умершаго триста лѣтъ тому назадъ, былъ теперь учителемъ его юнаго потомка! Въ сердцахъ обоихъ онъ зажегъ самую высокую земную любовь — героическую и мученическую любовь къ идеѣ. Но потомокъ, читая эти слова предка, слова, разсѣивающія и освѣщающія всѣ сомнѣнія и колебанія, чувствовалъ одну только радость. Въ сердцѣ его, полномъ могучей юношеской вѣры и надежды, не было и слѣда печали и муки.

Но въ толпѣ какой-то хрипящій голосъ воскликнулъ:

— Герсте! Герсте! Онъ восхваляетъ чужое пламя! Онъ называетъ вторымъ Моисеемъ проклятаго еретика!

Всѣ повернули головы къ дверямъ, чтобы увидѣть, кто сказалъ эти слова. Это былъ ребъ Моше. Стоя на скамейкѣ у дверей и всей своей фигурой возвышаясь надъ толпой, которая волновалась у его

босыхъ ногъ, онъ качалъ головой и пронически смѣялся, а пламенные глаза его впились въ Меира. Но любопытство народа еще не было удовлетворено! Много сердецъ подъ оборванными одеждами билось ускореннымъ темпомъ и испытывало неопредѣленное, непонятное для нихъ самихъ волненіе.

— Онъ говоритъ съ нами устами своего правнука! Слушайте того, чья душа уже живетъ среди сефиритовъ! — послышалось нѣсколько голосовъ.

Какой-то старикъ, сгорбленный и опирающійся на палку, поднялъ сѣдую голову, устремилъ моргающіе глаза на Меира и началъ говорить жалобнымъ голосомъ:

— Какъ же Израиль могъ грѣться на солнцѣ познанія, если его отгоняли оттуда враги его? И у насъ, ребе, были когда-то знаменитые ученые и мудрецы, которые были министрами у могучихъ королей... но потомъ, когда насъ оттолкнули отъ воротъ мудрости, мы отошли и сказали: вотъ Израиль разлучается съ чужими народами и будетъ стоять среди нихъ, какъ старшій братъ, котораго обидѣли младшіе...

Меиръ смотрѣлъ на говорящаго старика, а на лицѣ его блуждала кроткая, торжествующая улыбка.

— Ребе! — отвѣчалъ онъ, — въ завѣщаніи предка моего есть отвѣтъ на твои слова:

„Исчезнутъ грѣхи съ поверхности земли, и грѣшниковъ уже не будетъ“. А когда грѣхи исчезнутъ и передъ вами откроются врата мудрости, входите въ нихъ скорымъ шагомъ и съ радостнымъ сердцемъ, потому что наука есть самое могучее орудіе Господа, который управляетъ міромъ на основаніи вѣчныхъ законовъ разума. „Они не хотятъ смотрѣть на дѣла

Творца". О такихъ сказано въ Писаніи: „Глупцы ненавидятъ познаніе!"

„Для народа моего я желалъ еще одного: памяти. Рава спросилъ Рабу, сына Моры откуда возникла поговорка: „Не бросай грязи въ колодезь, изъ котораго пьешь?" Раба отвѣчалъ: „Оттуда, что въ Писаніи сказано: не отталкивай египтянина, ибо ты былъ гостемъ въ землѣ его!" Еліазаръ, сынъ Азахіи, говорилъ: „Египтяне приняли израильтянъ для своей пользы, а Предвѣчный все-же наградилъ ихъ за это. А если та страна, колодцы которой даютъ тебѣ воду, а пашни — хлѣбъ, приняла тебя не какъ рабочій скотъ, которымъ пашутъ землю, а какъ утомленнаго брата, чтобы дать ему отдохнуть на груди своей, то какъ же наградишь ты ее за это, израиль?"

„Нигдѣ не сказано: „Будете отнимать у чужестранца имущество его", но сказано: „Будете дѣлиться съ чужестранцами имуществомъ своимъ". Не сказано также: „Пусть чужестранецъ живетъ среди васъ, какъ среди саранчи, которая истребляетъ хлѣбъ на нивахъ", а сказано: „Пусть чужестранецъ живетъ среди васъ такъ, какъ если бы онъ былъ однимъ изъ потомковъ израиля".

„Когда я твердо управлялъ своимъ народомъ на посту, вѣреномъ мнѣ самимъ королемъ, нашлось двое безчестныхъ израильтянъ которые перебѣжали въ непріятельскій лагерь, выдали тамъ тайны королевскаго войска и этимъ причинили королю большія затрудненія и потери. Что же я сдѣлалъ съ этими безчестными подчиненными? Я велѣлъ объявить по всей странѣ при звукахъ трубъ, что они измѣнники передъ Богомъ и вѣрой, и что израиль навсегда отталкиваетъ ихъ отъ себя! Я поступилъ такъ потому, что когда сердце мое переполнилось гнѣвомъ,

я увидѣлъ во снѣ второго Моисея, который сказалъ мнѣ: „Оттолкни ихъ отъ лона израильскаго народа, ибо они оттолкнули отъ себя тѣхъ, въ чьей землѣ они были гостями и пришельцами“.

„Я требовалъ, чтобы вы соблюдали заповѣдь благодарности, не только ради святости душъ вашихъ, но также для того, чтобы жизнь ваша на этой землѣ была счастлива.

„Когда я засѣдалъ въ великомъ израильскомъ синодѣ, который, съ разрѣшенія короля и всѣхъ знатныхъ вельможъ этой страны, собрался въ прекрасномъ и богатомъ городѣ Люблинѣ, я уговорилъ всѣхъ мудрыхъ и честныхъ людей, засѣдавшихъ вмѣстѣ со мной, издать такое обращеніе къ израильтянамъ, которое потрясло бы ихъ умы и сердца, какъ садовникъ трясетъ дерево, чтобы съ него падали зрѣлые плоды.

„Въ обращеніи нашемъ ко всѣмъ братьямъ мы сказали: „Будьте полезны землѣ, на которой вы живете, и васъ будутъ уважать. Вотъ первый шагъ къ счастью, ибо презрѣніе горько человѣческому сердцу, а уваженіе сладко“.

„Но есть въ моихъ мысляхъ еще и многое другое.

„Кто служитъ землѣ своей, тотъ ѣстъ хлѣба вволю! Но если вы будете обходиться съ ней не какъ вѣрные, трудолюбивые слуги, а какъ путники, которые думаютъ только о сегодняшнемъ днѣ, то какъ же земля эта можетъ сытно кормить васъ?

„Когда Авраамъ пришелъ къ границѣ Тира и увидѣлъ, какъ люди засѣвали тамъ хлѣбъ и сажали деревья, онъ воскликнулъ: „О! если бы мнѣ дана была частица этой земли!“ А Господь сказалъ: „Землю эту я отдамъ потомству твоему“! И отдалъ онъ землю сынамъ человѣческимъ.

„Равви Папа сказалъ: „Не веди торговли, а обрабатывай землю, ибо, хотя оба занятія хороши, но послѣднее люди благословляютъ! Когда придете въ землю эту, то посадите на ней всѣ деревья, приносящія плоды!“

„Прилетъ время, когда исчезнутъ всѣ грѣхи, и всѣ народы міра скажутъ народу израильскому: „Возьмите въ руки ваши плуги и идите пахать нивы, чтобы вы, а съ вами сыны и внуки ваши могли спокойно жить на землѣ и вволю питаться хлѣбомъ“. Но ваши ложные мудрецы скажутъ вамъ: „Не будутъ руки наши вести плуга по землѣ изгнанія“. Пусть правнукъ мой, который будетъ читать это мое завѣщаніе израильскому народу, скажетъ ему, чтобы онъ закрылъ свои уши отъ рѣчей ложныхъ мудрецовъ! Пусть онъ подыметъ свой голосъ и воскликнетъ: „Ложные мудрецы твои губили тебя, израиль!“

Видно было, что читающій исполняетъ завѣщанную ему волю съ вѣрой, радостью и воодушевленіемъ. Развѣ самъ онъ въ глубинѣ души не чувствовалъ отвращенія къ ученію ложныхъ мудрецовъ, развѣ онъ самъ не негодовалъ противъ нихъ? Языкъ его былъ связанъ незнаніемъ, а взоръ, горящій жаждой познанія, встрѣчалъ повсюду стѣны окружающей его тюрьмы. Теперь онъ уже зналъ, зналъ и понималъ. И громкимъ голосомъ, идущимъ изъ глубины груди, онъ воскликнулъ:

— Ложнымъ мудрецамъ твоимъ не вѣрь, израиль!

Толпа заволновалась...

— О комъ онъ говоритъ?

— Гдѣ же въ израилѣ есть ложные пророки и мудрецы?

— Онъ говорилъ о нашихъ великихъ раввинахъ и ученыхъ, изъ устъ его выходятъ отвратительныя богохульства.

— Онъ бросаетъ израильскому народу одни только упреки!..

— Онъ хочетъ, чтобы мы собственными руками воздѣлывали землю изгнанія!

— Равви Нохимъ, дѣдъ равви Исаака, говорилъ дѣдамъ нашимъ: „Не ведите плуга по землѣ изгнанія!“

— А равви Нохимъ былъ мудрецомъ изъ мудрецовъ; свѣтъ мудрости его освѣщалъ всю землю!

— Гершъ Эзофовичъ очень ссорился изъ-за этого съ ребъ Нохимомъ.

— Гершъ Эзофовичъ былъ великимъ грѣшникомъ!

— Отчего же онъ не прочелъ намъ, что должны дѣлать бѣдняки для того, чтобы стать богачами?

— Онъ написалъ, чтобы мы были слугами той земли, въ которой живемъ! А когда придетъ Мессія, и заберетъ насъ съ собой въ землю отцовъ нашихъ, то мы покинемъ эту землю? Зачѣмъ же намъ быть слугами ея?

— Люди говорили, что въ завѣщаніи этомъ сказано, какъ превратить песокъ въ золото...

— И какъ отгонять діаволовъ...

— И какъ воскресить Моисея...

— Люди говорили правду: въ завѣщаніи этомъ нѣтъ ничего мудраго и угоднаго Богу!

Такіе вопросы и выраженія недовольства и множество подобныхъ имъ ежеминутно смѣнялись насмѣшками людей, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ и любопытствѣ. Меламедъ, стоявшій на скамейкѣ и потому возвышавшійся надъ всѣмъ собраніемъ, дѣлалъ по адресу Меира громкія замѣчанія, полныя ненависти, оскорбленія и издѣвательства. Подъ другой стѣной, прямо противъ меламеда, стоялъ тоже на

возвышеніи Беръ. Оба эти человѣка, стоящіе другъ противъ друга, и надъ волнующейся толпой, олицетворяли двѣ противоположныя крайности. Меламедъ качалъ головой, размахивалъ руками, присѣдалъ, подскакивалъ, смѣялся и кричалъ; Беръ стоялъ нѣмой и неподвижный; онъ откинулъ голову назадъ, опираясь ею о стѣну, а изъ его устремленныхъ куда-то вдаль стекляныхъ глазъ текли по лицу, на которомъ страданіе смѣшивалось съ восторгомъ, тихія, крупныя слезы. На нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы, но неподалеку отъ Меира, стояли плотной группой нѣсколько молодыхъ людей, которые, не сводя глазъ, всматривались въ него, словно въ свѣтлое видѣніе. Они порывисто дышали, блаженно улыбались, или же вздыхая, поднимали руки вверхъ и прикасались ими то къ головѣ, то къ глазамъ, то ко лбу. Они, казалось, не слышали и не видѣли волнующейся и ропщущей толпы: души ихъ, давно тосковавшія по истинѣ и ощупью искавшія ея въ потьмахъ, казалось, теперь погрузились въ огненный кругъ провозглашаемыхъ идей... Въ глубинѣ толпы, гдѣ-то въ самой серединѣ залы, какой-то очень старый и дрожащій голосъ говорилъ: „Обо всемъ этомъ люди много говорили... давно, давно... во дни моей юности“. За громкимъ вздохомъ, сопровождавшимъ слова старика, который нѣкогда, быть можетъ, былъ однимъ изъ друзей Герша, раздались въ разныхъ мѣстахъ тихія хихиканія. Это былъ смѣхъ подростковъ, которые то и дѣло поднимались на скамейки, цѣплялись за двери и показывались надъ съѣхавшими на сторону ермолками старшихъ, а потомъ исчезали, съ трудомъ подавляя взрывы неудержимаго смѣха.

Старые пожелтѣвшіе листы задрожали въ рукахъ Меира. На блѣдномъ лицѣ его показался темный

румянецъ. Полузакрытые глаза бросили въ толпу взглядъ, полный гнѣва, состраданія и нетерпѣнія.

— Тише!—воскликнулъ онъ.—Позвольте великому мужу, лежащему много лѣтъ въ гробу, сказать вамъ моими устами все... до конца. Онъ избралъ меня своимъ посланникомъ къ вамъ... я буду вѣренъ его приказаніямъ.

Голосъ его звучалъ проникновенно и повелительно. Сила мужества и убѣжденія чуствовалась въ его осанкѣ, въ тонѣ и жестахъ, съ которыми онъ протянулъ руку къ волнующейся вкругъ него стихіи.

Меламедъ крикнулъ:

— Штыль! пусть читаетъ, пусть мерзость эта выйдетъ, наконецъ, изъ-подъ земли, гдѣ она скрывалась до сихъ поръ, чтобы легче было сжечь ее огнемъ гнѣва, и придавить камнемъ презрѣнія!

„Израиль! — началъ снова среди утихающаго шума молодой и сильный голосъ,—израиль! я желалъ для тебя еще одного—различенія.

„Были у насъ когда-то великіе мудрецы, которыхъ звали баале-трессимъ, что значитъ вооруженные. Чѣмъ же они были вооружены? Они были вооружены познаніемъ израильской вѣры. Противъ чего же они вооружились? Противъ гибели израильскаго племени. Они сказали: „Не исчезнетъ съ лица земли домъ израиля, ибо мы дадимъ ему крѣпкую опору изъ множества законовъ, которые мы выведемъ изъ законовъ Моисеевыхъ, и которые отдѣлятъ его отъ иныхъ народовъ такъ, что онъ будетъ стоять среди нихъ совсѣмъ особо и не погибнетъ среди нихъ, какъ погибаетъ рѣка, когда она впадаетъ въ громадное море.

„Такъ сказали себѣ наши танаиты, а сангедринъ,

въ которомъ они засѣдали, и школы, въ которыхъ они учили, уподобились великому лагерю, въ которомъ отливаютъ пули и точатъ мечи. Галааміель, Еліазаръ, Іисусъ, Акиба и Егуда блистаютъ среди нихъ, какъ солнце среди звѣздъ. Они слѣдовали другъ за другомъ въ теченіе пятисотъ лѣтъ, и въ теченіе пятисотъ лѣтъ они составляли, объясняли и писали ту огромную книгу, которой они дали имя Талмудъ, и она въ теченіе многихъ вѣковъ была для израиля оплотомъ противъ моря, которое старалось ихъ поглотить. Изъ нея въ теченіе многихъ вѣковъ черпали сыны израиля всѣ свои утѣшенія и весь свой свѣтъ, и въ тяжкой разлукѣ своей они не были разъединены духовно, потому что мысли и вздохи ихъ собирались вокругъ Талмуда, какъ мысли и вздохи разсѣянныхъ по міру дѣтей собираются вокругъ ихъ матери.

„Книга эта, которую въ теченіе пятисотъ лѣтъ составляли и писали люди, горячо любящіе и много знающіе, и которая въ теченіе многихъ вѣковъ давала народу утѣшеніе, надежду и единство, не можетъ быть глупой и скверной. И если кто-нибудь скажетъ о ней что-нибудь подобное, то вы отвѣтьте ему: „Очисти сперва отъ злобы свое сердце, а потомъ открой ее и прочти“.

„Но развѣ все хорошее должно быть непремѣнно совершеннымъ? Даже по небу ходятъ темныя тучи, а глазъ Господа открываетъ пятна даже въ самомъ чистомъ сердцѣ. И развѣ Самъ Іегова писалъ книгу нашихъ законовъ? Развѣ ее писали ангелы? Ее писали люди! Развѣ найдется хоть одинъ человѣкъ на всей землѣ и во всѣ времена, который не былъ бы знакомъ съ заблужденіемъ? Развѣ есть хоть одно произведеніе рукъ человѣческихъ, созданное для

всѣхъ временъ и поколѣній? Разрушенъ тронъ фараоновъ, въ развалинахъ лежитъ Ниневія, палъ Римъ, владѣвшій половиной міра, греческая мудрость уступила мѣсто другой мудрости. Пустыни разстилаются тамъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали людные города, а въ пустынныхъ мѣстахъ возникаютъ города. Разрушаются самыя великія дѣла рукъ человѣческихъ, а ихъ мѣсто занимаютъ другія. Таково движеніе міра, израиль! Въ пищѣ, которой ты кормился много лѣтъ, есть чистыя зерна, но есть и плевелы! Въ богатствѣ твоемъ есть брилліанты, но есть и песокъ. Книга вѣры твоей подобна гранатовому яблоку: глупый человѣкъ ѣлъ его вмѣстѣ съ кожурой, и въ устахъ онъ чувствовалъ горечь и во внутренностяхъ онъ испытывалъ жестокую мучительную боль. Но когда равви Меиръ увидалъ этого глупаго человѣка, онъ сорвалъ съ дерева гранатовое яблоко, отбросилъ твердую и горькую кожуру и съѣлъ сочное и сладкое зерно. Я хотѣлъ учить васъ такъ, какъ училъ равви Меиръ человѣка, который ѣлъ гранатовое яблоко вмѣстѣ съ кожурой. Я хотѣлъ, чтобы вы получили способность различать и сдѣлали изъ вашего разума такое сито для книги вашей вѣры, которое отбросило бы плевелы и песокъ, и оставило бы только зерна и брилліанты. За это желаніе ты оттолкнулъ меня отъ себя, о народъ мой! Ты возненавидѣлъ меня сердцемъ своимъ потому, что въ тебѣ поселились страхъ и ненависть ко всему новому. А вѣдь сказано: „Смотри не на сосудъ а на его содержимое. Бываютъ кувшины новые, наполненные крѣпкимъ виномъ, и старые кувшины, въ которыхъ нѣтъ ни капли“.

— Меиръ! — шепнулъ Беръ, — взгляни ты на народъ!

И еще тише прибавилъ:

— Уходи отсюда!... Уходи какъ можно скорѣй!

Меиръ повелъ глазами по кипящей и волнующейся черной массѣ народа. Улыбка — отчасти печальная, отчасти гнѣвная — промелькнула по его лицу.

— Не этого я ожидалъ! Я ожидалъ совершенно иного!—сказалъ онъ тихо и наклонилъ голову. Но тотчасъ онъ поднялъ ее и воскликнулъ:

— Я посланникъ моего предка! Онъ избралъ меня для того, чтобы я прочелъ его послѣднія мысли и я долженъ быть послушнымъ его волѣ!..

Онъ глубоко вздохнулъ и прибавилъ еще громче:

— Онъ предугадалъ всѣ эти вопросы, которые должны были родиться въ головѣ его правнука, и далъ на нихъ отвѣтъ! Онъ проникъ въ тайны душъ, жаждущихъ правды, и черезъ мои руки шлетъ имъ утѣшеніе и поученіе! Я люблю его такъ, какъ если бы онъ воспиталъ меня на своихъ рукахъ! Я преклоняюсь передъ его великой душой, которая заслужила безсмертіе и живетъ теперь въ сіяніи Іеговы! Я думаю такъ же, какъ и онъ думалъ, желаю того же, чего желалъ и онъ! Я такой же, какъ и онъ: я сынъ души его!

И голосъ его, звучный и громкій, задрожалъ отъ восторга. Его лицо, все больше и больше блѣднѣвшее, освѣтилось улыбкой счастья, въ его пламенныхъ глубокихъ глазахъ сверкнули слезы, губы задрожали, а руки невольно подымались вверхъ.

— Въ завѣщаніи моего предка, — продолжалъ онъ, — говорится, что мы живемъ въ такое время, когда всѣ народы идутъ впередъ къ познанію и счастью; головы наши наполнены такимъ множествомъ мелочей, что уже ничто крупное не можетъ помѣ-

ститься въ нихъ; наука, которую зовутъ кабалой и которую вы считаете священной, есть наука проклятая, потому что въ ней гибнутъ умы израильскаго народа и она отклоняетъ ихъ отъ истиннаго познанія... Тамъ написано...

Тутъ голосъ его былъ заглушенъ криками, звуками злобнаго хохота и стономъ толпы, и сквозь этотъ гамъ стали слышны только отрывочныя слова его рѣчи. Но онъ не переставалъ говорить; напротивъ, его рѣчь текла все быстрѣе; грудь его порывисто дышала, а глаза то широко открывались, то закрывались. Можно было подумать, что, видя безуспѣшность своихъ усилій, онъ все-же старается какъ можно дольше исполнять свой долгъ и что, несмотря на обманутыя ожиданія, онъ все-же сохранилъ искру надежды...

— Горе, горе! — кричала толпа всевозможными голосами,—расколъ и соблазнъ посѣтили домъ израиля! Уста дѣтей его изрыгаютъ богохульства на все святое!

— Слушайте! Слушайте!—кричалъ Меиръ,—еще далеко до конца словъ моего предка...

— Закроемъ ему уста и отгонимъ его отъ того мѣста, откуда говорятъ съ народомъ мудрецы израиля.

— Слушайте! Въ завѣщаніи этомъ сказано, чтобы израиль пересталъ ожидать Мессіи изъ плоти и крови...

— Горе, горе! Онъ хочетъ отнять у сердца израильскаго его утѣшеніе и надежду!

— Ибо онъ не придетъ въ мірѣ во образѣ человѣка, но приплыветъ какъ время, которое несетъ всѣмъ людямъ познаніе, насыщеніе, любовь и миръ...

— Меиръ! Меиръ! Что ты дѣлаешь? Ты губишь

себя! Вгляни на народъ! Бѣги! — послышался тихій шепотъ вблизи говорящаго.

Беръ стоялъ тутъ же близъ него. Еліазаръ, Аріель, Хаимъ и еще нѣсколько юношей окружили его густой стѣной, но онъ не видѣлъ ихъ и не слышалъ. Капли пота выступили на его блѣдномъ, какъ полотно, но высоко поднятомъ лбу; въ глазахъ его сверкали то слезы отчаянія, то пламя гнѣва.

Внезапно у дверей послышался глухой стукъ. Меламедъ соскочилъ со скамейки, на которой онъ стоялъ и босыми ногами нѣсколько разъ топнулъ о полъ, потомъ нѣсколькими прыжками онъ пробѣжалъ сквозь разступившуюся передъ нимъ толпу и порывистымъ движеніемъ руки, въ полотняномъ рукавѣ сбросилъ со стола мѣдный подсвѣчникъ съ желтой свѣчей, пламя которой тотчасъ потушили другіе. Въ то же время кто-то вскарабкался на скамейку и потушилъ лампочку, горѣвшую у дверей. Весь залъ погрузился въ густой сумракъ, который освѣщали только блѣдныя полосы луннаго свѣта, проникавшаго сквозь окно. Теперь въ залѣ забурлило и закипѣло такъ, точно сюда внезапно ворвалась какая-то необузданная стихія.

Самое чуткое ухо не могло бы разслышать тѣхъ словъ, которыя теперь сыпались, какъ градъ, смѣшиваясь въ невообразимомъ хаосѣ. По звукамъ отдѣльныхъ криковъ, выдѣлявшихся изъ общаго шума, можно было угадывать угрозу, жалобу, проклятіе и мольбу. Наконецъ, изъ настежъ открытыхъ дверей Бетъ-га-Мидраша потекла во дворъ синагоги густая черная людская волна и встрѣтилась здѣсь съ другой волной, которая до сихъ поръ стояла у дверей и была гораздо болѣе спокойной, хотя тоже волно-

валась и роптала. Здѣсь уже царили широкіе потоки луннаго свѣта и среди нихъ высилось зданіе Бетъ-га-Кабала съ плотно закрытыми дверями и ставнями. На ступенькахъ крыльца сидѣлъ шамесъ, опираясь локтями о колѣни и подпирая подбородокъ руками. Неподвижный, какъ статуя, онъ ждалъ приказаній, которыя должны были изойти изъ этого зданія. Но теперь, среди шумной, волнующейся толпы оно стояло нѣмое и заколоченное, какъ гробъ.

Толпа разбилась на много отдѣльныхъ группъ. Одна изъ нихъ прошла черезъ синагогальныя ворота и, со страшнымъ шумомъ, подобно гигантской, рвущейся впередъ птицѣ, двигалась по бѣлой отъ луннаго свѣта площади. Это была очень многочисленная группа. Она состояла изъ людей въ бѣдныхъ одеждахъ, съ длинными бородами, и глазами, сверкающими отъ ярости; въ ней были и дѣти разнаго возраста, которыя ежеминутно нагибались для того, чтобы поднять камень, горсть песку или грязи. Въ самой срединѣ этой группы тѣнилась кучка молодыхъ, еще далекихъ отъ возмужалости юношей, прикрывая какого-то человѣка, идущаго среди нихъ. Всѣхъ ихъ разгоняли и толкали; нѣкоторое время они еще боролись, напрягая всѣ свои силы, но потомъ они ослабѣли, потеряли мужество и бѣжали смѣшавшись съ толпой. Тогда на спину человѣка, котораго они защищали до того времени, посыпался градъ камней; десятки рукъ хватали и рвали его одежду; на открытую голову его сыпались пригоршни песку и грязи, зачерпнутой изъ лужъ. Въ ушахъ его звучали страстные крики толпы, въ глазахъ мелькали пылающія лица, поднимающіяся и опускающіяся руки, а сквозь все это, какъ сквозь огненный туманъ, онъ

видѣлъ вдали замкнутый и нѣмой домъ дѣда. Онъ бѣжалъ къ этому дому, какъ къ спасительной гавани, на сколько могъ скоро, вырываясь изъ хватающихъ его рукъ и стараясь обходить вертящихся подъ его ногами дѣтей. Изъ сжатыхъ губъ его не выходилъ ни одинъ стонъ, не вырывалась ни одна просьба или жалоба; казалось, онъ не слышалъ обрушивающихся на него ударовъ, не испытывалъ страха передъ летящими въ него камнями, изъ которыхъ каждый грозилъ ему смертью. Правда, онъ съ отчаяніемъ расталкивалъ грудью и плечами напиравшую на него толпу, но, казалось, что онъ защищаетъ не себя, а сокровище, которое онъ несъ съ собой, потому что онъ ежеминутно прикасался руками къ груди, какъ бы желая убѣдиться, что сокровище это еще при немъ. Внезапно какой-то человѣкъ въ длинной рубахѣ, размахивая толстой палкой, которую онъ держалъ въ рукѣ, загородилъ ему дорогу и съ сверкающими глазами закричалъ, обращаясь къ народу:

— Дураки! Что вы дѣлаете! Отчего вы не отняли у него этого нечистаго завѣщанія! Равви Исаакъ приказалъ, чтобы вы отняли у него завѣщаніе и отдали въ руки равви. Оно спрятано на груди его...

Внезапно Меиръ, котораго до сихъ поръ аттаковали только съ тыла и съ фланговъ, увидѣлъ, что на него бросаются спереди. Нѣсколько темныхъ грубыхъ рукъ протянулись къ его груди, разжали его руки, которыми онъ тщетно защищалъ ее, и начали дергать его за переднюю часть одежды. Тогда онъ поднялъ смертельно блѣдное лицо къ небу, облитому лунным свѣтомъ, и изъ груди его вырвался крикъ— Іегова!

Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что какое-

то подвижное худенькое тѣльце проскользнуло около его ногъ, а горячія губы прильнули къ одной изъ его опущенныхъ рукъ. Странно отозвался въ его сердцѣ этотъ поцѣлуй среди сыпавшихся отовсюду ударовъ, это проявленіе любви среди кипящихъ вокругъ угрозъ и проклятій. Собравъ послѣднія силы, онъ оттолкнулъ отъ себя нападающихъ, наклонился къ землѣ и прежде, чѣмъ они успѣли снова броситься къ нему и поднять на него руки, онъ выпрямился и поднялъ на руки ребенка. Онъ закрылъ имъ свою грудь, какъ щитомъ, а дитя прильнуло къ нему, обвило своими рученками его шею и устремило на нападающихъ лицо, залитое слезами. Огромные, черные глаза его смотрѣли сквозь слезы съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ гнѣва, смѣшаннаго съ мольбой и страхомъ.

— Это мое дитя! это мой Лейбеле! Не дѣлайте ему ничего дурного!—послышался среди толпы робкій и жалобный голосъ портного Шмуля.

— Ребе! — воскликнуло нѣсколько грубыхъ голосовъ, обращаясь къ меламеду, который все вертѣлся съ палкой въ рукахъ среди толпы. — Ребе! онъ закрылся ребенкомъ! Этотъ ребенокъ очень любитъ его!

— Отнимите у него ребенка и вырвите у него эту проклятую бумагу! — кричалъ Реббе.

Но его уже никто не слушалъ. Меира все еще рвали сзади и съ боковъ; еще нѣсколько камней ударило его въ спину и пролетѣло надъ его головой, но путь передъ нимъ уже былъ свободенъ, и въ нѣсколько прыжковъ онъ очутился на крыльцѣ своего дома, двери котораго отворилъ кто-то невидимый и тотчасъ заперъ за нимъ.

Меиръ поставилъ ребенка на землю въ темномъ

корридорѣ, а самъ вбѣжалъ въ гостиную, гдѣ при свѣтѣ лампы, горѣвшей передъ диваномъ, онъ нашелъ всю свою семью. Онъ вбѣжалъ и неподвижно остановился у стѣны. Онъ быстро дышалъ и молча оглядывалъ всѣхъ возбужденными, помутившимися глазами. Нѣкоторое время всѣ присутствующіе тоже молчали. Съ тѣхъ поръ, какъ началъ существовать родъ Эзофовичей, ни одинъ изъ членовъ этого рода не имѣлъ такого вида, какъ этотъ блѣдный, тяжело дышащій юноша съ порванной въ клочья одеждой и головой, покрытой грязью. На лбу его, влажномъ отъ смертельной усталости, виднѣлся косой красный шрамъ — слѣдъ шероховатаго камня, или — кто знаетъ? — быть можетъ, какого-нибудь остраго орудія, которое подняла на него чья-нибудь рука въ темной залѣ Бетъ-га-Мидраша. Онъ имѣлъ видъ гонимаго преступника, и былъ бы похожъ на нищаго, если бы не выраженіе гордости, сіявшее на его потномъ и израненномъ лбу, если бы не горячій блескъ, загоравшійся внезапно въ его глазахъ, въ которыхъ, кромѣ безконечной муки, свѣтилась упрямая, непобѣдимая воля.

Саулъ закрылъ лицо руками, женщины громко зарыдали; Рафаилъ, Авраамъ и другіе взрослые члены семьи поднялись съ своихъ мѣстъ, пылающіе и грозные, и какъ одинъ человѣкъ воскликнули: „Несчастный“! Они хотѣли окружить его и что-то сказать ему, но не успѣли. Въ эту же минуту большія ставни съ трескомъ раскрылись, стекла оконъ зазвенѣли и разсыпались въ куски; въ комнату влетѣло нѣсколько камней, ударяя о стѣны и мебель, а за окнами закипѣлъ страшный, грозный шумъ, изъ котораго выдѣлялся густой голосъ меламеда. Толпа требовала выдачи Меира и завѣщанія Сеньора, оскор-

бляла всю семью, живущую въ этомъ домѣ, угрожала Божеской и людской местью; слышались крики объ оскорбленіи вѣры и попираніи всего святого для израиля.

Эзофовичи стояли, какъ прикованные къ мѣсту, мучимые страхомъ и стыдомъ.

Только Саулъ открылъ лицо, гордо выпрямился и быстрыми шагами направился къ двери.

— Тате! куда ты идешь? — испуганно вскричали мужчины и женщины.

Онъ указалъ рукой на окна и дрожащими губами сказалъ:

— Я стану на крыльцѣ моего дома и скажу этой глупой черни, чтобы она замолчала и уходила прочь!

Ему преградили дорогу. Женщины обвили руками его колѣни.

Вдругъ шумъ за окнами умолкъ совершенно, и послышался шепотъ многихъ голосовъ.

— Шамесъ! шамесъ! шамесъ!

Дѣйствительно, изъ двора синагоги шелъ человѣкъ, который еще недавно молча и неподвижно сидѣлъ на крыльцѣ нѣмого, какъ гробъ, Бетъ-га-Кагала. Это былъ шамесъ, который направился къ дому Эзофовичей. Очевидно, гробъ раскрылся и высказалъ свое рѣшеніе, а служитель синагоги спѣшилъ объявить его обвиняемому и его семьѣ. Народъ тоже ожидалъ со страшнымъ любопытствомъ приговора. Толпа замолкла и, какъ темная стѣна, стояла, прильнувъ къ окнамъ, въ которыхъ не было уже ни одного стекла. И всѣ тѣ, кто оставались во дворѣ синагоги, или, разсыпавшись по площади, смотрѣли на бурную сутолоку, соединились теперь въ одну огромную массу и заняли большую площадь передъ домомъ Эзофовичей. Двери этого дома раскрылись

еще разъ и тотчасъ же закрылись. Шамесъ вошелъ въ гостиную.

Безпокойно и недовѣрчиво оглядываясь онъ поклонился Саулу.

— Гутъ новентъ! — сказалъ онъ тихо, какъ бы чувствуя, что въ привѣтствіи этомъ заключается теперь жестокая иронія.

— Ребъ Саулъ! — началъ онъ нѣсколько болѣе увѣреннымъ голосомъ—не гнѣвись на слугу твоего за то, что онъ приноситъ въ домъ твой несчастіе и позоръ. Я исполняю приказанія нашего великаго раввина и всѣхъ дайоновъ и кагальныхъ нашихъ, которые сегодня судили внука твоего, Меира, а мнѣ приказали объявить приговоръ ему и всѣмъ вамъ.

Глубокое молчаніе послѣдовало за этими словами. Минуту спустя, Саулъ, который стоялъ, опираясь на плечо сына своего Рафаила, тихимъ голосомъ сказалъ:

— Читай!

Шамесъ развернулъ бумагу, которую держалъ въ рукѣ и громкимъ голосомъ началъ читать или, скорѣе, пѣть:

„Мы, Исаакъ Тодросъ, сынъ Боруха, шибовскій раввинъ, вмѣстѣ съ дайонами и кагальными, вѣдающими судъ и управленіе въ израильской общинѣ города Шибова, узнали и установили многочисленными свидѣтельскими показаніями и при помощи доводовъ, не подлежащихъ сомнѣнію, что самонадѣянный, дерзновенный и непокорный Меиръ Эзофовичъ, сынъ Веньямина, совершилъ много поступковъ и никогда неслыханныхъ въ израилѣ преступленій слѣдующаго свойства:

1) Упомянутый Меиръ, сынъ Веньямина, не соблюдалъ шабаса согласно законамъ и постановленіямъ

израильской вѣры, и, вмѣсто того, чтобы заняться, какъ слѣдуетъ каждому честному израильтянину, набожнымъ чтеніемъ и размышленіемъ о безчисленныхъ предписаніяхъ Талмуда и непостижимыхъ тайнахъ Кабалы, осмѣлился стеречь и защищать жилище отщепенца караима, въ гнѣвѣ поднимать руку на израильскихъ дѣтей и въ укромныхъ мѣстахъ читать проклятыя книги и пѣть свѣтскія пѣсни.

2) Меиръ Эзофовичъ, сынъ Веньямина, не только самъ читалъ проклятую книгу Море Небухимъ, написанную Моисеемъ Маймонидомъ, лжемудрецомъ, котораго прокляли многіе святые раввины и наши ученые, но склонялъ своихъ друзей къ чтенію ея и размышленію о заключенныхъ въ этой книгѣ ересяхъ и гадостяхъ.

3) Меиръ Эзофовичъ, сынъ Веньямина, передъ товарищами и друзьями своими изрыгалъ изъ устъ своихъ возмутительныя рѣчи о вѣрѣ и мудрецахъ израильскихъ и, такимъ образомъ, развращалъ души юношей израильскихъ и заражалъ ихъ проказой невѣрія.

4) Подъ предлогомъ состраданія къ нуждѣ и горю народа, онъ давалъ ему преступные и глупые совѣты, говоря, чтобы онъ смотрѣлъ внимательно на то, что дѣлаютъ кагальные съ получаемыми съ народа деньгами, чтобы они отличали въ законахъ израиля божеское отъ человѣческаго, чтобы они разсѣялись по широкимъ полямъ и вели по нимъ плуги, какъ дѣлаютъ это темные и ничтожные христіанскіе мужики.

5) Несмотря на появленіе волосъ на бородѣ и лицѣ, онъ, противясь волѣ старшихъ, не хотѣлъ взять себѣ жены и дерзко отвергъ нареченную ему израильскую дѣвицу Меру, дочь Ильи, чѣмъ про-

явилъ свое развратное рѣшеніе не вступать въ законный супружескій бракъ.

6) Онъ ведетъ нечистую дружбу съ Голдой, караимкой, внучкой отщепенца, которому раввинъ Исаакъ и кагальные позволяютъ жить въ его домѣ только по великому милосердію своему, ибо караимы, добровольно отпавшіе отъ лона израиля и не желающіе признать святости Талмуда и Кабалы, недостойны того, чтобы земля носила ихъ на своей поверхности; несмотря на это, Меиръ Эзофовичъ, сынъ Веньямина, часто бывалъ въ ихъ обществѣ, сходился съ Голдой, караимкой, въ укромныхъ мѣстахъ, осмѣлился принимать цвѣты изъ рукъ ея и соединялъ голосъ свой съ ея голосомъ, при чемъ въ шабасъ пѣлъ свѣтскія пѣсни.

7) Онъ не воздавалъ должнаго почтенія ученымъ израильскимъ и раскрывалъ ротъ свой для дерзкихъ споровъ съ ребъ Моше, любимымъ ученикомъ раввина Исаака, и на того же ребъ Моше дерзнулъ поднять преступную руку, такъ что ребъ Моше упалъ на полъ хедера, а на него упалъ столъ, и изъ-за этого возникла большая возня и шумъ, для ребъ Моше — страхъ и боль, а для всего израиля— скорбь и соблазнъ.

8) Въ непонятной злобѣ своей онъ обвинилъ передъ иновѣрцемъ ребе Янкеля Каміонкера въ злыхъ намѣреніяхъ къ этому человѣку и такимъ образомъ нарушилъ единство и союзъ израильскаго народа и подвергъ голову брата своего большой опасности; ребъ Янкель былъ принужденъ испытать много непріятностей и потратить много труда и много денегъ для того, чтобы отвратить отъ себя угрожавшую ему опасность.

9) Не зная предѣловъ дерзости и безбожію

своему, онъ досталъ завѣщаніе предка своего Михаила изъ тайнаго мѣста, въ которомъ ему слѣдовало бы сгнить и разсыпаться въ прахъ, и, набравшись преступной смѣлости, пришелъ въ Бетъ-га-Мидрашъ, чтобы тамъ прочесть это завѣщаніе и потрясти этимъ основы вѣры Израиля въ старинные законы и обычаи; а такъ какъ завѣщаніе это, по словамъ призванныхъ нами свидѣтелей, наполнено самыми злобными совѣтами и самыми жестокими богохульствами, какія когда-либо слышало ухо израиля, то чтеніе это мы считаемъ величайшимъ преступленіемъ изъ всѣхъ, совершенныхъ Меиромъ Эзофовичемъ, и на основаніи законовъ, заключающихся въ священныхъ книгахъ, и власти надъ сынами израиля, представленной намъ тѣми же законами, мы постановляемъ:

Завтра вечеромъ устами раввина Исаака, сына Боруха, будетъ брошено на самонадѣяннаго, дерзновеннаго и непокорнаго Меира Эзофовича, сына Веньямина, страшное проклятіе, для чего шамесы созовутъ весь народъ изъ города Шибова и его окрестностей, а когда проклятіе это падетъ на голову преступника, онъ будетъ отторгнутъ отъ лона израиля и позорно выгнанъ изъ дома израиля. А вы всѣ, чтящіе своего Бога и вѣру его, живите въ мирѣ и счастіи вмѣстѣ со всѣми братьями израильтянами!“

Окончивъ чтеніе, шамесъ спряталъ на груди бумагу, низко поклонился и быстро вышелъ изъ гостиной.

Нѣсколько минутъ царило гробовое молчаніе. Народъ, стоявшій за окнами, не прерывалъ его ни однимъ звукомъ и хранилъ гробовое молчаніе.

Меиръ все время стоялъ неподвижно, устремивъ взоръ на то мѣсто, гдѣ, нѣсколько минутъ тому

назадъ, шамесъ читалъ приговоръ, но теперь высоко поднялъ руки, схватился ими за голову и воскликнулъ:

— Отторгнутый отъ лона израиля! Позорно изгнанный изъ дома израиля!

Голосъ его замеръ отъ рыданій, раздиравшихъ ему грудь. Порывистымъ движеніемъ онъ отвернулся отъ присутствующихъ, прислонилъ голову къ стѣнѣ и заплакалъ громкимъ, страстнымъ, раздирающимъ душу плачемъ. Достаточно было услышать одинъ звукъ этихъ рыданій, чтобы понять, что ударъ пришелся ему прямо по сердцу, что ожидающее его отлученіе отъ народа рвало въ немъ самыя глубокія, самыя крѣпкія струны чувства.

Тогда къ нему приблизились дяди его, ихъ жены и дочери, и голосами, полными гнѣва и состраданія, угрозъ и мольбы стали говорить ему, чтобы онъ покаялся и отдалъ завѣщаніе Сеньора для всенароднаго сожженія ... тогда, — кто знаетъ? — можетъ быть, старѣйшины смилуются и отмѣнятъ свой приговоръ. Къ нему тѣснились мужчины, женщины обнимали его, и поцѣлуи ихъ смѣнялись упреками и словами порицанія.

Онъ не переставалъ плакать, не измѣнялъ своего положенія, не отворачивалъ лица отъ стѣны, а на всѣ крики и просьбы, раздающіеся вокругъ него, отвѣчалъ, отрицательно покачивая головой, однимъ короткимъ словомъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

Это одно слово, поспѣшно вырывающееся изъ его устъ, судорожно сжимаемыхъ рыданіемъ, было болѣе краснорѣчиво, чѣмъ длинная рѣчь, потому что въ немъ поперемѣнно слышались всѣ оттѣнки человѣческаго чувства: отчаяніе, сожалѣніе, гнѣвъ, мольба и любовь.

— Тате! — сказалъ Рафаилъ, который сидѣлъ неподвижно въ сторонѣ на низкой скамейкѣ, — тате! отчего ты не скажешь ему, чтобы онъ покорился и опомнился, чтобы онъ отдалъ это несчастное завѣщаніе въ наши руки, а мы отнесемъ его раввину и будемъ просить, чтобы онъ смиловался надъ нимъ! ...

Когда Рафаилъ говорилъ это, Меиръ открылъ лицо и посмотрѣлъ на дѣда.

Саулъ тоже поднялъ голову и, протянувъ руки, какъ бы желая опереться ими о что-нибудь, поднялся со скамейки. Стекляный взглядъ его сталъ удивительно подвижнымъ и безпокойнымъ и, наконецъ, встрѣтился съ устремленнымъ на дѣда пытливымъ взоромъ внука. Старикъ раскрылъ ротъ, но ничего не сказалъ.

— Говори, тате! Приказывай ему! — воскликнуло нѣсколько голосовъ.

Ноги дрогнули подъ старикомъ. На лицѣ его отразилась какая-то ужасная борьба, какое-то страшное колебаніе души, которую влекло въ разныя стороны. Нѣсколько разъ пробовалъ онъ заговорить, но не могъ. Наконецъ, раздался, вырвавшись изъ старческой груди, отрывистый тяжелый шопотъ:

— Онъ еще не проклятъ... Мнѣ еще можно... Во имя Бога, Авраама, Исаака и Якова я благословляю тебя, сынъ мой!..

И весь дрожа, съ глазами полными слезъ, онъ опустился на скамейку.

Присутствующіе обмѣнялись взглядами, выражающими изумленіе и почтеніе; Меиръ подбѣжалъ, упалъ на колѣни передъ дѣдомъ, цѣловалъ его ноги и что-то шепталъ ему поспѣшно и горячо о своей любви къ нему, о завѣщаніи Сеньора, о томъ, что

онъ уйдетъ отсюда и вернется когда-нибудь... Потомъ онъ поднялся и выбѣжалъ изъ комнаты.

Къ этому времени передъ окнами дома не было уже никого. Чернея масса народа отхлынула на середину площади и стояла неподвижно, тихо перешептываясь. Удивительное дѣло! Какъ только шамесъ прочелъ приговоръ, волна бѣшеной ярости, волновавшей грудь этой толпы, внезапно упала.

Толпа переживала теперь нѣчто совсѣмъ новое. Ея впечатлительная натура, готовая всегда, подобно многострунной арфѣ, отвѣтить звукомъ на всякое прикосновеніе, дрогнула какимъ-то новымъ чувствомъ. Можетъ быть, это было уваженіе къ стыду и несчастью, которые посѣтили эту старинную, вліятельную, и притомъ много благотворившую семью. Можетъ быть, это было спокойствіе, наступившее послѣ того, какъ душа успѣла насытиться местью? Можетъ быть,—ужасъ или состраданіе, или, можетъ быть, все это вмѣстѣ.

Толпа, которая только что вся кипѣла, проклинала и готова была разрушить все, съ чѣмъ встрѣчалась ея ярость, теперь внезапно умолкла и стала печальной. Кое-гдѣ раздавался еще одинокій смѣхъ злой радости или оскорбительныя и осуждающія слова, но изъ группъ, разсѣянныхъ по площади и встрѣчающихся въ маленькихъ уличкахъ, слышался тихій, отрывистый шепотъ:

— Однако, онъ былъ добрый и милосердный...

— Онъ кормилъ и цѣловалъ моего глупаго ребенка...

— Онъ не былъ гордъ...

— Онъ своими собственными руками вытащилъ моего стараго отца изъ-подъ воза, который опрокинулся на него.

— Онъ, какъ простой рабочій, помогалъ намъ пилить дерево...

— Лицо его сіяло красотой и умомъ...

— И радовались наши глаза, глядя на его юность...

— Херемъ! Херемъ! Херемъ! — повторяло множество голосовъ. И люди качали головами въ знакъ горестнаго изумленія, и лица ихъ блѣднѣли отъ ужаса, а изъ грудей ихъ вырывались искренніе тяжелые вздохи.

* * *

По пустырю, отдѣляющему мѣстечко отъ караимскаго холма, на серебряномъ фонѣ луннаго свѣта быстро двигались три фигуры. Первая изъ нихъ принадлежала высокому, стройному юношѣ, вторая— ребенку, который пряталъ свои руки въ рукавахъ одежды. Тѣни этихъ двухъ фигуръ находились такъ близко другъ отъ друга, что по временамъ почти сливались; третья тѣнь отражала приземистаго человѣка, который двигался вдали отъ первыхъ двухъ по временамъ останавливался, горбился, а иногда и совсѣмъ исчезалъ за какимъ-нибудь кустомъ или деревомъ. Остановки эти и исчезновенія ясно говорили о томъ, что человѣкъ этотъ не желаетъ быть замѣченнымъ. Очевидно, онъ что-то подсматривалъ подслушивалъ, подстерегалъ что-то или кого-то...

У открытаго окна караимской лачуги послышался тихій зовъ:

— Голда! Голда!

Изъ окна показалось лицо, освѣщенное луной и окруженное волнами черныхъ волосъ. Въ тихомъ воздухѣ послышался страстный шепотъ:

— Меиръ! Меиръ! я слышала большой шумъ и

ужасные крики! Сердце мое дрожало отъ страха!.. Но это ничего! ты все-же пришелъ!

Руки ея, покрытыя толстымъ полотномъ рубахи, протянулись къ пришедшему жестомъ тревоги и радости; кораллы зазвенѣли на ея груди, въ которой рыданіе смѣшалось съ радостнымъ смѣхомъ.

Вдругъ дѣвушка протяжно вскрикнула, потому что, когда Меиръ приблизился къ ней, она увидѣла его порванную одежду и кровавый шрамъ на лбу.

— Охъ! — тяжело простонала она и подняла объ руки ко лбу, а потомъ опустила ихъ и, наклонившись къ Меиру, который сѣлъ на скамейкѣ у окна, стала, съ прерывающимся шопотомъ и сдерживая дыханіе, водить руками по его запыленнымъ волосамъ и раненому лбу. Въ этой страстной ласкѣ было какое-то материнское чувство, желаніе успокоить, исцѣлить и утѣшить.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время въ позѣ человѣка, который отдыхаетъ отъ смертельной усталости. Онъ оперся головой о раму окна и полуоткрытыми губами съ трудомъ вдыхалъ холодный ночной воздухъ, а лунный свѣтъ отражался въ его сухихъ зрачкахъ, которые, съ выраженіемъ мрачнаго вопроса, остановились на серебристыхъ облакахъ.

Минуту спустя онъ выпрямился и сталъ говорить поспѣшно и вполголоса:

— Голда! люди будутъ искать меня, а если найдутъ, то отнимутъ отъ меня мое сокровище. Я отдамъ тебѣ его, Голда, чтобы ты спрятала его, а самъ пойду на цѣлую ночь въ поля и лѣса и тамъ буду громко взывать къ Іеговѣ и просить пощады.

Дѣвушка, которая теперь стояла выпрямившись и слушала серьезно и внимательно, отвѣчала:

— Дай его!

Въ рукахъ Меира зашелестѣли листы бумаги. Онъ подалъ ихъ дѣвушкѣ, говоря:

— Спрячь на груди мое сокровище и береги его, какъ зѣницу ока. Это—завѣщаніе моего предка, которое раскрыло мнѣ глаза. Это—мой паспортъ, съ которымъ я пойду въ міръ. Онъ откроетъ передо мной двери и сердца мудрыхъ людей. Здѣсь тихо и безопасно... никто не видитъ и не догадается... Когда я пойду въ свѣтъ, то передъ этимъ заберу отъ тебя это завѣщаніе...

Голда взяла бумагу.

— Будь покоенъ! — отвѣчала она. — Я скорѣе разстанусь съ жизнью, чѣмъ отдамъ его въ какія-ни-будь чужія руки. У меня оно въ безопасности... здѣсь тихо и спокойно, и никто не догадается...

Меиръ поднялся со скамейки.

— Спи спокойно! — сказалъ онъ. — Я пойду... во мнѣ шумитъ такая буря, что я долженъ уходить... уходить... Я пойду... среди лѣсныхъ деревьевъ паду я лицомъ на землю и съ шумящими тамъ вѣтрами буду посылать Іеговѣ мои громкіе крики... Я буду жаловаться Ему... умолять Его... о многомъ спрашивать Его... Грудь моя полна воплей души моей... Я долженъ извлечь ихъ изъ себя, потому что они хватаютъ меня за горло и душатъ...

Онъ хотѣлъ уже уйти, но Голда схватила его за рукавъ одежды.

— Меиръ!—шепнула она,—скажи ты мнѣ еще... за что тебя били и истязали эти люди?.. Что тамъ случилось?.. Отчего ты долженъ уходить въ свѣтъ?

Глаза Меира мрачно блестѣли, когда онъ отвѣчалъ ей:

— Люди эти били и истязали меня за то, что я не хотѣлъ пойти противъ правды сердца моего и

не хотѣлъ согласиться со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ соглашается народъ! Я долженъ уходить въ свѣтъ потому, что завтра на меня бросятъ страшное проклятіе, и я буду постыдно изгнанъ изъ дома израильскаго.

— Херемъ! — воскликнула дѣвушка и въ ужасѣ схватилась руками за голову. Такъ стояла она нѣкоторое время; потомъ, однако, на лицѣ ея засвѣтилась мягкая, задумчивая улыбка.

— Меиръ!—шепнула она,—зейде мой тоже проклятъ... и я проклята... но милосердіе Божіе выше всѣхъ ужасовъ, а справедливость Его глубже самаго глубокаго моря. Такъ написано въ Писаніи. Когда мой зейде читаетъ это, онъ перестаетъ печалиться и говоритъ: „Проклятый счастливѣе проклинающаго... ибо придетъ время, когда справедливость Божія войдетъ въ сердца людей и они будутъ благословлять имена проклятыхъ“...

Меиръ долго смотрѣлъ на дѣвушку. Она говорила эти слова съ огнемъ восторга во впавшихъ глазахъ, съ лицомъ, свѣтящимся радостью и вдохновеніемъ.

— Голда! — сказалъ онъ тихо, — ты часть души моей... пойдемъ со мной въ свѣтъ... я возьму тебя въ жены, и мы рука объ руку будемъ вмѣстѣ переносить людскія проклятія и стараться, чтобы когда-нибудь на имена наши пало благословеніе...

Голда стояла вся объятая пламенемъ невыразимаго блаженства.

— О Меиръ!—вскричала она. Она хотѣла сказать еще что-то, но не могла: съ чувствомъ безконечной радости, съ плачемъ, смѣхомъ, вздохами и несказанной благодарностью въ груди, низко наклонилась она и всей своей гибкой фигурой повисла на его груди.

Онъ обнялъ ея шею, прижалъ ея голову къ своей груди и прильнулъ губами къ шелковистой гущѣ ея волосъ.

Но это продолжалось недолго... одно мгновеніе. Дѣвушка быстро выпрямилась вся облитая пурпуромъ, съ дрожащими губами и тяжело дышащей грудью. Она тихо сказала:

— А зейде?

Меиръ смотрѣлъ на нее, какъ человѣкъ, котораго внезапно разбудили. Она продолжала шептать.

— Ноги его слишкомъ слабы, чтобы онъ могъ идти съ нами, да онъ и не захочетъ отойти отъ могилъ своихъ предковъ! И какъ я брошу его? Какъ онъ будетъ жить безъ меня? Вѣдь онъ на рукахъ своихъ носилъ меня, научилъ прясть и читать Библію, онъ освѣщалъ мою душу и радовалъ меня тѣми разсказами, которые постоянно разсказывалъ мнѣ... постоянно... Если я уйду, то кто же будетъ кормить и поить его? Кто въ темную зимнюю ночь ляжетъ у ногъ его, чтобы тѣломъ своимъ согрѣть его озябшія ступни? А когда душа его будетъ разставаться съ тѣломъ, кто на рукахъ своихъ убаюкаетъ его сѣдую голову къ вѣчному сну? Меиръ! Меиръ! И у тебя есть дѣдъ, волосы котораго бѣлы какъ снѣгъ, и который раздеретъ свои одежды отъ горя, когда настанетъ мигъ разлуки съ тобой... Но у твоего зейде есть сыновья и дочери, снохи и зятья, внуки и правнуки, богатый домъ и уваженіе людей... У моего зейде на цѣломъ свѣтѣ есть только бѣдная хижина, старая Библія и внучка его Голда...

Меиръ вздохнулъ:

— Ты правду говоришь, Голда!—сказалъ онъ,—но что же ты сдѣлаешь? Что станется съ тобой, когда глаза дѣда твоего закроются вѣчнымъ сномъ,

а ты останешься одна со своимъ убожествомъ и людскимъ презрѣніемъ.

Голда сѣла, потому что ноги ея дрожали. Она провела руками по горящему лицу и, возведя глаза къ небу, отвѣчала:

— Я сяду у дверей этой хижины, буду прясть шерсть и пасти козъ моихъ и смотрѣть на ту дорогу, по которой ты когда-нибудь вернешься...

Это былъ отрывокъ изъ исторіи Акибы и прекрасной Рахили.

Меиръ спросилъ, погруженный въ мечтательную задумчивость:

— А что же ты сдѣлаешь, если люди придутъ, будутъ смѣяться надъ тобой и скажутъ: „Акиба пьетъ изъ источника мудрости, а твое тѣло пожираетъ нужда, и глаза твои гаснутъ отъ слезъ".

Серьезный, хотя сдавленный волненіемъ, голосъ отвѣчалъ:

— Я отвѣчу имъ: „Пусть тѣло мое пожираетъ нужда, а глаза мои вытекаютъ со слезами,—я все-таки буду хранить вѣрность моему мужу... И если бы онъ остановился теперь передо мной и сказалъ: я вернулся потому, что не хотѣлъ, чтобы ты плакала больше, но я мало пилъ изъ источника мудрости, то я сказала бы ему: иди и пей еще!"

Меиръ всталъ. Его глаза и фигура не выражали уже, какъ прежде, отчаянія и скорби. Наоборотъ, полный энергіи, силы и мужества, онъ твердо вѣрилъ уже въ себя и свою судьбу.

— Я вернусь, Рахиль!—воскликнулъ онъ.—Іегова заступится за меня, и люди помогутъ мнѣ. Я покажу имъ мое жаждущее познанія сердце и завѣщаніе предка моего, которое соединяетъ народъ израильскій съ другими народами союзомъ мира... Я

долго, долго буду жадно пить изъ источника мудрости, а потомъ вернусь сюда и буду учить бѣдный народъ мой, а на голову твою возложу золотую корону за всѣ несчастія и презрѣніе, перенесенныя тобой...

Голда покачала головой. По лицу ея видно было, что она была погружена въ какой-то чудесный сонъ. Ей снилось, что она была прекрасной Рахилью, которая встрѣчаетъ мужа своего, Акибу, возвращающагося изъ далекихъ странствій. Съ мечтательной улыбкой на губахъ и страстнымъ огнемъ во взорѣ она шепнула:

— Тогда я обойму твои колѣни, посмотрю глазами, которые будутъ такъ же прекрасны, какъ теперь, на твой блескъ, и скажу: „Учитель! слава твоя— моя корона!“

Они долго сквозь слезы смотрѣли другъ на друга. Любовь, пылавшая въ глубинѣ ихъ глазъ, казалась сквозь прозрачную оболочку столь же чистой и героичной, какъ были чисты и героичны ихъ сердца.

Вдругъ до ушей ихъ долетѣлъ тихій, но явственный дѣтскій смѣхъ. Они удивились и оба посмотрѣли въ ту сторону, откуда онъ послышался. На порогѣ открытыхъ дверей хижины сидѣлъ Лейбеле и держалъ въ своихъ объятіяхъ бѣлаго, какъ снѣгъ, козленка. Козленка этого Голда купила за деньги, вырученныя отъ продажи корзинъ. Ребенокъ увидалъ его въ сѣняхъ, освѣщенныхъ луной, взялъ на руки, вышелъ на порогъ хижины и теперь, прикладывая свое лицо къ его шелковистой шерсти, смѣялся весело и шаловливо.

— Ребенокъ этотъ всегда приходитъ сюда за тобой!—сказала Голда.

— Онъ цѣловалъ меня сегодня, когда всѣ били меня, и я защитилъ имъ свое сокровище отъ сильныхъ рукъ!—отвѣчалъ Меиръ.

Голда отошла отъ окна и вслѣдъ за тѣмъ появилась въ дверяхъ. Она наклонилась надъ ребенкомъ такъ, что ея распущенные волосы легли ему на голову и плечи, и прильнула губами къ его лбу. Лейбеле нисколько не испугался: очевидно здѣсь онъ чувствовалъ себя въ безопасности. Не разъ уже видѣлъ онъ эту женщину, глаза которой съ выраженіемъ безконечной кротости останавливались на его лицѣ. Онъ взглянулъ на нее съ какой-то особенной осмысленностью, добротой и любовью.

— Позволь мнѣ поиграть съ козленкомъ,—шепнулъ онъ.

— Не хочешь ли ты молока?—спросила она.

— Хочу, — отвѣчалъ онъ, — дай.

Она вынесла изъ сѣней глиняную кружку, наполненную молокомъ, и сама стала поить ребенка. Потомъ она усѣлась на порогѣ и спросила:

— Отчего ты бросаешь отца и мать и идешь за Меиромъ?

Ребенокъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Онъ лучше тателе и лучше мамеле. Онъ кормилъ меня и гладилъ по головѣ и отнялъ меня изъ рукъ ребъ Моше...

— Чей ты сынъ?—спросила Голда.

Лейбеле нѣкоторое время молчалъ: онъ поднялъ глаза вверхъ и качалъ головой. Видно было, что онъ борется съ непослушными утомленными мыслями. Наконецъ, онъ вытянулъ палецъ по направленію къ удалявшемуся Меиру и громко воскликнулъ:

— Его!

При этомъ онъ засмѣялся; но это не былъ смѣхъ

идіота: это было проявленіе радости, которую почувствовала бѣдная душа ребенка, когда ей удалось выразить однимъ словомъ и свою пылкую любовь, и свои неопредѣленныя желанія.

Но Голда посмотрѣла въ ту сторону, куда ушелъ Меиръ, и тяжело вздохнула. Потомъ она встала, закуталась въ какой-то старый платокъ и, поднявшись на холмъ, сѣла подъ небольшой сосной. Можетъ быть, съ этого возвышенія ей хотѣлось захватить взглядомъ нѣсколько большее пространство и увидѣть, какъ онъ будетъ возвращаться изъ далекихъ полей и лѣсовъ.

Она положила локти на колѣни, закрыла лицо руками и такъ сидѣла долго, неподвижно, какъ статуя печали, а луна разсыпала милліоны переливающихся искръ по ея густымъ чернымъ волосамъ, которые, словно широкимъ плащемъ, ложились кругомъ нея на влажную траву.

Лейбеле заснулъ въ дверяхъ, не выпуская изъ своихъ рукъ козленка, который тоже давно спалъ.

* * *

Почти въ то же время низкія двери лачуги раввина тихо раскрылись, и ребъ Моше сгорбленный, усталый и пристыженный вошелъ въ избу. Онъ присѣлъ на полъ возлѣ камина и боязливо глядѣлъ на Тодроса, который, сидя у открытаго окна, положилъ лицо на руки и смотрѣлъ на луну.

— Равви!—робко шепнулъ онъ.

— Равви!—повторилъ онъ нѣсколько громче,—рабъ твой виновенъ прелъ тобой: я не принесъ съ собой этого отвратительнаго писанія! Буря была очень жестокая: сперва защищали его друзья, потомъ онъ самъ, потомъ защищалъ его маленькій

ребенокъ... Глупый народъ билъ, рвалъ его, бросалъ въ него камнями, но не отнялъ у него этого отвратительнаго завѣщанія. Насси! слуга твой полонъ стыда и страха, но смилуйся надъ нимъ и не наказывай его молніей взоровъ твоихъ...

Тодросъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ луны:

— Завѣщаніе это нужно вырвать изъ его рукъ и отдать въ мои руки...

— Насси! завѣщаніе это уже не въ его рукахъ!..

— А гдѣ же оно?—спросилъ Тодросъ, повышая голосъ, но не сводя глазъ съ луны.

— Равви! я не смѣлъ бы взглянуть на лицо твое, если бы я не зналъ, что съ нимъ случилось... Я шелъ за нимъ... вся душа моя перешла въ глаза и уши мои... Я видѣлъ, какъ онъ далъ спрятать эту бумагу караимской дѣвушкѣ... и слышалъ, какъ онъ называлъ это завѣщаніе своимъ сокровищемъ... Онъ говорилъ, что это его паспортъ, съ которымъ онъ пойдетъ въ міръ, и который откроетъ передъ нимъ человѣческія сердца...

Тодросъ дрогнулъ.

— Это правда! Это правда!—порывисто зашепталъ онъ,—завѣщаніе это будетъ для него щитомъ и оружіемъ, противъ которыхъ безсильна будетъ наша месть. Моше!—прибавилъ онъ громкимъ голосомъ,—эту гадость нужно вырвать изъ рукъ караимской дѣвушки...

Меламедъ подползъ къ колѣнямъ своего учителя и, поднявъ глаза, тихо шепнулъ:

— Равви! дѣвушка эта сказала, что она скорѣй позволитъ отнять у себя жизнь, чѣмъ эту бумагу...

Тодросъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ прибавилъ:

— Завѣщаніе это нужно вырвать изъ ея рукъ...

Меламедъ долго молчалъ и думалъ.

— Равви!—сказалъ онъ, наконецъ, очень тихимъ шепотомъ,—а если съ ней случится что-либо дурное?

Тодросъ не отвѣчалъ нѣкоторое время, потомъ сказалъ:

— Благословенна рука, выметающая соръ изъ дома израиля!

Меламедъ жадно ловилъ эти краткія слова и долго старался понять тайный смыслъ ихъ. Онъ улыбнулся.

— Равви!—сказалъ онъ,—я уже понялъ твою волю... положись на слугу твоего... онъ найдетъ людей, руки которыхъ будутъ вооружены силой, а сердца — непоколебимостью... Равви! — прибавилъ онъ умоляющимъ тономъ,—пусть ласковый лучъ твоихъ глазъ падетъ на мою голову... покажи мнѣ, что ты далекъ отъ гнѣва на слугу своего... Душа моя безъ твоей милости, какъ колодезь безъ воды, или какъ темница, надъ которой не свѣтитъ солнце.

Тодросъ отвѣчалъ:

— Ласковый лучъ не появится въ глазахъ моихъ, гнѣвъ и печаль не покинутъ моего сердца, пока это отвратительное завѣщаніе будетъ въ проклятыхъ рукахъ.

Моше простоналъ:

— Равви! завѣщаніе это завтра ночью будетъ въ твоихъ рукахъ.

Луна освѣщала лица этихъ людей, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ на небо, а другой—въ лицо своего учителя. Пылающій взоръ учителя искалъ на небѣ свѣтлыхъ полосъ, которыя служатъ дорогой ангеламъ, ведущимъ звѣзды въ вѣчномъ странствіи ихъ по безпредѣльному пространству; ученикъ искалъ отра-

женія этого сверхъ-естественнаго блеска въ глазахъ учителя.

Въ ушахъ обоихъ ихъ мелькало имя ангела смерти, котораго они призывали на помощь,—и, однако, сердца ихъ были полны любви и безконечнаго благоговѣнія.

Глава X.

Среди населенія мѣстечка царило необыкновенное волненіе. Со всѣхъ сторонъ, то толпами, то вереницами, шли люди, направляясь къ большому темному трехъ-этажному зданію, подъ крышей котораго въ окнахъ, похожихъ на древнія бойницы, начинали показываться длинныя и узкія пятна свѣта. На небѣ уже стали появляться звѣзды, блѣдиѣвшія передъ яркимъ блескомъ восходившей полной луны.

Внутренность священнаго зданія представляла изъ себя огромную залу, въ которой могло помѣститься нѣсколько тысячъ народу, и которая по вышинѣ равнялась большому двухэтажному зданію. Стѣны ея, образующія правильный четыреугольникъ, были совершено гладки и бѣлы, какъ снѣгъ; только вверху вдоль стѣнъ шла тяжелая галлерея, состоявшая изъ глубокихъ сводчатыхъ нишъ, похожихъ на ложи, раздѣленныя прозрачнымъ, но высокимъ барьеромъ. На полу, тѣсно одна за другой, стояли деревянныя скамьи, отъ самыхъ дверей до того мѣста, которое возвышалось надъ поломъ на нѣсколько ступеней и также было окружено красивой деревянной рѣшеткой. На этомъ возвышеніи стоялъ столъ, предназначенный для того, чтобы на немъ раскладывали огромный листъ Торы (пятикнижія) въ тѣ дни, когда по-

лагалось читать народу отрывки изъ него; возвышеніе это служило также каѳедрой, съ которой въ торжественные дни раздавались религіозныя рѣчи и поученія; на немъ помѣщался также и хоръ, состоявшій изъ подростковъ и взрослыхъ молодыхъ людей, голоса которыхъ соединялись съ голосомъ кантора, поющаго молитвы. Это возвышеніе отстояло только на нѣсколько шаговъ отъ главнаго пункта, который поражалъ торжественностью своихъ формъ и яркостью красокъ: это былъ алтарь, если только это названіе можно примѣнить къ такому мѣсту, въ которомъ совершались самыя святыя таинства и къ которому направлялись самые набожные взгляды и вздохи вѣрующихъ. Верхушка алтаря доходила до потолка и состояла изъ двухъ огромныхъ скрижалей; чистый лазурный фонъ ихъ былъ исписанъ извилистыми бѣлыми слогами, похожими на восточныя арабески богатаго и фантастическаго рисунка, въ которыхъ опытный взглядъ узнавалъ десять синайскихъ заповѣдей. Лазурныя таблицы, покрытыя бѣлыми извилистыми письменами, поддерживались двумя огромныхъ размѣровъ львами изъ позолоченной бронзы, которые въ величественныхъ позахъ сидѣли на двухъ толстыхъ, широкихъ колоннахъ, блиставшихъ самымъ яркимъ сапфировымъ цвѣтомъ, обвитыхъ бѣлоснѣжными художественно вырѣзанными вѣнками изъ листьевъ и виноградныхъ гроздьевъ; колонны эти тяжело опирались на широкія каменныя колонны, до самой земли исписанныя многочисленными отрывками изъ Священнаго Писанія. Какъ могучіе и сильные стражи, стояли столбы эти по обѣимъ сторонамъ глубокой ниши, сверху до низу завѣшанной покрываломъ изъ алаго шелка, украшеннаго золотыми вышивками, ослѣпляющими своимъ богатствомъ. За

этимъ покрываломъ, которое было обыкновенно спущено и поднималось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, сохранялась святыня надъ святынями — Тора, огромный свитокъ пергамента, завернутый въ дорогую матерію и связанный тяжелой лентой, которая почти не сгибалась благодаря украшавшей ее серебряной и золотой вышивкѣ.

При видѣ сѣраго и жалкаго мѣстечка никто не могъ бы вообразить себѣ того великолѣпія, какимъ отличалась внутренность древней, издавна набожно украшаемой прихожанами святыни, въ тотъ довольно поздній вечерній часъ, когда она вся засіяла яркими огнями и биткомъ наполнилась народомъ.

Семь люстръ, изъ которыхъ каждая предназначалась для ста свѣчей, опускаясь съ потолка на серебряныхъ цѣпяхъ, освѣщали цѣлымъ моремъ свѣта сводчатую галлерею, изъ-за прозрачныхъ рѣшетокъ которой виднѣлась настоящая мозаика женскихъ лицъ и платковъ; на тѣсно установленныхъ внизу скамьяхъ сидѣли взрослые бородатые мужчины, окутанные въ мягкую шерстяную драпировку бѣлыхъ покрывалъ (талесовъ), края которыхъ, какъ бы въ знакъ вѣчнаго, трогательнаго траура по утраченной нѣкогда отчизнѣ, были окаймлены черными полосами; тамъ и сямъ на шеяхъ богачей и сановниковъ общины блестѣли широкія серебряныя тесьмы, выпуклаго густого рисунка. Самая большая люстра, подвѣски которой время отъ времени издавали серебристый звонъ, горѣла передъ той нишей, что была между двухъ величественныхъ колоннъ. Золотыя вышивки и бахрома алой завѣсы такъ и сіяли; изъ-подъ ногъ величественныхъ львовъ словно сыпались тонкія листья и тяжелыя кисти винограда; тамъ, на самомъ верху, выдѣляясь на лазоревомъ фонѣ, виднѣ-

лись бѣлыя извилистыя буквы; а внизу, передъ деревянной подставкой, сплошь покрытой неровными линіями надписей, стоялъ канторъ, голова котораго была покрыта бѣлымъ капюшономъ талеса, и пѣлъ тѣ старые псалмы, безбрежная мелодія которыхъ плыветъ къ небесамъ, полная людскихъ восторговъ, восхваленій, желаній, моленій и мукъ.

Никогда, однако, еще прекрасный голосъ Еліазара не выражалъ всѣхъ этихъ чувствъ съ такой силой и отчетливостью, какъ въ этотъ вечеръ; никогда въ немъ не было еще такихъ могучихъ порывовъ, никогда еще онъ не звучалъ такъ торжественно, съ такой глубокой дрожью, которая, постепенно понижаясь и затихая, какъ бы замирала и тонула въ морѣ какого-то безбрежнаго страданія и мольбы. Казалось, что въ тотъ же вечеръ грудь его наполнилась какой-то сверхъ-человѣческой силой жалобы и моленія, что за его плечами выростали крылья, на которыхъ онъ старался взлетѣть къ самымъ стопамъ Царя царей, чтобы тамъ принести въ жертву свою душу и тѣло ради чьего-то спасенія.

Огромный залъ, отъ одного конца до другого и отъ пола до потолка, былъ полонъ звуками, которые непрерывнымъ потокомъ плыли изъ груди вдохновеннаго пѣвца; хоръ, стоявшій на возвышеніи, присоединялъ къ нимъ отъ времени до времени могучіе аккорды, а вся толпа, охваченная восхищеніемъ, хранила глубокое молчаніе, устремивъ глаза на блиставшую золотомъ пурпурную завѣсу. Только по временамъ кто-нибудь, указывая головой на восхищеннаго и восхищавшаго пѣвца, шепталъ: „Это ангелъ Сандалфонъ, который подаетъ Богу вѣнцы, сплетенные изъ всѣхъ людскихъ молитвъ“. Иногда кто-нибудь печально качалъ головой и вздыхалъ: „Это онъ

молится такъ за своего друга, котораго сегодня будутъ проклинать!“...

Вдругъ чудная пѣсня кантора и торжественное молчаніе народа были прерваны глухимъ, но сильнымъ стукомъ, который повторился нѣсколько разъ. Готовилось Еліазара оборвался, какъ золотая струна, которую рванула грубая рука; глаза народа перенеслись отъ алтаря къ тому мѣсту, въ которомъ раздался внезапный стукъ.

Хоръ молодыхъ пѣвцовъ исчезъ съ возвышенія, окаймленнаго деревянной рѣшеткой, а на его мѣстѣ появился только одинъ худой, сгорбленный человѣкъ, съ длинной желтой шеей, наклоненной впередъ, и темнымъ лицомъ, обросшимъ черными, какъ смоль, волосами и съ горящими, какъ угли, мрачными глазами. Онъ въ обѣихъ рукахъ держалъ огромную книгу и изо всѣхъ силъ ударялъ ею по столу, призывая этимъ ко всеобщему молчанію. Гробовое молчаніе воцарилось во всей залѣ, и только въ предверіи слышался какой-то шепотъ и сдержанныя воскицанія. Тамъ толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ различнаго возраста и положенія окружала человѣка съ очень блѣднымъ лицомъ, стиснутыми губами и сухими, горящими глазами; онъ стоялъ, прислонившись спиной къ косяку святыни. Это былъ Меиръ. Въ его ушахъ раздавался шепотъ:

— Еще есть время! Еще не поздно!.. Сжалься надъ собой и надъ своей семьей! Покорись! Бѣги скорѣе и падн къ ногамъ раввина! О, херемъ! херемъ! херемъ!

Онъ, казалось, ничего не слышалъ. Онъ крѣпко прижималъ къ груди сложенныя руки. Его нахмуренныя брови придавали его лбу, пересѣченному краснымъ шрамомъ, выраженіе мрачной скорби и непреклонной воли.

„Во имя Бога отцовъ нашихъ!“ раздался сильный раскатистый голосъ Исаака Тодроса.

По всему собранію пронесся сдержанный шепотъ, словно дрожь пробѣжала по всему этому сложному тѣлу и замерла въ глубокой тишинѣ.

Исаакъ Тодросъ началъ говорить медленно и выразительно, отдѣляя одно слово отъ другого:

„Силой и могуществомъ міра, во имя святого закона нашего и 613 правилъ, заключающихся въ этомъ законѣ, херемомъ, которымъ Іисусъ Навинъ проклялъ городъ Іерихонъ, проклятіемъ, которымъ Елисей проклялъ преслѣдовавшихъ его мальчиковъ, шамтой, которую примѣняли наши великіе синедріоны и соборы, всѣми херемами, проклятіями, изгнаніями и запрещеніями, которые имѣли мѣсто со временъ Моисея по нынѣшній день — во имя Предвѣчнаго Бога, Владыки міра и творца его великолѣпія, во имя Мататрона, ангела хранителя и защитника израиля, во имя ангела Сандалфона, который сплетаетъ вѣнки для Господняго трона изъ людскихъ молитвъ, во имя архангела Михаила, могучаго вождя небесныхъ воинствъ, во имя ангеловъ огня, вихрей и молній, силой именъ всѣхъ ангеловъ, движущихъ звѣзды и ѣздящихъ на небесныхъ колесницахъ и всѣхъ архангеловъ, простирающихъ свои крылья надъ тономъ Предвѣчнаго, тѣмъ именемъ, которое показалось въ огненномъ кустѣ, и тѣмъ, которымъ Моисей раздѣлилъ воды, именемъ руки, которая начертала таблицы святого закона... мы губимъ, изгоняемъ, позоримъ, поносимъ и проклинаемъ самонадѣяннаго, дерзновеннаго и непокорнаго Меира Эзофовича, сына Веньямина“ ...

Онъ на минуту остановился и быстрымъ жестомъ поднялъ руки надъ головой. Потомъ, среди такой

тишины, въ которой слышно было бы, какъ пролетаетъ муха, онъ началъ говорить все скорѣе и все болѣе пѣвучимъ голосомъ и со все возрастающимъ воодушевленіемъ:

„Да будетъ онъ проклятъ Богомъ израильскимъ! Да будетъ онъ проклятъ сильнымъ и страшнымъ Богомъ, имя котораго люди произносятъ съ трепетомъ въ день судный! Да будетъ онъ проклятъ Мататрономъ, Сандалфономъ, Михаиломъ, архангелами, ангелами и всѣми обитателями небесъ! Да будетъ онъ проклятъ всѣми святыми и чистыми, которые служатъ Богу! Да будетъ онъ проклятъ всякой высшей силой на землѣ и на небѣ! Боже! Творецъ! Истреби и уничтожь его на вѣки! Пусть громъ грянетъ надъ его головой! Пусть сатана идетъ ему на встрѣчу! Пусть злыя пожеланія и стоны окружаютъ его всюду, куда бы онъ ни пошелъ! Пусть онъ пронзитъ грудь собственнымъ мечомъ, пусть сломятся всѣ стрѣлы его! Пусть дороги его будутъ опасны и окружены тьмой, и спутникомъ его, да будетъ отчаяніе! Пусть печаль и несчастье всегда постигаютъ его, пусть онъ собственными глазами смотритъ на поражающія его стрѣлы и насытится огнемъ Божьяго гнѣва! Пусть Богъ не проститъ ему! Напротивъ, пусть гнѣвъ и месть Божіи падутъ на этого человѣка, вопьются въ него и проникнутъ до мозга его костей. Пусть онъ покроется весь этимъ проклятіемъ, какъ плащомъ, и исчезнетъ съ лица земли, а имя его пусть будетъ стерто съ подиебеснаго пространства!“...

Тутъ Тодросъ на минуту умолкъ, вдохнулъ воздухъ въ грудь, утомленную криками, которые становились все болѣе порывистыми, глухими и тяжелыми. Все лицо его пылало. Вытянувъ и поднявъ

надъ головой свои руки, онъ не переставалъ ими рѣзко и выразительно жестикулировать.

„Съ той самой минуты — снова закричалъ Тодросъ,—когда проклятіе упало на его голову, пусть онъ не осмѣлится приступить ни къ одной израильской святынѣ въ мірѣ, ближе какъ на четыре локтя! Пусть ни одинъ еврей, подъ страхомъ проклятія и отверженія отъ лона израильскаго, не приближается къ нему ближе, чѣмъ на разстояніе четырехъ локтей и не осмѣлится открыть для него свой домъ или подать ему хлѣба, огня или воды, хотя бы онъ видѣлъ его ослабѣвшимъ, падающимъ и согнутымъ въ дугу отъ скитаній, голода, болѣзни и нищеты! Наоборотъ, пусть каждый, кто встрѣтитъ его, плюетъ въ лицо его, бросаетъ камни подъ его ноги, чтобы онъ спотыкался и падалъ. Пусть у него не будетъ никакого имущества! Пусть все, что переходитъ ему по наслѣдству отъ отца его и матери его и все, что онъ собралъ для себя собственными руками, будетъ отдано въ распоряженіе кагала, чтобы это неправедное имущество послужило утѣшеніемъ и опорой для больныхъ!

„Пусть узнаетъ весь израиль о той мести и о томъ проклятіи, которыя пали на отверженнаго.

„Вы всѣ, которые слышали собственными ушами эти слова, разглашайте ихъ въ каждомъ городѣ, куда васъ занесутъ ваши ноги, а мы разошлемъ извѣстіе о нихъ во всѣ города и общины, въ которыхъ живутъ братья наши, отъ одного конца свѣта до другого.

„Да будетъ такъ! А вы всѣ, которые остались вѣрными вашему Богу и Его закону, живите счастливо!“

Онъ кончилъ. Въ ту же секунду, при помощи

искусно устроеннаго механизма, огни, горѣвшіе въ семи огромныхъ люстрахъ, были потушены, а въ четырехъ углахъ залы загремѣли и завыли трубы. Къ этому, то порывистому, то протяжному и мрачному вою могучихъ инструментовъ присоединился огромный хоръ человѣческихъ рыданій, стоновъ и криковъ. Самый громкій крикъ послышался изъ предверія: онъ былъ тѣмъ болѣе страшенъ, что выходилъ изъ мужской и сильной груди. Тамъ началось теперь большое движеніе; оттуда доносилась какая-то возня, какъ будто бы кого то выгоняли, то призывали. Меиръ исчезъ съ порога святыни. Ближе къ алтарю, между скамейками, нѣсколько взрослыхъ людей съ трескомъ разодрали свои одежды и упали лицами на землю.

— Въ прахѣ лежатъ сильные Эзофовичи! — говорили кое-гдѣ, указывая на нихъ.

Наверху вся галлерея была полна рыданій и слезливыхъ причитаній женщинъ, а въ глубинѣ залы какіе-то люди, одѣтые почти въ лохмотья, покрытые талесами безъ серебряныхъ вышивокъ, подняли кверху твердыя, черныя, мозолистыя руки и заломили ихъ надъ своими головами.

Тодросъ, грудь котораго тяжело дышала, а губы дрожали, отеръ порваннымъ рукавомъ своей одежды потъ, струившійся каплями съ его лба, потомъ оперся обѣими руками о деревянную рѣшетку и, наклонившись впередъ, сталъ глядѣть на кантора. Онъ еще не вышелъ изъ состоянія экстаза и смотрѣлъ на кантора потому, что, согласно правиламъ обряда, послѣ страшнаго проклятія, изреченнаго надъ однимъ человѣкомъ, должны были послѣдовать слова благословенія, обращенныя ко всему народу. Эти слова, благословлявшія весь народъ, долженъ былъ произ-

нести канторъ. Тодросъ ждалъ окончанія совершающагося обряда. Почему канторъ такъ медлилъ и не исполнялъ своей обязанности? Почему онъ не подхватилъ его послѣднихъ словъ: „Живите счастливо!“—и не присоединилъ къ нимъ тотчасъ же молитвы благословенія?

Еліазаръ стоялъ, обернувшись лицомъ къ алтарю. Пока раввинъ выкрикивалъ свои проклятія, видно было, какъ плечи юноши дрожали подъ покрывавшимъ ихъ талесомъ. Но потомъ онъ пересталъ дрожать, сталъ неподвиженъ и, поднявъ голову, устремилъ куда-то высоко свой взоръ. Наконецъ, онъ протянулъ обѣ руки вверхъ. Это былъ знакъ того, что онъ призывалъ народъ къ молчанію и молитвѣ. Трубы, которыя до тѣхъ поръ все время стонали и выли, умолкли; крики и стоны народа также затихли. Притушенные огни опять зажглись, и среди яркаго свѣта и тишины, прерываемой только по временамъ тихимъ рыданіемъ, раздался звонкій, какъ серебро, и чистый, какъ кристаллъ, голосъ, который началъ говорить медленно, торжественно, съ внутренними слезами, которыя придавали мольбамъ безмѣрную силу:

„Тотъ, кто благословилъ праотцевъ нашихъ, Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Арона, Давида, пророковъ израиля и всѣхъ праведныхъ людей въ мірѣ... да пошлетъ Онъ свою милость и свое благословеніе на того человѣка, котораго постигъ этотъ несправедливый херемъ! Пусть Богъ, по милосердію своему, спасетъ и защититъ его отъ всякаго зла и несчастья, пусть онъ продлитъ его часы и годы, благословитъ всякое дѣло его рукъ и пусть освободитъ его отъ муки тьмы и цѣпей вмѣстѣ со всѣми братьями израильтянами! Такъ да будетъ воля его! Восклицайте: Аминь!“

Онъ умолкъ. Нѣсколько секундъ въ залѣ царила гробовая тишина изумленія, а потомъ раздался громкій крикъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ: Аминь!

— Аминь!—воскликнули Эзофовичи, вставая съ земли, на которую они бросились передъ тѣмъ, и отрихая пыль со своихъ разорванныхъ одеждъ.

— Аминь!—воскликнула толпа бѣдно одѣтыхъ людей, заломившихъ надъ головами свои мозолистыя руки.

— Аминь!—раздалось на галлереѣ, полной плачущихъ женщинъ.

Аминь! — повторилъ, наконецъ, возлѣ алтаря, хоръ молодыхъ голосовъ.

Раввинъ снялъ свои руки съ барьера рѣшетки, выпрямился, повелъ вокругъ изумленными глазами и крикнулъ:

— Что это такое? Что это значитъ?!..

Тогда Еліазаръ повернулся лицомъ къ нему и ко всей толпѣ. Капюшонъ талеса упалъ съ его головы на плечи. Его блѣдное лицо было покрыто румянцемъ вдохновенія, а голубые глаза горѣли гнѣвомъ и отвагой. Онъ поднялъ руки и громко заговорилъ:

— Равви! это значитъ, что наши сердца и уши не хотятъ больше слушать такихъ проклятій!

Слова эти послужили какъ бы военнымъ сигналомъ. Едва Еліазаръ произнесъ ихъ, какъ его окружило нѣсколько десятковъ молодыхъ людей и подростковъ. Среди нихъ были всѣ самые близкіе товарищи и пріятели проклятаго, но были также и такіе, которые рѣдко и издалека видѣли его, и даже такіе, которые нѣсколько дней тому назадъ еще удивлялись его упорству и дерзости, совершенно не понимая ихъ.

— Равви!—раздались восклицанія—мы больше не хотимъ слушать такихъ проклятій!

— Равви! твое проклятіе породило въ нашихъ душахъ любовь къ проклятому!

— Равви! ты наложилъ свой херемъ на человѣка, который былъ милъ и людямъ и Богу!

Тодросъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и вышелъ изъ столбняка, который на него нашелъ отъ изумленія.

— Чего вы хотите?—крикнулъ онъ,—что вы говорите? Что это? сатана опуталъ души ваши? Развѣ вы не знаете, что законы наши наказываютъ местью и проклятіемъ дерзкихъ, которые возстаютъ противъ вѣры?

Тутъ уже не изъ толпы молодежи, а со средины залы раздался солидный голосъ:

— Равви! развѣ ты не знаешь, что когда въ нашемъ древнемъ синедріонѣ велся горячій споръ о томъ, кого израиль долженъ принять за своего учителя, Шамая или Гиллеля, то надъ собравшимся батъ-коолъ, раздался таинственный голосъ, посланный самимъ Богомъ, который произнесъ: „Слушайте законовъ Гиллеля, потому что въ нихъ есть кротость и милосердіе“.

Всѣ подняли головы и стали на цыпочки, чтобы посмотрѣть, кто произнесъ эти слова: ихъ произнесъ Рафаилъ, дядя проклятаго.

Въ ту же минуту черезъ толпу протиснулся Беръ, и, ставъ среди молодежи, сказалъ:

— Равви! считалъ ли ты когда-нибудь всѣ тѣ умы, которые погубила строгость твоя и строгость отцовъ твоихъ, Тодросовъ... и всѣ тѣ души, которыя были полны высокихъ желаній и которыя вы вашей твердой рукой навсегда ввергли въ тьму и тайныя муки?

— Равви! — воскликнулъ какой-то молодой, еще почти дѣтскій, голосъ — долго ли ты и всѣ, кто стоитъ за тобой, будете отталкивать насъ отъ тѣхъ чужихъ огней, безъ свѣта которыхъ сердца наши сохнутъ отъ печали, а руки наши грязнутъ въ пре-зрѣнной пыли...

— Отчего ты, равви, не учишь народъ, чтобы онъ изъ своего разума сдѣлалъ такое сито, которое могло бы отдѣлить зерно отъ плевелъ, а перлы отъ песка?

— Равви! ты и всѣ тѣ, что стоятъ за тобой, ѣдите и намъ велите ѣсть гранатное яблоко вмѣстѣ съ твердой и горькой кожей. Но пришелъ уже такой часъ, когда мы почувствовали горечь на на-шемъ нёбѣ и сильную боль въ нашихъ внутрен-ностяхъ...

— Несчастные! одержимые бѣсомъ и осужден-ные на вѣчное проклятіе! — закричалъ Тодросъ изо всѣмъ силъ, — развѣ вы не видѣли собственными гла-зами, что весь народъ ненавидѣлъ этого человѣка, гналъ его по дорогѣ, клалъ ему на спину свои сильныя руки, побивалъ его камнями и намѣтилъ его лобъ кровавымъ шрамомъ?!..

Тамъ и сямъ слышался гордый и презрительный смѣхъ возмущенія.

— Не говори — согласенъ! — на все то, на что народъ говоритъ — согласенъ! — закричало множество голосовъ, а одинъ изъ нихъ продолжалъ:

— Злой языкъ изгналъ изъ сердецъ нашихъ гнѣвъ на невиннаго, а изъ глазъ нашихъ текутъ слезы жалости къ нему, потому что ты, равви, своимъ проклятіемъ обрекъ на смерть юность.

— Равви! то проклятіе, которое ты наложилъ на него, страшнѣе смерти, потому что съ нимъ онъ будетъ мертвымъ среди живыхъ!

— Развѣ не написано въ уставахъ нашихъ великихъ синедріоновъ: „Судъ, который разъ въ 70 лѣтъ произнесетъ одинъ смертный приговоръ, будетъ называться судомъ убійцъ!“

— Въ синедріонахъ не засѣдали бездѣтные люди съ черствымъ сердцемъ!

— Кто сѣетъ ненависть, тотъ пожнетъ скорбь!

Всѣ эти восклицанія и множество подобныхъ имъ раздавались изъ кучки людей, столпившихся у алтаря. Тамъ сливались голоса, поднимались головы, сверкали огненные взоры, и разгоряченные люди вызывающими и смѣлыми жестами угрожали раввину и всему собранію.

Тодросъ уже не отвѣчалъ ничего: онъ совершенно окаменѣлъ. Онъ стоялъ, раскрывъ ротъ и высоко поднявъ глаза, съ видомъ человѣка, который пересталъ понимать то, что дѣлается вокругъ него. Но вдругъ изъ толпы выскочилъ меламедъ и сталъ возлѣ барьера прямо противъ кучки мятежниковъ. Весь дрожа и пылая, онъ разставилъ свои грубыя руки, какъ бы желая защитить ими своего учителя, стоящаго на возвышеніи, и закричалъ:

— Горе! горе! Горе дерзкимъ, не преклоняющимся передъ тѣмъ, кто отдалъ себя на служеніе міру!

Еліазаръ отвѣтилъ:

— Между нами и Богомъ нашимъ нѣтъ никакой стѣны! Мы выбрали изъ среды своей такихъ людей, которые должны изучать законъ и объяснять его незнающимъ. Но мы не говорили имъ: „Мы отдаемъ вамъ въ рабство наши души!“ Каждому сыну израиля дозволено искать Бога въ сердцѣ своемъ и понимать его слова сообразно съ своимъ разумомъ!

Тутъ другіе закричали:

— Между израильтянами нѣтъ высшихъ и низшихъ! Мы всѣ равные братья предъ Господомъ, Творцомъ нашимъ, и никто не имѣетъ права заковывать въ цѣпи нашъ разумъ и нашу волю!

— Лжемудрецы погубили насъ, потому что они создали рознь между израилемъ и другими народами, и превратили насъ въ узниковъ, брошенныхъ въ темницу, и никѣмъ даже не навѣщаемыхъ...

— Но наступаетъ то время, когда израиль тряхнетъ своими цѣпями, и гордые слѣпые духи упадутъ со своего возвышенія, а плѣненныя души выйдутъ на свободу...

Тутъ Исаакъ Тодросъ медленнымъ движеніемъ поднялъ руки и провелъ ими по лицу, какъ человѣкъ, старающійся пробудиться отъ сна. Потомъ онъ снова оперся о барьеръ и, устремивъ глаза вверхъ, тяжело вздохнулъ всей грудью.

— Эйнъ Софъ!—произнесъ онъ тяжелымъ, какъ бы соннымъ шепотомъ.

Это было кабалистическое названіе Бога, которое вихремъ промелькнуло въ этотъ моментъ въ его мозгу, объятомъ глухимъ отчаяніемъ. Но тотчасъ же изъ нѣсколькихъ десятковъ устъ раздался въ отвѣтъ дружный крикъ:

— Іегова!

Это былъ громкій протестъ противъ наслоеній, нанесенныхъ временемъ, и смутное желаніе вернуться къ первоначальнымъ источникамъ израильской вѣры.

Меламедъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Вдругъ онъ порывисто обернулся къ собранію, и громко и поспѣшно сталъ призывать его защитить оскорбленнаго учителя и наказать дерзкихъ. Но чѣмъ дольше и яростнѣе говорилъ онъ, тѣмъ очевиднѣе становилось росшее въ немъ съ каждой ми-

нутой явное изумленіе. Никто не пошевельнулся. Богачи и сановники сидѣли на своихъ скамейкахъ, закрывъ лицо руками и опустивъ глаза, погруженные въ глубокую задумчивость, а бѣдный народъ стоялъ неподвижно, какъ стѣна, и молчалъ, какъ могила. Тамъ и сямъ выдѣлялись изъ общей массы люди, которые старались протиснуться въ толпу и скрыться въ ней. Кто могъ бы отгадать, о чемъ думали одни, почему молчали другіе, и зачѣмъ скрывались и прятались третьи? Кто могъ бы проникнуть во всѣ внутреннія содроганія и колебанія толпы, — этой стихіи, къ которой можно отнести, въ нѣсколько измѣненной формѣ, слова поэта „Волна, невѣрная и все же такая вѣрная волна“.

Меламедъ понялъ, наконецъ, что его воззванія были напрасны. Онъ умолкъ, но глаза его остались широко раскрытыми отъ крайняго изумленія; почему народъ не слушалъ его,—этого онъ не могъ понять. Но въ помутившіяся мысли Тодроса проникъ лучъ свѣта, и раввинъ увидѣлъ предъ собой мимолетный образъ страшной для него правды. Что-то шепнуло ему, что въ этихъ молодыхъ душахъ, которыя съ непонятной дерзостью возстали противъ него, пробудились и громко закричали всѣ тѣ дремавшіе стремленія и протесты, представителемъ и жертвой которыхъ былъ проклятый имъ человѣкъ! Значитъ, не онъ одинъ былъ такимъ въ израилѣ, значитъ, существовало много подобныхъ ему, — только онъ былъ болѣе смѣлымъ, болѣе способнымъ къ борьбѣ, болѣе порывистымъ и гордымъ! Онъ слышалъ какой-то голосъ, который шепталъ ему на ухо, что надъ этими головами, дерзость которыхъ привела его въ остолбенѣніе, пролеталъ, касаясь ихъ крыльями, ангелъ вѣка, вѣка, который, какъ ему было отда-

ленно и смутно извѣстно, дышалъ бунтомъ и бурей и ниспровергалъ все, что стремилось стать между людьми и высшей правдой! И слышалъ онъ еще какой-то шепотъ, говорящій ему, что народъ молчалъ и не вступался за него и не побивалъ возставшихъ на него потому, что ангелъ вѣка вмѣстѣ съ бурей и борьбой разносилъ по міру милосердіе и прощеніе, а проклятія и ненависть сметалъ своимъ огненнымъ и въ то же время мягкимъ крыломъ.

Все это неясно, хаотически, и туманно слышалъ и видѣлъ Тодросъ, но этого было достаточно для того, чтобы его сердце, полное каменной вѣры оцѣпенѣло въ его груди.

Батъ-коолъ!—подумалъ онъ.

Шепотъ собственныхъ туманныхъ и смятенныхъ мыслей онъ принялъ за сверхъестественный таинственный голосъ, исходившій отъ самого Господа, — тотъ самый голосъ, который когда-то въ торжественные и критическіе моменты слышали древніе священнослужители и вожди израиля.

— Батъ-коолъ!—повторилъ онъ дрожащими губами, и началъ медленно поворачивать во всѣ стороны свою голову, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Залъ синагоги мало-по-малу пустѣлъ. Толпа медленно уплывала. Люди выходили изъ храма одинъ за другимъ, унося на своихъ лицахъ выраженіе глубокой и угрюмой задумчивости. Въ сердцахъ этихъ людей уже не было острой борьбы, тамъ залегла лишь печаль, залегло лишь глубокое недоумѣніе, мѣшавшее рѣшительно склониться въ ту, либо другую сторону.

Ушли бѣдные и богатые, которые были до тѣхъ поръ вѣрными почитателями раввина, ушли и тѣ, которые всегда держались вдали отъ него. Галле-

рея вздрагивала по временамъ отъ быстрыхъ шаговъ запоздавшей женщины; у алтаря уже не было никого.

* * *

Какъ нѣкогда Іосифъ Акиба въ ясную лунную ночь, возвращаясь изъ далекаго путешествія, шелъ охваченный дрожью къ своей низкой пастушеской хатѣ, такъ дрожащій и блѣдный Меиръ приближался къ своему родному дому.

Онъ шелъ къ своему родному дому безъ мысли заглянуть въ него. Онъ зналъ, что онъ долженъ уйти оттуда, и идти скитальцемъ по свѣту, встрѣчая нищету и отчужденіе, идти къ той цѣли, къ которой онъ давно стремился, но которая была такой далекой-далекой и такъ трудно достижимой.

Онъ хотѣлъ, не переступая порога, проститься только взглядомъ со стѣнами дома, который былъ колыбелью его молодости.

Но среди ряда темныхъ и молчаливыхъ оконъ онъ увидѣлъ одно, въ которомъ блестѣлъ мигающій огонекъ. Онъ остановился и посмотрѣлъ: сквозь стекла ясно вырисовывалась тяжелая и неподвижная фигура прабабки Фрейды, спавшей въ глубокомъ креслѣ. На нее падала широкая полоса луннаго свѣта, зажигая тысячи искръ въ покрывавшихъ ее драгоцѣнностяхъ.

Меиръ медленно взошелъ на высокое крыльцо и положилъ руку на скобу двери. Вопреки обыкновенію, дверь была отперта. Онъ прошелъ черезъ узкій корридоръ и остановился въ открытыхъ настежь дверяхъ гостиной.

Во всемъ домѣ царила мертвая тишина. Неужели тамъ всѣ такъ крѣпко спали? Это было невѣроятно.

Но ни одинъ шелестъ не долженъ былъ помѣшать послѣднему прощанію правнука съ прабабкой, не долженъ былъ отогнать его отъ ея колѣнъ. Меиръ сталъ на колѣни передъ этой спящей и улыбавшейся сквозь сонъ женской фигурой и положилъ свою голову на ея колѣни. Въ послѣдній разъ отдыхалъ онъ подъ этой крышей.

— Бабе! — сказалъ онъ тихо, — алте бабе!

Фрейда спала тихо, какъ дитя. На морщинахъ ея лба играли серебряные лучи мѣсяца, какъ мимолетные дѣтскіе сны.

— Я тебя не увижу никогда больше... никогда...

Онъ прижалъ къ своимъ губамъ ея маленькія сухія руки, которыя столько разъ качали и ласкали его, а потомъ защищали его отъ столькихъ ударовъ и отдали ему то сокровище, которое было его спасеніемъ и погибелью, его жизнью и смертью. Голова Фрейды слегка зашевелилась, ея бриллiантовыя кольца зазвенѣли, постукивая о жемчугъ, и заискрились въ лунномъ свѣтѣ.

— Киндлебенъ!—шепнула она, не открывая глазъ, улыбнулась и снова заснула.

Меиръ погрузился въ задумчивость. Опершись головой о колѣни прабабки, онъ мысленно прощался со всѣмъ и со всѣми... Наконецъ, онъ всталъ и очень медленно вышелъ изъ гостиной... Въ темномъ корридорѣ онъ почувствовалъ, что кто-то внезапно обнялъ его сильными руками и чья-то рука положила въ его карманъ какой-то тяжелый предметъ.

— Это я, Меиръ! я, Беръ! Дѣдъ твой искалъ въ своей семьѣ смѣлаго человѣка, который передалъ бы тебѣ горсть денегъ на дорогу, и нашелъ меня. Всѣ въ домѣ жалѣютъ тебя... Женщины плачутъ, лежа

въ своихъ постеляхъ. Дяди твои негодуютъ на раввина и на кагальныхъ... Дѣдъ чуть не умираетъ съ горя... но видѣть тебя уже никто не хочетъ... У насъ такъ!.. Разумъ тянетъ въ одну сторону, а старая вѣра—въ другую... И притомъ страхъ! Но ты, Меиръ, не очень огорчайся! Ты счастливый! Я тебѣ завидую: ты не испугался того, чего испугался я, и ты выйдешь къ свѣту! Сегодня твои пріятели вступились за тебя, а народъ молчалъ и не вступился за раввина! Это—начало, но конецъ еще далеко!.. Если бы ты завтра показался здѣшнимъ людямъ, въ нихъ снова вспыхнула бы злость противъ тебя! Иди! иди въ свѣтъ! Ты молодъ, ты смѣлъ, жизнь передъ тобой! Когда-нибудь ты, можетъ быть, вернешься къ намъ и положишь конецъ нашей темнотѣ и нашимъ грѣхамъ! У насъ здѣсь есть много брилліантовъ, только ихъ нужно отдѣлить отъ плевелъ! Когда-нибудь ты сдѣлаешься ученымъ и сильнымъ тамъ, въ свѣтѣ! Теперь иди на великую войну со всѣми препятствіями, которыхъ будетъ множество на твоей дорогѣ! Борись съ ними! Будь баалъ трессимъ, вооруженный, какъ были прежніе великіе мужи наши, и пусть съ тобой всегда будетъ мое благословеніе и благословеніе всѣхъ тѣхъ людей, которые такъ, какъ я, хотѣли и не могли, жаждали и не получили, шли и не дошли...

Они обнялись. Беръ исчезъ за какими-то дверями, которыя безшумно отворились и затворились. Ничто въ домѣ не зашевелилось. Казалось, что молчавшія, какъ гробъ, стѣны родительскаго дома говорили проклятому: уходи! уходи!

Онъ вышелъ. На дворѣ свѣтало. Площади и улицы мѣстечка спали, погруженныя въ сѣрый полумракъ осенняго утра. Темнота окутывала также сѣ-

рые пустыри, по которымъ шелъ Меиръ быстрымъ и уже увѣреннымъ шагомъ.

Онъ спѣшилъ уйти оттуда, уйти, уйти—и хотѣлъ попрощаться съ той, которая обѣщала ему быть вѣрной Рахилью и взять у нея свое сокровище.

Двери и окна караимской хаты были открыты настежь.

Голда!—тихо сказалъ онъ—Голда!

Никто не отозвался.

Онъ позвалъ еще разъ. Въ хатѣ царила полная тишина. Онъ подошелъ и посмотрѣлъ въ то мѣсто, гдѣ обыкновенно сидѣлъ старый Авель. Тамъ никого не было.

Имъ овладѣла какая-то тревога, въ причинѣ которой онъ не могъ отдать себѣ отчета.

Онъ посмотрѣлъ кругомъ, на холмъ и на пустыя поля и на этотъ разъ уже громко закричалъ:

Голда!

Поблизости раздался довольно явственный шелестъ. Онъ донесся изъ большого куста шиповника, который росъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хаты; изъза его спутанныхъ вѣтвей поднялся маленькій Лейбеле, весь покрытый росой, съ глазами, слипавшимися отъ сна.

Меиръ быстро подошелъ къ нему. Ребенокъ окончательно выбрался изъ вѣтвей шиповника и сейчасъ-же сунулъ руку за свой сюртучекъ.

— Гдѣ Голда?—спросилъ Меиръ.

Лейбеле не отвѣтилъ, и подалъ ему желтый свитокъ бумаги, который онъ вынулъ изъ-за своей одежды.

Меиръ наклонился къ мальчику.

— Кто тебѣ далъ это?—спросилъ онъ быстро.

— Она!—сказалъ Лейбеле, указывая на хату.

— А когда она тебѣ это дала? Зачѣмъ она тебѣ это отдала?

Мальчикъ отвѣтилъ:

— Когда люди шли, она выбѣжала изъ хаты... разбудила меня... всунула мнѣ это за сюртучекъ и сказала: „Отдай это Меиру, когда онъ сюда придетъ“...

Меиръ началъ дрожать.

— А потомъ?—спросилъ онъ, — потомъ?

— Потомъ, морейне, она спрятала меня въ этотъ кустъ, а сама побѣжала въ свою хату...

— А много было этихъ людей?

— Двое, морейне... трое! десять... не знаю!..

— А что эти люди сдѣлали? что они сдѣлали?

— Люди пришли, морейне, и кричали на нее, чтобы она дала какое-то писанье... долго кричали... а она кричала, что не дастъ! не дастъ! не дастъ... а коза въ сѣняхъ такъ бѣгала... бѣгала и блеяла...

Меиръ дрожалъ все сильнѣе, но ласково положилъ руку на голову мальчика и спрашивалъ:

— А что было потомъ? Потомъ?

— Морейне! она потомъ взяла въ руки свою прялку и стала передъ своимъ дѣдомъ... я видѣлъ изъ куста... Она была такая бѣлая и прялка была бѣлая, а люди были черные... а между ними бѣгала коза и кричала все громче...

— А потомъ... а потомъ...

Слезы набѣгали на глаза мальчика.

— Потомъ, морейне, я уже не смотрѣлъ... я спрятался въ кустъ и весь дрожалъ отъ страху, потому что въ хатѣ былъ такой шумъ... такой шумъ и такіе стоны... Потомъ люди пошли... и ее понесли... и дѣда ея понесли, а коза побѣжала по горѣ и не знаю, куда дѣлась...

Меиръ выпрямился и посмотрѣлъ на небо помертвѣвшими глазами: онъ уже зналъ все...

— Кула ихъ понесли? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Туда!

Ребенокъ указалъ рукой въ ту сторону, гдѣ видѣлись зеленые лужки и среди нихъ прудъ, поросшій лиліями... а за прудомъ были болота, вязкая и подвижная трясина, въ которой такъ легко могло утонуть мертвое застывшее тѣло. Тамъ, за этимъ прудомъ она рвала весной водяныя лиліи и подавала ихъ ему, стоя среди болотныхъ зарослей... Тамъ, за этимъ лужкомъ, она въ первый разъ призналась ему въ своей свѣжей и пламенной любви, выросшей, какъ дикій цвѣтокъ, на богатой почвѣ; тамъ, въ глубинѣ этого лѣса, въ густой листвѣ котораго скоро хоромъ запоютъ свободныя и счастливыя птицы въ своихъ гнѣздахъ, полныхъ любви, она лежала когда-то у ногъ своего дѣда, далекая отъ людскихъ взглядовъ, вся прикрытая словно плащемъ густыми прядями своихъ черныхъ волосъ.

Возлѣ хаты раздался голосъ, троекратно призывавшій Іегову, а потомъ у открытыхъ дверей остался только Лейбеле, со свиткомъ бумаги въ рукѣ.

Меиръ вбѣжалъ въ хату.

Что сказала ему тамъ солома, выброшенная изъ нищенской постели Авеля и разбросанная по полу, и разсыпанные среди этой соломы кораллы Голды, красившіе, какъ капли крови? что разсказали ему лежавшая на землѣ сломанная пополамъ прялка дѣвушки и старая, очень старая библія старика, порванная въ клочки? Это былъ длинный, скорбный, кровавый разсказъ, который Меиръ слушалъ, прижавшись лбомъ къ холодной дырявой стѣнѣ и зало-

мивъ руки надъ головой. Этотъ разсказъ былъ такъ длиненъ, что часы шли за часами, а онъ все слушалъ его и повторялъ его слова отчаяннымъ біеніемъ сердца и глухими стонами, которые время отъ времени вырывались изъ его стиснутыхъ и посинѣвшихъ губъ.

Когда онъ снова появился въ открытыхъ дверяхъ хаты, солнце уже взошло надъ горизонтомъ. Какъ измѣнилось теперь его лицо, освѣщенное солнечнымъ свѣтомъ! Его лобъ, изборожденный краснымъ шрамомъ, былъ такъ изрытъ морщинами, какъ будто за эту ночь и за это утро надъ нимъ пронеслись долгіе годы, тяжелые и полные горя. Мрачно и отчаянно горѣли его глаза изъ-подъ полу-опущенныхъ вѣкъ, а руки его безсильно повисли... Такъ стоялъ онъ нѣкоторое время, и видно было, что своимъ воображеніемъ и памятью онъ слушалъ звуки того голоса, который замолкъ навсегда; вдругъ онъ почувствовалъ, что какая-то слабая рука дернула его за одежду и услышалъ слабый голосъ, говорящій:

— Морейне!

Передъ нимъ стоялъ Лейбеле, смотря ему въ лицо огромными, черными, печальными глазами и держа въ протянутой рукѣ желтый свертокъ бумаги.

Казалось, что видъ этого предмета напомнилъ Меиру что-то важное, пробудилъ его отъ сна и позвалъ его къ чему-то, что было для него свято и необходимо. Онъ провелъ обѣими руками по лбу, а потомъ взялъ изъ рукъ мальчика предсмертную рукопись Сеньора; когда онъ почувствовалъ ее въ своей рукѣ, онъ поднялъ голову, и глаза его снова блеснули отвагой и волей...

Онъ смотрѣлъ на мѣстечко, пробуждавшееся отъ

сна и долго тихо говорилъ что-то, скорѣе мысленно, чѣмъ вслухъ. Онъ говорилъ что-то о долѣ израиля, о его прежнемъ величіи и о великихъ грѣхахъ, о томъ, что онъ свой народъ никогда не покинетъ и не воздастъ проклятіемъ за проклятіе, что онъ будетъ пить изъ источника мудрости и когда-нибудь вернется сюда...

— Когда-нибудь... когда-нибудь... — повторялъ онъ долго, думая о далекомъ, далекомъ будущемъ и не спуская глазъ со стѣнъ низкой хаты, какъ будто бы мысленно прощаясь съ мимолетнымъ, жаркимъ, чистымъ сномъ своей любви, прерваннымъ такъ ужасно. Потомъ онъ началъ медленно всходить вверхъ по горѣ.

Мальчикъ, оставшійся у дверей хаты, съ минуту стоялъ неподвижно, смотря вслѣдъ уходившему. Потомъ его широко раскрытые глаза наполнились слезами и, когда Меиръ былъ уже далеко, ребенокъ громко зарыдалъ; но потомъ, остановивъ внезапно рыданія, Лейбеле рванулся впередъ и послѣдовалъ за своимъ другомъ. Онъ шелъ сначала быстро и, только очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Меира убавилъ шагу и, засунувъ руки въ рукава своего сюртучка, продолжалъ свой путь медленно и степенно.

Такъ, проклятый юноша и сынъ бѣдняка, изъ одинъ за другимъ, исчезли за холмомъ, гдѣ передъ ними открылась песчаная дорога, ведущая въ широкій, незнакомый міръ.

* * *

Достигъ ли этотъ человѣкъ, гонимый, проклятый и подвергнутый столь громаднымъ лишеніямъ той цѣли, въ которой онъ такъ страстно стремился? Нашелъ ли онъ въ широкомъ, невѣдомомъ мірѣ такихъ

людей, которые настежь открыли передъ нимъ свои сердца и двери, и облегчили ему дорогу къ источнику мудрости?

Вернулся ли онъ или вернется когда-нибудь въ свой родной городъ, чтобы принести туда, вмѣстѣ со своимъ прощеніемъ, тотъ свѣтъ, силою котораго вырастетъ „кедръ Ливанскій“ тамъ, гдѣ стелется „низкій боярышникъ?“ — Я не знаю!

Эта исторія происходила слишкомъ недавно для того, чтобы она могла уже окончиться. Но, читатель, именно потому, что исторія эта и многія исторіи, подобныя ей, еще далеки отъ своего конца, какого бы племени кровь ни текла въ твоихъ жилахъ на какомъ бы мѣстѣ ни воздавалъ ты хвалу Богу,— если когда-нибудь на твоей дорогѣ ты встрѣтишь Меира Эзофовича, чистосердечно и безъ колебанія подай ему братскую руку, будь ему другомъ и помоги ему!

Конецъ.

людей, которые настежь открыли передъ нимъ свои сердца и двери, и облегчили ему дорогу къ источнику мудрости?

Вернулся ли онъ или вернется когда-нибудь въ свой родной городъ, чтобы принести туда, вмѣстѣ со своимъ прощеніемъ, тотъ свѣтъ, силою котораго вырастетъ „кедръ Ливанскій“ тамъ, гдѣ стелется „низкій боярышникъ?“ — Я не знаю!

Эта исторія происходила слишкомъ недавно для того, чтобы она могла уже окончиться. Но, читатель, именно потому, что исторія эта и многія исторіи, подобныя ей, еще далеки отъ своего конца, ка,— кого бы племени кровь ни текла въ твоихъ жилахъ на какомъ бы мѣстѣ ни воздавалъ ты хвалу Богу,— если когда-нибудь на твоей дорогѣ ты встрѣтишь Меира Эзофовича, чистосердечно и безъ колебанія подай ему братскую руку, будь ему другомъ и помоги ему!

Конецъ.

Опечатки.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
14	13 св.	взводимыхъ	взводимыхъ
22	5 „	— Бытохоу!	— Бытохонъ!
26	1 „	Моиръ	Меиръ
74	5 сн.	флегматическаго	флегматичнаго
76	4 св.	тѣсны	тѣсныя
79	4 „	флегматическаго	флегматичный
126	6 „	нѣсколько	нѣсколько
174	1 „	Никого	Никакого
261	17 „	завѣсокъ,	занавѣсокъ,
391	14 сн.	тѣнилась	тѣснилась
398	8 „	Кабалы,	Каббалы,
402	4 „	Чернея	Черная
410	9 сн.	Моша...	Моше...
414	13 „	двухэтажному	двухъэтажному
428	15 „	кабалистическое	каббалистическое
434	14 сн.	Поблизости	По близости
439	7 „	ка,	ка-

Каталогъ изданій

Книгоиздательскаго Товарищества

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. ***С. Н. Южакова.*** 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. 132 руб.

Техническая Энциклопедія. Словарь по всѣмъ отраслямъ техники и примыкающимъ къ ней наукамъ. Около 7,000 стр. крупнаго формата, заключ. ок. 50,000 статей и терми овъ и ок. 12,000 иллюстрацій и конструкт. чертежей. 108 вып. по 1 руб., 9 том. въ изящн. перепл. 126 руб.

Нѣмецко-русскій словарь. (Энциклопедія нѣмецкаго языка.) Подъ главной ред. ***К. Ѳ. Тіандера.*** Около 1,600 стр. больш. фор., набран. мел. убористъ., но въ то же время четкимъ и яснымъ шрифт. въ 3 столбца. Словарь выходитъ выпусками. Всего 20 вып. по 1 рублю.

Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 коп., въ роскошномъ. полукож. перепл. 7 руб. 80 коп.

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. русскихъ и иностр. писателей.

Амфитеатровъ, А. В. Съ портретомъ автора 25 том. по 1 руб. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 50 руб.

Андреевъ, Л. Н. Со вступительной статьей ***М. А. Рейснера.*** 10 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. коленкор. перепл. 17 р. 50 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Многочисленные портреты автора, его автографъ, худож. прилож. — 21 томъ 28 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 38 руб. 50 коп.

Танъ, В. Г. Съ портретомъ автора. 10 том. 10 руб., въ изящн. коленкор. переп. 15 уб.

Мачтетъ, Г. А. Съ портретомъ автора. 8 томовъ 8 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 12 руб.

Айзманъ. Д. Я. Съ портретомъ автора. 5 т. по 1 р. 25 к., въ изящн. коленк перепл. 8 руб. 75 коп.

Муйжель, В. В. Съ портретомъ автора. 6 томовъ 6 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 9 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Лажечниковъ, И. Съ портретомъ автора. 5 том. 5 р., въ изящн. коленкор. перепл. 7 руб. 50 коп.

Ольга Шапиръ. Со вступит. статьей ***Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.*** 10 томовъ 15 руб., въ изящн. коленкоров. перепл. 20 руб.

Аксаковъ, С. Т. Редакція ***А. Г. Горнфельда.*** Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. перепл. 9 руб.

Гоголь, Н. В. Редакція ***В. В. Каллаша.*** 86 художеств. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. коленкор. перепл. 13 руб. 50 к.

Добролюбовъ, Н. А. Редакція ***В. Н. Крашихфельда.*** 8 томовъ 8 руб., въ изящн. перепл. 12 руб.

Кольцовъ, А. В. Редакція ***А. И. Введенскаго.*** 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 50 коп.

Крыловъ, И. А. [1, 10] Редакція ***В. В. Каллаша.*** Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл. 5 руб.

Левитовъ, А. И. Съ портр. автора и вступит. статьей ***А. А. Измайлова.*** 6 томовъ 6 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 9 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. [4, 8, 10] Редакц. ***А. И. Введенскаго.*** 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл. 5 руб.

Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей ***П. В. Быкова.*** 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл. 30 руб

Некрасовъ, Н. М. Съ портретомъ и факсимиле автора 12 томовъ по 1 р. 50 к., въ изящн. перепл. 24 руб.

Никитинъ, И. С. Редакція ***А. Г. Фомина*** и ***Ю. И. Эйгенвальда.*** 4 тома 4 руб., въ изящн. перепл. 6 руб.

Островскій, А. Н. [4, 8, 10] Ред. ***М. И. Писарева.*** Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 томовъ по 1 руб. 60 к., въ изящн. кол. перепл. 25 руб. 20 коп.

Помяловскій, Н. Г. [8, 10] Портр. и біогр. автора, составл. ***Н. А. Благовѣщенскимъ.*** *10-е изданіе.* — 2 тома 3 руб., въ изящн. кол. перепл. 4 руб.

Потѣхинъ, А. А. [4, 8, 10] Ред. ***автора.*** Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. перепл. 18 руб.

Пушкинъ, А. С. [4, 8, 10] Редакція ***П. О. Морозова.*** 80 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл. 11 руб. 50 к.

Соловьевъ, Н. Я. Съ портр. автора. 2 тома по 1 р. 25 к., въ изящн. коленкор. перепл. 3 руб. 50 коп.

Чарльзъ Диккенсъ. Переводъ съ англ., со вступ. статьей ***Д. Н. Сильчевскаго.*** 33 тома по 75 коп., въ изящн. перепл. 41 руб. 25 коп.

Элиза Ожешко. Перев. съ польск., подъ редакц. ***С. С. Зелинскаго.*** 12 том. по 75 коп., въ изящн. перепл. 15 руб.

Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. ***М. В. Лучицкой.*** 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл. 25 руб.

Гюи де-Мопассанъ. Переводъ съ франц., со вступ. стат. ***З. А. Венгеровой.*** 15 томовъ по 75 коп., въ изящн. колен. перепл. 22 руб. 50 коп.

Эдгаръ По. Перев. съ англ., съ критико-біограф. очерк. ***М. А. Энгельгардта.*** 3 тома 3 руб., въ изящн. перепл. 4 р. 50 к.

Подробные иллюстрированн. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Эмиль Зола. Перев. съ франц., подъ ред. и со вступит. статьями *Е. В. Аничкова* и *Ѳ. Д. Батюшкова.* 30 томъ по 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 60 руб.

Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* 1 томъ 6 руб., въ изящн. перепл. 7 руб. 25 коп.

Современная библіотека.

Княжна. Романъ *А. В. Амфитеатрова.* Цѣна 1 р. 50 к.

Жаръ-цвѣтъ. Романъ *А. В. Амфитеатрова.* Ц. 1 р. 50 к.

Отравленная совѣсть. Романъ *А. В. Амфитеатрова.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бабы и Дамы. (Междусословныя пары) *А. В. Амфитеатрова.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Разсказы, очерки, статьи. *Леонида Андреева.* Со вступ. статьей проф. *М. А. Рейснера.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Цари Биржи. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Сторожевые огни. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Впередъ. Романъ въ 2 томахъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Цѣна за оба тома 3 руб.

Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Ц. 1 р. 50 к.

Стихотворенія П. Я. (Якубовича - Мельшина). Томъ I (6-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 руб. Томъ II (4-е изд.). Ц. 1 р. 25 к.; въ перепл. 1 руб. 75 коп.

Стихотворенія. 4-е допол. изд. *В. Г. Тана.* Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе стиховъ. *Д. С. Мережковскаго.* Цѣна 1 руб.

Лермонтовъ — Гоголь. *Д. С. Мережковскаго.* Ц. 1 руб.

Комедія брака. *Семена Юшкевича.* Цѣна 60 коп.

Леонъ Дрей.—Хаимка и Іоська.—Ѣдутъ.—Семья. *Семена Юшкевича.* Цѣна 1 руб. 25 коп.

Безъ иллюзій. Сборн. разсказовъ *О. Н. Ольнемъ.* Ц. 1 р.

Стихотворенія и проза. *Ив. Рукавишникова.* Книга 1-я съ иллюстр. Карелина 2-е изд. ц. 2 руб.; книга 2-я съ иллюстр. Карелина ц. 1 р. 80 к.; книга 3-я ц. 1 р. 80 к.

Анфиса. Пьеса *Леонида Андреева.* Цѣна 75 коп.

Черныя маски. Пьеса *Леонида Андреева.* Цѣна 50 коп.

Анатэма. Пьеса *Леонида Андреева.* Цѣна 1 руб.

Дѣвушки. Сборн. разсказ. *Б. А. Лазаревскаго.* Цѣна 1 руб.

Жертвы Дракона. Романъ *В. Г. Тана.* Цѣна 80 коп.

Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Сборникъ стиховъ *К. Д. Бальмонта.* Цѣна 1 руб. 25 коп.

Колымскіе разсказы. Сборн. разск. *В. Г. Тана.* Ц. 1 р.

На тундрѣ. Сборн. разск. *В. Г. Тана.* Цѣна 1 руб.

Братья Карамазовы. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 3 тома. Цѣна 3 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, **безплатно.**

Преступленіе и наказаніе. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 2 тома. Цѣна 2 руб.

Библіотека романовъ.

Король биржи. Романъ *Э. Штильгебауэра.* Ц. 1 р. 25 к.

Райскій уголокъ. Романъ *Э. Штильгебауэра.* Ц. 1 р. 25 к.

Каспаръ Гаузеръ. Романъ *Я. Вассермана.* Ц. 1 р. 75 к.

Деньги. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Завоеваніе Плассана. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Его превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Цѣна 1 руб. 50 коп.

„Для юннаго читателя."

Разсказы и сказки. *Н. Д. Телешова.* Цѣна 2 р. 50 к.

Восемь племенъ. *В. Г. Тана.* Цѣна 2 руб. 25 коп.

Сказки и были. *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.* Ц. 2 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы. *С. С. Ющенко-Караскевича.* Ц. 3 р.

Кому лучше? *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.* Цѣна 2 р. 25 к.

Странички прошлаго. *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.* Цѣна 2 руб. 25 коп.

Исторія маленькой дѣвочки. *Е. А. Сысоевой.*

Книга о великой любви. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Мужицкая обитель. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Опрокинутыя вершины. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Боевая Голгоѳа. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Царскій духовникъ. *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.*

Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста, подъ редакц. *А. В. Круглова.* Ц. 2 руб., въ перепл. 2 р. 75 к.

„Одиссея" Гомера. Въ переводѣ *В. А. Жуковскаго* съ 24 иллюстраціями. Цѣна 2 руб.

Соч. по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

Мужчина и женщина. Авторизован. пер. съ нѣм. съ съ дополн. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля, Д. А. Клеменца*** и ***А. Н. Шабановой.*** 48 вып. по 50 к. или 3 т. въ роскош. перепл. по 10 руб. за томъ.

Исторія новаго времени *(1500—1910 гг.)* подъ главной ред. проф. ***І. Пфлугъ-Гарттунга.*** Пер. съ нѣмец. подъ ред. *Е. В. Тарле* и съ доп. касающ. Россіи, проф. *А. Е. Прѣснякова.* 3 тома по 15 вып. въ каждомъ. Цѣна вып. 60 коп.

Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* 4. 7 Общ. ред. ***Г. Гельмольта.*** Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 том. 54 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра *Г. Шурца.* Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* 1. 2. 9 Соч. профф. *Фр. Фогта* и *М. Коха.* Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 15 вып. по 50 коп., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Какъ англичане критикуютъ свои государственн. расходы. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* Ц. 1 р. 25 к., въ роск. полук. перепл. 1 руб. 75 коп.

Въ поискахъ лучшаго будущ. Соч. акад. *Ив. Ив. Янжула.* 2-ое изд. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 3 руб. 75 коп.

Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. *А. Л. Погодина.* Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 3 руб. 75 коп.

Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* 8. Соч. проф. *К. Вермана.* Пер. подъ ред. *А. И. Сомова* и *Д. В. Айналова.* 60 в. по 40 к. или 3 т. въ перепл. 27 руб.

Сокровища искусства. 100 геліогравюръ разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ худож. перепл. 82 руб.

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

Вселенная и человѣчество. 4. Сочин. проф. *Г. Крэмера.* Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 вып. по 40 к. или 5 т. въ перепл. 55 руб.

Міровоззаніе, общедост. астрономія. 3. 4. 5. 10 Соч. д-ра *В. Мейера.* Пер. съ доп. и указ. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 15 вып. 7 р. 50 к., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Исторія земли. 1. 2. 4. 6 Сочиненіе проф. *М. Неймайра.* Пер. съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 30 вып. 12 руб. 80 к., въ 2 перепл. 15 руб.

Жизнь природы. Соч. д-ра *Вильгельма Мейера.* Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 20 худож. прил. — 15 вып. по 50 к., въ роскош. перепл. 8 руб. 60 коп.

Земля и жизнь. Соч. проф. *Ф. Ратцеля.* Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худ. прил. — 30 вып. по 50 к. или 2 т. въ перепл. 17 руб.

Жизнь растеній. 1. 4. 6 Соч. проф. *А. Кернера фонъ-Марилауна.* Пер. съ дополн., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 30 вып. 12 р. 80 к. или 2 т. въ перепл. 15 руб.

Происхожденіе животнаго міра. 4. 5. 6. Соч. проф. *В. Гааке.* Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 15 в. 6 руб., въ перепл. 7 руб.

Жизнь животныхъ Брэма. 4. 5. 6. 10 Перев. подъ ред. проф. *А. С. Догеля* и *П. Ф. Лесгафта.* 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 перепл. 24 руб.

Человѣкъ. 1. 4 Соч. проф. *І. Ранке.* Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 30 в. 12 р. или 2 т. въ перепл. 14 р. 20 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Народовѣдѣніе. [8. 9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ доп. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к. или 2 т. въ перепл. 15 руб.

Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к., въ изящн. перепл. 23 руб. 50 коп.

Африка. [8. 10] Соч. проф. ***В. Сиверса и Ф. Гана.*** Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Деверта.*** Перев. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ перепл. 8 руб.

Южная и Средняя Америка. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. проф *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп. Въ роскошн. полукож. перепл. 8 руб.

Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Съ дополн. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к. въ перепл. 8 р. 50 к.

Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8. 10] Соч. проф. ***К. Э. Бэра.*** Пер. съ нѣм. Рис. и худ. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. перепл. 6 руб.

Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл. 25 руб.

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл. 1 руб. 75 коп.

2) по зоол. птицъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 75 коп.

3) по зоолог. рыбъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Перев. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 203 рис. Въ перепл. 1 руб. 75 коп.

4) по зоол. низшихъ животныхъ [4. 8. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 282 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб, 75 коп.

5) по географіи растеній. [8. 10] Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 75 коп.

6) по географіи Европы. [5. 6. 7. 10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 283 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 р. 50 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. **Кл. Оланьона,** съ предисл. *Фр. Пасси.* 15 иллюстрир. приложеній. Цѣна 2 рубля, въ изящномъ коленкор. перепл. — 2 руб. 50 коп.

Жизнь бабочекъ.[1] Соч. проф. **Штандфусса.** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. въ изящн. коленкор. перепл. — 3 р. 25 к.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. **Т. А. Богдановичъ.** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ изящн. коленкор. перепл. — 1 руб. 75 коп.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. *Стэда.* Пер. съ англ., подъ ред. съ прел. и дополн. *Д. И. Шрейдера.* Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья по способу составленія патрона-слѣпка. Соч. *Бержъ.* Перев. съ франц. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ.* 139 рис. Роскош. изданіе. Цѣна 2 руб.

„Законный" бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей *Архимандрита Михаила.* Цѣна 60 коп.

---

[1] *Изданіе* **рекомендовано** *Уч. Ком-томъ М-ства Народнаго Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библіотекъ средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* **рекомендовано** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Имп. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* **рекомендовано** *Уч. Ком-томъ М-ства Зем. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* **рекомендовано** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* **одобрено** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* **одобрено** *Уч. Ком-томъ М-ства Зем. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* **одобрено** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Император. Величества К-ріи и учр. Имп. Маріи для учен. библ., средн. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* **допущено** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* **допущено** *Уч. Ком-томъ М-ства Зем. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* **допущено** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

7) по географіи внѣевр. странъ. [5.6.7.10] Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева*, съ пред. проф. *Д. А. Коротчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл 1 руб. 75 коп.

Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. [8.10] *Отд. вооп.* 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ 1 руб. 75 коп.

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

Исторія и современная техника строительнаго искусства. [8.10] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Силы природы и ихъ примѣненія. [6.8.10] Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 1000 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. *В. Я. Добровлянскаго* и *А. В. Ключарева* и друг. 629 рисун. и 9 приложен. — 10 вып. по 50 коп., въ полукож. перепл. 6 руб.

Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 р.

Технологія металловъ. [8.9.10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. И. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. [8.10] Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Гинешина.* 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *Н. П. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 285 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Маньчжурія. Соч. *А. Домбровскаго* и *В. Ворошилова.* Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

„Библіотека Просвѣщенія".

№ 1. *Карлъ Марксъ.* Нищета философіи. Ц. 39 коп.
№ 2. *В. Зомбартъ.* Рабочій вопросъ. Ц. 27 коп.
№ 3. *Н. Сущовъ.* Государств. страхованіе рабочихъ въ Германіи. Цѣна 49 коп.
№ 4. *Большіе города,* ихъ общ., полит. и экон. знач. Сбор. статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др. Ц. 44 к.
№ 5. *А. Менгеръ.* Право на полный продуктъ труда. Ц. 30 к.
№ 6. *Ф. Меринъ.* Объ историческомъ матеріализмѣ. Ц. 15 к.
№ 7. *П. Гере.* Какъ священникъ сталъ соц-демократ. Ц. 6 к.
№ 8. *Т. Курти.* Всенародное голосованіе въ Швейцаріи. Ц. 7 к.
№ 9. *Г. Грейлихъ.* Буржуазная революція и освободительн. борьба рабоч. класса Цѣна 8 коп.
№ 10. *Э. Зелигманъ.* Экономическое пониманіе исторіи. Ц. 17 к.
№ 11. *А. Менгеръ.* Гражданск. право и неимущіе классы. Ц. 45 к.
№ 12. *А. Бебель.* Шарль Фурье, его жизнь и ученье. Ц. 42 к.
№ 13—14. *Ш. Боржо.* Учрежденіе и пересм. конст. въ Европѣ и Амер.; в. I–II по 35 коп.
№ 15. *П. Струвескій.* Самоорганизац. рабочаго класса. Ц. 50 к.
№ 16, 32, 47—52. *Францъ Мерингъ.* Исторія германской соц.-демократіи, 8 вып. Цѣна 4 руб 40 коп.
№ 17. *Э. Вилей.* Какъ производятся въ Зап. Европѣ выборы въ парламентъ. Цѣна 15 коп.
№ 18. *Карлъ Марксъ.* Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг. Цѣна 25 коп.
№ 19. *В. Вейтлингъ.* Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть. Цѣна 12 коп.
№ 20. *Л. Мосичъ.* Великое Учредительное Собран. 1789 г. Ц. 45 к.
№ 21. *А. Шеффле.* Квинтъ-эссенція соціал. Цѣна 18 к. п.
№ 22—23. *Лиссагаре.* Ист. Коммуны: вып. I—II Цѣна 1 р. 25 к.
№ 24. *Г. Роландъ-Гольстъ.* Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Цѣна 45 коп.
№ 25—26. *В. Либкнехтъ.* Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Герм., в. I—II по 40 коп.
№ 27. *В. Зомбартъ.* Политическая экономія промышлен. Ц. 50 к.
№ 28. *А. Менгеръ.* Новое уч. о нравственности. Цѣна 20 к.
№ 29. *Шарль Жидъ.* Соц.-эконом. итоги XIX столѣтія. Ц. 55 к.
№ 30. *Г. Грейлихъ.* О матеріалистич. пониманіи исторіи. Ц. 7 к.
№ 31. *В. Либкнехтъ.* Обоснованіе Эрфуртской програм. Ц. 10 к.
№ 33. *Записки рабочаго.* Съ предисл. *П. Гере.* Цѣна 55 коп.
№ 34. *Г. Мольтке.* Постоянная армія и милиція. Цѣна 55 коп.
№ 35. *К. Фроме.* Монархія или республика. Цѣна 1 руб.
№ 36. *В. Зомбартъ.* Пролетар. въ Америкѣ. Цѣна 30 коп.
№ 37. *Эм. Каллеръ.* Вильгельмъ Вейтлингъ. Цѣна 35 коп.
№ 38. *Д-ръ Г. Люисъ.* Этьенъ Кабе и Икарійскій коммун. Ц. 65 к.
№ 39. *П. Г. Помяловскій.* Очерки бурсы. Цѣна 75 коп.
№ 40. *П. Г. Помяловскій.* Вуколъ. Цѣна 10 коп.
№ 41. *П. Г. Помяловскій.* Мѣщанск. счастье. Цѣна 50 коп.
№ 42. *П. Г. Помяловскій.* Молотовъ. Цѣна 75 коп.
№ 43. *К. Марксъ.* Восемнадцат. Брюмера Луи Наполеона. Ц. 30 к.
№ 44. *Фр. Энгельсъ.* Анти-Дюрингъ. Цѣна 1 руб.
№ 45. *Роза Люксембургъ.* Соц. реформа или революція? Ц. 30 к.
№ 46. *Г. Генкъ.* Интернаціоналъ. Цѣна 80 коп.
№ 53. *Эд. Долеванъ.* Робертъ Оуэнъ. Цѣна 50 коп.
№ 54. *Ахиллъ Лоріа.* Соціализмъ и соціал. дарвинизмъ. Ц. 15 к.
№ 55. *Э. Вилей.* Избират. законодат. въ Европѣ. Ц. 75 коп.
№ 56. *П. Фальбекъ.* Соврем. парламентар. Цѣна 40 коп.
№ 57. *Фр. Меринъ.* Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго. Цѣна 60 коп.

Подробные иллюстрированн. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

№ 58. *І. Губеръ.* Философія соц.-демократіи. Цѣна 20 коп.
№ 59. *Павелъ Гере.* Три мѣсяца на фабрикѣ. Цѣна 1 руб.
№ 60. *Гартманъ.* Народныя движенія въ Германіи въ 1848 г. Цѣна 1 руб 25 коп.
№ 61. *Каутскій.* Анти-Бернштейнъ. Цѣна 1 руб.
№ 62—63. *Г. Кохъ.* Очерки по исторіи политич. идей и сист. госуд. управл., 2 вып. по 1 руб.
№ 64. *И. И. Ижуловъ.* Пьянство, какъ соціальный недугъ, и борьба противъ него. Цѣна 30 коп.
№ 65. *А. Н Островскій.* Свои люди — сочтемся. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 75 коп.
№ 66. *А. Н. Островскій.* Не въ свои сани не садись. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.
№ 67. *А. Н. Островскій.* Бѣдность не порокъ. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.
№ 68 *А. Н. Островскій.* Доходное мѣсто. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 75 коп.
№ 69. *А. Н. Островскій.* Гроза. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 70 к.
№ 70. *А. Н. Островскій.* На бойкомъ мѣстѣ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 60 коп.
№ 71 *А. Н. Островскій.* Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 70 коп.
№ 72. *А. Н. Островскій.* Не такъ живи, какъ хочется. Нар. драма въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 50 коп.
№ 73. *А. Н. Островскій.* Лѣсъ. Комедія въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.
№ 74 *А. Н. Островскій.* Волки и овцы. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.
№ 75. *А. Н. Островскій.* Безприданница. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 90 коп.
№ 76. *А. Н. Островскій.* Безъ вины виноватые. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 90 коп.
№ 77. *А. С. Пушкинъ.* Евгеній Онѣгинъ. Цѣна 25 коп.
№ 78. *А. С. Пушкинъ.* Руслань и Людмила. Цѣна 12 коп.
№ 79. *А. С. Пушкинъ.* Братья-разбойники. Цѣна 2 коп.
№ 80. *А. С. Пушкинъ.* Бахчисарайскій фонтанъ. Ц. 4 коп.
№ 81. *А. С. Пушкинъ.* Кавказскій плѣнникъ. Цѣна 5 коп.
№ 82. *А. С. Пушкинъ.* Цыганы. Цѣна 4 коп.
№ 83. *А. С. Пушкинъ.* Графъ Нулинъ. Цѣна 3 коп.
№ 84. *А. С. Пушкинъ.* Домикъ въ Коломнѣ. Цѣна 3 коп.
№ 85. *А. С. Пушкинъ.* Мѣдный всадникъ. Цѣна 5 коп.
№ 86. *А. С. Пушкинъ.* Анджело. Цѣна 4 коп.
№ 87. *А. С. Пушкинъ.* Галубъ. Цѣна 3 коп.
№ 88. *А. С. Пушкинъ.* Пиръ во время чумы. Цѣна 2 коп.
№ 89. *А. С. Пушкинъ.* Моцартъ и Сальери. Цѣна 3 коп.
№ 90. *А. С. Пушкинъ.* Русалка. Цѣна 4 коп.
№ 91. *А. С. Пушкинъ.* Скупой рыцарь. Цѣна 4 коп.
№ 92. *А. С. Пушкинъ.* Борисъ Годуновъ. Цѣна 15 коп.
№ 93. *А. С. Пушкинъ.* Полтава. Цѣна 8 коп.
№ 94. *А. С. Пушкинъ.* Каменный гость. Цѣна 5 коп.
№ 95. *А. С. Пушкинъ.* Капитанская дочка. Цѣна 20 коп.
№ 96. *А. С. Пушкинъ.* Дубровскій. Цѣна 12 коп.
№ 97. *А. С. Пушкинъ.* Пиковая дама. Цѣна 5 коп.
№ 98. *А. С. Пушкинъ.* Арабъ Петра Великаго. Цѣна 6 коп.
№ 99. *А. С. Пушкинъ.* Исторія Пугачевскаго бунта. Ц. 18 к.
№ 100. *Ѳ. М. Достоевскій.* Мужикъ Марей.—Столѣтняя. Ц. 10 к.
№ 101. *Ѳ. М. Достоевскій.* Въ барскомъ пансіонѣ. Ц. 5 коп.
№ 102. *Ѳ. М. Достоевскій.* Разсказъ о кунѣ. Цѣна 5 коп.
№ 103. *Ѳ. М. Достоевскій.* Честный воръ. Цѣна 10 коп.

Въ переплетѣ каждая книга на 12 коп. дороже.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

2 D 3 d

25=